

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ

О Задачах и ожиданиях, связанных с антропологическим истолкованием «человеческого развития», «потенциала», «ресурса» / Олег Генисаретский	5
Системомыследеятельностная методология и психология / Петр Щедровицкий.....	18
Идеи развития и антропологические практики / Борис Эльконин	39
Люди-вещи / Георгий Щедровицкий.....	57

СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОПОЛИТИКИ

Восстановить в правах Идеальное / Ефим Островский	77
Постиндустриальный передел России / Александр Неклесса	88
Политические стратегии: русское дежа-вю / Михаил Кутузов	106
Дефицит настоящего / Андрей Дерябин.....	110
Люди из Кемерово: case study / Яна Глембоцкая.....	115
Невозможность Возможного / Инна Алексеева	121

ОБРАЗОВАНИЕ КАК АНТРОПОПОЛИТИКА

Образование, придающее силы: история, тенденции, попытки реализации / Геннадий Копылов	127
Типология образовательных систем и история развивающего обучения / Вячеслав Лозинг.....	141
Русскоязычная диаспора: взгляд на проблемы образования как ресурс существования и развития / Татьяна Ковалева	155
К проблеме этического измерения антропополитики / Александр Попов, Ирина Проскуровская	159
Педагогика самоопределения в статусе механизма «заботы о человеке» / Марина Балашкина	164

ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ АНТРОПОПОЛИТИКИ

Институциональная антропополитика versus прецедентная антропополитика: об антропополитике и свободе / Михаил Немцев	175
Набросок научно-исследовательской программы в области «прагматики культуры» / Вячеслав Марача	187
Карта, компас и маршрут (к проблеме современных социологических исследований) / Ирина Шиянова	202

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ АНТРОПОПОЛИТИКИ (материалы Форума Поколений, Красноярск, 2003)

Открытие Форума Поколений / Алексей Чайка, Юрий Олейников, Иосиф Бакшеев	207
Антропополитика в контексте культурных и страновых изменений / Александр Попов	209
Между выживанием и развитием: возрастные состояния, мотивации и аффекты в структуре поколенческих практик / Олег Генисаретский	216
Конфликт поколений: контуры современной ситуации / Борис Хасан	226
Новый формат молодежной политики / Геннадий Блинов	233
Миссия города в современной ситуации: концептуальные основы позиционирования / Лидия Иванова, Геннадий Блинов	238
Новое поколение и телевидение: результаты социологического исследования / Ольга Никитина, Андрей Бутенко, Светлана Лыкова, Елена Таскина	241

О ЗАДАЧАХ И ОЖИДАНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С АНТРОПНЫМ ИСТОЛКОВАНИЕМ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ», «ПОТЕНЦИАЛА», «РЕСУРСА»...**

Я надеюсь, Вы позволите мне выступать здесь не только на правах эксперта, но и — этикетно — как представителю своего поколения.

Перечисленные в заглавии заковыченные слова — не мои. Это термины, употребляемые во множестве управленческих контекстов (международных и российских). И первое, что хотелось бы понять, откуда «растут» ожидания о наличии *антропологического смысла* этих слов, о якобы стоящих за ними *антропопрактических задачах*? Понять, зная, что вопросы, которые нами здесь задаются, — звенья довольно длительной работы мысли, истории проблематизаций, осмыслений и замыслений (о тех предметах, что этими словами обозначаются). И все, о чем будем говорить на «Форуме...» — это серьезная проблема, решение которой придет нескоро (для этого нужно потрудится). Поэтому всем нам стоит запастись терпением. А чтобы каждый раз не перечислять все названные выше слова, я буду говорить преимущественно о человеческом потенциале.

Итак, откуда появилась потребность в антропологическом — человекознатческом и очеловечивающем — истолковании термина «человеческий потенциал»? Возник ведь он совсем не в гуманитарно-антропологических целях. Его обычно употребляют в геоэкономических, геополитических или геокультурных контекстах, при выборе региональных, страновых или глобальных стратегий, где место «человеческого» совсем не очевидно.

И все бы ничего, если бы не слово «человеческий», сиротствующее среди столь *больших* и *сильных* сущностей, громких и, большей частью, популистских. У нас к ним не вполне определенное отношение: где-то *там*, а не здесь, не среди нас, есть *те*, кто занимается стратегическим планированием и управлением. Мы к их числу не принадлежим, да и надо ли всем непременно в это число стремиться? А тогда что значит «человеческий» в словосочетании «человеческий потенциал» для нас с Вами, жителей страны, где под припевки «все во имя человека, все на благо человека» десятки миллионов людей сгноили в ГУЛАГе; для нас, жителей Земли, закопавших на порядок большее число «братьев по разуму» в войнах ушедшего века?

Для себя я нашел пока один внятный довод, позволяющий антропную интерпретацию «человеческого потенциала» *хотеть* и *искать*. Он связан с согласием, странным образом сложившимся у нас в стране вокруг концепта «человеческий потенциал». То, о чем лет десять назад газета «Завтра» и другие *приоритетные* издания говорили неприемлемыми ни для управленческой элиты, ни для политической власти словами: «оккупантское правительство», «грабительский режим», «геноцид», «гибнущая наука» — в терминах

* Олег Генисаретский — председатель правления Института гуманитарного партнерства «Путь», президент Российской ассоциации визуальной антропологии, сопредседатель религиозно-культурного диалога «Лицом к лицу», доктор искусствоведения (Москва).

** Доклад прочитан на II Всероссийском Антропологическом Форуме Поколений «Антропологические стратегии современной России» (г. Томск, декабрь 2002 года).

человеческого потенциала стало вполне публично выразимым! Да, «депопуляция», «демографический переход», «миграционные волны», «антропо-токи» — научные термины, проектные задачи, стратегические проблемы и планы... есть же политическая воля к их решению у власти и проектная готовность к развитию у проектно-аналитических сообществ! Оказалось, что на этом стерилизованном, если не сказать кастрированном, языке можно разным политическим силам говорить друг с другом о реальных проблемах, не упоминая о геноциде, не угрожая импичментом или покушением на конституционный строй! Пока в свободной стране живем и еще можем говорить на любую тему, лучше бы ставить эти проблемы друг перед другом, перед разными сообществами, социальными и публично-правовыми корпорациями.

Таким образом, концепт человеческого потенциала, процедуры его оценки и измерения, практики управления им стали *публично приемлемыми*, по крайней мере, не отторгаемыми *в условиях тотальной декоммуникации*. И это не мало! Действительно, здесь (1) налицо зачатки организационно-управленческой практики и (2) попытки выразить в понятиях и показателях условия человеческого существования. И потому отчасти оправданы следующие ожидания: разработка этих практик будет способствовать тому, что жизнь станет человечески более достойной.

Но есть ли в этих понятиях хоть какое-то антропное содержание, или пока еще нет? Есть индекс человеческого развития, по которому в ООН сравнивают страны, а в РФ — регионы. Это задача и ситуация практико-методическая. Но вспомните хоть один случай, когда эти показатели использовались в дискуссиях на форумах регионального развития, не говоря уже о практике принятия стратегических решений!

Ну а все-таки, есть ли у понятий и задач, перечисленных в заглавии собственное антропологическое или антропотехническое содержание и, если есть, то, в чем оно заключается? А если пока нет, то может ли оно быть в эти понятия внесено?

Стоит ли вообще стремиться толковать эти понятия и задачи антропологически? Или оставить работу с ними социальным технологам, которые без всякой антропологии умеют считать, проверять и перепроверять все на свете?

Однозначного ответа на эти вопросы нет и быть не может, потому что постановка таких вопросов требует творческих интеллектуальных усилий и организационно-методологического выбора. Намереваясь сделать такой выбор, я далее спрашиваю: «В чем может состоять смысл, цель и ценность искомой антропной интерпретации человеческого потенциала; что за тип предметно-деятельностных задач из нее вытекал бы для нас?». И, в частности, что мы должны проделать, ставя этот вопрос в методологической плоскости? Дать антропологическую *интерпретацию* перечисленных *терминов*, то есть изложить доступное нам понимание их смысла и, быть может, в каких-то целях перетолковать их? Или же надо еще до интерпретации проделать более специальную работу и, (1) прибегнув к процедуре проблематизации, поставить ряд проблем; затем (2) проделать работу концептуализации, построить ряд понятий, и только потом, если понадобится, (3) зачем-то искать антропологический их смысл?

Ясно, что перед нами методологическая развилка и что нужно сделать какую-то методологическую ставку, прежде чем мы приступим к обсуждению культурно-экологических практик (вроде музейной коммуникации), или здравостроительства, или образования. Потому я спрашиваю: «Что значит

включать их в наше рассмотрение? Какую работу понимания и мышления нужно проделать с этим материалом, чтобы он действительно вошел в поле нашей содеятельности?». Так вот, меня интересует вопрос: «Откуда у нас (у Вас, у них...) берутся сверхожидания, связанные с антропологией?». Периодически происходит странная вещь: как-то так выходит, что в некоторый момент времени какой-то род знаний (в данном случае антропологических), получает *предельное значение* и начинает играть роль универсальной методологической отмычки.

Для «кухаркиных философов» 30—40-х годов: хлеб, сало и чугуны составляли материю «группы А», а остальное считалось чуть ли не духовным. К 1967-му году выяснилось, что до построения материальной базы коммунизма осталось каких-то 20 лет, и в опережающем порядке закрыли до половины открывшихся во время войны храмов и снесли столько же памятников архитектуры (ведь нужды в пережитках скоро не будет). С «базой» к 1980-м годам дело не выгорело, но с помощью дозволенной к тому времени (и прирученной) социологии были обнаружены сначала «социальная сфера», а потом «социальная инфраструктура» и держащийся на ней «образ жизни». И после очередного съезда КПСС, объявлявшего тему партийной четырехлетки, целая армия обществоведов и гуманитариев бросилась изучать эти новые, как казалось, проблемы. Это и было плановое, административно-идеологически организованное развитие тех самых «общественных отношений», которые составляют, согласно марксистской догме, «сущность человека».

Не стала ли ненароком антропология — или, как предпочитают некоторые философы говорить, «антропология как онтология», «метаантропология», — такой же сущностной темой, от которой зависит чуть ли не судьба нашего бытия (как примерно это было в подсоветские времена)? Нет такого ощущения у вас? Меня сходство этих ситуаций озадачивает.

Известный католический богослов Х. У. Фон Бальтазар нашел для выражения критического отношения к самодовлеющей онтологизации человека удачную формулу — *антропологическая редукция*¹, соотнеся ее с натурализующей *космологической редукцией*. Как космологическая редукция — это сведение полноты бытия к космосу, как антропологическая — к человеку. А результат совместного их осуществления фиксируется принципом единства макро- и микрокосма, мира и человека, онтологическая функция которого — «расколдовывание» мира, устранение из него последних следов божественного присутствия². После этого можно будет, не обинюясь проспать, ожидая смерть в своей палате: «Бог умер»³.

Даже гуманитарное знание, гуманитарная деятельность к человеческому не сводится. Ницше принадлежит знаменитое речение: «Человеческое — слишком человеческое». Оно указывает на хаос страстей, мареву бессознательности, самодовольное невежество..., на все, не имеющее внутри себя строя и выбора. Поэтому, когда мы говорим об антропологическом смысле «чего-то», у нас нет необходимости вкладывать в это «что-то» ценностное сверхзначение, и мы должны понимать всю ограниченность такой редукции (как аргументов *ad hominem*). Сведение к человеческому — суть упрощения, а часто, материалистическая уловка⁴.

На концепте *antropos* сошлись представители разных исповеданий, гностики и агностики. Человек зазвучал гордо, значительно и одновременно... омерзительно. Не придумано еще такой пакости, которую бы «двуногое бескрылое» не совершило уже хотя бы однажды⁵. Антропологическое истол-

кование вовсе не должно настраивать на положительно-приемлющий, парадизный лад. Мы вовсе не в раю находим себя, когда в лицо человеку смотрим. Потому без благоглупостей, без фанатизма благобытия будем воспринимать ожидающие нас человеческие предметности; без сведения личностно-родовой полноты здоровостроительных, образовательных или музейных практик, коими нам предстоит заниматься, к целлофановым антропным концептам.

Далее, под видом антропологии часто происходит упразднение персонологии: антропологическая редукция приводит к устранению личностного начала в человеке — так устроен концепт человека.

Мы помним, что в никейском символе веры нашей, православной, Церкви радикальнейшим является различение *лица* (ипостаси) и *природы* (усии): у Троицы три Лица, но общая нетварная Божественная Природа.

Антропологическая же редукция — это сведение всего в нас к нашей человеческой природе (как бы ее не понимали: как исторически развивающуюся и зависящую от состояния среды, или независящую от них, надмирно неизменяющую). Далеко не всегда в антропологии вы найдете персонологический раздел, посвященный сугубо личности. Или же под этой рубрикой, как в американской гуманитарной психологии, личность будет сведена к системному качеству целостности, в лучшем случае — к *цельности*⁶.

Мы хотели бы сохранить возможность и свободу личностного самоопределения как такового? Приумножить возможность и свободу личностного роста? Или, по каким-то причинам (практического или методологического свойства), считаем эти цели малосущественными или преждевременными? В этом стоило бы разобраться.

Поскольку здесь присутствует много будущих педагогов, позволю себе в который раз процитировать статью Юнга «О становлении личности». В ней Юнг настаивает на том, что «высокий идеал воспитания личности не стоило бы применять к детям», ибо самоопределенная, «способная к сопротивлению и наделенная силой душевная целостность есть идеал взрослого, который предпочитают приписывать детству лишь в эпоху, когда человек еще не осознает проблему своей, так называемой, взрослости или когда — того хуже — сознательно от нее уваливает». И далее: «Личность — это не зародыш в ребенке, который развивается постепенно... Личность развивается в течение всей жизни человека из темных или даже вовсе необъяснимых задатков, и только наши дела покажут, кто мы есть. ...Личность — результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного принятия индивидуально сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора. Воспитать человека таким — это величайшая задача, которую взялась решать современная культура... Она столь же опасна, как смелый и отважный почин природы, повелевающий женщинам рожать детей. ...Никто не в состоянии воспитать личность, если он сам не является личностью... Личность как полная реализация целостности нашего существа — недостижимый идеал»⁷.

И это сущая правда, ибо человек в качестве лица, личности, не есть нечто самородно сущее, а был *учрежден*. Человек — это институт и традиция, это способ быть в тварном и постоянно претворяемом мире. Способ бытия поддерживается институционально-традиционными структурами, которые в свое время были учреждены также, как учреждаются государства, города и другие социально-антропологические сущности, поддерживается и сохраняется, согласно определениям воли и ума, практического и теоретического разума, то есть *правовым путем*.

Человек был задан, он есть задание, а не данность. И в большей степени это относится к личностному началу. Эту развилку далее, при рассмотрении любых антропопрактик, стоит иметь в виду.

Исходя из излагавшейся мною не раз культурно-антропологической перспективы современности⁸, я насчитал пять линий истолкования человеческого потенциала и человеческого развития, которые я постараюсь вам изложить. Предлагаю Вам две возможности слушания: в первом случае термины, которые я буду употреблять, можно понимать как *категории* и тогда мыслить формально-методологически; во втором эти же термины можно понимать как *экзистенциалы*, относя их не к строю мысли, а к опыту своего «здесь-теперь-и-так-бытия», опыту самоопределения и саморазвития. Если делать сразу и одно, и другое, вы сможете оценить степень моей бытийной опытности (а мне было бы крайне полезно, чтобы эта экзекуция надо мной была проведена).

Первая линия антропологического истолкования человеческого потенциала связана с категориями (экзистенциалами) *событийности*, *цельности* и *сообщительности*.

Давайте сначала обратим особое внимание на состоявшуюся в гуманитарной мысли встречу системно-онтологически трактуемой *целостности*, например, человека или личности, или любой другой сущности, с *событийностью*⁹. Под событийностью здесь следует понимать не какую-то частную форму сознания времени, а всю полноту его. Событийность — это временность как таковая, временность в ее самом чистом виде.

Иногда я, подбадривая пессимистов, спрашиваю: «Что это вы такие скучные, господа? Ведь смотрите, что происходит?». А они мне задают встречный вопрос: «Что происходит?». Отвечаю: «Происходит событие России!», — предлагая тем самым помыслить Россию именно как событие.

Событие — это форма мысли, форма представляния всего, что мы мыслим; схема воображения и переживания воображаемого, заведомо овременного, наделенного энергией и динамикой. Событие надо понимать как нечто безразмерное: оно может быть кратким, как удар сердца или мигание глаза, а может быть длительным, как поворот нашей вселенной вокруг какой-то неизвестной нам оси, — событийная природа события от этого не зависит.

Сейчас мы все участвуем в событии нашей встречи. В данный момент я, например, не смог бы ответить на вопрос: «Кратковременное это событие или длительное, значительное или нет?» — время покажет! А, говоря так, я, по сути, говорю: время покажет нам во времени же протекающее значение своей временности! То есть оно в своей событийности рефлексивно, и, быть может, потому именно с внутренним временем — от Августина до Канта — связывали человеческую способность к самосознанию!

В составе современной мысли и деятельности событийность мне кажется еще и потому важной, что многие из нас избыточно футуристичны. Свои упования мы, как правило, возлагаем на будущее, то есть на одну из форм временности, на то, что лишь будет, что или наступит само, или будет достигнуто в деятельности. А для достижения искомого в деятельности, нужно проектировать, программировать, стратегировать это будущее. Мы однобоко склонны определяться образами будущего.

Установка на событийность прорабатывается в целом комплексе гуманитарного знания: от виртуальной психологии до практик оценки рисков в корпоративной сфере — и сохраняет полную времесообразность мысли и действия, сохраняет их динамизм, освобождая нас от ложной зависимости от будущего. Потому что футуризм — такая же (пусть и хронотопическая)

зависимость, как алкогольная или наркотическая. Событийные интерпретации освобождают нас от этой зависимости, делают свободнее в оперировании разными формами времени, в том числе и будущим: проживая событийность, мы находимся во времени, в вечности, во всех «подразделениях времени». На мой взгляд, это важный шаг к пониманию того, что происходит с человеком в виду его ориентированности на будущее. Подобным образом и интуиция событийности освобождает нас от привязанности к *Dasein*, к «*тум-бытию*», к назойливой настоятельности настоящего времени, где в каждом «здесь и теперь» нам грезится (и грозит) подлинность и естественность! Сама по себе событийность такой зависимости от настоящего не предполагает, это более изощренная и, как мне кажется, более плодотворная форма *времясознания* и *времяпроживания*.

Поскольку многие из присутствующих здесь склонны мыслить в СМД-терминах и конструкциях, я со всей методологической прямоотой должен поставить следующий вопрос: если событийность так важна, если в ней таится такой креативный потенциал, в чем, на ваш взгляд, состоит собственная *событийность деятельности*, иначе говоря, что есть *событие деятельности*?

— Тогда я понял, какой я был дурак. [Здесь и далее так будут оформляться реплики аудитории. — *прим. ред.*]

О. Генисаретский: Это событие понимания. Но вы знаете, что понимание составляет лишь один из слоев мыследеятельности, поэтому событие деятельности в целом не может быть вписано в акт понимания. Хотя, как всякая позиция, как всякий слой, понимание все прочее в себя рефлексивно вворачивает и ввинчивает.

— Результат?

О. Г.: Результат скорее статичен. Результатом моего говорения будет запись на пленке, которую потом мне предъявят.

— Качество?

О. Г.: Оно, само по себе, непроцессуально, несобытийно.

— Смысл?

О. Г.: Смысл — такая себе вечностная фигня, в которой чаще всего нет никакой процессуальности.

— Действие?

О. Г.: Да, именно действие, событие деятельности. Во всяком случае, я все-сторонне готов аргументировать это так. Я готов отстаивать позицию, согласно которой такая дефиниция события деятельности является стратегически плодотворной. Существуют причины, по которым так говорить не принято. Методология освободилась от такой логической реальности, как акт суждения. Суждение нужно было удалить с экрана внимания для того, чтобы начать строить такие, например, метаконструкции, как схемы мыследеятельности. Точечные суждения не давали возможности панорамно взглянуть на мир мыследеятельности. Поскольку в ней, помимо мыследействительности суждения, есть еще и чистая мысль, понимание и коммуникация, одним суждением было никак не обойтись. Но действие — это действительно событие деятельности. Причем не самоестественное, спонтанное, а намеренное, целесообразное событие.

Какую еще единицу мыследеятельности, соразмерную действию, но относящуюся скорее к плану мысли, вы могли бы назвать?

— Свободное действие.

О. Г.: Вы назвали качество действия.

— Поступок.

О. Г.: Поступок — это нравственно значимое действие в мире межчеловеческих отношений.

— Участие.

О. Г.: Участие — это отношение. Назовите единицу, сохраняющую форму событийности?

— Мыследействие.

О. Г.: Мыследействие — это акт мыследеятельности, что-то подобное суждению. Подсказываю: не любите вы этого слова, потому что начальства не любите. Натерпелись потому что...

— Порождение предмета мысли.

О. Г.: Порождение предмета мысли — это творческий акт. А что является событием в организационно-практической плоскости?

— Замысел.

О. Г.: Замысел — да, для нас, экспертов, как творческих работников. У нас замыслы, а у них?

— Помыслы.

— А там — умыслы.

О. Г.: Слова, сами по себе, малозначительны, важна интенция, за ними стоящая. То, о чем я спрашивал, это решение. Ему свойственна та же мера событийности, что и действию.

Используемое мною слово «*событийность*» вовсе не предполагает события в единственном числе. Подобно тому, как, говоря о вещах, мы способны мыслить вещи, входящие в строение других вещей (в качестве их частей), надо научиться мыслить событие внутри другого события. Иначе говоря, событийность может быть множественной, не обязательно единичной. Поскольку одно событие событийствует рядом с другим событием в составе другого события, можно говорить о плотности событий.

Интуитивно понятно, что в жизни бывают разные периоды: иногда событийные ряды очень плотны, а иногда происходят разряженные и плохо упорядоченные событийные многообразия. Когда событийность уплотняется, время ускоряется и хочется сказать: «Вот пролетела жизнь, черт, побори!», — хотя в раю и не принято поминать рогатых братьев по разуму. Итак, к действию как событию одного рода можно примыслить решение как событие другого рода, сказав, что в первом из них реализуется второе. Это показывает, что у мыследеятельности есть своя событийность, что ею связываются когнитивная и прагматическая части мыследеятельности. И благодаря этому мы не только можем говорить о событийных формах своего опыта экзистирования в мире, но и о стратегической целенаправленности этого опыта.

Если событийность важна сама по себе, то нужно уметь видеть ее в том, что важнее всего для нас. Если важна деятельность, то ее надо увидеть в деятельности, и не просто увидеть, а научиться с нею справляться и ею управлять.

Почему же, все-таки, это важно? В одном из комментариев к «Книге Перемен» говорится, что событие перемены имеет три значения. Во-первых, событие всегда есть изменение, и в нем всегда есть различие. Во-вторых, события самопроизводны (спонтанны): когда мы проживаем нечто как событие — мы проживаем его как *случающееся, самопроизходящее*, безотносительное к тому, произошло ли оно в силу каких-то причин, было ли оно вынуждено. Это важный момент личностного опыта, выраженный евангельскими словами: «дух дышит, где хочет», — то есть не там, где хотим мы, а там, где хочет он сам, и, когда с нами происходит некоторое событие духовной жизни, оно про-

исходит не по нашей воле, оно случается спонтанно, в порядке самодействия, самосбытия, что называется «с легкостью необычайной». И, в-третьих, спонтанные события странным образом — категориально и экзистенциально — совмещают в себе *естественность со свободосообразностью*. Спонтанность диалектически сопрягает естественность со свободой, учреждая и оспособливая (приспособливая нас к стихии) нас в стихии свободы естественной. Естественна и свободна одновременно та самая воля, за приверженность к которой нас, русских, упрекают певцы правозащищаемой свободы на Западе: «У нас, мол, в Гайд Парке — свобода, а у вас в Гуляй Поле — воля!» Так вот, спонтанность, как и событие, качеством которого она является, — полновременна. Это спонтанность самого времени. Тот из вас, кто изучал интегрально-дифференциальное исчисление, знает, что некоторые переменные являются зависимыми (от изменения других переменных), а некоторые — свободными, самоизменяющимися. Универсальной, свободной переменной считалось время, поскольку оно течет само, безотносительно к нам. Поэтому спонтанно не только любое событие, но и временность, за ним стоящая. Именно отсюда следует возможная спонтанность мысли, решений, действий, чувств, аффектов и прочих областей нашего опыта.

На мой взгляд, интерес к событийности в философии и в различных гуманитарных практиках связан как раз с потребностями *нового освоения* спонтанного, то есть естественно-свободного модуса бытия, мысли и деятельности. Это не та естественность, которую горе-методологи привыкли «понукать» за натурализм. Есть такая «богатырская забава» у методологов — ходить на битву с натурализмом. *Эта* спонтанность *не та* естественность, поскольку в ней есть свобода — высшее, что в деятельности есть и может быть.

По моему мнению, переосвоение спонтанности как модуса бытия (деятельности) — важнейший для развития всей антропологической и личностной проблематики момент.

Если обещанный опыт «здесь и теперь» греет вашу нежную душу, всмотритесь в психопрактическое «тут-вдруг» — и Вам станет еще теплее! Будьте внезапнее и народ за вами потянется! «Здесь и теперь» заключает в себе состояние и ситуации, а «тут-вдруг» чистую событийность.

Важна *событийность* мысли, решения и действия еще и потому, что она *сообщительна*: способствуя образованию людских общностей, она вводит нас в мир общностей событийно-виртуальных, а не отношенчески-константных. В мир, где общность из существительного превращается в прилагательное и глагол: в событийность общения (диалога, коммуникации) и качеств общительности. В мир общностей, про которые уже не скажешь, что мы к ним принадлежим (состояя в них в качестве членов), что мы в их рамках с кем-то сотрудничаем, а общностей, в которых, пересекаясь во времени, «сослуцаемся», событийствуем, соразвиваемся, синергируем. Существуют константные отношения, в рамках которых мы члены профсоюза, семьи и представители своего народа, граждане государства. Однако сообщительность через событие, например событие мысли или действия, — это совсем другое дело. Что за общность образовывали в 60-ые годы XX века читатели «Нового мира»? Они отождествлялись тогда с интеллигенцией! Раз в месяц выходил журнал (события единократны) и мы переживали событие своей идентичности с этой классовой прослойкой! Приведем еще один пример: в такой-то день и час, в какой-то точке земного шара рок-группа дает концерт, а фанаты, слушая его трансляцию по интернет-радио, игнорируя все на свете, идентифицируют себя

с инсценируемым этой группой образом мира. В этот момент (пока идет трансляция) они образуют виртуально-событийную общность. Точно также все насельники Земли объединены виртуальным событием своего живого существования «тут-вдруг». Новостные коммуникации, кое-как привлекающие наше внимание, как раз такой природы. Мы, казалось бы независимо друг от друга, находимся у одного и того же экрана; на экране — очередное чрезвычайное событие («11 сентября» или «Норд Ост»). И мы образуем общность смотрящих, слушающих, включенных в процесс коммуникации, не будучи даже знакомы друг с другом. Но те, кто знает о существовании такой общности, прекрасно умеет с ней работать, эксплуатировать наше внимание, прикрепленное к событию (например, вставляя рекламные сообщения). Согласитесь, событийная общность совершенно иной природы, чем, скажем, общность сотрудников какой-то корпорации или граждан какого-то государства. Мы видим, как спонтанность события, общительность, прорастает в самые «мухозасиженные» регионы практики.

Теперь рассмотрим семантическую игру системной целостности и личностной цельности. Пункт 1 статьи 3 «Хартии Европейского Союза об основных правах» гласит: «Каждый человек имеет право на собственную физическую и психическую целостность»¹⁰. В начале доклада я уже говорил, что термин *integrity*, поскольку речь идет о телесной, духовной и личностной целостности человека, уместней передавать словом *цельность*. Речь идет не о системотехнической и не о социотехнической целостности, обеспечиваемой процессами интеграции или кооперации, а о праве человека на внутреннюю цельность, о качестве, сохраняющемся (и охраняемом) в любых событийных рядах.

Цельность — это то, что должно сохраняться и сохраняется в событийных многообразиях любой плотности, в отличие от целостности, которая может быть статуарно-морфологической. Например, в космосе летит булыжник по имени «метеорит» — и он целостен. В этом качестве ничего мистического, интимного, характеризующего личность нет. Растения, живые организмы тоже целостны, но в другом, более развитом смысле, как писал о. Павел (Флоренский). Следуя этой логике, о произведении искусства можно сказать, что оно целостно в еще более интенсивном смысле. А вот цельность как таковая — это такая целостность, которая сохраняется в событийных рядах и многообразиях любой событийной плотности.

Вместе с событийностью и общительностью задается разветвленная типика цельности, сохраняющейся во всевозможных событийных трансформациях. Этим суждением намечается длинная и увлекательная линия разворачивания антропологической проблематики. Она в равной мере касается сюжетики индивидуационного существования человека (относящееся к каждому из нас), но также и сюжетики больших человеческих сообществ и процессов общительности (о чем я уже говорил на примере средств массовой информации). Мне кажется, что эта линия антропологической интерпретации позволяет плодотворно совмещать антропные смыслы, обладающие непосредственной человеческой значимостью, с теми смыслами, которые характеризуют разворачивание больших социальных мегамашин.

Я отдаю себе отчет в том, что это категориальное рассуждение (или рассуждение в экзистенциалах) выглядит достаточно абстрактно. Да, это снятая форма, характеризующая одну определенную тенденцию движения мысли к пониманию того, что происходит с нами в сложных и сильных социально-

гуманитарных мирах. Это была первая из обещанных пяти линий моего методологического, как я считаю, рассуждения. Думаю, еще на одну такую линию у нас времени и сил хватит. Мне важно было продемонстрировать вам ту манеру смыслозначимого и предметного полагания, которой я пользуюсь, говоря о задачах и ожиданиях, связанных с этой антропологической интерпретацией.

Вторая линия антропологической интерпретации связана со смыслом понятия *антропная цивилизация*. Оно выражает ожидаемое состояние общества, в котором движущими силами развития и мотивами реализации различных инициатив, программ и стратегий будут телесно-, психически- и личностнозначимые события, самообразы и образцы. Антропная цивилизация разворачивается в процессе «антропологического синтеза, в ходе которого происходит смена схематизмов сознания и поведения, исходных очевидностей и произвольностей, личностных типов самореализации и ... культурно-ценностных самообразов»¹¹.

Сейчас я не стану погружаться в изложение данного сюжета сколь-либо подробно, но считаю важным сказать, что несущий скелет этой проблематики — цивилизационный анализ. Не социология, не культурология, не политология, а именно цивилизационный анализ. А особенность его вижу в том, что он имеет дело с очень определенным типом рациональности — с формальной рациональностью.

Макс Вебер ввел в начале XX века в научный оборот представление о различных типах рациональности, описав целевую (она же функциональная), ценностную, нормативную (она же формальная) и обозначив аффективную (она же психопрактическая) рациональность (*в скобках дана моя уточняющая типологическая интерпретация (начинающаяся словами «она же») типов, поименованных самим Вебером. — О. Г.*). Скрывающаяся за нормативной, формальная рациональность крайне важна для тех, кто не чужд интересам логики, семиотики, языкознания, а также математики, и даже музыки и музыковедения, то есть тех теоретических и практических дисциплин, объекты которых организованы в формальные, смыслодержущие и смыслозначимые структуры. Кант, на примере эстетического суждения, показал важнейшее свойство формальной рациональности, ее практическую незаинтересованность, самозамкнутость. Фон Гумбольдту мы обязаны применением к ней метафоры внутренней формой языка. Деррида в таком же примерно смысле говорит о грамматологии.

Так вот, цивилизация — это совокупность типов формальных (и потому рефлектируемых) рациональностей. Таков естественный язык, который согласно Фердинанду де Соссюру возникает сразу целиком и представляет из себя изначально неразложимую целостность. Таково право, рефлексивно самозамкнутое и аксиоматически самодостаточное. Таково математическое воображение, пространственность, представляющая в наше распоряжение иным путем недоступное нам сознание и так далее. Почувствуйте особенность языка, пространственности, музыки или права — они обладают качеством самоподобия, самодействия, и, в своем основании, не нуждается в чем-то другом, кроме самих себя. Когда мы учим ребенка родному языку, мы сами на нем же и говорим; потом на нем он сможет учиться другому языку. Так же дело обстоит и с символической анатомией нашего тела (с так называемой телесностью), она обладает сильнейшей способностью обращения к себе на своем же собственном языке (то есть возвратностью, роднящей тело с зеркалом). Тело — идеальная точка схода лучей внимания, исток и устье рефлекс-

сивности. Вопреки мнению Лакана, зеркало рождается из тела, рефлексия — от поверхностного напряжения кожи, а не наоборот.

Цивилизационный анализ как игра формальных рациональностей? Хантингтон, с солдатской прямоотой, заговорил о конфликтах цивилизаций, взывая быть готовыми к цивилизационным войнам. В более мягком варианте этого воззрения на вещи человеческие, речь идет о множественности цивилизационных миров, находящихся в интенсивном соприкосновении. О том же самом можно мыслить в позитивных терминах. Поскольку я как носитель счастливого сознания принадлежу к таким «недомеркам», то предпочитаю говорить о *цивилизационной синергии*. Я считаю, что процесс складывания нового миропорядка как раз состоит в завязывании *узлов* цивилизационной синергии и в их последующем проявлении в *связках* формальных рациональностей. Эти узлы нужно мыслить онтологически, а связки — феноменологически (и семиотически). Процесс, в рамках которого эта коллизия, событийствуя, происходит, я и назвал ранее *антропологическим синтезом*, а теперь сближаю его с *производством субъективности* Делеза и Гваттари.

Какие еще конструкции входят в это семантическое поле? Давайте снова попробуем поискать другие концепты, равнозначные (по смыслу) уже названным.

— Конструирование персонажа?

О. Г.: Не конструирование, персонаж, но не персона, фигурант, фигура, противопоставленная фону — да! Еще?

— Позиция.

О. Г.: Позиция — это место, на которое субъект или персонаж могут встать, сама же позиция бессубъектна.

— Лицо.

О. Г.: Лицо или личность — да.

— Автор.

О. Г.: Да, автор в креативном мире, однако, не обязательно как существительное, авторство может быть сознаваемо в иной грамматической форме.

— Действующий.

О. Г.: Актер, актер, действующий — да! Это почти то же самое, что и субъект, но «с оттенками». Это поле достаточно широко, там существует еще много слов и помимо субъекта.

— Агент.

О. Г.: Агент — тот же, что и деятель.

— Творитель.

О. Г.: Со своей стороны я привнес бы в этот список два-три элемента в иной грамматической форме.

Во-первых, автономность, самозаконность или, как у А. С. Пушкина, самостояние. Тоже ведь субъектный модус бытия (деятельности). В сфере этнополитической весьма актуальна, например, национально-культурная автономия, понимаемая как неполитическая форма исторической серьезности. Сюда же относится такой важный для понимания природы государственности концепт, как суверенность. То же и *субъект* в словосочетании «субъект Федерации». Мы указали на то, что производство субъективности — это эффект цивилизационной синергии. И, раз уж мы имеем дело с единым семантическим полем, то оператор «производство» нужно отнести в этом поле не только к субъективности, но и ко всем иным операндам и, тем самым, представлять себе производство суверенности, автономности и всего того, что вы перечислили выше.

Во-вторых, слово «производство» здесь — из экономического контекста. Делез и Гватари, нечуждые марксистских аллюзий, используют это слово как онтологическую метафору. Производство субъективности — креативная событийно-рефлексивная форма, применение одного и того же семантического элемента к самому себе. Субъект — производящая сущность, поэтому производство субъективности — это производство производящего, субъективирование субъекта, или предпринимание предприимчивости. Как видим, здесь налицо рефлексивность, самоприменимость, а поэтому можно применять «производительность» к самой себе любое число раз: и к суверену, и к автоному, и к агенту, и так далее. Продолжая искать предикаты (предикторы) для формируемого нами списка (класса эквивалентности), я, далее, спрашиваю: а где же они, эти возделанные субъекты, авторы, акторы, что были бы столь суверенны, автономны, самодостаточны? Вокруг нас такая пустыня, или наш взор столь замылен, что мы и разглядеть их не можем?

* * *

В самом начале доклада я обозначил свою задачу, мое исходное суждение состояло в том, что ничего стоящего с хваленым человеческим потенциалом сделать невозможно, если не подвергнуть его антропологической интерпретации, концептуализации и (или) проблематизации. Я насчитал пять линий возможного продвижения в этом направлении, успев кое-что сказать только о двух из них, давайте кратко познакомимся с остальными.

Третья линия связана с дифференциацией разного рода событийно-деятельностных отношений. Я считаю важным аксиоматически и типологически различать *представительские, сервисные и агентские отношения*. На представительстве интересов основано очень многое, например, они являются системообразующими для общественно-политического строя. Высоко цениться способность представлять интересы, цели других лиц или сами эти лица; способность выступать от чьего-то лица, «перед лицом своих товарищей», быть доверенным лицом, «поверенным в делах», и так далее. Но сейчас мы вошли в фазу десоциализации, где роль отношений представительства почему-то уменьшается, но заметно возрастает роль сервисных и агентских отношений. Я не считаю это цивилизационной тенденцией, но эта перемена в отношенческой ситуации сама по себе показательна.

О четвертой линии я отчасти говорил на «Семейной игре 2001 года» — это различение таких фундаментальных экзистенциально-прагматических жестов, как *обращение* к кому-то или чему-то, *учреждение* чего-то, *предложение* (в смысле различения спроса и предложения), *произведение* чего-то, то есть создание и онтологическое *полагание*. Эти жесты или интенции могут выполнять одни и те же функции, быть эквивифункциональными. А это, в свою очередь, важно для того, чтобы уметь сплести разные макросферы, включая форумы, рынки, сети, конstellации и прочее.

Наконец, пятая линия относится к языку экзистенциалов и имеет отношение к институтам (и традициям). Мы сейчас много занимаемся вопросами институализации, но есть очень важная вещь — *доверие к институтам* и *институциональная риторика*. Доверие (в данном случае, к институтам) — показательный пример применения экзистенциала к весьма отвлеченной социально-гуманитарной сущности (институту). Социологические замеры показывают, что в российском обществе высок уровень доверия к милитарным институтам (к армии), к Русской Православной Церкви, но низок

по отношению к власти вообще, а особенно — к правительству. А важно это потому, что доверие — характеристика инвестиционного климата и социальной напряженности, и социальной мобильности. Доверие стоит в одном ряду с призванием (нем. *beruf* — призвание и профессия одновременно) и оправданностью. Обратите внимание: в русской философско-религиозной мысли на месте философской антропологии стоит антроподицея. По Лейбницу, теодицея — оправдание Бога. Есть три русских книги: «Оправдание добра» В. С. Соловьева, «Оправдание творчества» Н. А. Бердяева и еще не изданная антроподицея «Оправдание человека» о Павла Флоренского¹². Оправдание и оправданность — черты правопонимания. Доверие, призвание, оправдание — все это элементы семантического поля, относимые не только к «морю житейскому», но к социально-гуманитарным сущностям онтологического порядка, в частности к институтам, традициям и историческим интенциям (функциям).

Теперь еще раз обозначим первую и третью линии антропологической интерпретации: первая — это событийность, сообщительность, цельность, линия в которой разворачивается экзистенциально-прагматическая проблематика; третья — производство субъективности и связанные с ней суверенность, субъектность, автономность и так далее.

Примечания

¹ Смотрите вторую главу «Антропологическая редукция» в книге Х. У. Фон Бальтазара «Достойна веры лишь любовь» [М.: Истина и Жизнь, 1997].

² Флоренский отец П. Макрокосм и микрокосм // Флоренский отец П. Собр. соч.: В 4-х т. — Том 3 (1). — М.: Мысль, 1999.

³ Горичева Т. Постмодернизма так и не было // Преображение: христианский религиозно-философский журнал. — 1995. — № 1. Р. X.

⁴ Уолтен Д. Аргументы ad hominem. — М., 2002.

⁵ Затронутый на периферии кантовской критики вопрос о «радикально злом» в человеческой природе был на некоторое время купирован буржуазно-позитивистским настроением аксиологии, после онтологического полагания в виде *трансгрессии* обрел все права интеллектуального гражданства.

⁶ Правда, по поводу личности высказываются и более общие сомнения: мыслим ли вообще этот род бытия в формах предметного знания или только философско-антропологически, или же только конфессионально, в тех или иных символически-ритуальных формах? По этому поводу консенсуса в ученом мире нет и быть не может, поскольку это вопрос скорее мировоззренческий, чем научно-предметный.

⁷ Юнг К. Г. Конфликты детской души. — М.: Канон, 1995. — С. 188–191.

⁸ Генисаретский О. И. Культурно-антропологическая перспектива (http://www.olegen.com/publications/1995_kult-anprop_perspective.htm); Образ жизни и личностный рост: опыт экспозиции гуманитарно-экологической перспективы развития (http://www.olegen.com/publications/obraz_zhizni.htm).

⁹ Генисаретский О. И. Схема двойного знания, связи рефлексивного управления и параллельные серии Ж. Делеза // Чтения памяти Г. П. Щедровицкого 2002–2003. Доклады и дискуссии. — М.: Школа культурной политики, 2004. — (<http://hoster.metod.ru:8082/prometa/lib/10>).

¹⁰ Комментарий о терминологии этой важной юридической конструкции в немецко-, французско- и англоязычной юриспруденциях смотрите в книге: Хартия Европейского Союза об основных правах. Комментарий. — М.: Юриспруденция, 2001. — С. 71–72.

¹¹ Генисаретский О. И. Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. — М.: Аргус, 1995.

¹² В начале 2004 года эта книга вышла в издательстве «Мысль».

СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ¹

Введение

Вопросы взаимодействия и взаимоотношений системомыследеятельностной (далее СМД) методологии, разрабатываемой с 1952 года инициативной группой так называемого Московского логического (методологического) кружка (ММК), и психологии могут быть освещены, по крайней мере, в четырех планах.

Во-первых, в рамках ММК, начиная с 1954 года, проводился анализ логико-методологической и эпистемологической структуры гуманитарных (социальных) наук (социального [гуманитарного] знания) и самой психологии, как особого научного, а позже — нормативно-деятельностного предмета (дисциплины). Критика существующих программ построения психологии (начиная с В. Вундта и заканчивая А. Н. Леотьевым), используемых логико-методологических понятий и выделение ключевых проблем, с которыми сталкивалась прикладная методология психологии, начиная с Гоклениуса (впервые употребившего термин «психология» в контексте своей архитектоники знания), легли в основу разработки собственного логико-методологического проекта построения СМД-антропологии, педагогической и политической² антропологии как прикладной науки.

Во-вторых, в рамках ММК постоянно проводился анализ смыслового материала, конкретных рабочих понятий и моделей, разрабатываемых в различных психологических «школах» и «направлениях». В подавляющем большинстве случаев, наряду с распрямлением «психологических» знаний (теорий), в рамках ММК при этом проводилась параллельная конструктивная работа, которая завершалась соответствующими рабочими результатами. В числе основных направлений, по которым осуществлялась такая работа, следует упомянуть:

а) теорию мышления и содержательно-генетическую логику (эпистемологию), разрабатываемую в 1954—1962 годах на материале исследования процессов учения-обучения и решения задач (психология мышления Вюрцбургской школы, теория Ж. Пиаже, теория продуктивного мышления К. Дункера, теория формирования умственных действий П. Гальперина);

б) теорию рефлексивного управления, разрабатываемую в 1960—1967 годах на материале детских игр и исследования взаимоотношений в детских коллективах (психологическая теория игры Д. Эльконина, социально-психологические и ролевые теории Д. Морено, Я. Шарифа, Ч. Кули, теория личности Л. Божович);

в) теорию деятельности и методологию проектирования (в том числе инженерно-психологического проектирования), разрабатываемую в 1962—

* Петр Щедровицкий — Председатель Попечительского совета Школы Культурной Политики, профессор ГУ «Высшая Школа Экономики», кандидат философских наук (Москва).

1970 годах (психологическая теория деятельности А. Леонтьева, теория установки Д. Узнадзе, теория социального действия Т. Парсонса, теория действия и философия акта Дж. Мида [а также в целом актуализм], теория поля К. Левина);

г) теорию коммуникации и понимания, разрабатываемую в 1967—1975 годах на материале исследований межпрофессиональной коммуникации при решении сложных задач и совместной деятельности (теория общения «школы» С. Рубинштейна, психо- и социолингвистика, философия языка, когнитивная психология, философия диалога М. Бахтина и В. Библера).

Необходимо особо выделить ряд наиболее общих понятий и категорий, относящихся к области философской и педагогической антропологии и получивших специфическую интерпретацию в рамках СМД-методологии: понятия «индивида», «личности», «индивидуальности», «сознания», «психики», «развития»³.

В-третьих, в рамках ММК была создана новая практика межпрофессиональной методологически организованной коммуникации и коллективного мышления для решения сложных проблем. В контексте этой практики был развернут целый комплекс антропо-, группо- и психотехник, ориентированных, прежде всего, на выращивание (формирование) интеллектуальных функций: понимания, рефлексии, мыслительной деятельности, мыслительной коммуникации. С этой точки зрения программа построения СМД-методологии, деятельность ММК и практика проведения так называемых организационно-деятельностных игр (далее ОДИ) может рассматриваться как своеобразный антропотехнический эксперимент. Следует подчеркнуть, что основные понятия, разработанные в рамках ММК, не столько фиксируют некие абстрактные процессы, сколько задают проекты и схемы организации интеллектуальной сферы (и в силу этого несут на себе ярко выраженный методический, технический и технологический характер).

В-четвертых, процессы взаимодействия и взаимовлияния СМД-методологии и психологии могут рассматриваться в плане реконструкции социальных и социально-политических отношений между двумя (несколькими) группами исследователей и организаторов науки: «методологами» и «психологами».

Следует подчеркнуть, что «круг» специалистов, работающих в области социального знания, был чрезвычайно узок, практически все «основные фигуры» были лично знакомы друг с другом, между ними существовала плотная система формальных и неформальных отношений.

Начиная с 1954 года, на базе Научно-исследовательского института общей и педагогической психологии работает постоянно действующий семинар «Комиссия по психологии мышления и логике». Первым официальным руководителем семинара был Б. М. Теплов, а в его работе принимали участие Н. Алексеев, А. Леонтьев (сын), В. Давыдов, В. Зинченко, В. Лефевр, А. Рождественский, Г. Щедровицкий, С. Якобсон и многие другие. С 1960 года по инициативе А. Запорожца на базе Научно-исследовательского института дошкольного воспитания была создана группа аспирантов, занимавшихся исследованиями игровой деятельности дошкольников и младших школьников (группой руководил Г. Щедровицкий). С 1967 года после создания факультета психологии Московского государственного университета (МГУ) при кафедре инженерной психологии была создана лаборатория, в которую вошел ряд членов ММК (В. Дубровский, Л. Щедровицкий, А. Пископель и другие). В результате их исследовательской и учебной деятельности на факультете

сформировалась группа молодых студентов и сотрудников, специализирующихся в различных направлениях психологии и одновременно получающих философское и методологическое образование в ММК.

Таким образом, можно говорить о длительном существовании специфической психолого-методологической или методолого-психологической «субкультуры», в которой, например, для отдельных участников «СМД-методология» играла роль философско-методологического основания, а «психология» выступала как направление социализации и специализации или, напротив, как канал вхождения в область философских и методологических проблем.

Специфической особенностью ситуации, сложившейся в научных сообществах в Советском Союзе следует также считать повышенную вовлеченность научных дискуссий и разработок в политические и идеологические процессы. В результате большая часть работ, проделанных в рамках ММК в 50–60 годы XX века, осталась неопубликованной, а многие перспективные направления исследований были закрыты после 1968 года⁴. Впоследствии ряд участников ММК, специализировавшихся в области «психологии» и «антропологии» были вынуждены эмигрировать из Советского Союза (В. Дубровский, В. Лефевр и другие).

Предлагаемая Вашему вниманию работа должна рассматриваться как предварительная; она посвящена обзору и краткой характеристике основных понятий и принципов СМД-методологии, относящихся к сфере исследования феномена человека и одушевленной (человечески «наполненной» и опосредованной) мыследеятельности. Точкой встречи «СМД-методологии» и «психологии» следует, как мы уже говорили, считать область философской и педагогической антропологии.

Таким образом, речь идет об изложении основных понятий системомыследеятельностной антропологии (естественно, в авторской версии).

Ситуация

Психология в России, как и философия в целом, а также многие другие социальные науки не получила достаточного развития перед первой мировой войной и революцией 1917 года. В последней четверти XIX столетия под редакцией Н. Я. Грота начинает выходить журнал «Вопросы философии и психологии», под редакцией Н. О. Лосского выходят сборники «Новые идеи в философии» (ряд сборников целиком был посвящен психологической проблематике), в которых в систематической форме публикуются работы по философским проблемам психологии. Создается лаборатория Н. Е. Ланге в Одессе, ряд групп работают на базе психиатрических и психоневрологических клиник. В 1912 году в Москве на частные пожертвования создается первый институт экспериментальной психологии, который возглавляет киевский профессор философии Георгий Челпанов. Через 30 лет после создания знаменитого института экспериментальной психологии под руководством В. Вундта, в Россию «приходит» программа построения «психологии» как экспериментальной науки. В 1923–1924 году директором Института психологии в Москве стал сторонник рефлексологической теории Константин Корнилов, и вскоре академическая психология полностью избавилась от философских дискуссий⁵.

Вместе с тем, за первые годы XX века Россия практически не успела пережить ни фрейдизма, ни психотехники, ни распространения оккультной психологии и восточных психотехнических направлений. Все эти направления психопрактик сформировались лишь в зачаточном состоянии, и к середине 20-х годов их развитие на русской почве было искусственно прервано, а их адепты были отстранены от активной деятельности или физически уничтожены.

С середины 1920-х годов, вплоть до известного постановления «О педологических извращениях в системе наркомпроса» (1936 год) единственным практическим направлением приложения психологических представлений и психологических знаний оставалась педагогическая практика. Несмотря на то, что эта сфера становилась год от года все более и более идеологизированной, именно в рамках педагогики, педагогической психологии и педологии был сформирован целый ряд оригинальных философских, антропологических и психологических концепций, которые на долгие годы определили лицо «советской психологии», а также язык, на котором мог обсуждаться феномен и проблема человека.

Именно в этой сфере практики возникла известная во всем мире «культурно-историческая концепция» Л. С. Выготского, в этой области работал талантливый философ П. Блонский (начинавший свою работу до революции с анализа философии Плотина) и многие другие⁶. Аналогичная ситуация «практической целесообразности» повлияла на работы А. Лурии: увлекающийся Фрейдом студент Казанского университета во время войны 1939—1945 годов начал активно заниматься проблемами реабилитации психических и психомоторных функций. Именно в этой области стала возможной реализация целого ряда оригинальных идей культурно-исторического и структурного подхода в психологии.

Вместе с тем, принципиальная узость педагогической и, тем более школьной, прагматики, в рамках которой разрабатывались и реализовывались основные психологические идеи, а также сохранение целого ряда идеологических ограничений на философское и методологическое осмысление оснований проводимых психологических исследований приводила к «уплощению» проблематики и самой психологии. В результате этого «школа» Выготского не смогла реализовать и развернуть даже идеи самого Выготского и к концу 1970-х годов наметился явный кризис «советской» психологии.

Именно в этот период в психологических кругах намечается линия на заимствование базовых психопрактик, психотехник и методик управления психическими процессами из различных направлений, сформировавшихся в течении XX века на Западе. Многие движения в этой области были вызваны идеологическими причинами: через заимствование методов гуманистической психологии, трансперсональной психологии, экзистенциальной психотерапии происходил «импорт» новых ценностей, рамок и целей психологических практик и человеческого самоопределения. Большое значение оказали чисто прикладные задачи: развитие психологии управления, работа в области семейного консультирования, суициды, девиантное поведение и так далее.

Однако такое заимствование методов и техник практической работы в ситуациях, в подавляющем большинстве случаев, не сопровождалось анализом теоретических и концептуальных оснований названных психопрактик; не было также специальной работы по выявлению социокультурных условий применения этих практик и последствий их развертывания в иной культурной среде.

Сегодня процесс экспансии психопрактик и психотехник (как с Востока, так и с Запада) в Россию приобрел лавинообразный характер. В этой ситуации, естественно, происходит вынужденное *до*-самоопределение отечественной религиозной, философской и научно-академической мысли, растет интерес к истории русской и советской философско-педагогической мысли, возникает рефлексия существующих подходов и собственных оснований. Можно ожидать нового роста интереса к проблематике философской и педагогической антропологии.

Подход

Дискуссии о «фундаментальных» категориальных характеристиках объекта анализа в социальных науках

Сформулированный немецким философом Ф. А. Ланге в середине 60-х годов XIX века лозунг «Назад к Канту!» в качестве одной из важнейших составляющих включал в себя программу построения комплекса новых наук социально-гуманитарного профиля. Первые программы, возникшие в этой области, были связаны с прямым переносом образцов научности, возникших в естественных науках XVI—XVII веков. Использование методологического аппарата естественных наук в области исследования человеческих феноменов предполагало, что можно представить «психику», «психические функции», «поведение», «личность» или «человека» (в широком смысле слова) как естественные объекты. Не менее важной методологической проблемой было выделение отдельных рассматриваемых процессов из более сложного комплекса процессов и взаимосвязей между процессами, обладающего, по мнению ряда философов и психологов конца XIX — начала XX века, системным характером.

В наиболее явной форме эта проблемная ситуация была зафиксирована Г. Эббингаусом при исследовании процессов памяти. Твердо зная, что процессы запоминания органично включены в ткань более сложных интеллектуальных процессов (понимания, осмысления, рефлексии), Эббингаус предлагает в качестве эмпирического материала для исследования так называемые «бессмысленные» (не-организованные) слоги и трактует полученные результаты как описание собственных закономерностей памяти и запоминания (в отличие от других интеллектуальных процессов) в рамках своеобразного аналитического предмета, теории памяти.

Между тем, «человек» (а вместе с тем, «психика», «сознание», «поведение», «интеллект»), и это было также отчетливо осознано более 100 лет назад, является, в принципе, отнюдь не естественным, а, наоборот искусственным или искусственно-естественным образованием, и поэтому представление его в виде естественного объекта в каждом случае требует своего специального оправдания и обоснования.

Во всех случаях стремление сформировать подобные естественные объекты изучения и зафиксировать результаты исследований в рамках специально спроектированных аналитических предметов (или дисциплин), на наш взгляд, осмыслено и целесообразно в рамках постановки и осуществления более широкой практической (искусственно-технической) программы, в которой и относительно которой могут быть сориентированы соответствующие исследования и их результаты.

*Методологические заметки к истории развития
«психологии» и «психотехники»*

Если мы, с этой точки зрения, будем рассматривать историю социальных дисциплин (и, в частности, историю «психологии»), мы убедимся, что такая логика рассмотрения отражает ход и перипетии реальных исторических процессов.

Необходимо признать, что, говоря о «психологии», мы подразумеваем сложный комплекс исследовательских концепций и «схем», диагностических методик и типологических описаний: технических подходов и проектов, конкретно-практических ситуаций воздействия на человека. В плане функционирования (в синхронии) мы должны трактовать «психологию» как популятивное (а не системное) целое; в плане истории и развития «психологии» мы имеем дело с полигенезом.

На наш взгляд, нет необходимости искать единые механизмы и единые законы функционирования и развития этого целого; нужно выделять и проследживать множество процессов исторической трансформации деятельности, мышления, знаний, средств и методов, намечая, вместе с тем, взаимосвязи и рефлексивные отображения их друг на друга. Каждый из этих процессов, при этом, имеет свое «время», свою логику, порой они переплетаются и смыкаются, порой расходятся, теряя все точки общности.

Однако, признавая реальную сложность и неоднозначность исторического развития «психологии», мы можем все же выделить основной, конституирующий становление и развитие этой области процесс, вокруг которого потом «наслаивались» и «наворачивались» другие вторичные процессы и образования. Таким ядерным процессом является взаимодействие между широкими областями общественной практики (такими, как педагогика, медицина, организация и управление) с включенными в них психотехниками (педагогической психотехникой, психоанализом, психотерапией, профотбором, психотехникой труда и т. д.) и философско-методологическими, уже ставшими теоретическими (научными) представлениями и знаниями, иными словами, между *психо-техникой* и *психо-логией*.

Исходными и базовыми при этом, как мы уже сказали, являются дискретные ситуации практического, технического, преобразующего, шире — искусственного отношения к человеку, возникающие в разное время и при разном наборе действующих факторов.

Постепенно вокруг них возникают и складываются новые структуры мышления и деятельности, находящиеся в рефлексивном отношении к исходной (технической или практической) деятельности. Отсутствие (или необходимость *до-определения*) представлений о целях и результатах заставляет разворачивать деятельность по проектированию образцов продукта («нормальный» человек, «обученный», профессионально-пригодный). Недостаток средств и методов построения действий будет восполняться за счет развития методической работы. На следующем этапе развития и усложнения систем деятельности ставится вопрос об объекте и необходимости особого его представления; так возникают технические исследования (техническая наука), диагностика и собственно научные исследования.

Однако в дальнейшем все эти «компенсаторные» структуры мышления и деятельности, сформировавшиеся под мощным влиянием реальных практических и технических задач, могут отделяться и автономизироваться.

Исследование начинает разворачиваться в своей естественной идеологии, безотносительно к возможностям и путям развития техники и технических знаний, сама практика выступает как переменная, происходит обобщение, экспансия, перенос результатов на другие сферы и области.

Диагностика, используя типологические представления, превращается в самостоятельную область псевдо-исследований.

Методика перестает ориентироваться на фиксацию уже совершенного действия; она все более ориентируется на анализ возможного, что, в свою очередь, требует включения в нее научных исследований и идеальной практики.

Что касается базовых технических и практических структур мышления и деятельности, то они своими средствами выращивают новые исследовательские и диагностические «машины», взамен отделившихся.

Именно такова, с нашей точки зрения, реальная механика процесса исторического развития сферы «психологии», приведшая к предельной дифференциации и дроблению технических и исследовательских проектов (программ) к началу XX века. В Европейской интеллектуальной ситуации сосуществуют и параллельно разворачиваются психотехники, психометодики, психодиагностики и психологии разной сложности, разного типа и уровня организации⁷.

К вопросу о поиске «рабочей» и «предельной» онтологии

Вместе с тем, уже в конце XIX — начале XX века было осознано, что традиционные представления о «психике», психических явлениях и функциях не могут использоваться в сложившихся к тому времени психотехниках, и, тем более, не могут обеспечить им необходимое развитие. Психология вырвалась за границы «психики» и в рамках широкого движения по построению новой теории для техники (или того, что Ф. Гизе в 1922 году назвал «синтетической картиной психотехнической данности») наметился переход на позиции анализа и учета человеческого фактора как такового, понимания и предсказания поступков и действий людей.

При этом различные группы психотехников, методик и исследовательских концепций как бы «стягивались», объединялись вокруг сложных феноменально-онтических представлений (которые можно бы было назвать «обыденными» предметами): поведения, человека, личности.

Однако, эти представления не могли решить задачи связи и соорганизации тех множественных деятельных подсистем, которые к этому моменту составляли тело сферы «психологии». Они должны были быть дополнены особыми моделями, которые бы выступили в качестве стржня, связывающего и замыкающего различные типы психологической (в широком смысле) работы.

Модели выступали как средства содержательной организации, как необходимое семиотическое образование, которое обеспечивало перенос знаний и представлений из одной ситуации в другую, из одной плоскости мышления и деятельности в другую: в рамках техники модель служила средством фиксации предмета действия и, в то же время, она могла разворачиваться в слое собственно теоретической и онтологической работы.

Оформление целого комплекса такого рода моделей и модельных описаний приходится на конец 20-х — начало 40-х годов XX века. Таким образом, можно констатировать, что в первой половине XX века в антропологии и психологии

сформировался целый ряд рабочих онтологий при фактическом отсутствии или недостаточной от-refлектированности предельных онтологических рамок⁸.

Деятельностный и натуралистический подходы к проблеме «человека»

Таким образом, мы утверждаем, что естественное представление человека, в принципе, вполне возможно и допустимо, во всяком случае — в логическом плане. Но, чтобы выяснить, оправдано ли оно также и методологически, нужно рассмотреть процесс идеализации и моделирования, с точки зрения тех социально-практических задач, ради которых он осуществляется.

Объектом рассмотрения при этом становится уже не сама эта автономная организованность, называемая «человек» (психика, сознание, личность), а та совокупность социальных и социокультурных систем, которая задает контекст и во многом определяет формирование и функционирование этой организованности. При этом, как мы пытались показать, вид, форма и конкретный набор тех параметров, которые мы вносим в конструкцию, представляющую «человека», определяются, прежде всего, характером и типом той социальной системы или культурной программы (часто реализующейся в виде совокупности социокультурных проектов), с позиции которой мы собираемся осуществлять искусственно-техническое воздействие на «человеческий фактор» (человеческие ресурсы) или управлять развитием тех или иных свойств-качеств человека.

Например, если мы рассматриваем все с точки зрения системы образования, то должны представить в виде естественно развивающихся *те* свойства человека, которые формируются другими социальными системами, и должны строить прогноз, предполагая, что все эти системы останутся неизменными или будут изменяться и развиваться по «гладким» законам, а система образования, напротив, будет меняться и перестраиваться нами искусственно, соответственно нашим социальным целям и задачам. Если же, наоборот, мы будем рассматривать все с точки зрения профессионально-производственных систем, то должны будем представить в виде естественно складывающихся *те* свойства человека, которые формируются всеми непроизводственными системами, а профессиональные и квалификационные (производственные) свойства человека должны будем рассматривать как искусственно формируемые.

Таким образом, в зависимости от принимаемой нами культуротехнической или социотехнической центрации будет существенно меняться модель человека и те свойства, которые мы в нее будем включать или же, наоборот, исключать. И соответственно этому, те свойства, которые в одной модели будут выступать как естественно складывающиеся, в других моделях будут трактоваться как искусственно формируемые.

Но это и значит, что каждая из этих моделей будет выступать уже не как чисто познавательное представление о человеке, а как специальное и отчетливо осознаваемое в этой своей функции средство культурнополитического и уже — социотехнического, психотехнического, культуротехнического, антропотехнического — действия, осуществляющего управление развитием определенных свойств и качеств человека. А естественное представление развития тех или иных свойств человека во всех этих моделях будет ни чем иным, как превращенным представлением структурных требований, функциональных

зависимостей и прямых воздействий на человека всех других социальных систем, неподвластных нашим управляющим воздействиям.

Что же касается модели человека, в которой бы все свойства рассматривались как естественно складывающиеся и развивающиеся, то она, как это нетрудно сообразить, будет просто практически бессмысленной и никчемной.

*Принцип рефлексии и (или) семиотического
и эпистемического опосредования⁹*

Реализация деятельностного подхода к отдельным свойствам и качествам человека, а также к более сложным антропным элементам систем коллективной мыследеятельности (МД), конкретизируется через обращение к основным идеям культурно-исторического подхода, а также через специальный анализ ряда эпистемических организованностей мыследеятельности: знаний, знаков, понятий, смысла, рамок, схем и так далее.

Если говорить чрезвычайно грубо, то человеческое поведение-действие трактуется как функция от распыленных и распределенных в социокультурных системах эпистемических образований: знаний и процессов их производства, распространения и применения (использования). Знание (и другие эпистемические организованности) рассматривается в контексте употребления (более точно было бы сказать, что знание и есть то, что употребляется), а действие (или другие организованности мыследеятельности) рассматриваются как результат передачи, понимания (освоения) и использования различных по своему содержанию и материалу знаний.

Построение отдельным человеком (или группой) трасс своей жизни или сценариев целенаправленного поведения-действия зависит от того набора знаний, которым он оперативно владеет и тех рамок, которые сформированы за счет социо-культурной организации и интерактивного (интерсубъективного) характера коммуникации и реализации планов поведения.

Именно поэтому огромное значение в процессах самоопределения и деятельности отдельных людей, групп и общностей играет рефлексия, в рамках которой формируются специфические знания о самом себе, своих интересах, целях, ориентациях, установках и предпочтениях. Не менее важным оказываются принципы публикации рефлексивных знаний, принятые в данной социо-культурной среде, а также принципы обмена знаниями в ходе со-деятельности. Если принять во внимание, что публикация и обмен знаниями выступают как механизм реализации отношений рефлексивного управления в деятельности, то вопрос о знаниях по праву становится ключевым вопросом всех гуманитарных наук.

Метод анализа

*Проблемы выявления «сущностных»
характеристик человека (человеческого) в системном подходе*

Всякий человек (неважно, рассматриваем ли мы его как индивида или как личность), как мы пытались показать, является искусственным продуктом многих социальных и социокультурных систем: семейных, культурно-стартовых, образовательных, профессиональных, клубных, экономических и так далее, — а кроме того, он еще живет и существует как на пересечении, так

и «внутри» всех этих систем (а следовательно, во многом по их законам). Осознание этого факта ставит перед нами комплекс собственно методологических (как логических, так и онтологических в их связи) проблем.

Когда К. Маркс пишет о том, что сущностью «человека» является та совокупность общественных отношений, в которые он вступает в процессах своей жизнедеятельности, он лишь фиксирует на материале анализа «человеческих проявлений» принципы и основные идеи так называемого «системного подхода». С логической точки зрения эти принципы состоят в том, что сущность вещи (предмета анализа) лежит вне нее, в том системном окружении, которое задает и определяет функции данной вещи, а следовательно, и ее сущность (в системном рассмотрении). Именно поэтому сущностью человека оказывается та общественная система, элементом которой он является. Однако в тезисе Маркса склеены два различных плана. Первый из них относится к логике системного рассмотрения. Второй — к специфическим характеристикам той системной целостности, в которой и относительно которой мы будем рассматривать «человека».

В этом плане вопрос о сущности той или иной вещи (предмета мысли) все равно решается дважды: один раз, когда мы определяем ту системную целостность¹⁰, относительно которой будет выделяться искомая сущность, а другой раз, когда мы проводим системный анализ и выделяем способ существования (осуществления) данной вещи (предмета, организованности) в рамках данной системы.

Заметки к истории «системного подхода»¹¹

История науки показывает, что применение системно-структурного подхода требует, в первую очередь, особой методологии, особого «языка» описания и структурной графики. Здесь можно сослаться на опыт химии, в которой в 40—80 годы XIX столетия были обнаружены соединения одинакового состава, обладающие при этом разными свойствами. Этот феномен оставался долгое время центральной проблемой, и структурная химия смогла оформиться в науку, создать новые понятия и теорию лишь после того, как Бутлеров и Кекулле ввели особые структурные схемы и, тем самым, получили возможность моделировать исследуемые объекты.

Ведь «связь» как таковая, в качестве объекта мысли и объекта оперирования существует лишь на схеме и благодаря ей. В реальном практическом объекте ни «связей», ни «отношений» нет, и только после введения соответствующих структурных изображений (будь то в химии, биологии или психологии личности) появляется возможность говорить о тех или иных функциональных характеристиках рассматриваемых организованностей деятельности (в частности — идеальных объектов). Развитие структурного «языка» и системных представлений обеспечило развитие теории не только в химии. Можно напомнить историю функционализма в архитектуре («Баухауз», Т. Мельдонадо), в биологии, применение структурно-функционального подхода в культурантропологии (Б. Малиновский) и социологии (Р. Мертон, Т. Парсонс).

При этом приложение системно-структурной методологии к новым, более сложным (или просто иным) объектам, в рамках других предметов и дисциплин, приводило к развитию и дифференциации самих системно-структурных представлений, понятий и категорий. Распространение ее в биологии стало причиной предельно острой постановки проблемы целостности,

разворачивания средств и способов «схватывания» процессов; попытки приложения системных методов в психологии (гештальт-психологии) повлекли за собой выделения проблемы связи и существования разных «систем» на одном «материале».

Последние 50 лет системно-структурный подход захватывает все новые и новые области: системное проектирование, теорию принятия решений, теорию организации и управления; при этом возникающие трудности и парадоксы трансформируют и изменяют сам подход и саму методологию.

Если мы теперь попытаемся применить эти средства к «человеку», к «личности», это приведет не только к кардинальной перестройке понятий и теорий в рамках психологических и социально-психологических дисциплин, но и к обогащению самой системно-структурной методологии.

Если же мы откажемся от этой работы, то обречены остаться в рамках традиционных понятий и категорий («внешнее — внутреннее», субстанция — вещь, субъект — объект, организм — среда), закрывающих путь исследования процессов кооперации, коммуникации, коллективного мышления и решения задач, организации. Вместе с тем, это будет и отказ от реальной проблематики «человека» (личности) и человеческих отношений в пользу субстанциональной, натуралистической, по сути своей, трактовки.

Но, что значит ввести те или иные системно-структурные представления в психологию личности? Чего требует от нас логика системно-структурного мышления, и какие существенные изменения она сама должна претерпевать?

*Логика системного анализа сложного объекта
и понятие «организованности»*

С логической точки зрения единственное, что дает нам право рассматривать «человека» как самостоятельный и автономный объект, это то, что он существует сразу во многих системах и представляет собой такую организованность, которая, хотя и определяется каждой из этих систем и всеми ими вместе, тем не менее, сохраняет свою относительную устойчивость и инвариантность (можно сказать, свою инерционность), делающую его относительно независимым от каждой отдельной системы (но отнюдь не от всех их вместе). Но эта относительная автономность человека не избавляет нас от необходимости рассматривать его системно, она лишь делает крайне сложными сами приемы и методы такого рассмотрения.

Самым первым и простым системным различием является выделение «мест» в деятельности (или социальных структурах) с набором заданных функций и «материала-наполнения».

При этом «места» со всеми их функциональными характеристиками относятся к тем или иным социально-деятельным структурам, а «наполнение» — неважно, будут ли это отдельные проявления поведения-деятельности человека или сложные процессы интерсубъективного взаимодействия, коммуникации и кооперации — с логической точки зрения, рассматривается как квазивещное образование, организация и атрибутивные свойства которого отражают и как бы запечатлевают в себе функциональные свойства тех «мест», через которые оно прошло в процессе своего становления или индивидуальной истории.

Благодаря этому мы получаем возможность рассматривать самые разные отношения между «местами» и «наполнениями»: противоречия, ограничения, зависимости, соответствия, воздействия, обеспечения и тому подобное —

разбирать функциональные свойства мест в соответствии с различными типами социальных структур (и, в частности, различать существование человека в качестве индивида и в качестве личности), анализировать атрибутивные свойства человека, с одной стороны, в плане их происхождения и формирования, а с другой — в плане их деятельного проявления, сопоставлять друг с другом разные «места» через посредство атрибутивных свойств и так далее, и тому подобное.

Именно этот прием отображения структурно-функциональных свойств «мест» в атрибутивные свойства наполнения (соответствующий, судя по всему тому, что реально происходит с человеком в процессе его социокультурного становления и развития) позволяет нам говорить об относительной устойчивости и инерционности существования отдельного человека и при решении определенных социотехнических задач и относительно непротиворечиво представлять его в виде естественного объекта.

Принципы системного анализа и системного представления «феномена человека»

Представления о человеке как таковом складывается из наложения этих двух представлений и, в этом случае, так называемые психологические его характеристики могут быть отнесены (и относятся) к плану «наполнения» функциональных мест в деятельности.

По сути дела, мы берем «море» деятельности, в котором живут «капли воды» — люди, рассматриваем приливы и отливы, течения и водовороты и утверждаем, что это и есть жизнь капли. Свойства движения моря мы целиком приписываем капле; законы развития и функционирования деятельности, «нормы» ее мы переносим на отдельного человека и утверждаем, что человек как пассивный материал деятельности живет по логике деятельности.

Но при этом мы часто забываем, что все это есть лишь предварительное описание деятельности сквозь призму жизни антропного фактора: того, как деятельность отражается на человеке и того, как человек в своих отдельных проявлениях (естественных или искусственных) отождествляется с деятельностью. Мы исходим из того, что «капля» сделана как характерный элемент «моря» и в этом смысле движение моря и движение капли всегда совпадают.

Надо понимать, что это очень специфический и ограниченный взгляд. Надо понимать, что на этом пути никогда не будет построена ни психология личности (как и вообще психология), ни, тем более, — философская и педагогическая антропология; в лучшем случае мы получим психологически и антропологически ориентированную теорию деятельности.

Между тем, можно предположить, что существует особая область и особая логика жизни самой «капли» — но не той средней капли, о которой мы говорили выше, а этого конкретного, экземплярфицированного «микрокосма» человеческого самоопределения и существования. Это область индивидуальности, индивидуальной истории, «жизненного пути» — траектории движения и развития «человека». Человек рождается, учится, приспосабливается к деятельности и осваивает межличностные отношения, переделывает и трансформирует их, развивает деятельность, становится гарантом реализации определенной совокупности проектов и программ развития деятельности, потом стареет и умирает. Это цикл индивидуальной жизнедеятельности, в котором все, в том числе рождение и смерть, как писал Лев Выготский, имеют не только социальный, культурный, деятельностный, но и «психологический смысл».

Другими словами, кроме определения человека как элемента деятельности и социальной системы, мы должны представить его как «микрокосм», как целостную систему другого порядка, живущую по другим законам. И если описание человека как функционального «места» в деятельности и как «материала» наполнения этого места лежали в рамках одного системно-структурного представления, то различение человека как «элемента» и как отдельного «микрокосма» относится к двум принципиально разным системно-структурным представлениям, которые теперь, оставаясь противопоставленными друг другу, должны быть еще особым образом наложены и соотнесены.

Рассмотрение «человека» таким образом заставляет нас развивать системно-структурную методологию и обсуждать проблемы осуществления системных связей в мыследеятельности на множественном «материале» относительно независимых и взаимодействующих между собой «единиц» (человеческих «микрокосмов»), которые не только определяются «вышележащими этапами» деятельности, но и определяют ее процессы и структуры¹².

По сути дела это, сосуществование двух онтологий: одной, ухватывающей системно-деятельностный план (с различением «мест» и «наполнений») и другой, описывающей ту или иную частную «единицу», организованность деятельности и мышления как полную систему — характерно для всех гуманитарных наук.

Однако даже наличие двух названных выше системно-структурных представлений человека описанного типа, связанных друг с другом, является не достаточным для задания онтологических схем (идеальных объектов) «человека» или человеческого фактора.

Эти онтологические схемы могут появиться только на следующем шаге, когда мы во второй раз проделаем описанную процедуру фокусировки (центрации) в рамках полученного сложного системно-структурного представления. От анализа синкретически понимаемого человеческого фактора как материала = наполнения второго порядка нам необходимо перейти к собственно модельному представлению этого фактора, выделяющего специфические подсистемы (ипостаси) человеческого существования и устанавливающего отношения и связи между ними. В качестве таких подсистем могут выступать как традиционные представления о «психике», «поведении», «сознании» и так далее, так и другие, заново открытые и переинтерпретированные¹³ в контексте СМД-антропологии планы существования человека как своеобразного «микрокосма» — полной системы (другими словами, планы существования собственно человеческих форм мышления, эмоциональности, понимания, воли и так далее).

И лишь этот этап анализа впервые может дать основания для построения онтологии СМД-антропологии¹⁴.

Предельная и рабочая онтологии

*Мир человека: воспроизводство деятельности
и трансляция культуры*

Задача применения системного подхода к анализу и описанию «феномена человека» не задает однозначно выбора той онтологической картины (онтологии), в которой и относительно которой мы будем рассматривать человека. Можем ли мы сводить сущность человека к тем социальным и ком-

мунальным системам, в которых он непосредственно пребывает? Не является ли такая социологическая трактовка «игрой на понижение»? Каким образом мы будем учитывать в исследовании человека его связь с культурой, а вместе с тем, с историческим развитием всего человечества? Каким образом мы будем учитывать то, что человек является духовным существом?

Вопросы, которые мы пунктирно обозначили, стали предметом острых дискуссий в философии и социальных науках в конце XIX — начале XX столетия. В частности, эта дискуссия проявилась в известном споре между сторонниками социологической концепции адаптации человека (био-социальный подход) и сторонниками культурно-исторической концепции развития человека. Первые утверждали, что все свойства-качества человека могут быть объяснены (а вместе с тем, сформированы) в рамках концепции приспособления человека к существующему социально-коммунальному окружению. Вторые, напротив, утверждали, что существует пласт исторически накапливающейся культуры, который опосредует отношения человека и социальных систем и, вместе с тем, создает совершенно другое пространство самоопределения, формирования и развития человека.

Как мы уже подчеркивали выше, в плане развертывания онтологических представлений СМД-методология продолжает традиции немецкой классической философии и подчеркивает необходимость отказа от психологизма и социологизма в гуманитарных науках.

В самой психологии использование категории «деятельности» без описанного выше трехуровневого представления человеческого фактора приводит к целому ряду двусмысленностей: последняя употребляется как для обозначения глобальных проявлений социума, так и для описания того, что происходит с человеком. Введение «схем» такого рода в конце XIX — начале XX века было оправдано: оно выводило за узкие рамки физиологизма и психологизма.

Однако сегодня мы понимаем, что существует множество социокультурных систем, нетождественных и неизоморфных друг другу, связывающих человека с миром исторически развивающейся социально и культурно опосредованной деятельности. Каждая из этих систем (подсистем) задает особую действительность, со своими механизмами и процессами, а следовательно, может стать самостоятельным предметом изучения. СМД-методология исходит из принципа многоуровневости и *не-гомогенности* (*неоднородности*) того мира (пространства), в которое включен человек. Признавая наличие социального контекста и социальной детерминации человеческого поведения (свойств-качеств), СМД-методология рассматривает чисто социологические трактовки феномена человека и социологические модели объяснения (интерпретации) человеческого поведения как недопустимую редукцию и упрощение.

СМД-методология признает принцип культурной опосредованности человеческого поведения и деятельности, в артикулированной форме введенный в отечественную психологию Л. С. Выготским в 20—30 годы прошлого столетия. Это, в частности, означает, что СМД-методология признает принцип *не-тождественности* социального и культурного и для онтологического обоснования этого принципа привлекает представления об исторически развивающейся Деятельности, как единстве процессов трансляции культурных норм и их реализации в ситуациях на различном социальном и антропном материале.

*Мышление как не-деятельность:
на пути к представлениям о коллективной мыследеятельности*

Вместе с тем, та реальность, которая в рамках немецкой классической философии и конвенционалистски ориентированной философской психологии XIX и XX веков была обозначена как «мир культурно-исторической деятельности», с точки зрения СМД-подхода, также неоднородна и включает в себя целый ряд различных образований.

Абстрактная идея деятельности, в своих онтологических интерпретациях опирающаяся на принцип трансляции культурных норм и воспроизводства является явным переупрощением социокультурной реальности. Любая реальная ситуация деятельности необходимо содержит в себе элементы интересубъективного взаимодействия, мыслительной организации, рефлексивного и понимающего оформления, коммуникативного выражения. При этом нет смысла, говоря о мышлении, понимании и рефлексии, возвращаться к чисто психологическим интерпретациям. Названные процессы, прежде всего, являются коллективными, коммуникативными и кооперативными образованиями, которые не только и не столько следуют за процессами трансляции культуры, сколько производят новообразования, часть из которых в дальнейшем станет основанием новых культурных норм.

Мы вынуждены расширять категориальную и онтологическую базу и рассматривать коллективную МД как минимальную «единицу», из которой должны быть выведены все остальные процессы и организованности. Коллективная МД помимо деятельности-как-таковой, включает в себя процессы коммуникации, в которой «встречаются» два различных носителя деятельности, а вместе с тем, процессы взаимопонимания, понимания, рефлексии и чистого мышления, тесно связанного с такими функциями, как воображение, представление, схематизация и созерцание.

Ситуации МД рассматриваются всегда как обладающие, как минимум, двумя измерениями: вертикальным измерением реализации¹⁵ и горизонтальным измерением коммуникации.

Наличие пространства МД как коммуникации и мышления как бы «погружает» нормированную и культурно-опосредованную Деятельность в более широкий «эфир» интересубъективного взаимодействия, а его, в свою очередь — в пространство мышления и мыслительно-организованного управления; именно наличие этого более широкого плана позволяет говорить о процессах создания виртуальных пространств и интеллигибельных миров, нетождественных сложившимся (имеющимся) организованностям деятельности и обусловленным ими инерционным процессам в деятельности. Названные виртуальные пространства и являются пространствами свободы и самоопределения человека, в которых может ставиться специальная задача изменения деятельности, артификации коллективной мыследеятельности и тех или иных процессов, а также формирования субъективности.

«Другой» выступает как способ расширения пространства коллективной МД, а культура не столько нормирует коммуникацию и понимание, сколько претендует на задание общих рамок мысле-коммуникативного пространства, делая само понимание (взаимопонимание) возможным, но не предопределяя и не гарантируя конкретный характер ситуации МД.

С этой точки зрения, можно также сказать, что «человек» выступает как топика, которая лишь высвечивается (проявляется) в акте коммуникации, но нигде не проступает полностью, оставаясь «тайной».

Наличие слоя мышления как *не-деятельности* и пространств коммуникации-понимания-*не-понимания*, превращает человека в открытую систему и служит механизмом развития самой Деятельности.

*Артификация мыследеятельности
и понятие антропотехнического экспериментирования*

В рамках различных направлений прикладной и технически ориентированной психологии (педагогической, организационной психологии, психологии спорта) все более распространяется проектный подход к человеческому поведению и деятельности. Тот факт, что деятельность является искусственным образованием, что поведение и деятельность человека формируется и изменяется самим человеком в соответствии со знанием о нем, являясь проблематичным фактором по отношению к психологическим исследованиям, строящимся по образу и подобию естественных наук, позитивно осмысляется в контексте прикладных разработок и психотехнической идеологии.

Психотехника, культурантропология, социотехника в буквальном смысле «открывает» новые стороны поведения человека, новые возможности и новые резервы его психофизиологической организации, строит новые психические и психологические функции.

Вместе с тем, такая прикладная психология и гуманитаристика повсеместно выходит за границы традиционного психологического языка и традиционных психологических представлений; переход на проектную и формирующую точки зрения требует привлечения новых категорий и понятий, новых «схем» человека. Напротив, привлечение устоявшихся подходов и принципов объяснения и описания поведения и деятельности не позволяет «схватить» новый опыт, «стирает» или «замазывает» принципиальный характер психотехнической инновации.

Открытие новых субъективных режимов самоорганизации, *о-искусствление* их и анализ *о-искусственного*, и, прежде всего, задачи обобществления и воспроизведения нового опыта, объективации и отчуждения субъективных «открытий» заставляет искать *вне-психологические* и *сверх-психологические* «рамки» для развертывания проектного подхода в прикладной психологии и антропотехнике.

Один из вариантов предложен выше: в схемах и понятиях системомыследеятельного подхода, который опирается на базовые представления о коллективной мыследеятельности, включающей в себя процессы коммуникации, понимания, мышления, мысле-действия и рефлексии. Следует подчеркнуть, что перечисленные процессы могут быть представлены не только как процессы, характеризующие принципиальное строение коллективной МД, но и как своеобразные МД-функции, которые могут быть освоены отдельным человеком. Такое освоение предполагает включение человека в МД, индивидуализацию, персонификацию и субъективацию МД. В этом случае, на передний план выходят задачи технического обеспечения названных процессов, а затем и особой, МД, организации самим человеком своей субъективности. Перефразируя Л. С. Выготского, можно сказать, что человек должен овладеть своей МД за счет особого рода технической работы; это и задает направление прикладной антропотехнической работы в контексте СМД-подхода.

Постановка проблем артификации МД заставляет нас анализировать соотношение и связь проектного и программного подходов в контексте прикладной антропотехнической работы. Действительно, представления о коллективной МД и МД-функциях могут быть поняты как цель и принципиальный проект артификации. С другой стороны, мы должны признать идею множественности возможных линий артификации и трансформации МД; программный подход требует выявления «зоны ближайшего развития» человека и его МД-функций, движения в рамках этой зоны. Реализация такого подхода позволяет говорить о процессах развития человека не в терминах «антропотехники», а, опираясь на концепцию «антропоники», своего рода практики «выращивания» индивидуализированных МД-функций, и рассматривать антропонический подход, как одну из основных организационно-технических рамок прикладной психологии.

Вместе с тем, переход на антропоническую точку зрения (включающую элементы проектирования) заставляет нас искать такую интерпретацию СМД-подхода, которая была бы соразмерна поставленным практическим задачам. Реализация антропонического программирования и проектирования новых МД-функций должна быть поставлена в контекст исторического развития мыследеятельности; именно идеология развития МД и «схемы» такого развития задают условия и предпосылки МД-антропологии и прикладной психологии¹⁶.

*Человек как «носитель» МД, «источник» нововведений
в МД и «гарант» развития систем МД*

Как мы уже подчеркивали ранее, факт связи, пересечения и наложения различных социокультурных систем требует от нас определенного порядка выделения и анализа, логики «движения» и системной проработки проблемы: анализ культурно-исторических форм организации МД, МД-процессов должен предшествовать анализу индивида, личности, человека. Это связано с тем, что человек существует как бы на пересечении и внутри всех систем, а следовательно, во многом по их законам.

Большая часть характеристик человека и планов его поведения задается через включенность его в более широкие системы МД, через те нормативные требования, которым он должен удовлетворять как функциональный элемент этих систем. Подобные МД-процессы не являются предметом собственно психологического анализа. Именно этим вызваны многие неудачи прикладной психологии: в реальном поведении и МД чрезвычайно трудно отделить различные планы существования человека, принадлежащие разным уровням, формам его включенности в социокультурные процессы и структуры. Проводя такой анализ, мы обязаны начинать с процессов включения человека в МД, итогом которых будет превращение его в носителя МД.

Наличие пространства коммуникации, мысли-коммуникации, понимания и рефлексии, как мы уже подчеркивали выше, создает особое пространство, в котором человек вступает в открытый диалог и взаимодействие с Другим¹⁷, а вместе с тем, начинает работать со своими неиспользованными ранее возможностями. На этом уровне изучения мы должны рассматривать фундаментальную рефлексивность человека, которая позволяет ему понимать другого, анализировать ситуации, выявлять проблемы, самоопределяться и перестраивать МД, становясь, тем самым, источником появления новообразований и изменений в МД.

Вместе с тем, мы можем фокусировать свой анализ не на отдельных ситуациях коммуникации и взаимодействия с Другим, а на траекториях движения самого человека от одних социально-деятельностных структур к другим, от одних ситуаций к другим. Мы можем центрироваться на управленческих и политических отношениях в коллективной МД, фиксировать включенность человека в структуры ответственности и власти, выражающиеся в оформлении его личной «территории» (поля Деятельности) и его поступках. Человек при этом выступает как гарант процессов изменения и развития МД, как держатель исторически сформированного и подтвержденного предыдущими поступками данного человека образа (репутации), а значит, мандата на осуществление определенной совокупности проектов и программ.

Практика: вместо заключения

Проблема Свободы в СМД-антропологии

Мы специально подчеркивали, что большая часть характеристик человека связана с процессами его функционирования в машинах (мегамашинах) МД. Иногда осознание этого факта приводит к появлению целого ряда «лудитских» движений в интеллектуальной сфере; эти движения под лозунгом разрушения машин МД часто используют идею «свободы» для своего оправдания и идеологической экспансии. СМД-подход исходит из иных принципов и ценностей.

Свобода человека, с этой точки зрения, состоит не в том, что он отказывается от системы культурных норм и от участия в функционировании машин мыследеятельности (деятельности). Свобода отдельного человека проявляется в том, что он «входит» в интеллектуально и культурно организованные машины МД, занимает в них определенное функциональное место и, вместе с тем, опираясь на способности рефлексии и мышления, строит программу освоения и преодоления сложившейся деятельности и ее норм. Свобода отдельного человека есть всегда свобода от одних машин МД для конструирования других машин МД и их последующего освоения.

В этом контексте можно вспомнить знаменитые слова К. Маркса о том, что свобода, в конечном счете, есть ничто иное, как осознанная необходимость быть свободным. Вместе с тем, в рамках СМД-антропологии в качестве важнейшего, в определенном смысле, предельного понятия, указывающего на онтологическую возможность освобождения от диктата социальных систем, культуры и деятельности вводится общее представление о мышлении и совокупность инструментальных представлений о техниках и методах рамочного мышления, проблематизации, полагания и схематизации, рассуждения.

Практика Организационно-деятельностных игр: опыт и принципы конструирования условий для человеческой Свободы

В конце 1970-х годов в рамках ММК был разработан метод «организационно-деятельностных игр» (симуляций, имитаций).

Первоначально этот метод применялся для решения сложных проблемных ситуаций, требующих участия различных профессионалов (специалистов); в качестве типичных можно назвать ситуации, связанные с разработкой город-

ских и региональных программ развития, экстремальные ситуации, ситуации реорганизации предприятий и учреждений, ситуации программирования комплексных научных исследований и разработок, и прочее.

Для проектирования и организации игры (игровых взаимодействий) использовалась схема (представление) коллективной мыследеятельности¹⁸. В качестве основы использовалась методологически организованная коммуникация между несколькими игровыми группами, каждой из которых была «приписана» специфическая позиция. Коммуникативная и мыслительная перспектива задавалась либо ориентацией на проблемы и проблематизацию (а значит — смену рамок ситуации), либо на решение задач (в частности — проектных).

В организации игры использовался принцип многополюсной (многофокусной) организации, и в качестве ведущих выступают фокусы методологической, организационно-игротехнической и антропотехнической работы.

Наличие в игре (игровом пространстве) нескольких фокусов организации и рефлексивного управления создает пространство свободы, предварительные условия для самоопределения, а главное, способствует отделению человека от той или иной организационной перспективы. Реализация стратегии проблемно ориентированной коммуникации способствует формированию новых горизонтов и расширению рамок понимания как для отдельного человека, так и для целых групп.

К этому следует добавить, что практика ОДИ носила достаточно массовый характер; к середине 1980-х годов на территории бывшего СССР работало около десяти самостоятельных групп игротехников (в подавляющем большинстве случаев сформировавшихся под влиянием практики ОДИ Г. П. Щедровицкого), а число игр достигало 70—80 в год. Если добавить к этому, что среднее число участников каждой игры составляет около 100 человек (максимальное число участников — 400 человек), то можно легко посчитать, что к 1991 году через игры прошло более 50 тысяч человек. По началу сам факт «выхода» человека из социально-производственных систем, резкая смена коммуникативного контекста и ценностной перспективы, формирование своеобразного «клуба» (многих клубов) из участников игр (на региональном и трансрегиональном уровне), проведение серий игр на одном предприятии (в одном регионе) оказалось существенной социокультурной инновацией.

В условиях чрезвычайно инертной и консервативной социокультурной среды характерной для СССР конца 70-х — начала 80-х годов, практика ОДИ выполняла роль коллективных сновидений — своеобразных грез наяву: именно в игре можно было обсудить проекты переустройства и реорганизации существующих структур, не вступая в открытый конфликт с существующими властными и культурными институтами и, одновременно прорабатывая как содержание, так и возможности последующей реализации этих проектов. Вместе с тем, ОДИ несли в себе огромный антропотехнический заряд; в ходе игр на локальных группах и отдельных людях выращивались и формировались специфические интеллектуальные и собственно психические способности.

Еще Лев Выготский подчеркивал, что так называемые «высшие психические функции» (мышление, понимание) имеют ярко выраженный интерсубъективный характер, то есть возникают в рамках коллективной коммуникации и интерсубъективного взаимодействия (в частности, взаимодействия ребенка со взрослым). Практика ОДИ создавала условия для образования и функционирования новых интеллектуальных функций, невостребованных и, в силу этого, нераспространенных в прежней социокультурной среде.

Результаты рефлексии и описания последних передавались в другие области деятельности, в частности в сферу образования и подготовки кадров, в сферу управленческого консультирования и практического управления, в кинематограф, дизайн, культурную политику, в научные исследования и так далее. Это, в свою очередь, требовало принципиальной реконструкции названных практических областей и сфер деятельности.

Таким образом, практика ОДИ в 80—90 годы прошлого века вобрала в себя, по крайней мере, три линии предшествующего развития СМД-методологии и СМД-антропологии: задачи развития человеческих ресурсов и человеческого фактора в ситуациях и системах коллективной мыследеятельности, задачи развития социо-культурной, политической и коммуникативной среды и задачи общего развития существующих организаций (организационных структур) и организационной культуры¹⁹.

Примечания

¹ Данная работа была написана в 1992 году и поэтому не учитывает возражений, сделанных по отношению к моим последним работам и в целом к антропологической концепции СМД-методологии со стороны известных публицистов — Земляного и Сапрыкина. Также следует подчеркнуть, что особого обсуждения заслуживает тема взаимоотношений СМД-методологии и персонологии, не являющаяся предметом рассмотрения в данной статье.

² В рамках традиции ММК этот термин широко употребляется Ю. В. Громько и его школой.

³ Содержательное обсуждение этих понятий смотрите в следующих разделах настоящей статьи.

⁴ В 1968 году Г. Щедровицкий подписал письмо в защиту А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, после чего был исключен из партии и уволен из Института технической эстетики.

⁵ Как известно, из института вынуждены были уволиться практически все соратники Г. Челпанова, принимавшие участие в его создании.

⁶ Еще раз следует подчеркнуть, что параллельно, в начале XX века в России развивался философский персонализм, который в дальнейшем не нашел распространения и применения в массовых психопрактиках.

⁷ Следует подчеркнуть, что одновременно и параллельно происходит близкое по типу развертывание других антропотехнически, социотехнически и культуротехнически ориентированных сфер деятельности. В результате возникают многочисленные интерференции понятий и подходов; возникает целый спектр *гибридных* — социально-психологических, социокультурных, культурно-психологических — онтологий и опирающихся на них локальных практик.

⁸ История человеческого мышления сформировала ограниченный набор представлений, претендующих (или претендовавших) на статус предельной онтологии — это, прежде всего, идеи Космоса, Бога, Природы и Истории (или Деятельности). Последняя группа представлений разворачивается в Европейской интеллектуальной традиции чуть более 200 лет. Специфическую версию этой традиции разворачивал и разворачивает в период с 1952 по 2002 годы так называемый ММК и, особенно его лидер, Г. П. Щедровицкий.

⁹ В задачи данной статьи не входит дать систематическое изложение всех принципов СМД-похода и СМД-онтологии. Этот вопрос был предметом ряда специальных работ автора. См.: 19

¹⁰ В роли подобной системной целостности могут выступать как макро-, так и микро-системы, как социальные, так и экономические, культурные, исторические, духовные планы рассмотрения, которым в данном контексте присваивается статус необходимой и достаточной целостности. Как мы уже подчеркивали выше, реально возможный список подобных «целостностей» ограничен и изменяется исторически: как смена парадигм или

традиций рассмотрения. Например, в последние 25—30 лет во многих социально-гуманитарных дисциплинах в качестве такой целостности принято рассматривать процессы глобализации экономических и политических процессов и новообразование последней четверти XX века — макрорегионы (такие как АТР, НАФТА, Объединенная Европа и т. д.).

¹¹ Здесь и далее излагаются основные идеи системного подхода Г. П. Щедровицкого.

¹² С методологической точки зрения важным является тот факт, что материал деятельности должен рассматриваться и осмысляться как совокупность процессов. Таким образом, одни процессы осуществляются и реализуются за счет других процессов.

¹³ В данной статье в этом качестве, прежде всего в качестве иллюстрации подхода, используются очевидно недостаточные представления об индивидуальном, личностном и индивидуальном планах существования человека в МД. Как мы уже подчеркивали, разработка основ СМД-антропологии — дело будущего.

¹⁴ Рискнем утверждать, что последовательно названные шаги системного представления феномена «человека» в рамках СМД-методологии не были осуществлены, но лишь намечены — да и то, преимущественно, на методологическом уровне — в работах 70—80-х годов XX века.

¹⁵ В котором реализация на основе норм культуры носит частный и частичный характер по отношению к реализации процессов и организованностей мышления в коммуникации имыследействии.

¹⁶ Можно, вместе с тем, подчеркивать и обратную связь — постулируя в качестве предельной рамки идею развития, то есть постоянного качественного изменения, мы обязаны допустить бесконечную возможность изменений самого человека как условие его онтологической соразмерности процессам и вызовам развития.

¹⁷ Подчеркнем, что именно наличие первой ипостаси — носителя МД — в подавляющем большинстве случаев является основанием и мандатом для вступления в коммуникацию с Другим.

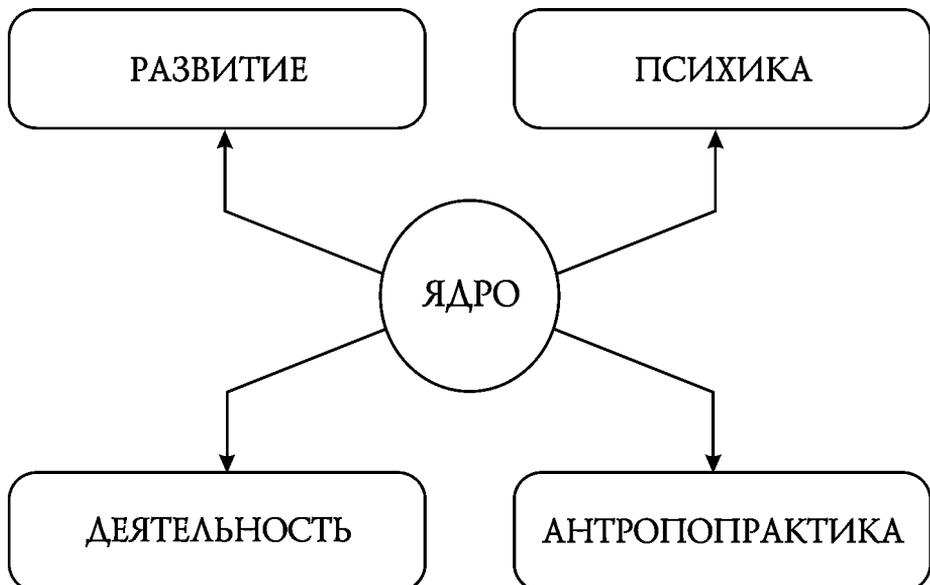
¹⁸ Само представление об Игре как коллективной МД было выработано в ходе так называемой Игры-2, ориентированной на выработку языка для описания игровой практики и ряда совещаний проходивших в период с 1980 по 1982 годы. Таким образом, можно считать, что представления о коллективной МД стали реальным основанием проектирования и ситуативного управления играми с 1981—1982 годы.

¹⁹ Неслучайно, потому что многие организаторы и участники игр в дальнейшем (начиная с 1989 года) начинают активно включаться в формирование новых рынков, в частности рынка консультационных услуг и внешнего (кризисного) управления, в сфере образования и подготовки кадров, управления и организационного проектирования, политики и развития общественных связей.

ИДЕЯ РАЗВИТИЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ**

Дорогие коллеги, друзья! Я рад, что мы вновь встретились с Вами, и готов продолжить нашу совместную работу. Сегодня я поделюсь с Вами некоторыми размышлениями, возникшими после нашей последней встречи, а именно мыслями из области антропопрактики, которые связаны с рамкой развития, мыслями о том, что находится в области деятельностного подхода, мыслями, связанными с представлениями о психике.

А поскольку мы с вами ученые, то я это по-ученому и нарисую. Я постараюсь работать в четырех горизонтах, рамках (слово «рамка» я понимаю именно как горизонт, носитель идеального направления движения, а не просто контекст). И эти рамки я обозначу так: «развитие», «психика», «деятельность» и «антропология» или «антропопрактика» в ее современном звучании. Когда я начинаю говорить о рамке или о горизонтах, то есть о ландшафте той местности, в которой находится мое размышление, я тут же начинаю думать: а относительно чего все эти рамки, где то ядро, которое было бы осмысленно представить как реализующееся в горизонт развития, и в горизонт человеческого? Я думаю и о его ядерной составляющей и в горизонте деятельности, и в горизонте душевного движения (см. рис.). Именно это искомое, этот «X» я и постараюсь найти в конце работы. Соответственно, эти шесть часов нашей совместной работы — это четыре очерка, по поводу каждой названной мною рамки.

* Борис Эльконин — зав. лабораторией психологии развития Психологического института РАО, вице-президент Международной ассоциации «Развивающее обучение», доктор психологических наук (Москва).

** Лекция прочитана на II Всероссийской Летней Школе по практической антропологии «Практическое мышление. Схемы прорыва» (Томск, июнь 2003 года).

Размышления, которые я собираюсь вам сегодня изложить, пришли мне в голову во время Леонтьевских чтений. Эти чтения проходили в конце мая, и были посвящены юбилею А. Н. Леонтьева и, соответственно, юбилею деятельностных теории и подхода. Мне в голову пришла мысль о том, что сегодня в теории деятельности идет полагание новых объектов, далеко забегающее вперед положенного Л. С. Выготским метода, который так блестяще использовал А. Н. Леонтьев.

В теории деятельности появилось очень много новых слов. И одно из них вездесущее — «смысл». Ученые, последователи деятельностной концепции, тоже постоянно говорят о смысле, и по-разному строят его конструкцию. Однажды я задал вопрос и себе, и представителям деятельностного движения: «Когда вы говорите о личностном смысле и значении, то относительно какого отражаемого или реального действия идет этот разговор? Все вы имеете свои позиции: один — психотерапевт, другой — образованец, педагог, третий — управленец... Где вы находитесь, относительно какого поля и как вы его преобразуете? Почему вам вдруг показалось важным в это поле вносить такое преобразование, которое хорошо тем, что никогда не понятно?». Интуитивно конструкция смысла очень необходимая, глубокоосидающая, это такая реальность, для которой характерно следующее: как только ты на нее обратишь внимание, она изменяется, становится другой, как только ты зафиксируешь что-то, это что-то тут же заканчивается, и начинается что-то другое, с другим значением... При этом я постоянно намекаю на то, что сделал Выготский. Строго говоря, им был введен экспериментально-генетический метод и как метод экспериментирования, и как метод мышления. Выготским была положена некая максима: каждое слово, каждая объективация, каждое полагание, которое из тебя «вылетает», должны быть соразмерны этому воображаемому или выполняемому действию, и они мыслятся лишь в отношении этого действия. Совершенно другое дело, когда я, например, для слова «смысл», нахожу некоторый пример в реальности. В результате мне приходится говорить примерно следующее: «То, о чем я говорю, вы уже имеете — только посмотрите вокруг! Это имя, которое я называл, оно имеет объект!». И вот здесь я влетаю в традиционное теоретизирование, автоматически вылетев из деятельностной и культурно-исторической рамки.

Нужно понять, что это за «мое» действие, относительно которого я говорю о чьих-то смыслах. Или, говоря отчасти словами Мамардашвили, отчасти — Выготского, вопрос состоит в том, как существует субъект в виде смыслового движения или каков субъект этого осмысления и пребывания в смысловой жизни; в том, почему я являюсь таким субъектом, почему вдруг я увидел то, чего до этой моей субъектности видно не было? Вопрос всегда задается о моем видении, а не угадывании за словом какого-то его значения и оправдания словоупотребления наличием-отсутствием какого-то значения. Вот то, о чем я говорил в разделе и называется экспериментально-генетическим методом.

Грубая ошибка, с этой точки зрения, начинается с утверждения о том, что у кого-то существует деятельность, и вообще со словосочетаний «его деятельность», «их деятельность» или «их действия». Это происходит в связи с тем, что сразу возникает вопрос: «А что я такого сделал в той или иной ситуации, что такого преобразовал и какую метаморфозу получил, положив мир, мысленно или оптически, что вдруг из этого мира навстречу мне вылетела какая-то штука, которую я и называю деятельностью?». Я считаю, что на сегодняшней нашей встрече надо подумать о том, есть ли оппозиция практического

и теоретического, а не деятельностного и натуралистического, то есть экспериментально-генетического, и объектного подходов.

Следует отметить, что то, что я делаю сейчас, делалось всегда на переломах практик, историй, например, Марксом в «Критике идеологии», Бурдьё в книге «Практический смысл», в главе «Объективировать объективацию». Но вместе с тем, вспомним то, о чем говорил Выготский: нужно задать систему отсчета, свое действие, тот самый «X» — то, как ты преобразовал мир так, что тебе открылось все то, что открылось. Место, где сказанное приобретает остроту, по мнению Выготского, это событие, которое можно назвать рождением субъекта. Речь идет о рождении определенного режима жизни, не индивида, а режима жизни, связанного с тем, что некто, какая-то организованность, начинает строить свое собственное движение. В ответ на этот вызов он так решает судьбу, считал Лев Семенович, его поведение свидетельствует о том, о другом... здесь нужно говорить о том, как, в какой точке он встретится со своим «героем», «актером», причем так встретится, что эту встречу можно будет назвать рождением субъекта.

И это действительно неклассическая психология, так как оказалось, что все, что мы до сих пор говорим о психике, принадлежит не индивиду, а вот этому режиму жизни, вот этой встрече, вот этому основному событию. И тогда мы попадаем в массу парадоксальных и неожиданных вещей.

На лекциях я привожу простой пример. Существуют ощущения, впечатления, память, мышление, аффекты — что это? Естественное состояние психики — что это? Разные анализаторы, например глаза, — это и есть психика? Можно попытаться представить себе, как на это мог бы ответить Выготский. Возможно, он ответил бы так: «А скажите, где есть та реальность или та действительность, где нужно, чтобы человек отличал ощущения, образы, чтобы он понимал, что на инструкцию «сосредоточься», не следует начинать вспоминать, а на инструкцию «запомни» — щупать? ...Где та реальность, где требуется не знание того, что такое ощущения, а требуется ощущение различия? Что есть та практика, в которой от человека востребовано такого рода различение? Разные версии ответа на эти вопросы и станут разными версиями ответа на вопрос о бытии этой их психики». Следовательно, если я умею настроить и простроить те ситуации, в которых требуется отличить то, когда индивид ощущает, когда видит и когда запоминает, тогда я в той или иной мере выстрою эту штуку, которую потом можно назвать психикой.

Итак, я резюмирую введение.

Деятельностная или выготскианская психология в первую очередь определяет саму деятельность как возможные построения местности возможных встреч того, кто определяет, и тех, в отношении кого он определяет. Этот тип работ, этот тип мышления и этот тип воссоздания реальности я называю практической формой. В этой практической форме и в экспериментально-генетическом методе, связанном с опосредствованием, можно говорить только те слова, которые могут быть обращены к тому объекту, относительно которого говорятся эти слова. Все остальное — от лукавого. Когда мы произносим слова «психика», «деятельность», «практическое», то мы уже подразумеваем какой-то объект, какую-то штуку, которая может воспринять и «отдать» обратно. Часто это совсем не та штука, с которой мы имеем дело, это штука другого масштаба. В жизни ребенка взрослый живет в масштабе конкретного возрастного периода, а действует в масштабе ситуации. И мысли взрослого обращены совершенно не туда и не на того, кто стоит перед ним, а на воображаемого, мыслимого или иного субъекта, который называется «младший школьный возраст».

Итак, что такое экспериментально-генетический метод и вообще деятельность? Это искусство обращения, а обращение в выготскианской логике не бывает одно. Одно из обращений направлено непосредственно, а другое только имеется в виду, но при этом существует, обращено, втягивает человека, направлено за него, на какой-то горизонт. Обращение никогда не бывает одно и оно всегда смысловое. Здесь я имею в виду под словом «смысл» искомое, неявное, связывающее несколько разномасштабных обращений (ситуативное, онтогенетическое, социокультурное, культурно-историческое и так далее). Единственность обращения — это либо признак дебильности обращающегося, либо сильный психотехнический акт, акт очищения от всего, что есть.

Итак, то, что называется экспериментальным генезом, связано с событием пробы обращения.

Я очертил зону, которую можно назвать зоной смыслов. Относительно нее я попытался очертить ту рамку и ту планку, которую я постараюсь держать. Я очертил то, чем мне интересно мое мышление, чем мне интересно находиться в усилении мышления. Если у Вас есть вопросы, пожалуйста, задавайте.

А. Попов: Теперь — вопросы, которые могут показаться вам наивными. Первый вопрос о возможной встрече, про построение возможных встреч, и здесь же вопрос про обращения, потому что, на мой взгляд, эти встречи и есть обращения. Насколько вы можете сейчас снять метафорические восприятия встречи? Если не можете, то не можете. Обращение разного человека в разных ситуациях, к социуму...

Б. Эльконин: Если говорить о терминах, даже о категориях, а не о метафорах, я здесь имею в виду следующее: дать возможность понять, что такое реальность посредника. Эта штука и называется «посредничество». Я на самом деле сказал, что (а) это система отсчета, (б) она имеет определенные условия, связанные с пробой обращения.

Когда я что-то делаю, работаю в определенном масштабе, в чем здесь интрига? Я пришел со своей культурно-исторической концепцией в аудиторию, которая поставлена или самоопределилась в ситуацию размышления, пока не известно о чем. Я сказал: «Ребята, я хочу, чтобы наша встреча произошла здесь. Мне это интересно». Как мне узнать, кроме всяких психологизмов, вроде обращенных ко мне глаз, внимания, произошла или не произошла встреча? Я же должен обращаться к аудитории в пяти масштабах сразу: культурно-историческом, психологическом, ситуативном, социокультурном, контекстном, — то есть в связи с тем, что вы обсуждаете практическое действие. Если судить по речи, то у меня обращение одно, хотя их должно быть пять. Жизнью сделано все, чтобы никакого обращения не получилось, потому что оно не бывает одно. И поэтому встреча — это всегда метафора. Встреча — это из ряда вон выходящая вещь, но ведь и нормальный родитель — это тот, кто умеет пробовать, рисковать, а нормальный учитель это просто чувствует. И самое главное, в тот момент, когда обращаешься и не знаешь, встретился или нет, ты все время находишься в версионном, пробном, зондирующем режиме. При этом я направлен сразу на два адреса: один адрес — это Выготский и Мамардашвили и мои с ними отношения, и это один масштаб; а другой — это те, люди, которые сидят и полагают, что это им обращено, и что свои разборки с Мамардашвили я могу и без них производить. Каким образом в этом случае может возникнуть та территория, на которой будет со-мыслие?

Обращение имеет определенный канал, возьмем условно такой кибернетический термин. Один входит в ситуацию обращения своим смысловым сопереживанием, другой — действием, с каким-то мыслительным материалом.

Вы все разные, с разной образованностью, с разной идентичностью и прочее. Ну не должно случаться никаких встреч. И если встречи хотя бы в какой-то мере где-то случаются, держатся и длятся — это событие. Именно поэтому «встреча» — это всегда метафора. Если мы будем говорить о «встрече» символически, то это правильно, потому что нам всем только кажется, что мы встречаемся. При этом то, что мы встречаемся, и есть практическое. Мы встречаемся только при определенных условиях. Поэтому «встреча» — это всегда метафора, а посредничество и событие — это категории.

С. Урсу: Я вот примерно про то же хочу сказать, материализовать то, о чем шла речь. Когда вы говорите про связность прямого действия, обращения и так далее, про связность разномасштабных каких-то действий, это является некоторым ощущением или некоторой мыслительной формой, коммуникативным приемом? Что это?

Б. Эльконин: Как вы это сделаете, так и будет. Можно делать это так, чтобы было ощущение. Если это случается, то чаще всего это, конечно, ощущение. Ощущение усилия понимания. Если бы я вышел из своего собственного конструкта и начал бы отвечать, то в традиционно теоретическом зале я сказал бы следующее: «Это такое собственное ощущение в усилении, которое удерживается в мышлении, в схеме». Но как только я вышел из этого своего конструкта и сказал «оно такое», я тут же начал соображать по-своему. Как это может быть, чтобы ощущение усилия, ощущение присутствия еще и удерживались? В человеческой практике подобного не было никогда. Либо схема и мысль, либо ощущение и действие. И здесь мне можно задать следующий вопрос, возвращающий меня в мою рамку: «Как же возможна такая одновременность? Что надо сделать, чтобы были соразмерность телесного ощущения и его образа, а при этом еще и удержание их связности? Как это бывает, в смысле — «быть»?» — и тогда тебе возвращается твой вопрос: «Что это?». Это происходит потому, что мы часто в суждениях проглатываем основные слова «одновременность» и «связность»?

И. Проскуровская: К понятийному ряду ваших размышлений... Вы сказали, что квинтэссенцией выготскианства является попытка схватить событие пробы обращения, пробы говорения, событие пробы встречи. Это разные попытки говорит про одно и то же, или это совершенно разные вещи? Это может быть связано с телесным ощущением встречи, действия? Это одно и то же?

Б. Эльконин: Есть много материалов, на которых это происходит: иногда это говорение в отношении половой и материнско-детской жизни. Это материал телесный. Любой материалом может быть ведущим. Все трудности, связанные с сексологической проблематикой, существуют из-за того, что многие люди не могут прийти к собственному телу, в силу определенных обстоятельств. Если эти обстоятельства не конституциональные, то есть не связанные с устройством, то это обстоятельство лишнего вербализма. Обращения (и это тоже метафора) многоканальны.

Это может быть и действие. Но в какой опять же метафоре? В земледельческой метафоре Бурдьё, то есть половой: зачатие — вынашивание — роды? Или в метафоре второй промышленной революции: одну болванку преобразуем в другую болванку с помощью средств и так далее? Когда мы говорим про зачатие, как про качественно-образовательное действие, связанное с половой метафорой и с ее ритуалами, мы в этот момент меняем на что-то свои способности. Отсюда появляется коммуникативность (я, кстати, слово коммуникация еще ни разу не употребил).

Если действие рассматривать через пятый параграф первой главы «Капитала» как процесс труда, то все получается слишком просто. Марксу совершенно напрасно приписывают создание определения действия через процесс труда. На самом деле это полный дебилизм!

Есть объект, он преобразуется, и получается что-то, что ведет жизнь дальше. Но есть и сам процесс преобразования. И одно, и другое может быть каналом обращения, тем, на чем это обращается, если это не абсолютизировано, например, в деятельностной теории. Относительно этого образа труда не ставят вопросы о целях, средствах.

Когда обращение удалось? Если ты своим допущением можешь вызвать другое допущение, значит, ты обратился правильно. Я сейчас могу обратиться так, что кто-то мне ответит: «А! Я же говорил о деятельности вообще, а вот объектно думал о ней, лишь в определенном образе!». Тогда я могу повторить еще раз: образ того, что есть деятельность в земледельческой общине, образ того, что такое деятельность в конце XIX века, и образ того, что есть деятельность сегодня — это все из области коммуникации и определения идентичности.

Основная трудность состоит как раз в самом обращении. Например, меня родили, дали образование, и стал я продуктом. И кому я такой вообще нужен? Для кого я являюсь продуктом? Где поле обменов, поле игры? Со всеми моими выдающимися способностями, со всем тем, что я понимаю и не понимаю... И тогда деятельность надо рассматривать совсем из другой метафоры Бурдые — это игра, игровая метафора. Например, футбол — это образ деятельности.

Когда ты мне говоришь слова «действие», «коммуникация», я могу спросить тебя, а может быть «действие», «коммуникация» или «обращение» — это и есть такие штуки, в результате которых рождается допущение? Ты начинаешь понимать, о чем говоришь или что делаешь; начинаешь делать то, что понимаешь. В любом случае, эта штука сложная, и как минимум двухслойная. Вижу, что делаю. А если только вижу и только делаю? Слышу, что говорю. Чем я слышу, что я говорю? Где орган моего слышания того, что я говорю? С одной стороны, вся коллизия связана с невозможностью обратиться, а с другой — с событием обращения, которое и есть метод понимания того, что все, что должно пониматься — связано, двухслойно и так далее.

Коммуникация мыслится в классическом определении через одинокость параметра: коммуникация есть обмен информацией. Но если вы сейчас настроите на это свое мышление, то вы сразу увидите, что обмен и информация — это вещи несовместимые. Обмен информацией происходит в некотором поле, определение которому существует в физике. Разве может быть по-другому?

Что я имею в виду, когда произношу понятие «обмен информацией»? Я подразумеваю, что обмен — это одно, а предмет обмена — совсем другое, но каким-то образом они совмещены. А дальше я начинаю задавать вопросы: «Как они могли совместиться?», «Какие были нужны условия, чтобы этот обмен информацией состоялся?», «Где это произошло?». Когда я говорю «обмен информацией», я или не говорю ничего или отвечаю на вопрос: «Как я выстроил то поле, где содержание жизни, называемое обменом, связалось с содержанием жизни, называемым информацией? Что я такого сделал, что могу об этом говорить?» Связности (вспомним Мамардашвили) неестественны, форма неестественна. Именно об этом я пытаюсь Вам сегодня рассказать.

И. Проскуровская: Перед вашим выступлением мы прослушали двух докладчиков. Первый говорил, что он успешен в своем бизнесе и в депутатской деятельности, а другой депутат рассказывал, как сложно объяснить людям

необходимость разработки стратегии. В первом случае человек нашел, что нужно сделать, чтобы это понимание появилось, а как второму найти это взаимопонимание?

Б. Эльконин: Я не понял, почему у них нет взаимопонимания? Человек просто хочет сказать людям, что надо стратегически соображать. То, что я говорил, прямо на подобных ситуациях не применить. Что это была за ситуация? Поскольку мне трудно анализировать то, что было, так как меня не было на этих выступлениях, я буду воображать.

Вопрос заключается не в том, что говорил один, а что — другой, вопрос состоит в том, на каком поле и о чем была дискуссия, почему то, что каждый из них говорил, было действием, где возможна встреча этих действий? Это вопросы не к одному или другому персонажу, а к управлению полем этих коммуникаций, полем самоопределений. Давайте будем считать, что это было полем самоопределения каждого. И что из этого следует? Если человеку хорошо, он не мой клиент. Зачем ему в ситуации хорошей жизни еще и психология развития? Чтобы сделать ему хуже? Это не клиент для нас, «развиванцев», которые постоянно проектируют... Если человеку хорошо, его нужно оставить в покое — пусть живет, чтобы всем остальным стало хуже от одного этого факта... Он самоопределился, и это прекрасно. Я не понимаю, как к этому относиться.

А вот если рассматривать второй вариант — это самоопределение, но еще не дотянутое. Как бы самоопределение в смысле мотива. Почему обращение к кому-то с предложением разработать стратегию не находит ответа? Потому что стратегическое и есть мыслительное. Это обращение к самому мышлению. Если вы спрашиваете, почему обращение со стратегией не прививается, тогда логичным было бы задать следующий вопрос: где не прививается, в России? (Это вопрос политический, и канал обращения в политике тоже совершенно определенный.) Конечно, не прививается, то есть прививается, но только на момент смены правительства. Сменился президент, тут же возник Институт стратегических исследований, которым руководил Греф. Ситуация стабилизировалась — стратегические исследования стали не нужны. Стратегические исследования в России приходится на год смены портфеля. Может быть, обращение про стратегию не прививается, потому что не в ту почву кладем? Когда нужно думать дальше, когда ты находишься на переходе, когда ты не находишься в стабильной ситуации, тебе нужен другой масштаб, нежели тот, в котором ты находишься сейчас. А переход в другой масштаб, в данном случае стратегический, потому и не получается, что не найдено то сообщество, которое в данный момент живет в переходной форме, а не в стабильно плохой или стабильно хорошей. Может быть, проблема состоит именно в этом?

Наше с Вами единственное разногласие заключается в употреблении слова «практика». Есть ситуации, которые я называю эмпирическими, фактическими, а Вы — практическими. Я понимаю, что это имеет право на существование. Сколько бы я не говорил о рамках-границах, всегда будут существовать некие эмпирические ситуации. Только очень опасно сразу их обзывать практическими, потому что тогда не произойдет перехода к стратегическому мышлению. Мы откажем себе в существовании в другом масштабе и самого практического. Практическое всегда не одно и живет не одно. Но словоупотребление — это не тот предмет, про который я сейчас готов и считаю уместным вступать в дискуссию. Мы не договоримся, поскольку нет поля, на котором мы могли бы договориться. Нет поля, на котором мы бы различились. Нет поля, на котором была бы видна мера различий. Нет еще того поля, в котором

можно было бы различить и самоопределиться, оно еще не создано. Пора заканчивать отличать практику от теории. Бурдые уже все об этом написал, а до него Маркс.

Выготскианский экспериментально-генетический метод или метод неклассической психологии связан с событием обращения. Событие обращения предполагает усиление мысли, образа, ощущения адресата и возвращение их ему. В коллизии этого возвращения важно то, что очень трудно «нацелиться», так как «мишень» все время плавает, поскольку полисубъектна, в ней собрались субъекты разного масштаба. Один масштаб лежит в области допущений, другой — в области оперативного, а третий — еще где-то. То, что Выготский назвал опосредствованием, то есть передачей кому-либо средств его же собственного поведения, было примером удачного обращения. Для меня само это обращение и, тем самым, полагание разных объектов, разных восприемников, реципиентов этого обращения и есть настройка в том событии встречи, о которой идет речь.

Произнося слова «психика», «сознание», «деятельность», я предполагаю какой-то масштаб, для которого то, что я говорю, станет способом продвижения. Очень трудно найти такого восприемника, для которого бы деятельность как таковая была не объектом, а способом движения в чем-то. В этом смысле парадокс обращения состоит в том, что это не коммуникация, а направляющее действие, и квинтэссенция действия заключается в том, что она содержит в себе несколько разномасштабных действий, которые и надо укладывать. Эти несколько действий никогда не даны все сразу. Как только дано несколько действий сразу, человек начинает делать первое, а про другие забывает. Собственно, с этой проблемой и надо начать разбираться.

А. Попов: Обращение может быть направлено на самого себя, на актора?

Б. Эльконин: Когда обращение полимасштабно и масштабы надо соподчинить, то оно всегда направлено на самого себя. Как я могу видеть, что надо делать? Значит, у меня есть видение, и этим видением я зондирую действие. Обращение всегда обречено возвращаться к актору, хотя в смысле некоей степени рефлексии, обращение может быть прямо отделено от себя и от своей деятельности. Как психолог — не знаю, сомневаюсь, что можно говорить об обращении, которое направлено только на самого себя. Если — с позиции философии, пожалуйста. Я не профессиональный философ, я могу ошибиться. Думаю, что в работах Хайдеггера было понятно, что само слово «бытие» стало вопросом. Бытие перестало быть тем, что можно полагать походя. Сам мир, само бытие стали проблемой. И философ чувствует эту мировую проблему.

Теперь мы с Вами перейдем к рассмотрению первого параграфа нашей работы, поскольку до сих пор мы находились во введении.

Относительно каких условий (допущений) в психологии строится суждение о психике? Таких допущений я насчитал несколько, и все они очень важны практически, особенно в контексте моей работы с психологией развития. Здесь я намерен поставить следующий вопрос: «Нечто, что говорится о психике, и нечто, что говорится о развитии, в какой мере это совместные вещи?». Ведь если я действую правильно, то я должен показать и доказать, что развитие — это нечто такое, чего требует для себя та материя, которая называется психика. То есть я должен не говорить о развитии в словосочетании «психология развития», а постоянно контролировать, проверять себя тем, что все то, что я говорю о развитии, *со-причастно, со-масштабно* и востребовано материалом, относительно которого я это говорю. То, что психика —

материал, а развитие — форма, никому не дано определить. Претворение материала психики в формах развития — это то, что должно и может случиться. А вовсе не естественная жизнь того и другого.

Начнем с того, что *не-выготскианская* психология, предельно практическая психология никакого концепта развития не требует. Развитие — это то, чем можно разрушить тот состав души и то ее строение, которое веками обращалось в европейской цивилизации и оказалось одним из наших допущений, устройством нашего внутреннего тела, даже нашей психосоматики.

Итак, какого вопроса не ставит себе традиционная психология, которая существует без всякого экспериментально-генетического метода? Она прекрасно живет на методологической процедуре сопоставления факта и имени, объекта и его отображения (первое негласное допущение). Где находится пространство и что это за пространство, на котором мы различаем так называемые психические явления? Где мы отличаем ощущения от восприятия? Где и на чем мы строим различия в пределах тонкостей самого восприятия? Где мы различаем аффективную и когнитивную составляющие? Относительно чего мы считаем, что одной идеальной формой является чистое мышление без примесей субъективности, а другой идеальной формой является чистое стремление без примеси видения?

На мой взгляд, вопрос «где?» является основным ко всем психологическим теориям, которые строят на этом материале какие-то различия. Деятельностники попробовали сказать, что это все различимо на том теле, которое называется внешняя предметная осмысленная деятельность. Эту деятельность они функционально определили как то, относительно чего и где можно строить «порядки» явлений. То есть они определили то, как эти различия видятся. Но это только одна из версий, и в ней далеко не все получилось.

Психология, ее интенсив, ее энергетика состоят в том, что это разговоры о том, чего никогда нет. Психология находится только в области воображаемой явленности душевной жизни. Ведь это невозможно взять в руки. Деятельностники сказали: «Вот *это* можно взять в руки, а значит, можно и простроить систему различий, можно понять, чем оно разное». Но если положены различения, особенно в области душевной жизни, *где* находится та территория, на которой это различение строится? *Где* находится то основание, по которому я говорю, что «А» больше, чем «Б»? Когда, при каких условиях я могу различить «А» и «Б»? Итак, в любой психологической концепции есть либо явное, либо неявное допущение «территории», тела, телесности, объектности, относительно которой строятся возможные типологии, различения, практики и так далее.

Второе допущение — вопрос, на который не отвечено в психологии: *когда* начинается мыслительное действие, появляется соответствующая ей практика, которую можно назвать допущением изоляции. Например, допущение психического элемента. Если же я не могу помыслить ощущение как нечто отдельное, как элемент, а этот элемент как отдельное от эмоции, а эмоцию как отдельную от ума, в чем состоит сама операция изоляции? Ведь изоляция (М. М. Бахтин понимал изоляцию как особое действие) — это же не невинная вещь! Это же хирургия! Я беру нечто, вырываю это из всех связей, говорю, что это объект, а когда возвращаю этот объект, получаю такую психику, с которой потом воюют в соответствующих учреждениях. Либо тот, кто говорит, самым актом говорения совершает действие изоляцией, либо он причастен к какому-то другому действию, которое осуществляет изоляцию. Существует изоляция психического элемента в закрытой изоляции, то есть я допустил что-то, но я

не знаю — что я допустил, что изолировал. Изоляция психического элемента, произведенная в мире, производит стимул. Что такое стимул? Это отдельность, которая действует, мотивирует...

Итак, вторая процедура, негласная, — это действие. Причем, не невинное, поскольку, когда мы вступаем в область психики, мы вступаем в область рискованной практики. Таким не невинным действием оказалась изоляция.

Я говорю о «хирургизме», то есть активном вычленении элемента психики не в этических целях, а для того, чтобы увидеть то, что нам кажется само собой разумеющимся. Естественно, что мы видим глазами, слышим ушами, у нас есть ощущения, восприятия и комплексы ощущений, это естественно как сама природа. Хотя на самом деле это неестественно. Все это — действия, во всяком случае, мыслительные, и, видимо, исторические.

Для чего я все это говорю? Для того, чтобы показать, с чем я хочу работать дальше. Я не с психическими элементами буду работать, а с тем телом, на котором существуют различия, и с тем действием, которое изолирует. Я веду к тому, что психология развития, версию которой я пытаюсь выдвинуть, не соположена привычному пониманию психического. Стоя на плечах выготскианства и деятельности, я ничего другого не делаю, только довожу их допущения до предела, как бы опробуя их горизонты.

Третье допущение — допущение явления как достаточного вне воссоздания. Это работа по воссозданию, по удерживанию. Сам факт деления чего-то, например, деления восприятия, не является естественным фактом. М. Мамардашвили приводил пример о том, как он отроком попал в грузинскую деревню, где были похороны, и его потрясли плакальщицы, плач которых доводился до иступления. Он все время спрашивал себя, зачем они так лицемерят, ведь это не они потеряли родного человека? А потом он нашел ответ на этот вопрос: плакальщицы нужны потому, что память не естественна, естественна энтропия. Этот ритуал есть форма памяти. Форма — это то сцепление сил, которое держит нечто, что не держится само по себе. В этом смысле, если психическое явление, некий психический акт длится, то это можно понимать как действие формы, то есть неестественно, что это держится само по себе. Сам мой аппарат устроен так, что я могу три секунды фиксировать объект, от которого противно бывает за полсекунды. Целые тома психологии восприятия про так называемый последовательный образ написаны о том, как нечто держится естественно. А В. П. Зинченко в своих работах 1960-х годов показал, что и это не естественно, и это форма. Из всего природного материала мы делаем формы, но я не буду про них сейчас говорить.

Итак, третье допущение — естественность деления, когда я в отношении к чему-то могу не ставить вопрос о форме, то есть о типе воссоздания или типе удержания. С этим всегда связаны негласные допущения объекта. Для чего он допущен? А он как бы то, что за нас всегда держит. Вот это то, куда всегда можно обратиться. Есть натуралистическая презумпция существования объекта. Отсюда следует изоляция и уже присутствие и так называемого субъекта, субъективности. Субъективность точно так же как и объективность есть уже. Нет разговора об условиях ее возможности, о всех этих трудных вещах, о которых говорил Иммануил Кант.

Еще одно негласное допущение — выраженность сенсорики. Мы говорим о сенсорике как о наличествующей. Но мы говорим только потому, что мы можем видеть, как видят, слышать, как слышат или видеть, как слышат. Но когда мы говорим о сенсорике, об ощущениях, то условием нашего гово-

рения является ее нам выраженность, ее нам представленность, но именно это мы упускаем. Здесь парадоксальная вещь: ощущения в своей сути — коммуникативные системы и их отношение к объекту вторично. То есть это вообще общественная вещь, а вовсе не производное лишь от того, что мне в глаза брызгает прожектор или я сажусь на иглолку.

Я перечислил все эти допущения, чтобы выделить новый и другой предмет работы в области психологии. Во-первых, это то, что связано с телом различий, во-вторых, то, что связано с действием изоляции, в-третьих, то, что связано с процедурой объективации и субъективации.

Сегодня мы прикоснемся к неклассическому и особенно постнеклассическому теоретизированию.

Мышление о специфическом устройстве деятельности человека очень меняет онтологические представления. На моем языке это про то, как в действии открывается ситуация действия, как размыкается канал процесса действия. Ряд каналов, по которым идут процессы, лишь для натуралистического мышления уже предзаданны и открыты. Встройка в саму ситуацию себя действующего как экрана того, что происходит или не происходит нечто, то есть акта твоего присутствия, совершенно не видится и это не случайно. В частности, это не дано потому, что в «классически-институционально» устроенном человеческом общении была презумпция понимания, а именно: выходит учитель к доске пишет «классная работа» и думает, что началась работа, не он думает даже, а «думает» и делает весь институциональный строй, связанный с иерархией отношений, с дисциплинарными отношениями и так далее. Как только открываешь рот, вроде, и все случилось и тебе уже не надо ничего делать. А идея такого общения состоит в том, что все уже без тебя доведено до установки на понимание и, следовательно, устанавливаться и переустанавливать не надо. Конструкт открытого действия — это не только психологизм, это определенного типа социальный институционализм. Нужно иметь чутье на строй практик.

А теперь я перехожу в рамочку развития и, поскольку это рамочка, это горизонт, то первое о чем надо сказать, как только ты устанавливаешься на этот горизонт, местность, ландшафт становится совершенно другим. Он становится другим, потому что меняется представление о текучести и устойчивости.

В определенном мысленном эксперименте при изменении масштаба объекта я могу выйти в такой мир, где вся земля покажется песчинкой и все, что в ней будет и есть одно течение и один процесс. Что такое устойчивость? Я вижу нечто тогда, когда время существования этого нечто больше времени моего взгляда.

Времена становлений — это времена разных масштабов, разных уровней, которые «влеплены» один в другой. В этом смысле, действительно, все течет, и все меняется, причем не натурально. И предпосылкой моего говорения является то, что за три часа все не начнет распадаться. То есть землетрясения не будет, время жизни аудитории, здания, моей жизни и такое прочее больше времени произнесения слова, фразы, лекции. Я читаю лекцию и, тем самым, это предполагаю, иначе, что бы я читал, если бы каждую минуту ждал землетрясения. И ничего за время моего чтения существенно не изменится. Я только в этом допущении начинаю читать. Я предполагаю, что многие процессы останутся более медленными, а если станут быстрыми и соразмерными моему действию — это катастрофа. Это время вышло из пазов. Рушится вся

субординация, относительно которой я психологически только и могу установиться.

А что такое установиться, кстати, об идеальной форме? Как живет горизонт, направление, вектор? Он живет простой, самой обыденной вещью, как и все, что самое простое являющееся на самом деле самым глубоким. А именно так и живет, что я предполагаю дальнейшее. Никто ничего не мог бы сделать, если бы он предполагал через секунду радикальные изменения в ситуации делания. То есть идеальная форма — есть чистый вектор, это рельсы, и он — это то, что не прерывается. Совершенно не существенно фактически, когда что оборвется, но в каждой точке я живу на один момент дальше, предполагаю. Вот это и есть установка, это и есть идеальная форма в жизни конкретного человека.

Приведем еще один пример из физики того, что такое действительно идеальная форма: вот летит снаряд, в этой точке он разрывается, снаряда нет, но центр масс, центр тяжести совершает ту же траекторию. Болванки нет, а траектория сохранилась. И на этом были основаны баллистические расчеты. Центр масс, центр тяжести не написан на снаряде, то есть летят не снаряды, а центры масс, определенные формы, определенные соотношения, центр масс продолжает свое движение. Для того, чтобы изменить движение центра масс в ходе полета нужно, например, изменить тип самого движения. Вот так лечу и каждый момент полагаю, что в эту секунду центр масс будет продолжать двигаться.

Итак, вот в этом горизонте я начинаю говорить о развитии, то я на самом деле говорю не о том, что одна вещь преобразовалась в другую. Я вступил совершенно в другую область, и должен надевать совершенно другие очки. Я должен понять каково взаимодействие буквальное скоростей, то есть точек отсчета, ускорений, изменений, их процессов. И это первый тезис. То есть я вышел в область отображения одних процессов в другие. В детской психологии в более простых словах, за которыми была скрыта и простота мысли, которая хуже воровства в данном случае, говорилось: «Что такое понять, как живет ребенок? То есть оценить некоторые ситуации его движения в смысле возраста». Возраст, какое это время? И что такое ситуация? А как это происходит? Разные концепции возраста, как Большого времени в жизни ребенка выделяют разные событийные точки. Так, что до полутора лет (берем психоанализ) ситуация анальная, ключевая. Выготский говорил «ситуация номинативной функции слова». Сейчас можно сказать другое: «ситуация номинативной функции слова», — потому что начинающий ходить ребенок должен разобрать, в первую очередь, обустройство пространства и удерживать нечто как постоянное, как точку отсчета. А вне слова это невозможно. Почему именно это ключевое и кто в этом разборе будет прав? Во-первых, все. Во-вторых, прав будет тот, кто эту ситуацию сможет описать внутри Большого времени — времени возраста. Прав будет тот, кто сможет определить эту ситуацию как ключевое событие, задающее возраст.

Для построения картины развития важно ответить на вопрос: «Как Малое время ситуации жизни впечатывается в Большое время (например онтогенеза), и наоборот, как Большое время задает малую ситуацию жизни?». В чем гениальное изобретение Даниила Борисовича Эльконина в разговоре об истории детства? Нам кажется, что вот онтогенез идет так плавно и последовательно, и на сей предмет у нас страшно много всяких знаний (в 7 лет происходит миелинизация нервных волокон, то есть нервный разряд стано-

вится локальным, происходят изменения костной ткани и так далее). И мы пытаемся подобно детским психологам последующий возраст вывести из предыдущего.

Так вот биологи конца XIX века, замечательные Российские биологи, доказали, что в филогенетическом развитии стадии вклиниваются, а не надстраиваются, то же сделал Д. Б. Эльконин относительно истории детства (это отдельная история, мы на нее потратим немного времени). В его исследованиях показано, что существовали культуры, где детство имело два периода, условно: младенчество и то, что мы сейчас называем младшим школьным возрастом. Что такое младший школьный возраст? Это первый возраст появления собственно детских дидактических предметов — растет человек и вместе с ним растет его охотничий лук. И никакой ролевой игры как культурной формы тут нет. Это не игра, это тренировка. И дальше он говорит, что с развитием цивилизации возникает разрыв и появляются предметы, на которых невозможно упражняться (плуг, лошадь). Детское сообщество становится неприкаянным: дети бегают, играют как щенята и котята и вовсе не так содержательно проводят время как мы привыкли думать в смысле ролевой и сюжетной игры. Игра возникла в этом разрыве между детьми и взрослыми. Несколько тысяч лет шла ломка и перестройка всех периодов детства. Ведь игра вклинилась между младенчеством и учением (тренировкой стрельбы из лука). Сейчас, кстати, мы имеем те же процессы в отношении подросткового возраста. У нас, в людском сообществе, появляется подростковый возраст, потому что его содержательно не было, это было пустое место. До этого не было отличия подростка от отрока.

Итак, в Большом времени, историческом наступает какое-то изменение. Что оно отображает в Малом времени? Сшивку, возрастной кризис — перешить надо возраста. На этих сшивках появляется кризис трех, семи лет и подростковый кризис, который мы привыкли описывать как кризис онтогенеза, а не движения культуры. Эти кризисы связаны с изменением форм общения ребенка и взрослого. Кризисы существуют не в одном, а в двух временах. В течение тысячелетий, в Большом (медленном) времени строится проекция на онтогенез и в нем возникает интенсивное время.

Культурный разрыв — катастрофа — в Большом времени опускается в Малое время *переходом*, то есть какой-то дырочкой, какой-то пустотой на эволюционной линии.

Итак, когда я имею переход, перескок, когда я строю переход и перескок (а дальше мы будем об этом говорить) я как бы в той или иной степени вмещаюсь в течение большого времени. Только наметку, что это страшно важно для педагогики. То, что в педагогике называют переносом и освоением — это на самом деле выход в совершенно иные временные единицы, из меньшего в большее. Я ввел очень важную для меня категорию, которая называется переходом, проекцию одного времени на другое. Переход — это двумерное, а не одномерное пространство жизни человека.

В связи с этим, я вспоминаю разговор на эту тему с Петром Щедровицким: мы говорили, приблизительно, о том, что развитие — это координация разных становлений, разных единиц становления, исторического, онтогенетического, ситуативного. Он нарисовал тогда схему из нескольких вставленных друг в друга колец, на которых есть зарубки. Внешнее кольцо — самое большое время, внутреннее кольцо — самое маленькое. Большое время вращается с одной скоростью, меньшее — с другой... то есть скорость каждого

последующего времени отличается от скорости предыдущего. И если вдруг наступает такой момент, когда прорези-пазы этих колец попадают в одну линию и все это начинает крутиться с одной скоростью, то это и есть собственно взрыв, практически ядерная реакция. На самом деле, мы же всегда хотим, чтобы хотя бы два пазы (возрастной и ситуативный) вошли в соприкосновение, впритык. Ведь тогда мы впадем в сплошное, абсолютное становление, то есть мы попадем в ситуацию, с которой начинает Гегель; это взаимопереход бытия и нечто. Потому что это тождество бытия и нечто — это что-то подобное черным дырам или, наоборот, лавинообразным потокам, и так далее. Разные скорости колец и Событие (почти невероятный случай) совмещения прорезей не всех, а двух из них — вот это и есть акт развития.

Мы закончили первый параграф, давайте подведем итог: задав развитие как рамочку, необходимо предположить, по крайней мере, два мира и два времени. Здесь важно масштабировать и строить ситуацию взаимоперехода, взаимоотображения, соприкосновения масштабов. Для детского психолога важно удержаться в двух-трех масштабах времен с разными скоростями: ситуативном, онтогенетическом и культурно-историческом. И вот тот, кто удержится, тот и отгадает загадку, которая называется «детская возрастная психология». Еще пока никому окончательно это не удалось. Гегелевские попытки и попытки Стенли Холла проведения аналогий времени взросления и исторического времени я не разделяю. Историческое время не прямо проецируется в онтогенетическое. Отношения тут значительно сложнее.

И второй вывод: если допустить вслед за Даниилом Борисовичем такого рода проекции, то в самом онтогенезе надо допустить времена разной интенсивности (интенсивное и эволюционное). Об этом говорил Л. С. Выготский. В некоторых событиях, например на вашем интенсивном семинаре, мы часто достигаем того, что потом, за стенами этой комнаты и в другом времени, времени последовательной жизни, нам предстоит заново систематически воссоздать.

Что из этого для нас следует? Переход реализуется как связка интенсивного и эволюционного времени. Интенсивное время — это нечто обратное зоне ближайшего развития. Когда я уже достигаю того, что мне еще предстоит достичь. Именно такие достижения строятся в проектировании и в воображении. Конструкция связи интенсивного и эволюционного времени мне нужна затем, чтобы я мог оперативно работать в режиме «акт развития в данный момент». Не говорить о развитии как о чем-то, что идет где-то, а для активного построения посреднического действия, выявления психотехники, антропотехники развития как ресурса работы с переходом. Акт развития для меня бытийная форма — особая жизнь, которая имеет особую ткань, особое строение, которая больше меня и включает меня. И случается закономерно. Итак, предмет мой в отношении развития в отношении к человеку — это переход. В этом смысле надо различать то, что говорится о развитии психики, о развитии чего-либо и то, что я говорю о психологии развития. Сама история, само деление — это тот предмет, который нужен, это тот предмет, относительно которого строится моя мысль. И для того, чтобы этот предмет обнаружить, я, не забывая о «Введении», прочитанном вчера, выстроил всю картину проекции масштабов и проекции двух времен в одном масштабе.

А. Попов: У меня возник вопрос, связанный с кольцами и слоями и переходами. Я со своим философским мышлением понимаю, что это выраженные масштабы времени. А дальше, развитие можно понимать как смену масштабов времени и как синхронизацию процессов во времени?

Б. Эльконин: То есть синхронизация в смысле жизни действия в одном масштабе из многих. И всегда десинхронизация. Когда есть два времени, то возникает специфическое содержание, и это «вместе» можно назвать синхронизацией. Но нельзя свести к одному времени. То, что Давыдов называл идеальным действием, не в смысле головного действия, а в смысле двойного действия, как я вчера говорил: слышу, что говорю, вижу, что делаю. Когда я делаю и имею в голове образ делания, вот это он называл идеальным действием, а не действие в одном плане. Жизнь в духе, если Флоренского вспомнить, это самая глубокая соматическая форма жизни, а не взлет на уровень херувимов и архангелов. А нам в силу проклятья гравитацией, то есть тела, приходится находиться во многих состояниях, если мы хотим жить разнообразно и полно, так, чтобы кровь играла. Чувство не может быть в одном масштабе с разумом, чувство — это стремление, а разум — это обозрение всего, в чем идет усилие и стремление, а воля — то, что касается связки, самого перехода, само не пойдет. Но есть, по Гегелю, чистая воля, а есть разумная воля, которая может соразмерить два масштаба. Масштаб аффекта и масштаб, который называют когнитивный, образа того, где аффект происходит. О местности аффекта. И выстроить реальность этого. Например, вот футбольное поле, где аффект игрока живет, но не когда один мяч по полю гоняет, а, когда «ревут» трибуны, когда все это вокруг окружает и «ревет», и я нахожусь не с аффектом, а в аффекте и вот здесь сделать действие — дать пас, сделать финт и так далее. Вот про это, про много времен, про их совмещение, я и говорю. Ну, не даром у Бурдые образ игры берется в качестве парадигмального, базового.

А. Попов: А вот понятие времени — это рамка принципиальная?

Б. Эльконин: Для меня это принципиально, в пределах различения разных масштабов. Потому что есть особый тип времени, который называется событием. Если это синхронизация, то есть переход, то я и нарисовал ее.

Приложение

РАЗВИТИЕ. ДЕЙСТВИЕ. ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ

Б. Эльконин

1. В онтологической рамке (построении картины) развитие понимается как придание формы становлению, то есть преодоление его стихийности и имеет функцию его удержания в Идеальной форме. Сказанное предполагает, что реальность развития относится к процессам, а не к «устойчивостям». Именно стихийные, самовозникающие и самоугасающие вне всякого порядка (ритма), процессы являются материалом формы развития. Привычные аналогии с взаимопревращением семени и зрелого организма будут в этом контексте неадекватными.

2. Придание формы становлениям есть их связь, «пересечение», «встреча». По аналогии с тем, как Л. С. Выготский понимал высшие психические функции: пересечение мысли и слова в значении, связь разных функций в психологической системе.

3. При этом разные становления понимаются разномасштабно и разнорангово, как разные времена (например культурно-историческое, онтогенетическое, ситуативно-действенное). Связи (пересечения) времен — «замечательные точки» (Мамардашвили) развития, события, которые его структурируют.

4. Проекция поля пересекающихся становлений в плоскость человеческого поведения требует его Событийного представления

5. На протяжении XX века в психологии конкурировали две модели «совладания» со становлением, предполагающие два разных объекта-поля, к которым относится развитие. Первая — отделенность потребности (нужды) от ее предмета и, соответственно, их встреча как основное завершающее событие поведения. Вторая — отделенность материала и его формы (например, в виде разрыва между телесной морфологией ребенка и его функционированием), соответственно, преодоление множества степеней свободы в движении, то есть координация («встреча») разных стихийных становлений в большей единице как завершающее событие поведения (Лаборатория психологии развития работает в рамках второй модели).

6. Кульминационным моментом и основным новообразованием развития является субъектность. Формой субъектности является продуктивное действие. Потребностная и «координационная» модели предполагают разные представления о порождении действия.

7. Продуктивность находится на «стыке» ситуативного, онтогенетического и культурно-исторического хронотопов.

8. Полноте представления формы продуктивного действия мешают следующие абстракции:

- a) абсолютной активности — полное исключение страдательности активированной системы, вызванной самой активностью;
- b) прямой связи потребности и активности в порождении действия;
- c) локализации активности (на индивиде);
- d) одномерности (линейности) преобразования;
- e) однорезультативности (соответственно, одмотивированности) действия;
- f) последовательности «частей» действия (ориентировка — исполнение);
- g) предметности (внеположенность предмета действия);
- h) источников действия (смыслы, мотивы, цели полагаются не действенно, а как «отдельные» от действия образования, задающие его ход).

Перечисленные абстракции являются следствием принятия потребностной модели.

9. В культурно-исторической концепции и деятельностной теории действие представлялось в виде многообразных координаций и связей:

- a) как взаимность самоизменения и построения значения (Л. С. Выготский);
- b) как взаимность смыслового и операционно-технического аспектов действия и, соответственно, как взаимность обращения (приобщения) и непосредственного действования (Д. Б. Эльконин);
- c) как самоизменение (преобразование собственного опыта) и достижение результата (Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов);
- d) как взаимность мотивационной, целевой и «способной» линий действования (А. Н. Леонтьев);
- e) как взаимность и одновременность поисковых и реализующих процедур (В. В. Давыдов в понятии идеального действия, В. П. Зинченко в понятии «живого» действия);

- f) как взаимность ориентировочно-исследовательских и поисково-пробующих процедур в самой ориентировочной деятельности (в монографии «Развитие произвольных движений» (1959) А. В. Запорожец относит ориентировочно-исследовательские формы к анализу обстановки, а поисковые (или поисково-пробующие) к построению внутренней («кинестетической», «проприоцептивной») картины движения, к установке и усилению «слабых» характеристик ситуации, то есть, фактически, к ее переакцентировке);
- g) как взаимность позиционного и собственно преобразовательного аспектов действия (П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин);
- h) как взаимность преобразования и понимания (В. В. Рубцов, Ю. В. Громыко);
- i) как взаимность построения результата и преобразования самой ситуации (границ) этого построения (Б. Д. Эльконин).

10. Перечисленные связности ни в коем случае нельзя понимать как естественные, само собою разумеющиеся характеристики действия. Это характеристики полной и идеальной формы действия, то есть искомого, а не данного. Свершение такой культурной организованности, как Действие — это Событие, а не естественное течение жизни.

11. Характеристики, конституирующие полное действие, а особенно соотношение смыслового и операционно-технического его аспектов, задают проблемное поле исследований действия в рамке развития. Основной вопрос состоит в том, *какая действительность* являет, несет в себе искомое соотношение, а не отдельные его редукции.

12. Исследования знакового опосредствования, направленные на экспериментальный генез идеального действия (в смысле В. В. Давыдова) подвели к гипотезе об его строении. Существенным моментом этого строения является одновременность построения чего-либо и становления (именно становления, а не наличия) экрана построения, то есть той «материи», на которой закодированы (преломлены) эффекты усилий действующего и мера его продвижения.

13. Условием возникновения экрана является превращение построения (выполнения) в пробу утверждения действия, то есть в пробу («вызов») позиции, с которой можно определить и оценить меру продвижения.

14. Для понимания сказанного необходимо учесть следующие моменты:

- a) действие предполагает не столько эманацию активности, сколько ее утверждение (социальное утверждение);
- b) проба и реализация — это, в первую очередь, значения функции действования, а не черты его природы;
- c) становление действования предполагает переходы значений пробности и результативности, когда проба может оказываться непосредственно продуктивной, а выполнение — опытом и опробованием чего-либо. Подобные переходы являются несущей конструкцией продуктивного действия.

15. Поле, в котором происходят указанные превращения можно назвать пробным пространством или пространством возможностей. Взаимность смысловой и операционно-технической сторон, а также всех вышеперечисленных (смотрите пункт 9 данного списка) — это характеристика не ставшего, а становящегося действия и его результатов.

16. Носителем и инициатором пробного пространства является посредник, именно «на нем сидят» разные хронотопы, экраны и пробные пространства. Посредник в актуальном времени переозначивает как ситуативные, так и культурно-исторические «материалы» и поэтому все характеристики продуктивного действия относятся, в первую очередь, к нему. Опосредствующий, а не опосредствуемый должен стать эмпирическим объектом дальнейших исследований, заданных рамкой психологии развития.

ЛЮДИ-ВЕЩИ**

Щедровицкий. Этими предварительными сообщениями мы должны начать обсуждение новой темы, очень важной для нас в плане осуществления наших теоретических исследований по ВНИИТЭ, и вместе с тем, очень сложной и трудной. Трудности этой темы для нас определяются, прежде всего, отсутствием необходимого минимума знаний по этой теме и отсутствием тех опорных точек, которые необходимы для начала всякого систематического исследования. Поэтому мы с Вами пойдем здесь тем путем, каким обычно привыкли ходить в таких случаях: мы произведем первый предварительный обзор проблем, которые здесь должны быть обсуждены и решены на методологическом и, отчасти, на теоретическом уровне.

Именно в этом и будет состоять цель моего сегодняшнего сообщения. Я попробую представить себе, хотя бы в самом общем виде, тот перечень основных проблем, которые нам придется в дальнейшем решать.

Обычная и традиционная задача методологического исследования состоит в том, чтобы наметить и, возможно, построить основные предметы будущих теоретических исследований. Кроме того, нужно будет определить порядок, в котором эти предметы будут обсуждаться и строиться.

<...>

Программа, которую мы здесь намечаем, предполагает анализ не только тех систем, в которых уже сложились и существуют взаимоотношения между людьми и вещами, но также анализ систем, в которых, в качестве предмета, рассматривается идеальное образование в виде «человека» вообще. Иными словами, решая практические задачи, мы должны будем отвечать на вопрос, что такое «человек».

Из этого следует, что все наши предметы изучения с самого начала распадутся на две группы. В одну войдут предметы, в которых люди и вещи стоят друг по отношению к другу в определенных отношениях, в другую — люди, взятые отдельно и как таковые. Здесь очень важно то различие, в котором выступает «человек» в предметах первой и второй группы. В первой группе он будет элементом более сложных систем, а это значит, что он будет рассматриваться как элемент, со всеми вытекающими отсюда методологическими и логическими следствиями. В предметах второй группы, наоборот, он будет выступать как целостность, и это обстоятельство тоже будет задавать совсем особую логику его анализа.

Вы понимаете, что я ставлю и обсуждаю все эти вопросы, ничего не говоря по существу о том, что такое «человек». Поэтому здесь необходим переход к следующему пункту нашего анализа.

Из всего сказанного следует, что «человек» должен стать предметом нашего изучения. Это значит, в частности, что должна быть построена модель «человека». В существующих сейчас психологических и социологических

* Георгий Щедровицкий (1929–1994) — известный русский философ и методолог, основатель и руководитель Московского Методического Кружка.

** Доклад (декабрь 1965 года). Из архива П. Г. Щедровицкого. Текст публикуется с незначительными сокращениями.

теориях этому вопросу, как мне кажется, придают недостаточное значение. Подавляющее большинство психологов считают, что можно изучать человека или человеческую личность, апеллируя к непосредственной данности людей, с которыми имеет дело исследователь. Эти исследователи считают, что люди есть, что Ивановы, Петровы и Сидоровы могут наблюдаться и анализироваться, и что работа такого сорта дает нам научное знание о людях или о «человеке».

Результатом этой точки зрения, на мой взгляд, явилась полная неудачность и бесперспективность исследований, которые проводятся с большими затратами сил уже в течение многих десятилетий. Я бы даже сказал, что до сих пор, несмотря на огромные усилия в этой области, не получено ни одного собственно научного и работающего знания. Например, психологи говорят о личности и качествах личности. Знания обо всем этом получаются таким образом, что выявляются какие-то акты поведения или деятельности людей и приписываются особому идеальному образованию, которое называется «личностью». Результатом всего этого является большое количество смешных, а иногда и драматических парадоксов. Но с ними нельзя даже разобраться, ибо до сих пор не выяснено, что такое «личность» человека, что можно приписывать личности, а что нельзя. Точно также до сих пор не существует строгой научной попытки задать понятие «человек». Здесь я должен добавить, что тема «человек как предмет исследования» объявлена основной для ближайшего социологического конгресса, который будет проходить осенью следующего года во Франции, в городе Эвре. Те предварительные дискуссии и обсуждения, которые проводились в нашей стране в порядке подготовки к этому конгрессу, показали, что нет не только каких-то решений проблемы, но, более того, неизвестно, как вообще подходить к обсуждению и решению ее. Того, что нужно изучать научно, просто не оказалось. Людей много, а «человека» как объекта и предмета исследования, нет.

Таким образом, и здесь, когда мы говорим о человеке, как объекте изучения, необходимо построение специальных предметов изучения. Люди, которые бродят вокруг нас, не могут служить ни объектом, ни эмпирическим материалом в точном смысле этого слова; они не могут быть тем, на чем может быть построено научное исследование.

Приступая к обсуждению путей задания или построения того предмета изучения, который мы можем назвать «человек», мы сталкиваемся с одной весьма сложной и принципиальной альтернативой. Эта альтернатива намечалась и разрабатывалась в предшествующей истории, философии, психологии, социологии и других науках и, вместе с тем, не давала в обоих своих вариантах удовлетворительного решения. Первый ход этой альтернативы: человек есть элемент определенной системы социального организма или даже, более того, элемент определенного органа социального организма, некоторое «место» в системе социального организма.

Предельно резко эта позиция может быть изображена и охарактеризована так. Имеется некоторая система, состоящая из ряда органов, каждый из которых имеет определенное значение для жизни всей системы или, иначе говоря, выполняет определенные функции. Если проводить эту точку зрения последовательно и до конца, то в какой-то момент мы должны дойти до таких мест или ячеек, в которых помещаются все индивиды человеческого общества. Каждый индивид имеет определенное положение или место в системе социального организма. Поэтому, характеризуя «человека», мы должны

охарактеризовать все эти «места» и, вместе с тем, все функции внутри социального организма. Поскольку функции (все вместе и каждая из них) есть нечто, принадлежащее этому социальному организму в целом, то нас, наверное, может уже почти не интересовать вопрос о том, чем же заполняется каждое такое место. Мы можем здесь исходить из принципа, что «человек», если мы хотим характеризовать его не как животное, а именно как «человека», должен удовлетворять всем тем требованиям, которые на него накладываются этим местом и теми функциями, которые связывают это место с целым. Иначе говоря, мы здесь должны исходить из того, что в идеальном случае каждый человек так организован и так изготовлен, что он точно соответствует этим функциям; его поведение всегда необходимым образом детерминировано. При таком подходе, если и можно говорить о свободе такого человека, то эта свобода всегда выступает, как необходимость выполнять возложенные на него функции, быть адекватным своему месту. Такой человек должен четко понимать все то, что требует от него социальная система, то место, которое он занимает, и он должен вести себя так, чтобы соответствовать этим требованиям. В этом и состоит единственная доступная человеку свобода.

Я не обсуждаю сейчас вопрос о том, чем и как должно задаваться то место, благодаря чему оно заявляет человеку о своем существовании и как именно человек осознает те требования, которые место предъявляет ему.

Генисаретский: Здесь возникает ряд достаточно сложных проблем, связанных с эмпирической идентификацией того, о чем Вы говорите. Например, как докладчик, Вы занимаете определенное место, существует определенная система требований к форме такого доклада и к Вашему поведению как докладчика. Но Вы, в ходе этого доклада и, находясь на этом самом месте, можете нарушать и часто нарушаете эти требования. Я могу спросить: «Присущи ли эти нарушения Вашему месту, или же они месту, которое Вы в этот момент занимаете, не присущи?».

Щедровицкий: Я смогу ответить на вопрос достаточно определенно и полно лишь после того, как изложу суть второго, альтернативного подхода, и затем попробую представить свою точку зрения, которая предполагает учет их обоих. Ведь пока у меня есть только одни места, и не рассматривается их наполнение и обособленная жизнь этого наполнения, до тех пор все вопросы о реальности являются преждевременными.

Генисаретский: В такой схеме рассуждений многое зависит от того, как мы задаем функции. Вполне возможно, что функции будут заданы таким образом, что на их основе мы, в принципе, не сможем характеризовать наполнения мест, то есть индивидов. В этом случае Ваше утверждение о том, что индивиды могут быть охарактеризованы лишь через места и как места, будет неверным. В этом случае, возможно, мы вообще никак не сможем характеризовать индивидов.

Щедровицкий: Это правильно, и именно поэтому я и утверждал выше, что здесь нельзя говорить об индивидах иначе, чем о местах, заданных тем или иным способом. Я не вводил индивидов как наполнения мест, выводимые из характера мест или соответствующие характеру мест. Я говорил, что если здесь мы и можем говорить об индивидах, то лишь отождествляя их с самими местами. Вы, говоря о тождестве, имеете в виду отождествление двух отдельно данных, а я этих отдельно данных еще не вводил, и поэтому ничего говорить об их отождествлении просто не могу. Я утверждаю, что, если мы здесь будем говорить об индивидах, то они просто не будут отличаться от мест.

Генисаретский: Тогда здесь вообще нельзя употреблять слово «индивиды» и «наполнения».

Щедровицкий: Это очень тонкий вопрос. Наверное, многое здесь зависит от того, в каком порядке мы осуществляем все необходимые операции и процедуры анализа. В частности, многое зависит от того, на что мы замыкаем связи и функции. У нас есть возможность рассматривать наполнение как нечто отличное от самих мест, к которым прикреплены связи и функции. Но у нас есть также возможность рассматривать элементы, в которых это различие места и наполнения еще вообще не зафиксированы, и тогда все связи и функции будут прикрепляться непосредственно к элементу, то есть к наполнению. Различие этих двух случаев можно изобразить графически.

Во втором случае элемент не может иметь ни деятельности, ни поведения, ни чего-либо подобного им. Он может лишь функционировать в качестве органа заданной системы. Этот случай подобен тому, когда мы говорим о функционировании нашего сердца или наших легких, не различая в сердце или в легких места и наполнения. При таком подходе, в частности, бессмысленно говорить, что мозг мыслит, а живот — переваривает пищу. Таков первый из названных мною альтернативных подходов. Он схватывает многое из того, что действительно характеризует человека, но, вместе с тем, многого и, наверное, самого специфического он не схватывает.

Давыдов: Мне кажется, что в Вашем рассуждении пропущено одно существенное звено. С одной стороны, Вы утверждаете, что место очень жестко программирует индивида своими связями и функциями, а с другой — отрицаете необходимость деятельности для выполнения этих функций и всей заданной программы.

Щедровицкий: Вы идете впереди моих рассуждений. Поскольку я не отделил индивида от места, я не могу говорить, что он, будучи чем-то особым, должен выполнять функции и требования места. Пока индивид, не являясь таковым, есть это самое место с его функционированием внутри системы.

Давыдов: Но ведь Вы можете вставить на это место индивида, и тогда будете должны утверждать, что он, для осуществления этой программы, должен будет обладать поведением и деятельностью.

<...>

Щедровицкий: Аргументируя таким образом, Вы, с одной стороны, говорите об эмпирическом человеке, а с другой стороны, уже знаете его, и, это значит, уже зафиксировали в знании определенного типа. Я, в отличие от Вас, пока не знаю, что такое человек, и не могу иметь соответствующих моделей и схем. Вы все время упрекаете меня в том, что на самом деле индивид является чем-то принципиально иным, нежели то, что я вывел в своем анализе. Я с Вами согласен. Но для того, чтобы говорить об этом, надо пользоваться уже вторым названным мною альтернативным представлением. Я до него не дошел, а Вы все время пользуетесь. Фактически, все наши утверждения, касающиеся человека, могут делаться лишь благодаря тому, что мы знаем и это второе представление, знаем и пользуемся им. Я все это хорошо понимаю и именно потому говорю, что рассматриваемый нами сейчас объект — это органы социального организма, а не индивиды. Вы можете сказать, что я, тем не менее, употреблял термин «индивиды». Это верно, но для этого я его особым образом ввел: я просил Вас предположить такой идеальный случай, при котором каждому реально существующему индивиду соответствует определенное

место и, наоборот, каждое место занимается одним индивидом. Это предположение дало мне возможность отождествить индивида с местом или ячейкой, и только в пределах этого условного осуществления я двигался дальше.

Я уже сказал выше, что подобное представление является не просто односторонним, но и, по сути дела, неудовлетворительным. Подходя с ним к тому, что мы наблюдаем в эмпирической реальности, мы ничего, по сути дела, не сможем понять и объяснить. Мы хорошо знаем, что на самом деле человек-индивид ни в коем случае не может рассматриваться как орган такой системы. На самом деле индивид обладает реальной свободой по отношению к социальной системе. Эта свобода такова, что очень часто он вообще забывает о том, что он является, или должен быть, органом социальной системы. Нередко такой индивид рассматривает всю социальную систему, в которой он существует, как среду, предназначенную для паразитирования. И в этом часто и состоит его реальная человеческая свобода. В таком случае он выступает не как элемент и орган социальной системы, а как целостный организм, для которого все остальное есть вещественная, природная и социальная среда существования.

Этот альтернативный подход был достаточно подробно развит в социологии, в социальной психологии и в педагогике. Эта точка зрения богато представлена, начиная с первых веков развития человеческой науки, и сохраняется в качестве основной до настоящего момента.

Мы должны принять и оправдать этот подход еще и потому, что отдельный человеческий индивид нередко становится системой, которая по своей сложности и мощи сравнивается с социальными системами любого типа, выступает как их преобразователь и творец. По сути дела, любой ученый, изучающий социальную систему, любой руководитель государства и любой крупный политический деятель не только может, но и обязан рассматривать себя как систему, сравниваемую по мощности и результатам своего действия со всей социальной системой. Каждый из них должен «выходить» из существующей социальной системы и рассматривать ее как объект, которым он может управлять. Более того, наверное, все мы стремимся к тому, чтобы это проделала не только узкая элита, но, фактически, любой индивид, подготовивший себя к культурным отношениям и такому «выходу». Мы говорим о том, что всякий человек должен быть ответственен за развитие социальной системы и за управление происходящими в ней процессами.

Парадоксальность нашей позиции состоит в том, что, принимая этот тезис, мы стремимся, фактически и по сути дела, к тому, чтобы социальная система была вообще разрушена, поскольку каждый человек-индивид, осуществляя свободную творческую деятельность, вводя различные новообразования в ту социальную систему, в которой он живет, тем самым расстраивает и разрушает ее. Очевидно, что ничего другого и не может быть, когда индивид перестал быть органом социальной системы и становится самостоятельным и свободным организмом.

Мне здесь говорят, что, может быть, свободный индивид должен не разрушать, а совершенствовать ту социальную систему, в которой он живет. Я готов принять этот тезис и лишь добавлю, что когда большое количество индивидов начинают, независимо друг от друга, совершенствовать систему, в которой они живут, то это самым быстрым и коротким путем приводит к ее разрушению.

Меня спрашивают также, о каком выходе индивида из системы идет здесь речь: теоретическом или практическом? Я бы ответил, что само различие и противопоставление теоретического и практического есть плод удивительных недоразумений, проявленных человечеством в последние двести-триста лет. В период средневековья хорошо понимали, что между «теоретическим» и «практическим» нет никакой принципиальной грани. Джордано Бруно не случайно сожгли на костре в Риме, хотя он утверждал, казалось бы, сугубо теоретический, а не практический тезис о том, что Земля вращается вокруг Солнца. И, может быть, человечество поступило глубоко ошибочно, не упрятив в свое время в тюрьму Шопенгауэра и Ницше. С другой стороны, у Станислава Лема, если я не ошибаюсь, в одной стране, чтобы предотвратить войну и поднять духовный уровень индивидов, делают у каждого из них впереди и сзади розетку, соединяя их друг с другом; поднимают уровень их самосознания, в том числе — уровень философской рефлексии: один саперный батальон, благодаря этому, достигает уровня солипсистского сознания. Это тоже аргумент против противопоставления теоретического и практического, ибо они оба оказываются одинаково зависимыми от форм социальной организации. Люди, собирающиеся на городскую корриду в Португалии или на футбольный матч в СССР, ведут себя (и сознают) соответственно этой ситуации, причем в плане мышления выступают в роли простых логических элементов. Здесь, правда, проходит очень принципиальная и существенная грань между сознанием и мышлением: сознание выступает как функция социальной организации коллектива, мышление, наоборот, — как индивидуальное достояние, противоборствующее социальным эффектам. Но, точно так же, в генетическом плане мы могли бы вывести мышление из форм социальной организации.

Фактически, мы все время обсуждаем один вопрос об условиях появления свободы индивида. Вполне возможно, что эта свобода начинается с осуществления индивидом той специфической функции, которая приписана органу, который он обеспечивает, и лишь затем отрывается, отделяется им от этого органа и присваивается самому себе. Но, предположив все это, мы ставим перед собой задачу: так организовать социальную систему и все связи в ней, чтобы они обеспечили свободу, чтобы сама социальная система нормировала и формализовала не принуждение и ограничение, а, наоборот, свободу. То, о чем я сейчас говорю, не сводится к известному тезису Маркса о том, что свобода есть познанная необходимость, меня здесь, скорее, интересуют лишь методологические аспекты, нормирование и закрепление таких метафизических сущностей как принуждение или, наоборот, свобода.

Введенные нами различия в определении «человека» являются исходными и задают полярные представления. Кроме них есть еще много других, промежуточных представлений, в которых «человек» предстает уже как нечто иное. В каждом из них, по сути дела, индивид предстает как обладающий ограниченной свободой и ограниченной функциональной ответственностью. Если к этому добавить, что всегда бывает много разных социальных систем, то окажется, что на каждом индивиде пересекается много функциональных ограничений и много «свобод». Каждая из этих систем будет описываться в своем особом предмете. А поскольку их будет много, мы неизбежно встанем перед задачей: определить *ту* совокупность или *тот* набор предметов, которые нужны нам для решения практических задач. Проще говоря, нам нужно будет определить, насколько свободные индивиды нужны нам при исследовании темы «Люди-вещи».

Но если даже предположить, что мы определили веер всех этих предметов, твердо знаем, какие именно нам нужно исследовать, а какие, наоборот, можно отбросить, — все равно нам придется затем определять порядок их рассмотрения. Как этот набор, так и порядок привлечения каждого предмета будут распределяться, очевидно, с одной стороны, нашими практическими потребностями, а с другой — уровнем развития нашей теоретической картины.

В этой связи я хочу, прежде всего, остановиться на вопросе о том, какое же из этих двух полярных представлений человека, описанных нами выше, должно стать исходным.

Первое, что в этом плане должно быть намечено, — это различие «логически первого» и «исторически первого». Они здесь, по-видимому, резко расходятся и противостоят друг другу.

Принято считать, что человек произошел от обезьяны. Отсюда выводят, что анализ «человека», начиная с индивида (то есть с того, что непосредственно связано с обезьяной) соответствует принципу движения от простого к сложному и, вместе с тем, принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Но эти принципы сталкиваются с прямо противоположными принципами анализа системы, в которых утверждается, что анализ элемента должен идти от анализа системы в целом и функций элементов внутри этой системы.

Если бы мы взяли в качестве исходного представления «человека» как элемент сложной системы, то должны были бы идти от анализа системы в целом к анализу отдельных ее элементов. Соответственно, свойства индивидов мы должны были бы выводить из свойств системы и элементов внутри нее. Но мы признали, вместе с тем, в качестве оправданного представления и прямо противоположного, что индивид представляет собой целостную систему, что социальное окружение служит для него лишь средой существования и тогда, очевидно, начинать анализ нужно с индивида. Если все это так, то мы не только можем, но и обязаны для определенного класса задач начинать с индивида, с его качеств и свойств, с его биологически прирожденной структуры, с того, что он получает по наследству, с того, что ему дано. Это подход, который уже долгое время разворачивается в разных науках: и в философии, и в социологии, и в психологии. Когда мы ругаем зарубежных исследователей за подобный подход, то называем его биологическим. Хотя, когда то же самое делают наши советские авторы, мы называем это уже не биологизмом, а правильным «материалистическим», или «естественнонаучным» подходом.

Поэтому, хотим мы или не хотим, но обсуждать правомерность такого подхода, причем совершенно всерьез, нам придется. Я подчеркиваю это как проблему, хотя, вместе с тем, объявляю и собственную позицию: на мой взгляд, анализ человека как социальной системы и движение от нее к отдельному индивиду является единственно правильным, допустимым в данном случае. Это утверждение может быть обосновано некоторыми чисто онтологическими и мировоззренческими соображениями.

По-видимому, так называемая свобода индивида является отнюдь не исходным, животным образованием, которое впоследствии ограничивается и нормируется, а, наоборот, результатом очень высокого, собственно человеческого развития, тем, чего нет, и не может быть, у животных. Смысл и итог всего социального развития состоит не в ограничении свободы, а в ее непрерывном расширении.

Но одновременно и несвобода, принуждение и ограничение органическими функциями тоже являются смыслом и итогом социального развития. Нет

свободы отдельно от несвободы, как нет несвободы отдельно от свободы. И то, и другое, или даже, точнее, их взаимоотношение является итогом социального развития. Л. Б. Переверзев привел недавно слова Эйнштейна, который, увидев первые отряды штурмовиков, сказал, что природа совершила расщепление, наделив их головным мозгом, в то время как им было бы вполне достаточно спинного. На мой взгляд, это очень глубокая и грубая ошибка. Штурмовые отряды, социальная организация коллективного действия, убийство политических противников — все это функция головного мозга, а точнее — высокоорганизованного духа, причем, в первую очередь, идеального. Если мы будем представлять дело так, что фашизм — это животные проявления, а гуманизм — результат человеческого развития, то вряд ли получим правильное представление о социальных явлениях. Скорее, все это результат определенного социального развития, такого развития, в котором нарушено равновесие между разными аспектами социальности.

<...>

Но мы здесь слишком зашли в содержательное обсуждение проблемы, а его нужно проводить в другом месте и по-другому. Меня сейчас интересует лишь методологический аспект проблемы: выбор исходного представления для анализа человека, в частности выбор принципа: (1) от системы к элементу или же (2) от отдельного элемента к системе. Выбрав тот или иной из этих принципов, я, тем самым, предопределяю выбор и построение всей логики развертывания моих предметов. Мы все стоим перед задачей: выбрать один из этих принципов, — и здесь уже нельзя говорить, что они оба в какой-то мере справедливы. Мы должны взять одно или другое и никак не можем взять оба.

Все это, конечно, надо правильно понимать. В ходе мыслительного движения, нужно иметь в виду оба полярных представления, нужно двигаться в одном, не забывая о другом, но в зависимости от того, какой из них мы возьмем в качестве исходного основания, у нас будет та или иная логика движения.

Меня спрашивают, на каких основаниях можно выбрать тот или иной из этих принципов. Отвечая на этот вопрос, я обращаюсь к истории науки, ко всему предшествующему развитию представлений об этом объекте. Я вижу там, что даже в крайних социологических направлениях утверждается, что человек произошел от обезьяны. Но этот тезис задает один единственный путь анализа: от элемента к системе. Поэтому, если я принимаю противоположный путь: от системы к элементу, — то я должен отвергнуть и псевдо-исторический принцип, говорящий, что человек произошел от обезьяны. Поэтому я говорю, обращая свой тезис как в прошлое, так и в будущее: человек не произошел от обезьяны, поскольку он не мог от нее произойти. Он не мог произойти от обезьяны, поскольку «человек» — это не сгусток материала, а определенное место системы, а значит, и вся система в целом. Я говорю, что подобная постановка вопроса является, в принципе, ложной, ибо система не может произойти из своих элементов. Если мы понимаем, что человек — это система, то мы должны сказать, что происхождение человека — это происхождение системы с жестко организованными органами; системы, в которой не было индивидов как таковых. Другими словами, я утверждаю, что в исходной точке происхождения «человека» (это значит — человеческого общества), мы должны рассматривать систему жестко организованных органов.

Я понимаю рискованность этого утверждения. Я понимаю, что могут быть другие, конкурирующие подходы. В частности, этот тезис направлен против другого, очень симпатичного мне тезиса о том, что происхождение

«человека» — это происхождение группы, а не организма. Здесь может быть дискуссия, которая, как мне кажется, была бы очень полезной и продуктивной. Но я, со своей стороны, пока поддерживаю тезис об организме. Здесь мне придется объяснять логически очень сложный переход от популяции или стада к системе. Именно это является для меня проблемой происхождения «человека»: как стадо превратилось в структурный организм.

Бобнева: Если Вы утверждаете, что все, или почти все, науки стоят сейчас на точке зрения, что человек произошел от обезьяны, то какие у Вас основания утверждать, что это не так, откуда Вы берете новые факты и данные?

Щедровицкий: Чтобы утверждать то, что я утверждаю, мне не нужны ни факты, ни данные. Мне достаточно тех затруднений, с которыми столкнулись все эти науки, и общего логического принципа функционально-синхронного анализа: от системы к ее элементам. Перевертывая этот принцип в историю, я создаю конструкцию категории происхождения.

Кантор: Действительно ли везде и всюду, когда говорят о происхождении человека от обезьяны, имеют в виду происхождение человеческого индивида из биологической особи обезьяны? Впервые ли то, что Вы говорите, выдвигается в качестве особой позиции?

Щедровицкий: Конечно, нет. Наоборот, мои утверждения основываются на философских идеях и принципах, давно уже развиваемых в философии.

Кантор: Мне кажется, что сама постановка вопроса о роли труда в развитии от обезьяны к человеку и предполагает тот самый переход от популяции к социальному организму, происходящий за счет появления определенных связей между членами популяции, связей, называемых трудом. Таким образом, картина предстает перед нами в таком виде: появление элементов труда создает такие элементы и производит в членах обезьяней популяции такие изменения, которые создают систему «человек» (я действительно принимаю этот тезис) оснащенную системой орудий, которые опосредствуют отношения...

Щедровицкий: ...между отдельными индивидами в человеческом обществе...

Кантор: Нет, в системе «человек». Эту позицию мы можем найти почти во всех современных работах по психологии и антропологии.

Щедровицкий: <...> Я знаю очень немного антропологов, которые пытались последовательно проводить сформулированный выше принцип системного анализа человека, например, это американец Кребер. Здесь действует очень маленькое и очень тонкое различие. Когда Кантор говорит, что складывается система отношений, объединяющая людей, вещи, орудия, машины, — он говорит в духе системного анализа; но, если сказать, казалось бы, с очень небольшим отличием, что складывается система отношений, объединяющая людей, то это будет уже не системная и не социальная, а вульгарно-биологическая точка зрения.

В этом плане очень характерна история моих заявок на международный антропологический конгресс, проходивший два года назад в Москве. Я подал заявку на два доклада: «О методологических принципах исследования и объяснения происхождения системы „человек“» и «О развитии homo sapiens в системе „человек“». Обе заявки были отвергнуты на том основании, что они не соответствуют принципам современного научного исследования человека. В этом же плане шла основная, на мой взгляд, дискуссия на конгрессе между Кребером и его последователями, с одной стороны, и советской антропологической школой — с другой.

Таким образом, можно согласиться с Вашим тезисом о том, что в работе Энгельса уже содержится представление о «человеке», на котором я здесь настаиваю. Но только следует еще добавить, что Энгельса нужно уметь читать, и что, не зная всего того, о чем я сейчас говорю, в этой книге не так просто увидеть и прочесть это. Иначе можно сказать, что сформулированный мною подход содержится в этой книге в такой мере, как и противоположный ему. К тому же можно, наверно, добавить: само утверждение о том, что именно труд создал человека, является, по-видимому, ложным. Сам труд, если мы берем этот термин в категориальном плане, становится возможным лишь тогда, когда уже есть социальный коллектив. Таким образом, не труд создал социальный коллектив, а социальный коллектив создал то, что мы называем «трудом».

Нельзя забывать, что существует большое различие между формулированием принципа и реальным анализом в соответствии с принципом. Эта статья Энгельса очень интересна как набросок проблемы, но если Вы начнете более подробно рассматривать проводимые там рассуждения, то увидите, что они представляют собой наборы тавтологии. Например, у человека появилась потребность общаться, появление этой потребности породило язык — средство ее удовлетворения. Но ведь мы с Вами хорошо представляем себе, что до того, как появились какие-то средства общения, не было и не могло быть никакой потребности общаться. В статье Энгельса употребляются такие схемы утверждений, которые вполне допустимы в рамках постановки проблем для псевдогенетического выведения, но которые никак нельзя трактовать как действительно объясняющие или имитирующие исторические процессы.

Генисаретский: Там речь идет не об индивидуальной потребности, а о родовой.

Щедровицкий: Совершенно верно, но родовая потребность как таковая не происходит подобно индивидуальной потребности, она может быть зафиксирована в понятиях, но это уже нечто другое. Когда мы говорим о родовой потребности — это синоним существования какой-то социальной функции или социального отправления. Другими словами, когда появляется какая-то связь в системе, и все элементы системы живут и функционируют соответственно этой связи, — мы говорим, что у индивидов появилась потребность жить именно таким образом. Это просто значит, что они в своем атрибутивном строении уже приспособлены к этой функции, и ничего больше.

Давыдов: Если я правильно понял, нужно объяснить происхождение некоторой системы «В» из системы «А». Вы утверждаете, что система «В» не может произойти из своих элементов.

Щедровицкий: Это неточно. Я могу принять, что система «В» произошла из своих элементов, но тогда, чтобы объяснить этот процесс происхождения, Вам надо будет построить совсем особую и специфическую категорию происхождения. В частности, Вам придется объяснить, как все эти элементы сложились или были сложены в одно целое.

Давыдов: Вы, следовательно, хотите показать, что логика Ваших рассуждений будет разной в зависимости от того, подходите ли Вы к происхождению от элементов или усматриваете в каком-то реальном процессе основание для всей системы в целом. Вы утверждаете далее, что в существующих сейчас антропологических концепциях происхождение анализируется так, что исходят из существующих элементов, и тогда, естественно, не могут найти основания для самой системности.

Щедровицкий: Совершенно правильно и очень точно, я лишь хочу в дополнение к этому подчеркнуть, что указанные Вами моменты накладываются

свою печать на все объяснения происхождения человека. Ведь тогда бессмысленно утверждать, что система «человек» произошла от обезьяны. Это не система «человек» произошла от обезьяны, а она сама была захвачена в качестве материала каким-то образом произошедшей системой и затем стала формироваться по законам этой системы. Но это означает, что если мы хотим объяснить происхождение системы «человек», то должны искать какие-то другие основания для этого, те самые основания, о которых Вы здесь сказали.

Давыдов: Значит, Георгий Петрович, Вы считаете, что нужно разработать особую процедуру рассуждения, которая могла бы в самой реальности нащупать и выделить основания для происхождения самой системности.

Щедровицкий: Да, это будет совершенно правильно и естественно, если мы будем обсуждать проблему происхождения систем, подобных «человеку». Но я прошу Вас не забывать о той ситуации, в которой я обратился к анализу всех этих вопросов. Если Вы помните, меня просили указать на те основания, которые заставляют меня формулировать методологический принцип, противоположный всем, принятым сейчас в антропологических науках. Я сказал, что таких оснований два: одно связано с категорией происхождения, а другим является гипотеза о том, что система «человек» развивается от все более жестких или подвижных структур к структурам все более вариативным и подвижным. Я бы даже сказал, наверное, что основная линия развития человека идет по пути от социального человека к человеку асоциальному, если иметь в виду его включенность в жесткие структуры. Иначе можно сказать, что развитие человека идет по пути от социального человека к культурному человеку, а это значит, ко все более свободному и все более независимому организму. Человек из органа все больше превращается в самостоятельный организм. Правда, это слишком ригористическое утверждение, ибо, наверное, в истории человеческого общества было много разных тенденций и линий развития. Временами система владела человеком, временами он владел системой, и вместе с тем, освобождался от ее давления. Эти два фактора все время взаимодействовали друг с другом, то один побеждал, то другой. Но в целом общая линия движения шла ко все большей свободе.

Этот тезис служит для меня вторым основанием для утверждения, что система «человек» не могла произойти от обезьяны, ибо то индивидуалистическое существование, которое мы наблюдаем сейчас, должно быть объяснено не исходными принципами биологического существования, а, наоборот, историей социального существования, развивавшейся в определенном направлении. Это ни в коем случае не моральный аспект проблемы. Я постараюсь в дальнейшем показать, исходя из чисто системных представлений, что свобода отдельного индивида в обществе является необходимым развитием самого общества. Система с предельно заорганизованными индивидами, социальная система, которая превращает своих членов в органы и не дает им никакой свободы, не сможет нормально развиваться — она сгниет на корню. Свобода индивида, разрушающего и, вместе с тем, усовершенствующего социальный организм, в котором он живет, есть принципиальная необходимость существования самой этой системы.

<...>

Я хочу здесь также отметить, что мы во всех этих дискуссиях должны различать, во-первых, общую логико-мировоззренческую картину, которую мы принимаем и из которой мы исходим, а во-вторых, дискурсивную организацию научной теории. Если мы берем общую мировоззренческую картину,

то должны говорить о равенстве двух названных мною подходов, об их принципиальном равноправии. И тогда суть и правда всего дела будет заключаться в диалектическом противоречии этих двух подходов и их единстве со всеми промежуточными подходами. Но когда мы затем переходим к собственно логике и методологии, то сталкиваемся с другой проблемой, которая уже не может быть решена таким образом. В дискурсивной организации научной теории мы должны выбрать одно из этих представлений в качестве исходного и основополагающего, а другое выводить из первого. Есть, конечно, вариант, что мы сумеем построить одно изображение, синтезирующее обе эти альтернативные точки зрения, но пока подобных предложений еще не было. Поэтому в дискурсивном подходе мы должны начать с чего-то одного, чтобы затем прийти к другому, учесть на базе первого. Здесь можно было бы провести аналогию с формами организации «Капитала» Маркса. Чтобы соединить представления, развитые к его времени Смитом и Рикардо, он, прежде всего, разделял их: начинал с одного, а потом где-то дальше, в контексте теорий, приходил ко второму.

Давыдов: Но он соединяет то и другое на основании третьего, и это третье служит основанием двух различных.

Щедровицкий: Подобная трактовка, на мой взгляд, есть типичная ошибка гегелевского способа рассуждения. Когда говорят, что он соединяет их на основе третьего, можно подумать, что это третье уже есть у него в виде актуально заданной картины, а это не так. Сначала мы задаем саму связь или способ связи двух имеющихся у нас представлений. Эта связь и есть первая форма существования того третьего, о котором говорит Давыдов. Лишь затем, на основе рефлексии и осознания, оно превращается в картинно представленный объект и начинает существовать в качестве третьего наряду с двумя первыми и вместо них.

Правда, здесь бывает по-разному, и нередко мы сначала строим онтологическую картину, чтобы затем на ее основе задать формальные связи. Но Гегель, когда писал и о том, и о другом, придавал основанию актуальное существование, ибо у него была манера выражаться скорее онтологически, а не гносеологически. Из-за этого последователи Гегеля придали его работам еще большую онтологическую и метафизическую определенность, нежели та, которая существовала в его собственном понимании и мышлении. Но основание для этого было заложено в работах самого Гегеля.

Именно для снятия последовательных шагов дискурсивного движения в единой онтологической картине объекта, Гегель и его последователи пользовались понятием восхождения от абстрактного к конкретному и понятиями уровня и ступеней абстрактности. Первая картина тоже проецировалась именно на объект, но как абстрактная, и это создавало совсем особое отношение как относительно практических приложений, так и относительно порядка дальнейшего развертывания системы. Лишь затем, когда вся система была построена, в частности у Маркса, появилась возможность интерпретировать полученные промежуточные картины на реальность, в частности как изображения отдельного капитала, взятого вне системы конкуренции капиталов.

Чтобы выбрать одно из имеющихся у нас представлений в качестве исходного, я обращаюсь к принципу движения от системы к ее элементам. И тогда я должен утверждать, что человек — это система, а не элемент. Самое главное здесь заключается в том, что в обратном движении — от элемента к системе — мы получили бы другую теоретическую картину. В этом состоит мой принцип.

Давыдов: Опять-таки, если я правильно понимаю, речь, в общем и целом, идет о том, чтобы в полной мере использовать сейчас методы структурно-системного исследования, ориентироваться, в первую очередь, на те принципы, которые развиты в методологии систем и структур.

Щедровицкий: Имея в виду при этом, что сама эта методология была заложена и наиболее полно разработана в трудах Гегеля и Маркса и является, по сути дела, продолжением и конкретизацией того метода, который они называли восхождением от абстрактного к конкретному.

Давыдов: И, наверное, раньше в исследованиях шли от отдельного индивида к обществу, а не наоборот — от общества к индивиду, как это требует методология системно-структурных исследований, не в силу каких-то моральных, этических соображений, а в силу того, что к тому времени еще не была разработана методология системно-структурных исследований и исследователи, по сути дела, не могли проанализировать столь сложные системы и структуры, какой был человек.

Щедровицкий: Это был первый и, конечно, основной момент, но затем он оправдывался специальной онтологической картиной, которая, в свою очередь, обосновалась и подтверждалась различными псевдо-моральными соображениями. Переворот, который сейчас произошел, и я хочу это специально подчеркнуть, связан не столько с мощным развитием новых методов, сколько с общим изменением наших общих представлений и осознаний, а это уже меняет наш подход и наши оценки разных явлений.

После того, как выбран основной методический принцип дальнейшей работы, и мы решили, что будем двигаться от системы к ее элементам, а не наоборот, и лишь затем конструировать представления об индивиде как об отдельном и обособленном организме, у нас появляются два плана исследования.

С одной стороны, мы должны расчленить сферы эмпирического материала в соответствии с характером тех социальных связей, которые, во-первых, могут существовать в социальном целом, и, во-вторых, конкретно проявляются в каждой группе такого материала. Таким образом, будет задана одна линия нашей работы.

С другой стороны, не ограничиваясь анализом эмпирического материала, мы должны параллельно конструировать абстрактно-теоретическую модель изучаемого нами объекта, двигаясь постепенно от ее абстрактных представлений к конкретным. В конечном счете, эта модель должна будет охватить все элементы и связи социального целого, и вместе с тем, объединить и организовать в одно целое все выделенные сферы эмпирического материала. Процедура построения такой модели будет задаваться общими принципами восхождения от абстрактного к конкретному.

По этим двум линиям анализа возникает много существенных и принципиальных проблем. Я попробую обсудить некоторые изменения.

Начнем с предварительного расчленения эмпирического материала, которое на самом деле является результатом теоретического анализа, но здесь будет задаваться догматическим образом. Речь пойдет о тех сферах жизни индивида, которые мы обычно выделяем или можем выделить. При этом, чтобы сузить всю область, мы будем с самого начала исходить из возможных отношений человека к вещам.

Первая область. Человек берется в отношениях к машине в процессе производства. Я исхожу из того, что мы знаем, что такое машина, и в соответствии с этим можем выделить машины и человеческие отношения к машинам. Важно также подчеркнуть, что, выделяя эти области, я действую в известном противоречии с теми теоретическими принципами, которые формулировались мною выше: я не иду от системы к ее элементам, а сразу задаю некоторые наборы элементов социального целого, предполагая, что они нам уже известны.

Генисаретский: Интересно знать, как при этом рассматривается машина: она может выступать как элемент материального мира или же как элемент социального мира. В зависимости от того, какое из этих определений мы выберем, у нас получится та или иная область исследований.

Щедровицкий: Это очень важный и принципиальный вопрос, но я сейчас уйду от ответа на него. В самом простом, по-видимому, виде система «человек-машина» может быть представлена в двухэлементной связи*.

машина

Но уже самый поверхностный анализ показывает, что такое представление является недостаточным и неполным относительно многих практических и теоретических задач, оно оказывается лишь элементом, вырванным из более широких, более полных систем.

Здесь мы попадаем в хорошо известную процедуру прогрессивного развертывания исходной системы во все более обширные и все более полные системы, в ходе которого мы либо доходим до социального универсума (или до его аналогов), либо же произвольно останавливаемся на каких-то системах, которые считаем достаточно полными при решении определенных задач. Подробнее я разобрал эту процедуру в лекциях «К методологии исследования деятельности и взаимоотношений людей», сейчас я не буду повторяться и отсылаю всех интересующихся к названной работе.

Нарисованная выше схема, если следовать указанной выше процедуре, легко развертывается в более сложную, которая включает массу таких связей, которых не было на первой схеме.

агрегат

Представляет интерес взаимоотношение первой и второй схемы. С одной стороны, вторая при некоторых условиях может быть сведена к первой, с другой стороны, первая при некоторых условиях может рассматриваться как элемент или часть второй, а вторая, соответственно, — как собираемая из схем типа первой. Эти два отношения задают, соответственно, две разные логики рассуждения.

Самые поверхностные интуитивные знания задают сразу же еще два направления развертывания этих схем.

Между индивидами всегда существуют те или иные связи кооперации. Если подходить субстанциалистски и формально, то, очевидно, что связи должны быть заданы между индивидами. Но при этом остается неясным, какие именно объекты они будут связывать: индивидов, взятых отдельно от машин, или же связки типа «человек-машина». Ответив на этот вопрос, так или иначе, мы получим две принципиально разных группы схем.

*целостная неразложимая система
агрегат*

*система, составленная из относительно целых элементов
типа «человек-машина»*

машина II

машина I

машина III

машина IV

* Схемы, о которых Г. П. Щедровицкий говорит здесь и далее, утрачены.

Очевидно, что в реальности будут существовать системы как одного, так и другого типа. Мы уже обсуждали с Вами то удивительное, но, тем не менее, реальное обстоятельство, что в социальных системах связи и взаимоотношения специально фиксируются и закрепляются. Благодаря этому из одного и того же набора элементов организуются системы разного типа, которые, благодаря различию своих системных форм организации и структур, начинают жить разной жизнью и подчиняться разным законам.

Вполне возможно, что два изображенных нами случая, все-таки слишком упрощены и не отражают сложности связей, существующих в системах подобного рода. В частности, зарисовав эти схемы, мы ведь совершенно не учитываем тех процессов, которые протекают в системах и обуславливают их целостность и единство. Поэтому на схемах такого рода мы ничего не можем сказать о характере и субординации связей, задаваемых нами между разными элементами системы: между машинами, входящими в агрегат, и людьми. При столь абстрактном подходе нельзя, например, говорить, что некоторые связи между машинами осуществлялись за счет связей между людьми и в форме последних, то есть здесь совершенно исключены отношения типа «форма и содержание». В дальнейшем мы еще вернемся к более подробному обсуждению этих вопросов.

Существенно также, что во всех введенных выше схемах, мы рассматривали людей как поставленных на одном уровне, и точно также машины — как поставленные на одном уровне, то есть совершенно без учета структурной иерархии, обязательно существующей во всех системах такого рода. Одновременно мы должны были отвлекаться от всех связей и отношений управления, которые могут существовать и существуют в этих системах. Чтобы как-то учесть и этот момент, мы должны ввести в систему либо отдельного индивида, который руководит или управляет системами «люди-машины» любой сложности, либо же индивида вместе с машиной, который осуществляет эту работу.

Введя в качестве особого элемента системы руководящего или управляющего индивида, взятого отдельно или вместе с некоторой машиной, мы должны будем решать вопрос, чем он руководит или управляет: только людьми, или же системами «люди-машины». В зависимости от того или иного ответа на этот вопрос, нам придется по-разному очерчивать границы того объекта, который охватывается или «ассимилируется» руководством (управлением). Соответственно этому, нам придется вводить тот или иной тип связей, идущий от этого нового элемента ко всем другим. Характерно, что все эти схемы формировались нами совершенно без учета процессов создания машин и людей: мы брали те и другие как уже готовые и должны были, по идее, рассматривать процесс их функционирования. Учет этого, оставленного нами без внимания, момента может идти по двум разным линиям. С одной стороны, мы можем конкретизировать уже введенные схемы, определяя характер того, что создается в процессе работы на них. С другой стороны, мы можем расширить исходно заданные схемы, введя в них дополнительно: справа — арсенал, создающий машины, слева — инкубатор, производящий людей.

инкубатор
арсенал
агрегат

Вторая область. Здесь человек берется в отношениях к самому себе как к некоторому объекту; это область бытового труда или самообслуживания. Интуитивно мы достаточно хорошо чувствуем отличия этой области от области промышленного производства. Чтобы как-то зафиксировать эти отличия также и на схемах, я введу схемы, в которых человек является объектом своей собственной деятельности, но при этом захватывает в «материю» отношения к себе, окружающие его вещи. Образно можно сказать, что в этом случае отношение как бы проходит через вещи и, в частности, через машины.

вещи

машины

Третья область. Здесь человек берется в сфере так называемого клуба, следовательно, в отношениях, прежде всего, к другим людям и к самому себе через других людей.

Выделяя вторую и третью из названных областей, мы можем говорить об условиях человеческой деятельности и существовании. Говоря об этих условиях, мы будем характеризовать то, что обычно называют личными знаками, личными вещами и тому подобное.

В четвертой области мы можем объединить совсем особые сферы человеческой жизни, относящиеся к образованию, массовой информации и коммуникации. Говоря обо всем этом, мы должны будем выделить две подсферы, одна из которых «обнимет» учебные предметы, а в другой будет вырабатываться отношение к науке, искусству, современным формам печати и тому подобное.

Пятая область охватывает, с одной стороны, все, что обеспечивает перемещение человека в среде, а с другой стороны, все, что обеспечивает информационный захват им среды.

Таким образом, намечено пять областей, в которых может рассматриваться человек и его окружение. Я снова повторяю, что речь идет о чисто интуитивном и эмпирическом членении, которое помогает нам на первом этапе разбить известный нам эмпирический материал, я прошу Вас не предъявлять к этому членению никаких повышенных требований.

Известному французскому логик Л. Кутюра принадлежит шутка: из лжи следует все что угодно, в том числе, и истина. Важно, чтобы студент, отвечающий на экзамене, начал что-то говорить, что — не важно, так как, начав с чего угодно, он, возможно, скажет и что-нибудь дельное. Именно с точки зрения этой шутки, я и прошу Вас относиться к этому расчленению.

Можно поставить вопрос: получили ли мы в нем что-нибудь важное и полезное для дальнейшей работы. Конечно, более или менее обоснованно он может быть решен только после построения соответствующей дедуктивной системы. С каждым шагом ее развертывания, мы будем получать все более полные и все более точные основания для расчленения и разложения эмпирического материала. Поэтому нам нужно еще сопоставить основания, по которым мы произвели разбивку этих областей с теми основаниями, по которым может производиться эта разбивка, основанная на принципах метода восхождения.

Здесь я должен напомнить Вам, что обычно восхождение от абстрактного к конкретному строится на генетических принципах и основаниях. Полученное нами расчленение, наоборот, опирается на сугубо функциональные соображения и основания. Поэтому сразу же возникает сомнение: сможем ли мы

совместить метод восхождения от абстрактного к конкретному с описанными выше абстрактными расчленениями.

Совершенно очевидно, что, если мы выберем генетический вариант восхождения и будем последовательно развертывать одну за другой схемы, соответствующие историческим стадиям развития человеческих отношений и сфер этих отношений, нам нужно будет не расчленять существующий сейчас эмпирический материал на разные области, соответствующие разным отношениям, а, скорее, вычленять из имеющегося сейчас эмпирического материала те элементы, отношения и связи, которые соответствуют этапам и стадиям развития социальных систем и сохранились в нынешнем материале либо в виде реликтов, либо в полном своем развитии и в полном развороте. Тогда в эмпирическом материале всегда будет разделяться схваченное в структурных схемах и еще не схваченное.

Здесь надо заметить, что расчленение эмпирического материала, основанное на дедуктивно-развернутых схемах, никогда не может заменить расчленение эмпирического материала, вытекающего из потребностей практики и задаваемого ею. Исходные расчленения эмпирического материала, определяемые в соответствии с практическими потребностями, задают интенции нашего будущего выведения. Таким образом, я хочу подчеркнуть, что расчленения, которые мы получили дальше, и которые будут опираться на наши структурные схемы, какими бы детальными и дифференцированными они не были, не устраняют необходимости работать с эмпирическим материалом, группировать и сопоставлять его в соответствии со способами практической работы. В конечном счете, именно практика задает основные интенции нашего теоретического выведения, но лишь интенции и ничего больше.

Итак, объявляется конкурс на лучшие расчленения эмпирического материала, соответствующие «практическим» потребностям дизайна.

Напомню, что наша задача состоит в том, чтобы выявить основные типы взаимоотношений между людьми и вещами, а затем детально и подробно проанализировать и описать их. Исходя из этого теоретического анализа, мы сможем затем определить наши требования к вещам.

Давыдов: Ставя такую задачу, Вы еще должны доказать, что взаимоотношения между людьми и вещами действительно существуют, ведь это отнюдь не очевидно. Например, если люди и вещи являются элементами единой структуры деятельности и, в равной мере, потребляются ею как безликие элементы, дело может обстоять без каких-либо отношений между людьми и вещами.

Щедровицкий: Я полностью согласен с этим замечанием, вполне возможно, что отношений между людьми и вещами просто нет, но сейчас я исхожу из предположения, что они существуют, и хочу рассмотреть задачу при таком предположении.

Бобнева: Из того, что здесь было сказано получается, что есть пять типов вещей, пять типов «человеков» и пять типов отношений между «человеками» и вещами.

Щедровицкий: Вы абсолютно правы, я действительно принял такую манеру членить данный материал, но при этом у меня осталось сомнение в отношении числа этих типов. Вместе с тем, я хочу напомнить мои слова о том, что типов различных отношений в теоретическом плане будет столько, сколько будет шагов и этапов теоретического дедуктивного выведения. Лишь в ходе теоретического движения я буду получать такие представления взаимоотношений

между людьми и вещами, которые будут претендовать на истинность и на изображение действительно существующего, а пока я пользуюсь сугубо рабочими расчленениями.

Кантор: Мне непонятно, почему Вы предварили свой анализ анализом того, что такое человек, но не распространили этот предварительный анализ на вещи. Ведь Вы остаетесь в полном неведении в отношении того, что такое вещь.

Щедровицкий: Это очень серьезный вопрос, на который мне сейчас трудно ответить. Наверное, в исходном пункте у меня было представление о неравноправности человека и вещи. Это представление заставило меня обсуждать вопрос, что такое человек, и оставить вопрос о том, что такое вещь. Мне казалось, наверное, что человек относится к вещи, и это отношение превалирует над обратным отношением вещи к человеку. После вопросов, заданных мне, я начинаю понимать известную неправомерность своей исходной посылки, своих исходных шагов. Маловероятно, что сумею сейчас исправить это. Некоторое время тому назад мы уже ставили вопрос и специально обсуждали его. При этом О. И. Генисаретский в своем докладе обосновал возможность принятия тех исходных членений, о которых я сейчас говорю. Я взял его результаты и не стал их специально обсуждать. Сейчас мне, очевидно, придется коротко напомнить об основной идее его рассуждений. В современном обществе существует разделение сфер воспроизводства (производства) людей и вещей. Это разделение — результат определенной организации каналов воспроизводства и трансляции. И это кардинальное обстоятельство в социальной организации нашей деятельности заставляет нас с самого начала, в первой исходной точке, противопоставлять людей и вещи. Если мы предположим, что это разделение является достаточно фундаментальным, мы будем рассуждать в соответствии с ним. Если же вдруг это разделение каналов трансляции исчезнет, мы должны будем задать иное теоретическое основание для своих членений.

Давыдов: В этой связи я хочу сделать несколько замечаний в отношении различий между системами изготовления людей и вещей.

Надо сказать, что у нас существует очень сильная тенденция превратить школу в систему, изготавливающую вещи. Сейчас создаются спецшколы разного вида: языковые, математические и так далее — это установка на создание машин разного рода. Исторически этой тенденции был нанесен очень сильный удар с образованием средней школы, со становлением школы, дающей общее образование. Поэтому сейчас одна из основных целей манипуляторов состоит в том, чтобы разрушить среднюю общеобразовательную школу. Последние 10 лет наше общество делает очень большие усилия для организации такого воспитания людей, которое было бы подобно изготовлению машин, то есть для организации воспитания, делающего их приспособленными к выполнению определенных производственных функций.

Щедровицкий: Здесь нельзя забывать, что подготовка человека как специалиста, то есть как машины, обеспечивает ему социальную ценность и, следовательно, собственно человеческое существование. Человек, не получивший специальной профессии, может быть только чернорабочим, а это очень мешает ему стать интеллигентом и личностью.

Но я должен вернуться к основной теме нашего рассуждения. Мне приходится двигаться все время в двух разных сферах: сфере моделей и сфере эмпирического материала. Соответственно этому, каждый термин я употребляю тоже в двух разных смыслах.

Все вопросы, адресованные мне, имеют одно общее основание: в связи с чем и по какому праву я выделил из всей окружающей нас действительности «человека», которого изобразил в виде особой фигурки. Меня спрашивают, откуда я знаю, что есть такие особые образования как люди, что я, собственно, знаю об их специфической природе. Может быть, существует единая и нерасчлененная плазма и, при глубоком теоретическом анализе, никак нельзя выделить в качестве особого элемента то, что я называю человеком. Мои оппоненты возвращают меня к самому началу моих соображений. Я говорил там, что человек — это очень сложная социальная система, а потом забыл обо всем этом, изобразил человека в виде фигурки и обсуждаю вопрос, как он, человек, относится к вещам.

На все это я отвечаю: претензия эта совершенно правильна, я понимаю ее значение и смысл, я не могу ей удовлетворить, но, вместе с тем, я должен двигаться и работать, поэтому я избираю другое начало, начинаю танцевать от него, чтобы потом, как я надеюсь, прийти к тому, чего от меня хотят. Я возражаю моим оппонентам только в одном месте: мне кажется, что они не учитывают этой стороны моего движения, вынужденной стороны.

В течение всего моего движения я постоянно имею перед глазами две разные сферы. Одна — это сфера эмпирически накопленных расчленений тех представлений, которыми пользуются люди в обиходе, это совокупность всех тех видений мира, которые мы сейчас имеем. Другая — сфера вновь вводимых мною теоретических расчленений, изображений, которые не похожи на обиходные и резко отличаются от всего, что дано в первой сфере. Я движусь одновременно в этих двух сферах, различаю их и, вместе с тем, соотношу друг с другом.

Здесь очень интересным является вопрос о статусе эмпирического материала. Против моих построений можно было бы возразить, что не может существовать никакой эмпирической картины, которая уже не лежала бы в рамках какого-то строго определенного теоретического предмета. Если мы это примем, то, очевидно, задание эмпирического материала возможно лишь после того, как мы каким-то образом очертим границы предмета изучения и зададим соответствующие схемы. Но я полагаю, что такое определение статуса эмпирического материала было бы слишком односторонним. Если мы хотим оставаться в пределах какого-то строго определенного предмета изучения и не проделываем никакой методологической работы, то эмпирический материал может определяться именно так. Но, кроме того, возможна методологическая позиция, и она в отношении к эмпирическому материалу на каких-то этапах допускает принципиальный эклектизм: перед глазами исследователя витают все и самые разные картины объекта, он оценивает как возможный материал все, что он знает, и тогда эмпирический материал выступает уже в другом виде: он должен быть каким-то образом сгруппирован, а для этого расчленен. Поэтому я на первом этапе своей работы задаю эмпирический материал не предметом и его схемами, а независимо от того предмета, который мне предстоит построить. На базе этого эмпирического материала я строю или, точнее, пытаюсь построить определенную онтологическую картину. Потом я буду задавать весь эмпирический материал во второй раз, через схемы предмета и как относящийся к определенному предмету. При этом основание и точку отсчета мне будут давать те практические потребности, которые я хочу обслуживать своей теоретической работой.

<...>

ВОССТАНОВИТЬ В ПРАВАХ ИДЕАЛЬНОЕ

*Интервью с Ефимом Островским**

Александр Попов: Любая беседа предусматривает, что собеседник высвечивается как определенный позиционер. Поэтому, когда я готовился к разговору, то удерживал образ Ефима Островского и думал о том, что человек он необыкновенный и что его образ отчасти мифологичен. Например, мне известен Ефим Островский как большой профессионал своего дела, но при этом он говорит такие тексты, которые трудно отнести к какому-либо традиционному профессиональному типу. Поэтому я думаю, через беседу можно показать портрет «нового гуманитария», живущего сегодня на рынке, но это вторично. Прежде всего, он живет в своем Мире и строит собственный концепт или свою философию, что тоже — загадка и интрига, поскольку никто не знает, как в XXI веке создаются философские труды.

Размышляя над Вашим движением за последние годы, я выделил три темы, которые мне было бы интересно в этом контексте с Вами обсудить. Первая — это тема Свободы, того, как возможна Свобода сегодня. Вторая — тема Нового (Свободного) Поколения, «поколенческой героики». Кто эти новые Герои? И третья тема — это новая этика и новый этикет, новый разворот этих понятий.

Я посмотрел ряд Ваших последних работ, в частности, работу «Возрождение связности, обретение радости», она начинается с постановки проблемы обретения Свободы в современном мире. Сегодня мы часто слышим о постиндустриальном и информационном контекстах. И в связи с этим возникает такая «антропологическая растяжка»: с одной стороны, человек, якобы, теряется в этих контекстах, вновь появляется «отчужденный» человек, а с другой — возникает тезис о том, что это и есть новые координаты свободной мысли и свободной жизни. Но мне кажется, что здесь не может быть автоматического ответа, а есть некоторое усилие быть свободным, и в этом смысле, что может являться современной Свободой в антропологическом и онтологическом смысле?

Ефим Островский: Я считаю, что свобода есть свобода выбирать собственную несвободу. Я не раз говорил, что если свобода — это действие и деятельность, то для того, чтобы проявлять волю к действию, человеку нужна опора, а опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. И, когда я говорю о свободе, я всегда имею в виду степени свободы, опирающиеся на степени несвободы.

Если пару сотен лет назад степени несвободы задавались человеку окружающим миром, то сегодня человек оказался в очень значительной степени лишенным опоры. Когда мы сталкиваемся с тем, что человек может двигаться в любую сторону, когда все сдерживающие силы, ограничивающие его волю, потеряли связность своих позиций, то на смену проблеме «свободы от порядка» приходит проблема «свободы от пустоты».

Если удерживать троичную картинку «порядок, хаос и пустота», то с нарушением целого ряда ранее организовывавших человека порядков, появилась очень странная несвобода — пустота, окружающая человека.

* Ефим Островский — руководитель гуманитарно-технологической корпорации ГОСТ (Москва).

Невозможность оттолкнуться от чего-то погружает человека в пустоту, в которой он становится приемлем свободой и, доходя до своей противоположности, возникает пустотная несвобода. Человек оказывается в поиске своей несвободы, чтобы освободиться.

Чтобы дверь поворачивалась, петли должны оставаться неподвижными. И мы сталкиваемся с тем, что объективная несвобода в современном мире не существует. Человек может быть кем угодно, каким угодно, может быть всем, чем только пожелает. Но в результате свобода «быть всем» означает свободу «быть ничем». Либо человек находит те степени несвободы, которые он волен принять на себя, и за счет этого организовать свою волю. Или оказывается в ситуации, где его можно уподобить телу, движущемуся равномерно, прямолинейно в полном вакууме. Конечно, на самом деле он подвержен притяжению бесконечно удаленных масс, которые он может и не учесть, и не соразмериться с ними. И если у этой легкой пылинки нет солнечной парусности, если она не начинает опираться хотя бы на свет звезд, то ее несет огромная машина окружающего мира, и возвращается рок, существование в качестве шестеренки очень сложного механизма.

Мы часто забываем (сейчас принято забывать), что любые ощущения человека по сути своей тактильны. На самом деле, чем отличается давление кошачьей лапы на руку от давления света на глазное яблоко или воздуха на барабанную перепонку? Все это — разные тонкости тактильного ощущения.

Мир навязывает человеку неисчислимое число мотивов. Если представить себе все эти мотивы и воздействия как тяжести, совокупно собирающиеся на человеке, то аналогия с шестеренкой обретает наиболее выпуклый и ясный смысл. Эти тяжести влекут и толкают человека не по его собственной траектории, а по той, движение по которой (если всего этого не понимать) можно принять за Свободу.

Это единственное пространство сообщения, и человек сообщен таким образом со всем миром. Он сообщен с этими мотивами совершенно физически. Запах другого тела дотянулся до человека, надавил на его носовые анализаторы, раз — и возникла любовь с первого взгляда. Он думает, что это Любовь, а это всего лишь Имя. Будь то запах надавивший, образ надавивший, важен принцип — образ надавивший.

Единственный принцип связности, который не машинален, не тактилен — это принцип идеальных конструкций. И в разное время эти конструкции строились разными институтами, субъектами, обстоятельствами. Но самое важное здесь то, что эти конструкции соразмерны и кратны именно человеку, именно человек является единственной средой их существования, их дискретным анализатором. Это символическое пространство идей, идеального, оно тоже строится, и строится из знаков. А знаки, как идеальные, так и материальные, по своей природе пограничны, испытывают все те влияния окружающего мира наравне с влияниями человека, но строятся самим человеком. И в каждый конкретный момент существования они образуют не менее сложную машинерию, толкающую человека. Через нее человека толкают воли, проявленные сто, тысячу лет назад. И, конечно, можно проследить взаимосвязь между, казалось бы, произвольным идеальным решением и теми культурными программами, которые толкали человека к этому решению не одно поколение. Но, тем не менее, именно эту часть этой мировой машины можно проследить вплоть до ее начал и, запустив виртуальную руку, перехватить управление и взять его на себя. И это есть антропологическая особенность современности.

Я думаю, что такая возможность, в общем, существовала всегда. Но сегодня она в рамках известной нам истории действительно порождает особенность современного человека. Несколько сотен лет назад в мире существовало мощнейшее неравновесие распределения этих знакотканей по исторически известному нам человечеству. Была пространственная неравномерность этого распределения, например, крупные ареалы тех или иных религий, институционально закрепленных, схватывающих и воссоздающих несколько различных пространств существования человека.

Сегодня мы видим взаимопроникновение целостностей. Человек уже не связан чужими целями, не связан целостностью. Он приобретает вполне актуальную возможность выбирать цели и целостности.

Прежде всего, скажу, что цель сегодня не территориальна, она отделена от территории. Еще лет сто назад, а уж триста-то точно, Ваши цели продуцировались той территорией, тем местом, где Вы проживали. Целостные, а значит, целесодержащие системы захватывали вполне определенными границами ареалов идеальной целостности пространства, и человек, отказывавшийся следовать этим территориально присущим целям, целям того или иного ландшафта, просто нарушал связность пространства, в котором находился. В этом была его драма. Если он вставал на этот путь, он оказывался разрушителем окружающего порядка, но в этом смысле он и реализовывал свою Свободу. Такая трагическая реализация.

А. П.: Не «обретение радости»?

Е. О.: Вообще сложный вопрос. Нам очень трудно сейчас сказать, чего было больше — радости или ужаса — в превращении Земли из плоских кругов. Люди превращали Землю в круглую. И когда он, этот человек, совсем разошелся, в какой-то момент оказалось, что все это не просто — не бросайся камнями в стеклянном доме, дом разобьется. Каждый отдельный момент раскола этой целостности воспринимался как стремление к целостности свободы, которая оказалась целостностью пустоты. Связность превратилась в бесцельность.

И сегодня для человека становится гораздо важнее вернуть себе цель. Цели и предназначение. Цели и целостность как предназначение. Пространство целей как предназначение. Потому что это уже вопрос о *не*-свободе от предназначенного в том смысле, в котором человек выбирает себе предназначение в отличие от судьбы и рока, и которое выбирает его. Способность *пред*-назначить свое завершение собственной волей — это способность совершить свое предназначение собственной волей. Это и есть Свобода. Здесь еще есть очень важный момент — *со*-вершить, то есть совершить вместе с кем-то.

А. П.: Вопрос коммуникативности и общенчества начинает становиться ключевым...

Е. О.: Честно говоря, в последнее время мне стало не просто думать об этих категориях в этих терминах.

А. П.: А понятие возможности может снять это ограничение?

Е. О.: Сейчас я занимаюсь очень странным для обыденного восприятия бизнесом — занятостью. Я занимаюсь стратегическим консультированием родовых инвестиций, работаю с тем, что еще недавно в традиционном смысле называлось семьей. Я задумался и понял, что семья как родовое дело — важная и нужная сущность, и семей должно быть много.

Мы все время теряемся в иллюзии актуальности, нам кажется, что самое важное — это то, что происходит сейчас, сегодня, завтра, через год. Но ведь для любого разумного человека есть возможность очевидности того, что любые

изменения, любое развитие происходит за очень длительный срок, не исчерпывающийся даже временем жизни одного поколения. Вот, например, бизнес какого-нибудь современного нового русского капиталиста — это что? Это бизнес в смысле ежедневной реактивной занятости? Или бизнес безумной ежесекундной включенности, доведенной до машинальности? Или это родовое дело, посвященное созданию некоторого нового качества, привнесения в мир (чтобы избежать спора о том, создаем мы его или мы его открываем; для внимательного наблюдателя это одно и то же, поэтому, на мой взгляд, это вопрос не существенный). Так вот, если это родовое дело, то самым важным оказывается не активизация прибыли, а создание своей родовой компоненты вечности. И когда возникает сообщение, когда возникают другие рода, тогда и только тогда может возникнуть общее дело. Собственно, представление о родовом масштабе действия и деятельности порождает монархизм, который для меня имеет отнюдь не позиционерское, а этнографическое звучание.

Одна из моих учениц писала рецензию в «Со-Общении» на одну книгу, роман. Суть книги состоит в том, что в России в рамках демократической процедуры устанавливается новая империя, монархия. В общем, описано как вполне возможный проект или программа и политтехнологично очень схваченная технология. Однако, когда эта девушка собралась писать рецензию, она захотела со мной поговорить об этой книжке. И она мне сказала, что, прочитав эту книгу, она поняла, почему нельзя восстановить монархию в России. Я спросил: «Почему?». Она ответила: «Во-первых, в этой книжке люди живут вечно. А, во-вторых, поскольку они вечные, они оперируют десятками миллиардов долларов в качестве стартового капитала». И вот, исходя из этих двух допущений, она сказала, что в России никогда не удастся установить монархию. Тогда я спросил ее: «Скажите, а вам не кажется, что денег в книге есть всегда, сколько нужно, потому что если у вас есть проект, то вы ищите под него деньги. И автору легко было написать роман об этом, потому, что он сам практиковал это лет десять, занимаясь различными финансовыми операциями. А, в общем, есть Поэт, и есть Деньги на все, что угодно. А во-вторых, вам не приходило в голову, что любой человек, становящийся частью рода, Вечный. Конечно, для книги важна метафора непосредственного Вечного, но любой род — это такая «родовая вечность». И я по-другому написал рецензию.

Мы сейчас разбираем такой республиканский демократический подход. Ведь республиканское и демократическое — совсем не одно и то же. В отличие от демократии республика — это общее дело занятых и деловых людей. И если мы читаем «дело» как «родовое дело», то мы поймем, что республиканская форма правления — это аристократия. Семьи из числа тех, у кого есть дело. А со всеми остальными они «разбираются».

Но обратите внимание: для того, чтобы род просто был свободен действовать в истории, он должен принять на себя *не*-свободу предназначения. Иначе он расплывется и расфокусируется, потеряет связность и из лазерного луча превратится просто во вспышку света, хаотически излучающегося в разные стороны.

А. П.: То есть, Вы считаете, что сегодня человек волен, имеет возможность сам формулировать сущность? Например, род — одна из новых сущностей (она, конечно, всегда была, но я говорю про тот разворот, в котором Вы ее вводите), одна из новых усиливающих возможностей по отношению ко всему миру, начиная от политики и бизнеса.

Е. О.: Александр Неклесса не так давно в своих выступлениях напомнил собравшимся о том, что слово «революция» изначально имело не тот смысл, который мы привычно в него вкладываем сейчас. «Революция» означала возвращение ценностей тому, что было обесценено. И в этом смысле сегодня — революционная ситуация. Сегодня человек может революционировать, восстановить целостность цели, ценности. У меня сложности со словом «сегодня», потому что это ведь уже не вчера и не тысячу лет назад, и не 5 тысяч лет назад. И вот в том смысле, в котором «не-вчера», у нас сегодня революционная ситуация. Но не в том смысле, в котором 2 000 лет назад. Там тоже была революционная ситуация. Есть такой провокационный вопрос: от чего Спаситель спас мир, почему он это сделал? Отвечают на него следующим образом: человечество к моменту прихода Спасителя перестало вырабатывать сущность, необходимую верхним мирам, и тому, что у нас принято называть Господом нашим. И Спаситель (и основанная им целостность) выработал такое количество сущностей, что мир был спасен.

«Революция сущностей», — да, возможно. И ключевая проблема, которая стоит перед нами на этом пути — избегание постмодернизма, преодоление постмодернизма в практике после революции. У Блока есть выражение, я его очень люблю: «Всякое движение рождается из звука музыки и движется, пронизываемое им, а когда музыка умолкает, движение останавливается, а культура превращается в цивилизацию». Вся немота современного движения состоит из этих вот «пост-». И вызов перед нами заключается в том, чтобы дать этому «пост-» имя, чтобы это было не «пост-», а «пред-». И в этом смысле, предопределить, предназначить. Если мы сможем им дать имена, назвать предназначения, мы придем в непосредственный контакт со свободой.

А. П.: То есть увидим эту самую линию, которую не видно невооруженным глазом...

Е. О.: Мы должны восстановить в правах Идеальное, вернуть его в мир, но не как постмодернистское знание о разных идеальных, бывших когда-то...

А. П.: И это влечет за собой некую новую определенную этику, нравственную организацию отношения к другому.

Е. О.: Да, конечно.

А. П.: Ведь понимая, что мы имеем право на такое самоопределение, мы просто обязаны его приписывать другим. Представляешь, как начнут меняться нравственные механизмы и институты. Они могут начать меняться, конечно, не тотально, но в каких-то отдельных зонах практики.

Е. О.: Самое интересное — в слове «приписывать».

А. П.: Но ведь этика и исходит из предписаний и приписываний.

Е. О.: Но для того, чтобы не просто переводить слово «приписывание», а восстановить, революционировать, его смысл, мы должны поместить слово в контекст. Иначе чужие контексты, образовавшиеся совсем другими программами, начнут играть нами.

«Приписывать» — очень интересное слово. Совсем недавно было время, когда предписание производилось печатным текстом. С одной стороны, тексты организовывали системы принуждения, а с другой — определяли поведенческие сценарии. Достаточно было написать текст, и этот текст предписывал ту или иную установку, стремление и даже дерзание.

Современный мир перешел к *не*-текстам, к самым различным сценариям. Зайди в Интернет, там текстов как грязи. Если 200–300 лет назад один гипертекст мог изменить историю обширного региона мира, то сегодня

никакой гипертекст уже не способен ничего предписывать. Предписания сегодня прописываются скорее в форме гипердрамы, чем в форме гипертекста. Предписания прописываются путем героя по ткани мира. Герой — тот, кто творит предписания, это тот, кто живет между нормальным и ненормальным, раздвигает рамки нормального, создавая собой новую норму.

А. П.: Такое «пробное тело».

Е. О.: Да, эксперимент над самим собой. Причем, он не просто вырабатывает этот эксперимент собой, он должен творить его напоказ. И в этом состоит суть его программы. И только так — через вовлечение — он может творить предписания. Именно поэтому я так много внимания уделяю этому слову. В сегодняшнем мире бессмысленна директива о надлежащем поведении, имеет смысл лишь вовлечение. Отношение к себе самому как к материалу вовлекающего действия. Это не значит, что герой — это как в телевизоре; это не значит, что он живет для камеры, что он должен геройствовать, грубо говоря. Но это значит, что возникает новое для ближайшей тысячи лет взаимодействие героя и актора.

Когда маги и поэты творили славную песню, программирующую героя на подвиги, являющиеся лишь означениями тех качеств, которые герои приносили в мир, они работали с отдельным героем. Это была адресная песня, певшаяся тому, кто намеревался совершить героическое путешествие, героическое странствие. Затем герой отправлялся в путь, а вместе с ним отправлялся менестрель, который описывал уже не будущее, а настоящее. Он придавал подвигам, запрограммированным скальдом, статус настоящих подвигов. То есть у менестреля была настоящая, живая песня, поскольку он проходил весь путь вместе с героем, превращал путь героя в достояние многих, тиражировал его в качества героя, тиражировал его подвиги и содержащиеся в них качества.

А. П.: И в этом смысле массовизировал новую норму.

Е. О.: Но вот кто делал это больше скальд, герой или менестрель? У каждого их них был свой участок технологии, технопоэзиса. Я различаю технотекст и технопоэзис. Если технопоэзис — это язык искусства, то очень сильно отличаются друг от друга человек, который может говорить, общаясь на бытовом уровне, и человек, который способен писать стихи на этом языке. Вот и владение языком может быть разным. Это же относится и к владению технологией. Есть чисто технотекстовая работа связывать между собой слова, выражения, знаки, значения, смыслы, а есть способность создавать новые смыслы, осуществлять поэтическое действие.

Кто из них, из этих троих был субъектом технопоэзиса, высокой технологии гуманитарного творения? Сейчас не суть важно. Никто из них не главный. Вся эта история нам указывает совершенно на другое — на тот способ действия, на тот способ предписания, который может освоить новое поколение. Поколение, которое собственно и есть, прежде всего, плеяда героев, вдохновленных скальдами, опубликованных менестрелями. А так же тех, кто этого менестреля слушает и кормит его едой, восхищением, чтобы он потом мог петь дальше. Это как четырехчастная схема: вдохновитель, герой, менестрель и аудитория; те, кто вступает в сообщение с этой троицей и, сообщаясь, творит связность поколения, делает возможность его существования, творит его из себя.

А. П.: Вот Вы сказали: технология организации поколения.

Е. О.: Поколение — это сорганизованные люди и идеи. Поколение в описанной схеме устраивает новые структуры для новых типов деятельности.

Дело в том, что деятельность существует в объятиях двух структур — инфраструктур и ультраструктур. Что такое инфраструктура, мы знаем, это слово стало обыденным. А ультраструктура — надлежащая деятельности знаковая структура. Если говорить метафорично, то для автомобильного сообщения дорога является инфраструктурой, а правила дорожного движения ультраструктурой. Хотя, конечно, это упрощение. И, как мы понимаем, ультраструктура часто предшествует инфраструктуре. Например, инфраструктурой автомобильной сети сообщения является программа, в рамках которой есть группа проектов дорожного строительства, урегулирования движения, политики, учитывающие интересы того и другого агента и так далее. Ультраструктуры могут быть реконструированы, но, скорее всего, нуждаются не в реконструкции, а в новом основании.

Если мы вернемся к самому началу нашей беседы, к тем темам, которые Вы назвали, то попробуем прикоснуться сразу ко всем трем. Я хочу спросить — что есть возможное, виртуальное, должное? Что есть целостность, и что ее замыкает? Ее значение? Свету какой звезды мы будем поддаваться, какое давление будем усиливать? С какой звездой нас будут связывать мотивы? Что станет той рамкой *не*-свободы, которая позволит проявлять свободу во всех остальных направлениях?

Вы, наверное, помните мою лекцию о предназначении, где я называл эти точки опоры. Говоря о ценностях человеческой жизни, я говорил о том, что удерживает связность в идеальном пространстве, что создает прочность идеального, его упругость, его способность сопологаться реальному и материальному.

Ценность жизни, каждая из которых (жизней) несет потенциал рождения человеческой сущности. Неоднократно сообщалось, что этой сущности можно добиться в любой момент времени; на пир можно прийти и последним, но при этом Быть.

Ценность языка как системы, которая создает смысл слова, не давая возможности перетолковывать значение. Или точнее (имея в виду возможность перемены смысла за счет контекста), системы, задающей связь между смыслом и значением.

И ценность разнообразия, которая, системно сочетаясь с другими ценностями, читается как возможность развития, поскольку развитие и есть движение между этих четырех вершин этого простейшего кристалла, самого простого и правильного многоугольника. Потому что, конечно, человек удерживает между этими четырьмя вершинами равновесие, проявляя разнообразие, и при этом соразмерив с тремя вершинами. Практиковать предназначение — это и есть в новом мире сохранить статус европейского человека. Европейского в том смысле, что в его предназначении находится место и для христианского, и для исламского, и для буддистского практикования европейской сущности. Скажу больше: в этой парадигме может себя найти и представитель китайского мира, казалось бы, бесконечно удаленного от Европы, но внимательные наблюдения показывают, что просто удалившегося на несколько тысяч лет вперед. Даже европейский атеист может найти себя в этом пространстве, если умеет преодолеть некоторые границы.

А. П.: Наша беседа получается как очень целостная вещь, как истинно философский текст, но есть масса вопросов, связанных с практическими вещами. Я хотел бы спросить про «Крысолова». Я эти тексты читал, и с моей точки зрения, хоть «Крысолов» и не стал оформляться в политическом пространстве, однако, он во многом задал пространство антропологическое.

Вы всегда использовали политику в несколько больших целях, чем ее обычно используют. В последние годы Вы стали раскручивать массовый тренинг, как одну из перспективных линий. Насколько массовый тренинг является метафорой, а насколько — реальностью? Как Вам видятся контуры этого проекта?

Е. О.: История про тренинг складывалась так. В начале 1990-х годов я сформулировал следующий подход к пространству избирательных кампаний: для того, чтобы быть успешными и эффективными, избирательные кампании должны максимизировать использование ресурсов, вовлекаемых политиками в политическое пространство, на максимально благие цели. Я несколько лет занимался политической рамкой, и необходимо было найти оправдание (в высоком смысле этого слова) политтехнологическому обслуживанию квазиэлит, которые на тот момент по природе своего ресурсного обеспечения были мне крайне неприятны. На мой взгляд, они были этически не выверены. Как построить политдеятельность в интересах политически ущербных элит, при этом, чтобы сама деятельность не была политически ущербна?

И тогда родилось три тезиса. Первый тезис заключался в том, что политика оказывалась тем пространством, которое могло вовлечь ресурсы в производство ультраструктур. На фоне катастрофы старых ультраструктур и отсутствия какой-либо разумной деятельности по построению новых это было необходимо, это вызывало к жизни необходимость дальнейшей этой деятельности. А поскольку средство должно обладать качеством цели, нужно было найти тактическое и оперативно стратегическое измерение оправдания, то есть приписывание этой деятельности правды. И в тактическом режиме оно было найдено в том, что эта деятельность позволяла вывести часть большого системного финансового потока из совокупности всех потоков и сделать от них отвлечение в среду гуманитарных интеллектуалов и придать им высокую финансовую оценку с тем, чтобы не дать цеху погибнуть в лице его конкретных представителей.

ГОСТ всегда был известен тем, что платил очень много людям, задействованным в его операциях. Мне рассказывали, что некоторые люди говорили, что со мной работать очень приятно, потому что денег они заработали больше, чем потратят через год. Но это само по себе было очень узко и очень тактически. Кроме того, сама по себе функция гуманитарного конструирования для кампании не достаточна. Она задает инструменты, которые могут эффективно действовать, но для эффективного действия их надо поместить в среду трансляции и коммуникации.

И вот тогда ГОСТ сделал ставку на активистскую оперативную доктрину, когда основным способом трансляции и коммуникации была молва, а основным агентом был активист, следующий из логической рамки. Чем платить огромные деньги узкому телевизионному цеху, даже напрямую владельцам телевизионных структур, и тем самым ничего не развивать, лучше вкладывать их в повышение коммуникативных компетенций качества человеческого капитала, в ту его часть, которую удастся вовлечь в человеческие операции.

Мы взвесили пропорции и поняли, что деньги, вложенные в тренинговые программы для актива, позволят создавать гораздо более мощную и более эффективную систему сообщения с обратной связью, чем трансляция. И достигать при этом тренировки гораздо лучшего качества, тем самым, расширяя число гуманитарных агентов, оплачиваемых этими квазиэлитами. А с третьей стороны, расширяя число потребления этих новых компетенций. Это был первый шаг. А затем, по мере развития ситуации, когда старое

поколение с их никудышностью хотелось спонсировать все меньше и меньше, стало очевидно, что конструирование ультраструктур, строительство и дизайн сталкиваются с серьезными проблемами, и этому была посвящена история про «жмейкеров». Мы начали все больше и больше перемещать крен, переносить ось операции в работу, связанную с качеством повышения человеческого капитала. Причем, работа с молодежью, сама практика кампаний, толкала нас на работу с новым поколением, к которому мы сами были очень расположены.

Тогда конфликтовали две парадигмы. Одна была связана с использованием «пуховых беретов», старушек предпенсионного и пенсионного возраста, другая стратегия — стартовая молодежь. Мы вложились в стартовую молодежь и решили, что в этом случае расходы можно считать инвестициями в человеческие качества нового поколения. И устроили тренинги, направленные на две цели: повышение компетенции и повышение этики. При этом к законченному результату, имеющему ценность, приходили единицы тренируемых. Это было связано с тем, что мы закупали за границей то, что у нас невозможно было купить, потом обрабатывали материал, проводя тренинги тренеров, но всегда, в силу краткосрочности операций, не достигали фундаментального успеха *каждой отдельной практики*, скорее, накапливали ментальные знания для каждого последующего проекта в другом пространстве.

Уже к концу 90-х стало понятно, что статичность избирательных кампаний не может все время являться адекватной средой капитализации ультраконструктора гуманитарного технолога. Была и другая сторона: с конца 90-х было понятно, что надо искать другое пространство, что, собственно, в 1995 году и создало второго «Крысолова».

Значит, акт первый. «Крысолов» был посвящен попытке за счет погружения работы с активами в целый комплекс разного рода работ перевести ее из сезонной, скоротечной. Фактически, это была программа прививания гражданского общества в очень специфической форме. Это все было очень рискованно, но мы исходили из того, что это была очень быстрая программа. Программа первого «Крысолова» не приводится практически в реализацию в 1992-м, и к зиме 1996-го я пишу текст: «Что мы можем положить в основу гуманитарно-технологической индустрии?» — как версию второго «Крысолова».

Если помните, второй «Крысолов» очень сильно отличается от первого. Первый предельно политизирован и ищет, как связать политические капиталы в этой игре, он помещен в политическое пространство. Оценив ряд препятствий этого проекта, второй «Крысолов» я писал уже как проект того, что сейчас называют «товаро-слэш» — смысл, проводящий движение. Или, иначе говоря, то, что я потом описал как трение товаропотоков, как медиа.

В первом тексте, в первом проекте я указываю в одной из записок на то, что гуманитарная технология производит продукт, не имеющий длины и ширины. С тренингами проводилась работа, нацеленная на производство продукта, который продавался без посредничества политиков. Иначе говоря, что было до этого? Мы за деньги политиков поставляли гуманитарно-технологическую продукцию новому поколению. Второй «Крысолов» искал, как сделать эту поставку прямой, без посредничества. Как сделать так, чтобы они сами платили за возможность существования такого процесса.

В общем, когда я сейчас описываю версию ухода с рынка, я упрощаю картинку. На самом деле уход начался в 1996 году, и столкновение с целым рядом технологических и фундаментальных проблем, стоящих перед развертыванием Второго Крысолова, привело ко второму этапу моего присутствия на политтехнологическом рынке. Со второго «Крысолова» мы

начали, опять же за счет политики, вести фундаментальные и прикладные исследования. Если все это вычистить, то получится, что вся эта линия — линия поставок содержания, того, как организовать новую гуманитарно-технологическую индустрию, способную поставлять антропопрактики новому поколению.

Теперь важно прыгнуть на несколько лет вперед и пометить, что, например, кампания 1999 года — очень важная веха, новоситуативная, переоцененная на тот момент в негативную сторону. Это была Ореховская катастрофа 1997 года. В частности, в этой кампании технология массового тренинга захлебнулась, причем, еще на этапе организации процесса. Мы тогда взаимодействовали с Кролем, но вообще весь этот труд был полностью провален и проигран. Конечно, очень большую роль сыграла совокупность разных факторов, связанных, может быть, даже и не с технологией тренинга, поскольку в целом кампания была системно хорошо подготовлена. Причем, важно понимать, что это было первым провалом. Все было бюджетировано, а компания проиграна. Было понятно, что что-то затормозило кампанию, затормозило проектирование тренерской компоненты, но мы начали искать проекты, приближенные к реализации этой же идеи.

И в 1998—1999 годах мы, выиграв две кампании нового поколения, отработывали более широкое понимание тренинга, который, напоминая, только изначально содержал в себе замысел построения систем прямых поставок гуманитарного содержания новому поколению.

Когда Вы спрашиваете, метафора это или нет, я говорю — метафора. Таким тренингом была вся серия роликов, которые мы делали для СПС в 1999-м году. При этом мы одновременно проводили с первой тройкой очень тонкую тренинговую работу, которая затем транслировалась через ТВ в массы. И здесь, можно сказать, применялась эта трехчастная схема (герой — менестрель — публика).

Как готовить массовый тренинг? Вы готовите героев, а они своим примером, транслируемым СМИ (менестрель — это же СМИ), задают тренинг подобия, превращаясь в объективные образцы. Картина объективных образцов как тренинговая методика была разработана осенью 1995 — весной 1996 года. Можно поискать записки, где было описано все, положено на бумагу и доведено до технологии.

С другой стороны, мы работали в 1995 году и с активами, но, конечно, эта работа была не сомасштабна. Масштаб проекта был таков, что справиться с ним в классической тренинговой модели могла лишь система, подобная первому «Крысолову». И тогда мы построили серию роликов и плакатов, на которых стали затачивать точечные действующие метафоры, тренировали население, его более активные сегменты на освоение тех качеств, которые мы закладывали в кампанию. Причем именно «тренировали», потому что сначала сообщали смыслы, а потом демонстрировали так, что люди, разделяющие этот смысл, выиграли выборы.

Тренинг — это человек 200, потому что это некая возможность. Возможен тренинг и с видеокассеты. И, в общем, на игре Школы Культурной Политики, посвященной массовому тренингу, я был больше всего не доволен тем, что вся игра была построена вокруг темы «массовый тренинг», а не вокруг темы «массовый продукт». По большому счету, вопрос состоит в том, можем ли мы создавать массовый гуманитарно-технологический продукт. Для меня тренинг к тому времени был лишь метафорой массового продукта. Оказалось, что

в результате метафора «схватила» в себя всех участников процесса и помешала им, в том числе, разобраться, где тренинг. Потому что сделать тренинг можно только в том случае, если делать *не*-тренинг. Теперь, чуть приземляя, тренинг для меня — одна из версий массового продукта.

Но любой продукт, по определению гуманитарно-технологического, будет тренингом. Должны ли мы полагать, что тренинг в классической форме невозможен? Нет, это не так, — возможен. Имею ли я в виду, что надо искать именно классическую форму? Нет, не имею. Нам очень важно разделить функциональный и морфологический слои. Функциональный слой — это понять, что такое тренинг, а потом уже сажать его на некую морфологию, будь то морфология классического тренинга, или нового массового издания, или игр по Интернету. На мой взгляд, хиппи-движение было тренингом. Демократическое движение в России рубежа 1990-х тоже было тренингом. Некоторые люди книгу «Алхимик» называют тренингом. Ряд книг выступают в роли тренингов.

А. П.: Книги Аркадия и Бориса Стругацких, например.

Е. О.: Тренингом может быть и телевизионная программа. На мой взгляд, есть целый веер деятельности, имеющих тренинговую нагрузку, являющихся одним единым массовым тренингом. Если Вы меня спросите, где я сам ищу тренинговую линию, то я склонен полагать, что тренинг не станет массовым, не «оседлав» какой-либо товаропоток. Если говорить о предельных обобщениях, то, на мой взгляд, в сегодняшнем мире появление любого товара есть тренинг. Любой *сюжет* устанавливает и поддерживает среду потребителя, то или иное ее качество. Конечно, большинство из них поддерживают уже имеющееся качество некоторых больших мега-брендов, например, «европейское качество». Именно поэтому им не нужны сложноорганизованные носители содержания, их поддерживает вся мощь уже существующего. Это должны быть товары массового спроса и семейного употребления. Именно эти сюжеты, которые пытаются нести на себе некоторые целостности, отличные как доминирующие, оказываются в той проблемной ситуации, когда наиболее адекватными являются сложные гуманитарно-технологические решения, так или иначе, по определению являющимися тренинговыми.

А. П.: Теперь более понятно, что Вы имели в виду, говоря о массовом тренинге.

Е. О.: Лучше всего было бы проектировать с нуля. В пределе тренинг рассматривается как способ производства инвестиций в развертывание, в организацию, в крупный масштаб. Не случайно сейчас я приобрел часть акций кампании «Faberlic», это организация сетевой продажи косметики. Вполне возможно, что на этом материале нам удастся реализовать следующий шаг развития гуманитарной доктрины, хотя очевидно, что эта кампания вряд ли может стать носителем движения. Но она может служить ее первым элементом. На очереди другие кампании. Вот это и есть тренинг, обеспечивающий инсталляцию нового образа жизни.

Беседу вел Александр Попов

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕДЕЛ РОССИИ

Интервью с Александром Неклесса*

Knowledge in itself is Power¹.

Francis Bacon

Михаил Ремизов: «Независимая аналитическая журналистика — отсутствующее звено демократического процесса». Так названа одна из дискуссий, вынесенных на Российский «Форум» в Нижнем Новгороде. Название отчасти выхолощенное, но симптоматичное: и все же, почему каждому, кто берется за эту проблему, приходится в той или иной форме говорить о дефиците «воздуха», содержательности, глубины? Журналисты и редакторы изданий ведь могли бы, наверное, указать на некоторую совокупность неплохих аналитических материалов, циркулирующих в прессе, и, одновременно, на частные проблемы, связанные с их количеством или качеством. Тем не менее, ясно, что это не ответ. Что речь, в конечном счете, идет о каком-то органичном дефекте самого интеллектуального поля. Поля производства референтных мнений и интерпретаций. Чем вы объясняете этот дефект?

Александр Неклесса: Истоки данного феномена — чрезвычайно низкого регистра, не столько качества, сколько именно регистра, публичной российской социогуманитарной и политологической мысли — можно попытаться отыскать, задавшись вопросом о стратегическом субъекте явления, о социальном «заказчике» интеллектуального и социокультурного ландшафта России. И заодно о его, «заказчика», генезисе, статусе и целеполагании. Ведь разговор у нас (даже в контексте проблем журналистики) идет все-таки не о «желтой прессе», и даже не о СМИ как таковых, но о существенно ином ареале — о *публичной интеллектуальной деятельности*. Чье это дело?

К сожалению, ахиллесовой пятой России XX века — как имперской, так и советской, и постсоветской — был системный кризис элиты. И сопряженный с этим обстоятельством актуальный ныне дефицит углубленного, состоятельного социополитического мышления, политического текста, имеющего мировоззренческие, философские и правовые измерения, «хорошо темперированного», долгосрочного прогноза. По сути, понимания ключевой роли цивилизационных (а не только, скажем, экономических или политических) оснований происходящих событий, того, каким образом осуществляется историческое развитие, что такое система стратегических оценок и приоритетов, насколько тесно она связана с политической философией и социокультурным капиталом, кадровым и культурным строительством, со свободным интеллектуальным поиском.

В советский период деформация интеллектуального (культурного) поля отчетливо проявлялась, например, в тотальном доминировании естественнонаучных исследований при сознательной и последовательной стерилизации социогуманитарного дискурса (не говоря уже о более общей проблеме современной цивилизации — практически полном отождествлении интеллекта и знания с такой формой его организации, как наука), что уничтожало,

* Александр Неклесса — член Бюро Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации (Москва).

в частности, саму платформу полноценного политологического анализа и эффективного социального конструирования, плодило предельно конъюнктурные, редуцированные сциентистские опусы и квазисциентистские химеры. Поэтому, скажем, такая организация, как ЦКБ (центральный комитет большевиков) — выстраивающаяся, в общем-то, именно как орган политического поиска и стратегического планирования, как поле профессиональной дискуссии власти, и где в годы становления (институционализации) новой системы управления действительно велись острые дебаты по поводу стратегических альтернатив, была быстро выхолощена и выродилась в нечто иное.

Наиболее же неприглядный эпизод в истории российской аналитики (советского периода), если позволительно считать его эпизодом, произошел, пожалуй, 70-е годы прошлого века: время, когда российская социогуманитарная мысль, и политологическая в том числе, проявила качества слепого пятна во взоре правящего класса. Лидеры Советского Союза, их «интеллектуальная обслуга», просто проморгали разворачивавшуюся на планете глобальную революцию, которая так и не стала темой широкой дискуссии, самостоятельной рефлексии, практических аппликаций. Хотя слепота эта была, конечно, в определенной мере осознанной: беспрепятственное обращение информации и свободное развитие личности в корне противоречили тоталитарной идеологической и социополитической модели (а также практике), господствовавшей в советском обществе.

Между тем, рубеж 60—70-х годов XX века — трамплин стремительного ускорения процессов в мире, время радикального перелома, совершенно особого темпа социальной и политической динамики, зарождения нового поколения общественно значимых страт, систем и коммуникаций. Общественная мысль и сценарная, прогностическая культура начинали осмыслять такие материи, как глобальные проблемы человечества, пределы роста индустриальной цивилизации, развитие постиндустриальной реальности, судьбы Третьего мира, перспективы конвергенции элит, универсальные финансово-правовые технологии. А заодно, подходить к постановке проблем в области иных, вполне экзотичных, частично востребованных уже в наши дни тем: нелинейное прогнозирование, принятие решений в условиях неопределенности, управление турбулентностью, — то есть затрагивать такие понятия, как *хаососложность*, *диссипативность*, *критические зоны самоорганизации*, *странные аттракторы*, *фрактальные пейзажи*. В России же, наверное, не случайно — несмотря на достаточно внушительный в те годы экономический рост (пресловутого ВВП) — данный период обозначил себя как «застой». Упущенная полоса возможностей, утраченный исторический шанс и по сей день сказывается специфической оскоминой.

Однако все это недавняя и, одновременно, уже достаточно далекая история России-СССР. Реально же нас интересует многозначность, альтернативность субстанции настоящего, которое, прожигая коросту повседневности, переплавляет ее фрагменты в неопределенную амальгаму будущего. Интересует извилистый путь трансформации страны, непосредственно и опосредованно сопряженный с драматичностью судеб мира, с политической и социальной тектоникой, ощущающейся сейчас не только в России-РФ (или на *постсоветском* пространстве), но во всем *постсовременном* универсуме.

В последние годы в российском обществе, вероятно, вновь возникало ощущение «застоя». Казалось, что социально-экономическая картография, сложившаяся после раздела советского имущества и эскизного переоформления структур власти, в своих глубинных основах более или менее «утра-

лась», обозначила себя. Иначе говоря, материальные ресурсы Новой России подверглись тотальной рыночной инвентаризации, а затем и соответствующей реструктуризации; в стране совершилось становление влиятельных (властных, *олигархических*) группировок, основанных на обладании ключевыми ресурсами, а в мире, тем более в мире современном, ресурсы политические и экономические связаны неразрывно.

Кстати, одним из парадоксальных симптомов того, что новая *политэкономическая* картография действительно прописалась на российских просторах, явился не только привычный калейдоскоп лиц на ритуальных раутах (еще одна символическая «колода карт»), но и сама актуализация темы передела... Быть может, это звучит странно, однако здесь вообще-то нет противоречия: чтобы появилась возможность *передвигать* значимые комбинации фишек на поле, должна сначала сформироваться некая общественная связанность, сложится более-менее артикулированный текст. И как только материальные ресурсы были внятно поделены, российский ландшафт сотрясла тектоника сложившихся коалиций, связанная с асимметричным распределением собственности и власти в стране, — «первый звонок» поднятой темы.

А параллельно складывается ситуация, связанная и с ее глубинными обертонами, которая, откровенно говоря, мне более интересна. Наступает, кажется, время деятельного перераспределения теперь уже нематериальных ресурсов страны, ее семантической реконструкции, картографирования и приватизации интеллектуальных полей, долгосрочной фиксации социально-политической и внешнеполитической (стратегической) ориентаций... Возникла также интригующая вероятность появления на данной постиндустриальной строительной площадке новых игроков, включая тот или иной вариант российской амбициозной корпорации и политической организованности «нового класса».

Формат постиндустриального передела предполагает пристальное внимание, скорее, к *семантическим и функциональным* ресурсам, а не только и не столько к *вещественному* богатству «Корпорации Россия». Это время живого интереса к формированию основ национальной (в новоевропейском понимании термина) государственности, к ее аксиологии (ценностной иерархии) и синтактике (логике управления), а не только к ее практической механике, то есть время выраженной заинтересованности в моделировании самой генетики российского социокультурного организма.

Речь, таким образом, идет о наметившейся реконструкции российской *организационной и культурной мегамашины*.

«Люди воздуха»

Светские террористы в темных элегантных костюмах, они сражались не автоматами АК-47, а меморандумами, докладными записками и утками информации. Это была ничем не ограниченная война, война без правил.

Ричард Перл

М. Р.: О переделе каких нематериальных ресурсов, собственно, идет речь?

А. Н.: Ответ на этот, вроде бы нехитрый, вопрос имеет два регистра; естественней и проще всего ответить — власти. Основной российский постиндустриальный ресурс — это власть. Бешеная интенсивность раздела материального «советского наследства» как-то заслонила на время эту истину, но сейчас процесс вновь вышел на поверхность.

Однако есть у постиндустриального передела и второе, менее очевидное дно: власть бывает конъюнктурная (политическая, управленческая, очевидная) и «долгоиграющая» (социокультурная, семантическая, «рамочная»), то есть требующая присутствия в ткани общества того или иного устойчивого нарратива, оснополагающих текстов, доминантного языка, устанавливающего признанное обществом прочтение реальности. Россия, кажется, ощутила императивность этих требований социокультурной легитимации, дающей право на автономную субъектность в политике и на историческую суверенность в новом мире. Либо — принятия того или иного ранее разработанного и уже укорененного в мире властного дискурса. Но вот тут как раз и возникают проблемы.

Основной процесс, который разворачивается на планете, — глобальный постиндустриальный передел, размывание прежней и утверждение новой семантики власти, ее социокультурного обеспечения. Сказать, что данный процесс генерирует конфликты, значит, сказать слишком мало, ведь у нас на глазах происходит мировоззренческая революция, становится очевидной трансформация культурного кода цивилизации, смена регистра элит и привычного набора траекторий политической практики. Широко прочитанная постиндустриальная деятельность сейчас включает в себя не только производство услуг, финансово-правовые акции или, скажем, различного рода операции с нематериальными активами, обретающими все большую объективность, «объектность», ценность в современном мире. Это также новые параметры социополитической (экономической) и культурной практики, ее обновляющиеся предметные поля, организационный дизайн. Наконец, смена «рамочных игр», некая новая формула властного регулирования и этих, и всех прочих процессов.

Иначе говоря, постиндустриальный уклад — источник нового пространства операций и одновременно плодоносящее лоно нового поколения социальных операторов. Интенсивность действия сдвигается при этом в область интеллектуального конструирования, управления самими параметрами принятия решений, геометрией повсеместно обновляемых виртуальных пространств, попутно возвращая и приводя к власти специфический, влиятельный социальный слой.

Механика Модернити на протяжении всего XX столетия давала сбой за сбоем. В прошлом веке на планете случалось слишком много «судьбоносных коллизий», ломавших стереотипы, самоощущение и горизонты человеческого сообщества, трансформировались и мутировали практически все механизмы цивилизации: культурные, политические, экономические, — а социальное пространство, утратив стратегическую однородность, фактически лишилось общепризнанного вектора прогресса, этого, быть может, основного наследия эпохи Нового времени. Где-то к 70-м годам забрезжил альтернативный образ общества, обозначился контур его нового состояния, для которого у нас и сегодня нет вполне адекватного определения, хотя попыток было немало: общество постиндустриальное, информационное, сетевое, конец истории, столкновение цивилизаций, новый мировой порядок, новая мировая анархия, новое варварство, реориентализация, глобализация, глокализация, постсовременность, и которое, поэтому, я предпочитаю называть просто *Новый мир*.

Итак, на планете складывалась новая транснациональная культура, запускались оригинальные, поисковые механизмы управления развитием, формировалась новая — финансовая, цифровая — экономика. Однако, назовем

главное, на мой взгляд, событие этого периода: к усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ новый класс.

Существовала враждебная прежнему порядку вещей генерация «людей воздуха», тесно связанная с постиндустриальным (нематериальным, *воздушным*) производством. В тот момент, когда процесс еще только разворачивался (а он отчетливо обозначил себя в начале 1970-х годов, преимущественно в Соединенных Штатах), поражал пестрый, эклектичный характер идущей к власти плеяды. С одной стороны, это были представители элиты в более или менее традиционном понимании, среди которых встречались люди, управляющие финансами и юриспруденцией, средствами массовой информации и коммуникации, разнообразными интеллектуальными процессами; люди, держащие руку на пульсе систем социального контроля, воспитания, образования; люди, определяющие господствующую *стилистику* бытия; лица, активно участвующие в передаче властных импульсов в системе «элитный клуб — *think-tank* — административный аппарат». С другой стороны, новое поколение имело совершенно нехарактерный для прежней элиты привкус контркультурных движений и выраженное пристрастие к свободной, лишенной прежних ограничений интеллектуальной медиации, а также к интенсивной, провокативной акции, амбициозному, масштабному риску.

Отличие новой элиты от предшествующей было настолько острым, что, порой, оно ощущалось, воспринималось и переживалось, едва ли не «антропологически». Совокупно же рвущийся к власти новый класс можно обозначить как *четвертое сословие*. Иначе говоря, происходила элитная революция, на планете разворачивалась интенсивная борьба за будущее: новоявленное *четвертое сословие* вошло в исторический клинч с традиционным, буржуазным (третьим) сословием, со «старым правящим классом». А поскольку транснациональная страда «людей воздуха» была тесно связана именно с нематериальным производством: с финансами, правом, информатикой, коммуникацией, индустрией всяческого проектирования, осмыслений, развлечений, с управлением ритмами повседневности и перспективным целеполаганием, — то и центр социально-экономической активности постепенно сместился в новые предметные поля, в частности, в цифровую (финансовую) экономику, в информационно-коммуникационную среду, в управленческую, интеллектуальную и образовательную деятельность (правда, прочитанную во многом в обновленном формате), наконец, в массовую культуру. Этот достаточно эклектичный и взрывчатый «коктейль Голливуда и Гейтса» постепенно набирал очки и начинал осознаваться как единый социальный текст, причем текст, все более утверждавшийся в актуальной реальности, настойчиво заявляя о своих правах на нее, занимая в ней доминантные позиции. Сейчас, пожалуй, психологически затруднительно, если вообще возможно, полноценно и адекватно восстановить в памяти прежнюю шкалу оценок (стереотипов), господствовавших в обществе до пересечения этого Рубикона, хотя отделяют нас от того времени лишь считанные десятилетия.

Реализация обновленного стиля власти, акцентировавшего управление публичными образами и стереотипами, социальной семантикой и траекторией будущего, всей просторностью нематериальных активов и соответствующей инфраструктурой общества; власти, стремящейся овладеть способностью к принятию эффективных решений и осуществлению осмысленных действий в условиях длительной нестабильности и неопределенности, — все это оказалось возможным и востребованным именно в среде, обладающей

комплексом могучих постиндустриальных механизмов, гибких, креативных социальных технологий и проявляющей склонность к активному представлению будущего.

Причем, в отличие от характерной для последнего столетия перманентной угрозы кризиса перепроизводства в сфере материальной деятельности, основной барьер (и одновременно дорогостоящий «предмет производства») в когнитивной (постиндустриальной) области — это сама устойчивость смысловых рамок, актуальная языковая матрица, которая эффективно ограничивает (организует) мышление и воображение, предопределяя топологию социальных интенций и устанавливая коридоры общественно-признанных целей и личных амбиций. Иначе говоря, в еще не написанном постсовременном тексте уже проявляется и действует ангажированная синтактика нового социокультурного языка, проводя перехват субъектности в эфирных пространствах, разворачивается борьба за аранжировку их зыбкой картографии, за «право обжига» пластичного, аморфного рельефа.

Быть может, именно амбициозная интеллектуальная деятельность является главным вектором постиндустриального производства, используя, впрочем, такие могучие протезы — высокотехнологичные композиции инструментальных технологий (аппаратную часть) — как, скажем, телевидение, сотовая связь, Интернет. Но и сложившейся ранее формат интеллектуального производства — социальное планирование, клубная активность, «мозговые центры», журнально-аналитическая работа, образовательная сфера, — вся подобная деятельность стала с какого-то момента прочитываться в изменившемся, однако же по-своему холистичном контексте, вполне синергийным образом.

В постиндустриальной среде происходит интенсивная борьба за перспективные кадры, за сеть терминалов интеллектуального влияния. Такие влиятельные издания, как, скажем, журнал «Foreign Affairs», исполняли роль, чем-то напоминающую функции директивного органа советского периода — журнала «Коммунист», только в ином, фактически, транснациональном масштабе. Причем внутренняя геометрия социогуманитарного пространства на практике организована оригинальным, дихотомичным образом. В качестве первой приходящей на ум аналогии я бы назвал образ мирового состязания компаний «Кока-кола» и «Пепси-кола». Или, примериваясь к российскому интеллектуально-аналитическому сетевому пространству, временную «диполию» «Русского журнала» и «Русского архипелага». Также и на американской площадке на определенном историческом этапе мы видим состязательность того же журнала «Foreign Affairs» и, например, «Foreign Policy». Равно как — правда, уже в другом деятельном регистре — дихотомию Республиканской и Демократической партий США.

Подобные диады возникают не случайно, они создают специфическую «растяжку», выстраивая идеологическую, интеллектуальную, общественно признанную и приемлемую рамку процесса. В образовавшейся нише происходит структурирование конъюнктурных смыслов, их социальная легитимация; совершается апробация концептов, которые транслируется затем в виде конкретных политических действий. Конечно, это лишь модель процесса, то есть весьма упрощенное описание реальности, отражающее, однако, ее определенные сущностные черты.

Сегодня в России мы обнаруживаем, по сути, зачатки подобного предметного поля, стартовые позиции комплексного постиндустриального процесса (передела). С одной стороны, в какой-то степени здесь ощутимо воздействие

общемировых постсовременных трендов, но с другой — все явственнее чувствуется специфический российский привкус «новой золотой лихорадки». Связанный, в частности, и с осознанием того, что помимо стратегической тупиковости ситуации, складывающейся вокруг «материальных ресурсов недостроенного социализма (капитализма)» (к тому же их передел — достаточно сложное, далеко не для всех доступное занятие), существует еще одно Эльдorado, лежащее практически вне силовых линий прежней brutальной динамики. Иначе говоря, есть некие, практически незатронутые в «бурные девяностые» территории и аспекты развития, в общем: «Поднимите мне веки...».

Попытки выдвинуться на эти территории русской «постиндустриальной целины» я наблюдаю на протяжении нескольких последних лет. Но реальное продвижение в динамичную просторность «воздушного мира» носит по преимуществу рефлекторный и бессистемный характер. Хотя некоторые проекты попадают «в десятку», занимая устойчивую семантическую нишу. Подобные действия, собственно и являются элементами системной приватизации, по крайней мере, одной из ее форм, сопровождающей конструирование (освоение) не столько материального, сколько функционального, политехнологического, социокультурного рельефа России, формирование ее интеллектуальных, корпоративных и иных новых торговых сетей.

Лишь бегло упомяну здесь о политических траекториях (и судьбах) российских информационных проектов, таких, как, скажем, «НТВ» и «Эхо Москвы», «Независимая газета» и «Завтра», «Эксперт» и «Коммерсант»; о таких, фактически, пилотных предприятиях, как «Консерватор» и «Космополис» или отдельные акции «Ad Margenum». Заметно происходящее в данной сфере интенсивное, политически акцентуированное перераспределение постиндустриальных ресурсов: неоднократная смена управления (прав собственности) за короткий период на том же канале «НТВ» или на «ТВС» (ТВ-6); кадровая, политическая, структурная чехарда на других каналах; движение высшего менеджмента в «Московских новостях», «Известиях», «Огоньке» (да и в таком специфическом издании, как «Парламентская газета»); аналогичные процессы в сфере издательской деятельности и в сети интернет-порталов; кризис, парализовавший российскую политологическую клубную систему.

Сейчас можно отчетливо, словно в лабораторной реторте, наблюдать, как накопленный ранее объем политической — правой и левой — концептуальности и фразеологии достаточно свободно, *технологично* перераспределяется в соответствии с задачами момента (например, в связи с избирательным марашоном) и общей реконструкцией семантического поля России. Однако разнообразные оперативно-тактические интересы, порожденные политической конъюнктурой, набрасывают тень на долгосрочное целеполагание, на импульсы стратегической трансформации в сфере интеллектуального производства, смещая истинные акценты перемен...

Выстраивание диверсифицированной постиндустриальной среды, ее последовательное освоение, сопряжено также с развитием коммуникации с обитателями и первопроходцами «воздушных» ареалов транснационального космоса («космополиса»). В данном процессе слышны как звонкие лейтмотивы, так и глухие обертоны, некоторые из которых обсуждать затруднительно. Скажем, определенные обертоны в «сюжете Ходорковского», один из которых связан как раз с проблемой перспективного структурирования культурно-политического ландшафта России, продвижения в ее политическую и социогуманитарную культуру, в систему подготовки, отбора, продвижения будущих кадров. В сложившихся сегодня национальных, и транснациональном контек-

стах подобная деятельность имеет свои устоявшиеся, конвенциональные, согласованные формулы, некоторые из которых, правда, как-то не принято публично обсуждать. В России процесс институционализации неформальных, сетевых, диаспоральных связей также развивается, организуется и будет развиваться дальше, безо всякой конспирологии. Хороший тому пример — недавний съезд армянской диаспоры в Москве, публично обсуждавшей формы лоббистской координации, создания эффективно действующей национальной корпорации.

Поскольку процесс последовательного культурно-политического обустройства России неизбежен, возникает масса вопросов о его структурности, базовых алгоритмах, об источниках доминирующего влияния. В конце концов, о самой морфологии и диалектике процесса. И, коль скоро это в высшей степени перспективное и, к тому же, в настоящий момент открытое для всех ветров поле предметной деятельности, то здесь, конечно же, неизбежны схватки, причем, не менее пассионарные и не менее жестокие, чем в годы первоначального раздела советского наследства.

М. Р.: «Сюжет Ходорковского» — это, наверное, пример «мин замедленного действия», скрытых в землях Нового Эльдорадо. А какой пример положительно решенного социогуманитарного проекта (помимо консолидации армянской диаспоры) Вы могли бы привести?

А. Н.: Поскольку разговор наш происходит в контексте мероприятий Российского Форума, проводимого в Нижнем Новгороде, то логично, наверное, вспомнить, что одним из наиболее успешных проектов в данной сфере, был кадровый и организационный проект, который реализовал Кириенко.

С одной стороны, интересен функциональный, прикладной аспект явления, то есть попытка эффективно трансформировать российскую чиновничью среду; но, с другой — любопытен сам алгоритм действия, инструментарий, который был применен для достижения достаточно локальных целей — использование средств и возможностей сетевой (постсовременной) культуры. Культуры, связанной с пассионарной, преимущественно молодой, энергичной частью российского населения. Этот комплексный механизм, включая элементы гибкого интеллектуального холдинга, был применен, в частности, для развития проектной активности и для концентрации кадрового ресурса. А дальше возникает пространство выбора: либо использовать выстроенное постиндустриальное производство в интересах госслужбы (скажем, той же, упомянутой выше трансформации бюрократического аппарата, повышения эффективности в сфере управления и стратегической фокусировки государственной активности), либо эти механизмы начинают действовать в области политики, создавая политические связности и организованности. Можно, впрочем, было бы и другие примеры привести.

Социогуманитарное проектирование

...ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей.

Роберт Музиль

М. Р.: Очевидна следующая проблема: для того, чтобы консолидировать гуманитарный ресурс, недостаточно просто купить его, например, даже купив университет. Потому что люди, которые кормятся с одного стола, далеко не всегда представляют целостное интеллектуальное сообщество. Этого недостаточно. Нужны какие-то иные «приводные ремни», гуманитарного, интел-

лектуально-политического характера. Есть ли нечто такое, хотя бы в потенции, у плеяды олигархов, желающих играть на этом поле?

А. Н.: Совершенно тут с Вами согласен, однако сначала отвечу обобщающим рассуждением, а затем постараюсь подойти к поднятой Вами теме, но окольным путем.

Если вы профессионально занимаетесь освоением интеллектуального ландшафта, то вполне естественен порыв получить, по возможности, его полную картографию («базу данных»), еще, пожалуй, методологию инструментального использования этих данных в тех или иных целях. Речь, однако же, идет о ландшафте, который носит подвижный, порой чрезвычайно динамичный и, к тому же, «проектный», неформальный, внеинерционный характер. Пространство, где существенную роль играют такие трудно уловимые и удерживаемые понятия, как импакт-фактор, профессиональный инсайт, интеллектуальное и творческое лидерство.

Прибегая к языку аналогий, попробую представить складывающуюся ситуацию следующим образом: так, например, привычная нам административно-политическая карта мира двумерна, «монотонна», обладает четкими стационарными границами. Геоэкономическая картография уже трехмерна, отрешаясь от жесткой привязки к национальным границам, содержит в себе как транснациональное «дневное» измерение (*большой социум*), так и своеобразную трансграничную «изнанку» (*глобальный андеграунд*). Но и этот конструкт стремится к грандиозной оптимизации, к особой глобальной статике (геоэкономическому балансу), понимая, к примеру, развитие и безопасность, в основном, как оптимизацию и превентивность. Творческий же космос новых организованностей, этот мир деятельной протоплазмы, в своей некорпоративной ипостаси обладает особой *дорожной картой*: прихотливостью прочерчиваемого пути, двусмысленными десигнатами ускорения продвижения (или, напротив, его вынужденного замедления), выраженной нелинейной и антиномийной динамикой, заметным аппетитом к новизне. А в своем конструктивном (проектном) аспекте демонстрирует склонность, скорее, к преадаптации, нежели к превентивности.

Кроме того, ресурсы (энергии) новых организованностей сложны для механистических манипуляций еще и потому, что у новизны, у творческих прорывов, у эффективных интеллектуальных стратегий есть, помимо поддерживающих, «раскручивающих» их кланов, вполне конкретные творцы. Процессы, о которых мы говорим, имеют персоналистичный, личностный генезис. Пассионарные индивиды, а не организационные механизмы, взятые сами по себе, порождают новые деятельные (когнитивные) пространства и, в конечном счете, меняют ход истории...

М. Р.: Александр Иванович, а Вы не разделяете понимание личности как функции? То есть понимание, согласно которому значение личности в истории есть всецело результат ее способности к надличностной репрезентации.

А. Н.: В мире протекают два грандиозных процесса. Один, о котором постоянно говорится и пишется, — это *глобализация*, как бы ее ни трактовали. Другой — *индивидуация*, то есть переход человека, человечества в уникальную историческую ситуацию, в которой он никогда прежде не находился. Это возможность для ряда людей действовать вне авторитарных как социальных, так и идеологических структур.

Раньше таких личностей просто не существовало. Символы персонального могущества: правители, короли, президенты — отнюдь не были и не являются

свободными людьми. Именно данная коллизия, ее осознание и зачатки трансформации, суть трагедии принца Гамлета. Люди действовали в рамках традиции, достойно или менее достойно выполняя свои «родовые», профессиональные функции, считая это основой и существом социализации. Смешивая, правда, при этом «идеал сущего» с «идеалом возможного». Отсюда, кстати говоря, и устоявшееся восприятие городской культуры как основания, «плоти» цивилизации. Равно как деревни — в качестве символа варварства или архаики.

Социальный постмодерн перетасовывает данную колоду карт: скажем, вилдизация становится *high frontier* городской среды. И не только перетасовывает — просто сбрасывает ее со стола. Реальным же горизонтом цивилизации оказывается геометрия деятельных корпораций (не только экономических) действующих во вполне транснациональной среде, которая обретает собственную сетку социальных координат, автономную политическую размерность, свою систему «городов» и «селений», «наций» и «отечеств».

Фокус исторических усилий для меня находится в точке личностной трансценденции, на которой зиждется надличностная (социальная) репрезентация, которая, в общем-то, есть функция («выражение») драматического человеческого свойства преодоления собственных ограничений. Репрезентация, в свою очередь, усиленная за счет идеологической и технологической солидарности активно действующих индивидов. Сейчас появляется не просто свободно действующая личность, или группа личностей, но образуемые на этой гибкой основе эффективно действующие, предельно пластичные системно-модульные организации, обладающие выраженной социальной интенцией, энергичной социокультурной амбицией, и при этом — доступом к финансовым, экономическим, технологическим, техническим, культурным, кадровым ресурсам постиндустриального уклада, в сущности, в масштабе всей планеты.

М. Р.: И эта личность совершенно свободна, выведена из контекста социальной связанности, «отвязана»...

А. Н.: Совершенно верно. Помимо прочих следствий, подобная ситуация означает приближение своеобразного момента истины, исторического испытания человечества, его обретенных в процессе цивилизации (отлагательное существительное) качеств. Отсюда следует возможность необычайно сильных конструктивных проявлений и вероятность необычайно сильных деструктивных акций. Для меня сама формула «*бин Ладен против цивилизации*», причем безотносительно к ее реальному содержанию, крайне эмблематична. Сама формула противопоставления человека государству и даже глобальному сообществу показывает изменившийся рисунок социальных связей, новый чертеж политических конструкций и траекторий.

И здесь мы, кажется, возвращаемся к затронутой в Вашем вопросе теме. Взятие под контроль образовательных структур, даже не учреждений, а воспитательно-образовательных, творческих и интеллектуальных циклов — это не есть суммирование потенциала лекторов, профессуры или системы отбора студентов-старшекурсников. Это *культивирование среды*, самого процесса выращивания, становления перспективной, пассионарной личности, формирование социогуманитарных параметров и траектории интеллектуального процесса, то есть тех виртуальных путей, рубежей и целей, которые как раз и имеют особое значение, вес и свою цену в Новом мире. Возникает рой проектов, погруженных в некую сценарную плаценту. Избираемая, реализуемая в данных условиях стратегия, становится для общества своего рода нитью Ариадны. И порой на достаточно продолжительный срок.

Сегодня в России отсутствует элитная инфраструктура, то есть не инфраструктура элитного потребления, а инфраструктура элитного воспитания, поведения и воспроизводства элиты, трансляции системы ценностей, языка и идеальной прописи социокультурного текста, причем даже элементарный механизм «клуб — мозговой центр — государственные структуры» воспринимается как новация, а реализуется как карикатура.

А ведь система выполняет также массу промежуточных и побочных функций, в том числе, по тому же кадровому отбору, воспитанию, дисциплинированию, своеобразному тестированию претендентов на пополнение элиты...

Проблема заключается в том, что у нас сама категория элиты и аристократии семантически повреждена. «Элитой» называется тот, кто имеет доступ к материальным и властным ресурсам. Но это все-таки не элита. Элита — это люди, определяющие мировоззрение, составляющие социальные прописи, обладающие «длинной волей», оперирующие образами и смыслами миропорядка, деятельно различающие и воплощающие их; люди, выстраивающие мир (а не просто свой «свечной заводик», пусть и внушительных размеров), а не пребывающие в нем. Звучит в российском контексте это, впрочем, как-то не вполне серьезно, потому что логика любого оператора ресурсов, представителя элиты в российском понимании, примерно такова: «*Я найму этих людей. Они мне все это сделают в любой момент*». Между тем, вопрос, который повисает в воздухе: «*Что — это?*».

В приведенном высказывании присутствует некий органичный дефект. Большие деньги редко существуют вне поля власти, тем более в России, где политический рельеф обычно доминирует и нависает над экономическим, порой обрушиваясь на него камнепадом. Власть же ткется вокруг некоторой канвы, мировоззренческой и социальной, что, однако, уже совсем не столь очевидно. У земной власти есть, в свою очередь, собственная метафизика и целеполагание.

Выстраивание смыслового поля, многоходовые операции на нем, — все это, конечно, далеко не артикуляция лозунгов и не производство преходящих брендов, и даже не интеллектуальное сопровождение предизбранного политического маршрута и не *perpetuum mobile* «одноразового» по своей природе, хотя и бессрочного (с позиций феноменологии) инструментария (лабиринта) политтехнологий. Поврежденность элиты наглядно проявляется в стратегической растерянности, в дефиците социальной инициативы, да просто — в отсутствии феномена «национальной корпорации». Власть в подобных обстоятельствах лишь мимикрирует под исторически сложившиеся формы управления, преследуя на деле ту или иную конфигурацию частных — не национальных и даже не общекорпоративных — интересов. Вспомним, кстати, судьбу ушедшей в историческое небытие советской власти, стремительно распавшейся, обрушившейся еще до наступления своего смертного часа, а заодно — полное политическое и социальное фиаско нанятой ею «интеллектуальной obsługi»...

Пришла ли в таком случае пора размышлять «о мире без России»? Ведь возможность пресечения ее исторической судьбы предполагали в свое время даже славянофилы: «*Мы вовсе не думаем, что судьбы мира заканчиваются Россией...*» (И. С. Аксаков), «*...если мы ошиблись, то и Россия погибнет скоро (исторически скоро), слившись так или иначе со всеми другими народами Запада в виде жалкой части (сегодня мы сказали бы: «сырьевого придатка»). — А. Н.) какой-нибудь серой, безбожной и бездушной федеральной мерзости!*» (К. Н. Леонтьев). А Лев Тихомиров высказывал по данному поводу шокирующее

предположение, что апокалиптический образ Вавилона, «Жены-Любодешцы», может при известных обстоятельствах обозначать именно Россию.

Или возьмем совершенно другой пример: так на опыте становления эффективно действующей в современном мире американской элиты как наиболее молодой, и потому доступной не только исторической памяти, но и более конкретным формам интеллектуального мониторинга, мы можем ретроспективно увидеть, что же составляет «центр циклона», а что в этой социальной метеорологии комплементарно и преходяще. Дело, конечно, — не в том, что материальные ресурсы не играют никакой роли, они играют серьезную, порой колоссальную роль. Суть проблемы, однако же, состоит в системе ценностей, в историческом и властном целепологании, в *структурообразующем факторе*, магнитном поле стягивающем и организующем многообразные ресурсы. В прочерчивании той траектории, которая проявляет себя как *идеальная модель* (геном) общества и как его устойчивая перспектива.

Скажем, многое подкупает в тезисах Чубайса, но некоторые основания его логики представляются дефектными, в частности, когда Анатолий Борисович предлагает рассматривать момент раздела собственности и, шире, «первичное накопление» как осевое время России, как момент зарождения новой элиты и ссылается при этом на американский опыт. Однако не «бандитские бароны» создавали Соединенные Штаты, закладывая основу их колоссальной энергетики, исторического порыва. Основу для всего этого заложила все-таки виргинская аристократия; более того, страну создавали пуритане — люди, которые были готовы идти на смерть ради идеи — центра их существа. И, случалось, шли... Иначе не было бы таких событий, как, скажем, американская колонизация и американская революция.

Создавали Америку также пионеры, которые в поисках чаемого земного обиталища для себя и своих близких родили идею «дальней границы», *high frontier*. Соединенные Штаты («американские страны») создавали, в общем-то, самые разные люди, так или иначе замороженные идеей рождения нового общества, выстраивания иного порядка, освоения, реформации Богом данной человечеству Ойкумены. Сыграла тут определенную роль и англосаксонская модель правового общества, персоналистичная по своей сути, основанная на идее судебного прецедента, независимости и публичности судопроизводства... Совокупность этих начал, их проявлений, следствий, породила, в конце концов, феномен американского гражданского общества, столь ценящего частную инициативу, успех и в то же время по-своему столь нетерпимого к жульничеству и прохиндейству. Вспомним специфически американское отношение к тому, что определяется как *unfair*.

Сказанное выше отнюдь не отвергает трезвости и прагматизма, расчета и реализма в политическом планировании, тех или иных девиаций в *практической политике* и *политической практике*. Но американское общество — это ведь не только амальгама политических и экономических проекций и интересов, хотя и они, в свой черед, выражают долгоиграющую историческую амбицию. Можно заодно сослаться на определенную провиденциальность государственного проектирования плеядой *политических деятелей* того времени, в конце концов, — на интеллектуальную глубину и даже на стиль социальных и вербальных *текстов* отцов-основателей США. И сравнить все это с современной российской ситуацией, с опытом строительства «Новой России», России-РФ.

То, что закладывается в основание социального организма, включая фигуры самих отцов-основателей, слишком во многих отношениях определяет дальнейшую судьбу страны и народа, особенно в критические периоды истории. (А ведь именно это происходит сейчас в России, ее нынешние политические и общественные деятели являются, в определенном смысле, «отцами-основателями» России-РФ.) И в этом отношении, кажется, крайне поучителен контраст между Соединенными Штатами и, например... Австралией. Риску привести по данному поводу, наверное, не слишком политкорректное рассуждение. Не правда ли, ведь это своего рода загадка, почему Австралия — огромнейшая, интереснейшая страна, населенная энергичным англоязычным населением, в геокультурном смысле страна Севера, имевшая во многом схожие стартовые условия с Америкой, представляет, однако же, столь малозначительную для актуальной мировой ситуации величину. Не думаю, что ответ однозначен... Но один из вариантов ответа на данный вопрос назову: именно потому, что она создавалась по формуле, в чем-то перенимаемой Чубайсом, каторжниками, преступниками, то есть морально коррумпированными людьми, хотя, вероятно, по-своему пассионарными, людьми, обладавшими деятельной энергией, но лишенными специфического *высокого горизонта*, что возможно и создало определенную вибрацию, которая пронизала затем социальную историю континента.

М. Р.: А что вообще можно сказать о нынешней стратегии развития России?

А. Н.: В сущности, многие ведущиеся ныне в экспертном сообществе дискуссии так или иначе затрагивают на своих «языках» проблему стратегии постиндустриального передела, «перенастройки кадрового рояля», нового формата политического и партийного строительства, значения социокультурного дизайна, модификации всей стратегической и проектной деятельности в стране...

Правда, что касается формулирования именно стратегии развития, то слишком уж довлеет над экспертным сообществом некая «экономистичная» доминанта, все иное долгое время воспринималось как своего рода гуманитарный гарнир (впрочем, по своему качеству многие социогуманитарные обобщения таковыми нередко и являются). Одним из частных примеров обедненности стратегической российской мысли может послужить куст аналитики, процветающий ныне под несколько двусмысленным ярлыком «промполитика». Но, впрочем, и здесь при обсуждении геоэкономической диспозиции России вскрываются подчас любопытные обстоятельства.

Сейчас на проектном ландшафте сталкиваются две версии будущего пейзажа РФ. Во-первых, модель, основанная на стратегии *сырьевого* развития, которое, кстати говоря, может быть высокотехнологичным, но остается при этом сугубо индустриальным и связано, к тому же, с перспективой изменения многих устоявшихся в обществе балансов, прежде всего демографического. Данная модель, вполне приемлемая (на первый взгляд) для внешнего мира, тем более актуальна, что в ближайшие годы стране, судя по всему, придется не просто наращивать добычу природных ресурсов и производство полуфабрикатов, но прямо переходить к практике сырьевого форсажа. Хотя бы с целью амортизировать ряд негативных тенденций, связанных с невозможностью полноценно реализовать «модернизационный пакет 2000 года», в связи с состоянием основных фондов, инфраструктуры, а также с выполнимостью (или невыполнимостью) соответствующих социальных обязательств.

Однако с некоторого, исторически не слишком отдаленного момента, то есть уже в ближайшем десятилетии, России придется столкнуться также с фак-

тором падения добычи своего основного сырьевого богатства, нефти. К этому следует присовокупить высокую вероятность снижения мировых цен на углеводородное сырье в ходе реализации глобальной энергетической стратегии США. Сумма же двух данных факторов образует достаточно взрывоопасный коктейль.

Другая российская перспектива, *инновационная*, сотнями нитей связана с постиндустриальной реальностью «высокотехнологичного сообщества», но, в силу эклектичного состава лоббирующих ее группировок, а также по ряду иных причин, подчас предпочитает позиционировать себя под фиговым листком «промполитики». Тем не менее, пунктирно наметившийся рубеж второй фазы постсоветской динамики российского хозяйства (то есть обозначившиеся «пределы роста» нефтяной пирамиды после завершившегося крахом периода строительства «пирамиды финансовой») заставляет пристально вглядываться в прихотливые рельефы стратегической конфигурации, расположенной по ту сторону сырьевого барьера.

Существует, впрочем, еще и третий подход, правда, до сих пор внятно не артикулированный, но предполагающий, по крайней мере в теории, гармоничную связанность, *когерентность* двух обозначенных выше стратегий развития.

Однако, учитывая общую направленность нашего разговора, важно, пожалуй, отметить другое: политическая власть в России, получив в последние годы поддержку народа, пребывает, тем не менее, в социокультурном тупике.

Интелрос

Богатство состоит в пользовании,
а не в праве собственности.

Аристотель

М. Р.: Если все же вернуться к начальному пункту нашего разговора... Вы говорите об отсутствующей в России элитной инфраструктуре. А что можно сказать об интеллектуальной инфраструктуре, в частности, в сфере аналитической журналистики?

А. Н.: Сегодня в России существует ряд автономных политтехнологических, информационно-аналитических, социокультурных, образовательно-гуманитарных ареалов, связанных, в основном, не с институтами гражданского общества, а с клановыми, политическими, экономическими корпоративностями. При этом предметные сферы деятельности, сопряженные со стратегированием и аналитическим проектированием, с системами трансляции знания, с наукой и культурой существуют в многообразных проявлениях, но пребывают, как Вы констатировали в начале разговора, в состоянии гуманитарной и интеллектуальной «гипоксии». (Обратите внимание, кстати, на вызывающую эклектику нынешних национальных российских символов.) То же касается и различного рода социогуманитарных изданий, а также средств трансляции и коммуникации в данной сфере...

В свое время, в этой связи, мое внимание привлекли литературные «толстые журналы», причем, с парадоксальной стороны. Не основным своим содержанием, то есть художественными текстами, а тем, что занимали на тот момент достаточно уникальную нишу. Тексты, которые появлялись в средствах массовой информации, включая электронные, носили, как правило, слишком конъюнктурный, преходящий характер; они были усечены и сформулированы *up-to-date*, целенаправленно преследуя актуальность. Тексты же, печатающиеся

в книгах, издаются, как правило, *post factum*; они оценивают уже состоявшуюся ситуацию, когда интереснее нечто иное: зарождающееся, становящееся.

«Толстые журналы» до какого-то момента заполняли этот зазор «избыточными» культурологическими и аналитическими статьями, которые не были актуальны в категориях средств массовой информации, но были свежи и полновесны, с точки зрения интеллектуальной, общественной ситуации. Причем помещали всю эту аналитику в определенный культурный контекст. Однако с развитием в России компьютерной культуры (ее географии и аппаратного парка), с появлением сетевых порталов и электронных изданий, Интернет стал постепенно перенимать эстафету в данной области. Все это, впрочем, достаточно известная часть истории российской аналитической журналистики...

Сегодня гораздо более значительное и актуальное явление — попытка создания интегрированных холдингов в социогуманитарной среде. И процесс, развития которого я ожидал, начиная приблизительно с 2002-го года, — системная трансформация политтехнологических организаций в *интеллектуальной России* в специфические культурно-интеллектуальные корпорации. Появление своего рода постиндустриального холдинга *интелпрос* (а заодно и плеяды *олигархов-эфироκραтов*), способного взять на себя, в числе других задач, миссию широкого концептуального поиска, стратегической разведки и аналитики, системного проектирования социального маршрута, но при этом претендовать и на нечто большее...

Тут мне хотелось бы сделать небольшое отступление от темы. Социальный организм, который не понимает, зачем он существует, обречен находиться в управлении у других организмов, которые вполне сознают цели своего бытия. Если у России нет своей стратегии, из этого следует только то, что она сама является элементом какой-то иной стратегической композиции. Необходимость реального, а не политтехнологического стратегирования — важная составляющая постиндустриального комплекса. Другая ее составляющая — кадровая, так как процесс стратегического целеполагания в новой реальности базируется все же не на разведанных и аналитических документах, а на личностях, которые обладают достаточно редким набором качеств, обладают определенным интеллектуальным уровнем, образованием, знанием, осознают проблемы общества и мира, чувствуют свою социальную / историческую ответственность. Но им свойственна также и определенная интегральность личности, интегративность, способность совершать действия, порой вопреки собственным интересам, окружению, обстоятельствам. Действие эти, случается, носят не слишком приглядный характер, но специфическая черта человека элиты заключается в том, что он понимает, почему и, главное, *что именно* он делает. Даже в условиях «дьявольской альтернативы». Если же подобное понимание отсутствует, личность утрачивает интегративность и попадает в водоворот коррупции.

Удивительно все-таки, как «большие смыслы» в человеческом космосе сопрягаются друг с другом. Если мы возьмем такое меркантильное пространство, как финансы, то, в конечном счете, большие деньги, также создаются интегральными смыслами, обладая собственной метафизикой, и степень корумпированности личности имеет даже здесь вполне прагматичный смысл. Социальная система вообще напоминает мне вертикаль, уходящую в бесконечность. Люди делают некоторый бросок вверх и затем отходят в сторону, нажимая кнопку соответствующего (персонального, группового) этажа, почувствовав свой потолок.

Элита — это смысловая вертикаль, которая держит архитектуру социального пространства. Садясь в «лифт вертикальной мобильности», идеальный представитель элиты (*человек на все времена*) не хочет выходить на определенном меркантильном этаже как бы высок ни был уровень. Но если выходит, — а это, конечно же, совсем не редкая ситуация, — то на достаточно высоком градусе (правда, случается, тут же проваливаясь в бездну). В результате (например, в финансовой сфере, коль скоро эта область деятельности стала современным «центром циклона»), он создает не «свечные заводи», а квазиметафизические феномены, такие, как *новые деньги*, конфигурации *глобального долга*, система *управления рисками* и так далее. То есть, чем выше ставка, тем более сложноорганизованное, полифоничное сокровище этот «амбициозный Джек» приносит в мир по «бобовому стеблю». Но, перерубив основания своего метафизического стебля, с высоты земного этажа, даже из пентхауза, с тоскою и, порою, со страстным интересом он поглядывает в небо.

То, что происходит сегодня в России, и что, безусловно, отражается на состоянии ее интеллектуального поля — это массовый выход российских пассионариев в пространства коррупции. Коррупция понимается у нас как взяточничество. Но взяточничество есть лишь одно из следствий внутренней дезинтеграции личности. Поэтому столь часто конструктивная активность вырождается сегодня на практике в деятельность по созданию того или иного прикладного механизма («приводного ремня коррупции»), замещая социальное пространство лабиринтом конфликтующих частных смыслов. А деятельность по их увязыванию и «разруливанию» вполне серьезно воспринимается не как интрига, но как политика.

Отсюда, кстати, один из источников обостряющейся проблемы адекватности контакта с глобальными элитами. Не случайно представители последних в частных разговорах отмечают, что испытывают чувство глубокого удивления, при коммуникации с самыми разными представителями российской элиты. В частности, еще и потому, что обсуждаемые вопросы носят тотально прикладной характер; нет, в сущности, реального стратегического контекста, в рамках которого только и возможен обмен позиций, равно как и достижение долгосрочного консенсуса.

Правда, одновременно, как и всякий дефицит в рыночной экономике, — это все-таки некоторый стимул к росту «предложения». Стимул к тому, чтобы некая генерация людей и организованностей, способных к раскрытию подобных смыслов, к деятельному картографированию мирового постиндустриального пейзажа, начала реализовываться. А параллельно возникает тема не только перераспределения постиндустриальных ресурсов России, но и закрепления границ этого передела. Придания ему устойчивой или, наоборот, динамичной формы, введения в эту реальность систем и механизмов эффективного владения, пользования, управления, законодательного и иного нормативного оформления прав участников процесса, определения новых предметных полей и самой номенклатуры «воздушной», «*ариэлевой*» собственности.

И еще одно, сопутствующее замечание: возникает ощущение того, что именно сейчас многие из тех институций, которые присутствовали и доминировали на интеллектуальном поле страны последнее десятилетие, симулируя политическое мышление, гуманитарное образование, аналитику и информацию, порой заимствуя для своей пустотности модную квазиевропейскую

(«западническую») либо, напротив, традиционалистскую оболочку, сами собой уходят на периферию внимания либо трансформируются. Мы переживаем транзитное состояние постиндустриального барьера, по-своему благоприятствующее полномасштабной смене референтных фигур в экспертной, журналистской, гуманитарно-политической среде.

М. Р.: Чего же, по-вашему, недостает толстым политологическим журналам, клубам, теледебатам? Ведь заимствуются вполне устоявшиеся, проверенные временем формы. Откуда же возникает это ощущение дефекта содержания?

А. Н.: Дефектным, в частности, оказался привычный, перешедший по наследству бюрократический принцип: отбор людей по номенклатурной позиции или (это была уже новация) по законам шоу-бизнеса. Слишком часто в результате получаем рафинированную, отфильтрованную оболочку, лишённую, однако же, реального содержания, если под содержанием понимать содержательность. Иначе говоря, случается эффект выеденного (и порою не один раз) яйца. Мы не видим серьёзного движения мысли, на сценической площадке господствует универсальный российский практикабль. Интеллектуальный мониторинг, осуществляемый потенциальными интеллектуальными холдингами — это ещё и поиск тех личностей, которые пребывают в творческой динамике.

М. Р.: И снова возвращаясь к началу разговора. Почему Вы все же склонны вести речь о «постиндустриальном переделе», перераспределении нематериальных ресурсов, если фактически описываете ситуацию недооформленного культурно-политического ландшафта, в котором движение может осуществляться за счет создания новых ниш, а не за счет «взятия под контроль» уже имеющихся ресурсов?

А. Н.: Постиндустриальный передел предполагает культивацию аморфных потенций в перспективные формы и одновременно переформатирование наличествующей среды в востребованный временем и обстоятельствами социальный текст, в котором ценится не *обладание*, а *умение*. Но жизнь — это ещё и определенная мера компромисса. В России сейчас немалое количество *постиндустриальных ресурсов*, которые можно, конечно, использовать гораздо эффективнее. Можно, конечно же, пытаться создавать амбициозные организации с нуля и в результате может что-то получиться и даже очень значительное, но более традиционный, понятный, более логичный (в линейной логике) организационно-деятельностный ход — это путь использования, «переформатирования» имеющихся в наличии ресурсов. Это естественный, инерционный ход мысли, хотя в нем присутствует определенная граница, чувство которой было бы нежелательно утратить.

М. Р.: Если говорить о наличных интеллектуальных, социогуманитарных ресурсах, как бы сейчас можно было вкратце их инвентаризировать?

А. Н.: Я обмолвился о том, что в последние годы ожидаю образования деятельных интеллектуальных корпораций, знаменующих выход из тени российского «нового класса». Появления интеллектуально-культурных холдингов, которые, взаимодействуя с уже сложившимися корпоративными организациями в сфере материальных ресурсов, представляли бы следующую, по-своему естественную ступеньку развития российской деятельной среды, эволюции ее социогуманитарных и политехнологических измерений...

М. Р.: Тем не менее, этого перерастания не произошло...

А. Н.: Да, явного качественного перерастания пока не произошло, хотя определенная организационная динамика все же имела место. И далеко не только

со стороны политехнологических структур... К тому же, многим из тех, кто продолжительное время работал в политехнологической среде, оказалось достаточно сложно перевести себя в иной регистр интеллектуального проектирования, почувствовать присутствие в той же, в общем-то, сфере деятельности иного, менее прагматичного и при этом более влиятельного предметного поля, более амбициозных задач, связанных с семантической реконструкцией России. Интеллектуальные проблемы, в конечном счете, — это проблемы творческие, а творчество, надеюсь, это не прозвучит банально, есть дар Божий, что налагает определенную ответственность и формирует особую систему отношений, и даже их стилистику.

Дело, в сущности, — не в том, что работа в политехнологической среде ломала чистоту линии, упрощала интеллектуальный рисунок, порой она его даже изощряла. Но что такое политехнологическая деятельность? Это двусмысленный процесс. Проблема здесь, мягко говоря, аналогична поиску баланса и различий между прозой и поэзией. Развитие креативности и сохранение интегративности личности представляет проблему для любого человека в любом обществе. Вопрос, однако, состоит в том, является ли эффективный игрок субъектом, а влиятельный субъект — заодно и собственным сюзереном, сохраняет ли он в сутолоке повседневности ощущение своей исторической позиции и промыслительной роли собственного дара? В частности, и поэтому плавного перехода политехнологических холдингов на уровень интеллектуальных корпораций не получается, хотя это, наверное, не главное основание. Как говорил один политический деятель: «процесс пошел», и тот или иной результат будет достигнут. Все чаще возникает предчувствие объемной проектной перспективы уже по ту сторону исторического *Big Bang*'а.

Личностные усилия особенно продуктивны тогда, когда вступают в резонанс с глубинными вибрациями среды. А именно сегодня в России налицо трансформационная ситуация, определяемая, как минимум, двумя историческими вызовами. Первый — транснациональный, порожденный стремительным изменением состояния всей мировой среды, социальной реализацией космоса глобальных, постиндустриальных элит и новых организованностей. Второй — сугубо российский, связанный с проблемой постсовременной реконструкции страны, ее постиндустриального передела, с пробуждением (сублимацией) креативности ее граждан и наполнением стратегическим смыслом актуальной формулы России.

По-видимому, пришла пора серьезно задуматься над альтернативностью российских горизонтов и драматичностью прочтений ее будущности.

Беседу вел Михаил Ремизов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ: РУССКОЕ ДЕЖА-ВЮ

Интерес к стратегиям, в том числе и стратегиям политическим, в последнее время весьма возрос. Этому способствуют и многочисленные разглагольствования о противостоянии глобализации и национальных интересов, и противопоставление массовой культуры высокому искусству, и даже «китаизация всего мира», которая, якобы, грозит человечеству неизмеримыми бедствиями. Библейское «Камо грядеши» — «куда идем» — опять призывает задуматься о будущем.

Однако каждое поколение, которому привелось жить в эпоху перемен, полагает, что именно его проблемы — наиболее сложные и неразрешимые, что именно им выпало решать «судьбоносные» и «глобальные» вопросы бытия и будущности. То и дело в аналитических статьях встречаются фразы типа «никогда в истории», «впервые в истории», «определяя новую историю» и прочие громогласные возгласы, при помощи которых те или иные политические группировки пытаются подчеркнуть значимость и исключительность событий, которыми они управляют и которые они, так или иначе, провоцируют. Зададимся вопросом: «Так ли это на самом деле? Ужели в нашей стране и странах, еще недавно бывших Республиками ССР, проблемы подобного масштаба никогда не возникали и не решались? — И главное, нельзя ли чему-нибудь поучиться у тех, кто из подобных ситуаций выходил, скажем, лет пятьсот тому назад?».

Попробуем разобраться.

Сущность любой стратегии как масштаба управления лежит в трех соприкасающихся своими гранями пространствах: в управлении, в идеологии и в социуме. В первом случае под стратегией следует понимать управление за пределами осязаемого ресурса, и определяется такое управление понятием долгосрочной политики, а в современном мире — и геэкономики, которая во многом ее определяет. В идеологии¹ стратегия — миф, в который поверят правнуки. Иными словами, это поле активной деятельности фантастов, в том числе и тех, кто называет себя историками². Придумывание образа будущего, который поманит к себе миллионы — очень сложная задача! И, наконец, третья стратегия — это стратегия социума, определяемая важнейшей задачей социальной безопасности, а именно: выжить. Лучше всем вместе, но мне персонально — обязательно.

Если речь зашла об управлении, а первые две стратегии к этой сфере деятельности относятся безусловно, то обязательно возникнет вопрос: «А кто является субъектом эятого управления? Кто принимает решения и несет за них ответственность? Существует ли некто, кому под силу управлять за пределами осязаемого ресурса?». В разных политологических школах этот субъект называется по-разному, но, в общем, все названия можно объединить термином «политическая элита», то есть некая часть общества, которая способна взять на себя ответственность за процессы, запускаемые иногда на столетия.

* Михаил Кутузов — действительный член Русского географического общества, системный аналитик, автор книг по истории Дальнего Востока и Сибири (Воронежская обл.).

Собственно элита как носитель власти может иметь тройственное качество: это может быть элита «по Божьему промыслу», или монархия; это может быть элита как продукт конкуренции — демократия; и это может быть элита на основании опыта управления или аристократия. В разные исторические периоды разная элита становилась носителем стратегии, однако сами стратегии, в общем, мало отличались одна от другой, и за всю осмысленную историю России, близлежащей Европы и Азии стратегии, в общем, имели тенденцию к повторению. В известном смысле можно говорить о некоем «дежа-вю» московской³ — российской имперской — советской — современной российской политической стратегии.

Первым из известных стратегических замыслов Московии была колонизация новых территорий, на которые наиболее влиятельные политические элиты пытались распространить свое влияние. Таких элит, в так называемую «послемонгольскую» эпоху, было две: московская и новгородская. Каждая из них имела достаточно ресурса для того, чтобы противостоять другой. Каждая из них была готова осуществить экспансию в отношении другой. Однако идеологическая стратегия Новгорода была направлена на воспитание предприимчивого торгового сословия, способного конкурировать с ганзейскими купцами, то есть с наиболее «продвинутой» Европой⁴, а идеологическая стратегия Москвы — на «государственное величие „Третьего Рима“», хотя сам термин появился несколько позже времен активного московско-новгородского противостояния. Такой идеологии не нужны были люди самостоятельные и предприимчивые, нужны были исполнительные, богобоязненные и законопослушные. А еще лучше — без лести преданные государю или кому им будет велено... Как конкурент в колонизационном процессе Новгород был снят с повестки дня при Иване Третьем Московском, причем большой кровью. Через несколько десятилетий Иван Грозный попросту смел его с лица земли, а православных единоверцев без различия пола и возраста топил в Волхове неделями. Сказки о «лукавом к Литве желании» были выдуманы тогда же и по его же, Ивана Грозного, прямому указанию: беготня дворян российских от Литвы к Москве и наоборот в то время была своего рода национальным приколом, поэтому желание «предаться католикам» не могло стать причиной звероподобной жестокости⁵. Все гораздо проще: Новгород подавал дурной пример москвитам, показывая наглядно, что можно жить в православии, говорить на русском языке и не страдать от бредовых пароксизмов политического обормота, оказавшегося, волею судеб, на Московском престоле. Утверждение имперского величия большой кровью не раз повторялось в российской истории вплоть до Ленина и Сталина, кстати, последний считал Ивана Грозного «величайшим государственным деятелем» (возможно, потому что сам был таким же). И колониальные аппетиты Советской России были не менее значительны, чем при Иване Грозном и Романовых: здесь и походы в Иран и Афганистан в конце двадцатых годов⁶, и раздел Европы на пару с Гитлером, и попытки «строить социализм» в Африке и Азии. Заканчивалось это одним: полным крахом политической элиты. Стремление распространить свое властное влияние на значительные пространства и множественные социальные общности однажды превосходило ресурс управленческих возможностей. А затем — крах: сначала Рюриковичей, затем Романовых, затем «великого и могучего». Сегодня, слава Богу, эта государственная парадигма снята с повестки дня, и хочется верить, что стремление к расширению рыночного экономического пространства не будет сопровождаться прямым захватом территорий и «приведением в покорность» тамошнего населения.

Утвердив в общественном сознании «государственное величие», номенклатурная политическая элита Московии, а впоследствии — и Империи, была крайне заинтересована в совершенной идеологической монополии на этом поле. Иными словами, государственное величие — это главный смысл «русскости», это именно то, что создает смысл и сущность самого существования русского человека, в то время еще и обязательно православного. Любого рода рассуждения иного качества пресекались жестко и решительно, а «диссиденты» истреблялись под корень: тот же протопоп Аввакум, которого живьем сожгли на костре — в России, не в Испании! — живой этому пример. Стратегия сохранения идеологии «великая Московия — великая Российская Империя», одним словом, «великая держава» была заложена новой, уже романовской политической элитой в целях осуществления своего влияния в громадной стране, которая даже не знала собственных границ. В этой идеологии воспитывалась и новая аристократия, взращенная взамен той, которую Иван Грозный извел во времена своего «правления»: главный смысл этой аристократии не «делание страны», как в Англии или Голландии, а «служение государству Российскому не щадя живота своего». Даже, если на престоле умалишенный садист — это наш умалишенный садист, и служить ему мы обязаны, потому что он — хозяин земли Русской. Стоит ли удивляться, что при такой «ментальности» жизнь человеческая ничего не стоит⁷?

Что касается социальной стратегии, то стремление выжить в разное время порождало самые разные социальные феномены: начиная от массовой миграции евреев, коренного населения запада Северного Кавказа, карпатских русинов, донских и запорожских казаков и заканчивая староверческим отшельничеством в скитах. Противопоставление себя путем осознанного действия государственной машине и аристократии, эту машину поддерживающей, — главный тактический прием такой стратегии.

Наконец, в последнее время наша политическая элита предлагает еще одну стратегию: вернуться к истокам нашей сущности, изыскать корни собственного — опять государственного! — величия и от них начать формировать «новую национальную идею». Несколько лет назад, после того, как киевский князь Владимир был официально назван в украинских учебниках истории «первым украинским князем», умный еврей в Киеве сказал мне: «Все, ребята, готовьтесь, — теперь в России нужно будет обязательно найти историческое место древнее, чем Киев, поскольку, я извиняюсь, эту фишку у вас выиграли, и банка больше нет.». Как в воду глядел! В 2002 году с телеэкрана громгласно заявляют: «Старая Ладога древнее Киева⁸! Есть место, откуда пошла русская земля! Мы тоже не лыком шиты, и не нужен ваш Киев, „на всех московских есть особый отпечаток“!».

Опять же, не ново. Государственную историю и писали по заказу⁹, и переписывали, по мере необходимости, и вдалбливали, как отче наш. И в рассуждениях о ней не нужно было иметь семи пядей во лбу — помните эту гениальную фразу «ответственного родителя» из «Доживем до понедельника»? Он был прав: история — не математика. Здесь за ошибки платят гибелью цивилизаций. Отсюда и — вывод.

Управление политическими стратегиями — это, по большому счету, управление людьми, которые, в той или иной степени, позиционируют себя как политическую элиту. Это либо люди, осознающие себя новыми государственниками, либо новой аристократией, причем прав на стратегирование и у тех, и у других поровну. Умение совместить одно с другим — это,

как мне кажется, главное условие социальной стратегии, направленной на безопасность сообщества. Нельзя допустить, чтобы государство во имя сохранения влияния одной части политической элиты изничтожило вторую, как это было в российской истории не раз. Патриотизм может пониматься по-разному, и далеко не всегда это «государственническая» форма поведения. Очевидно, есть насущная необходимость просвещения россиян в том, что такое стратегии суть, кто и как может их формировать, что они могут дать обычному человеку. Возможно, такого рода политизированность социума даст, наконец, ожидаемую национальную идею? Очень хотелось бы на это надеяться. Одна начинающая воронежская бизнесвумен, когда я задал ей вопрос, который я до этого задавал не одному десятку человек: «В чем Ваша стратегия?» — выдала, не моргнув глазом, потрясающий ответ: «Это я в моем бизнесе». Ответ, по аристократичности достойный Ротшильда. Началось..?

Примечания

¹ При условии, что под идеологией мы понимаем политику, объектом которой является общественное сознание.

² Никакого противоречия нет: миф о Великой Октябрьской Социалистической революции был буквально выдуман в середине двадцатых годов, в разгар сталинско-троцкистского противостояния. В его позднейшем варианте, с наложением множества «научно-исторических изысканий» он превратился в сказку, которую было положено заучивать наизусть. Проверить реальность событий не представлялось возможным: советские архивы были едва ли не самыми закрытыми учреждениями в стране.

³ От Московия – названия государства, созданного Иваном Грозным и самоутвердившегося при первых Романовых.

⁴ К сожалению, тот факт, что Новгород был членом Ганзейского союза, то есть имел торговый флот за несколько столетий до рождения «создателя русского флота Петра Великого», и мог на равных конкурировать в торговле с Любеком и Гамбургом, как-то не очень афишируется нашей «академической исторической наукой». Несколько позже станет ясно, почему.

⁵ Ивану Грозному воздано по заслугам его: на знаменитом монументе «1000-летие России», установленном в Новгороде Великом, его «царственной» фигуры нет.

⁶ О которых не знают даже профессиональные историки советского периода!!!

⁷ Справедливости ради нужно сказать, что в демократических Англии и Америке жизнь человеческая тоже не очень-то ценилась в те времена, однако изменения в отношении к ней совершенно очевидны, чего у нас не было и в помине до конца восьмидесятых годов двадцатого века.

⁸ См. 1.

⁹ См. 1.

ДЕФИЦИТ НАСТОЯЩЕГО

В 1999 году, работая над проектами для СПС, мы с Александром Анатольевичем Поповым предполагали, что, при развитии общественно-политической ситуации в стране по позитивному сценарию, значительная часть молодежи в течение лет десяти очень сильно «полевевет». Так и вышло, но все началось гораздо раньше: достаточно упомянуть растущее число антиглобалистских и леворадикальных групп уже в начале 2000-х годов. С моей точки зрения, этот процесс подпитывается особенной политической атмосферой, которую можно охарактеризовать как «дефицит настоящего» в этой стране.

Приведенные ниже рассуждения касаются трех тезисов. *Во-первых*, едва созревшая в нашей стране буржуазная идеология уже становится реакционной, транслируя «новые старые» традиционалистские ценности. *Во-вторых*, эта едва созревшая идеология диспропорционально требовательна к представительским функциям индивида в ущерб креативным. *В-третьих*, данная диспропорция рассматривается в контексте общей тенденции путинской России к симуляции общественных и политических институтов. Гипертрофированные представительские функции власти чреваты имплозивными прорывами игнорируемого реального в виде социальных и политических катаклизмов.

Тупик «кумулятивной» карьеры

В то время как надежды конца 90-х годов XX века на усиление социальной мобильности в российском обществе не оправдались¹, мифологизация этого понятия шагнула далеко вперед. Я говорю о социальной мобильности как сумме массовых верований, которые включают в себя представление о социальной структуре как проницаемой для «правильно скроенного Я», ориентированного на социальный успех в соответствии с предписанными маршрутами достижения социального и экономического успеха. Это по необходимости идеологическое представление, читай — укорененное в системе властных отношений. Конец 90-х годов — период активного конструирования этого мифа и прокладки этих маршрутов. Теперь пришло время критически переосмыслить его.

Провинциальный средний класс захвачен старой парадигмой кумулятивной карьеры в пределах: (а) однажды выбранной профессии, (б) конъюнктурной, «востребованной» сегодня специальности. Именно с этой парадигмой связаны представления о том, что есть хорошая карьера, карьера, обеспечивающая реализацию традиционалистских ценностей. Однако динамика современной жизни такова, что сложно ручаться за стабильную востребованность какой-либо специальности в перспективе отдельно взятой человеческой жизни. В этой ситуации «кумулятивная карьера» чревата

* Андрей Дерябин — директор Некоммерческого партнерства «Developmental Policies» (Агентство гуманитарных технологий «DEPO»), магистр социальной психологии (LSE) (Новосибирск).

сильным разочарованием. «Кумулятивная карьера» в корпоративной среде так же ограничивает социальную мобильность, как и неблагоприятные стартовые условия (низкий образовательный уровень индивида, отсутствие образцов современного образа жизни, необходимые для продуктивного конструирования своих «возможных Я» в профессиональной сфере и прочее). Инициатива и креативность в рамках больших, иерархически организованных корпоративных структур строго локализованы бюрократическими правилами и стремлением внутренней бюрократии защитить свои позиции. По сравнению с 1990-ми годами вертикальная социальная мобильность в России 2000-х годов оказалась законсервированной.

С «кумулятивной карьерой» связан страх «dead-end job», работы, которая не оставляет возможности для самореализации. Страх человека, который все свои профессиональные знания и навыки хранил в одной корзине. Просто он в один прекрасный момент оказывается невостребованным на рынке труда. Например, молодой человек 7 лет проработал менеджером в одной и той же компании (распространенная ситуация в провинции), добился к 30-ти годам высокого профессионального уровня и потолка зарплаты, но у него «голое» CV, которое делает уже невозможным смену места работы.

В этой ситуации для молодых людей профессия и работа перестают быть смыслообразующими факторами. Поэтому необходимо рассматривать вариант горизонтальной профессиональной мобильности и овладения новыми профессиональными сферами, наращивания своего экспертного потенциала и периодической смены профессии.

И что, собственно, должна обеспечить «кумулятивная карьера», какие представления о качестве жизни? Такие традиционалистские представления о нем как Семья, Дом и тому подобное остаются доминирующими, но более не являются единственными. Понятие «urban family», гедонистическая ориентация молодых людей, активно продвигаемая в масс-медиа, предлагают альтернативные образы жизни. Проблема заключается в том, что в России эти модели сегодня не поддерживаются никакими экономическими и социальными институтами. Главное, (а) не поддерживаются системой занятости, которая по-прежнему ориентированна на «кумулятивно-корпоративную карьеру»; (б) не поддерживаются образовательной системой.

Высшее образование, включая магистратуру и аспирантуру, становится такой отдушиной, которая предоставляет возможность не входить в систему занятости, в которой молодой человек не видит своего места (Ульрих Бек писал об этом в «Обществе риска» еще в 1980-е годы). Образование может быть никак не связано ни с будущей профессией, ни с предыдущим профессиональным опытом.

Симуляции и дефицит настоящего

По выражению Олега Игоревича Генисаретского, современная жизнь требует от человека непосильного совмещения в его деятельности (а) креативных, (б) управленческих и (с) представительских функций.

Современная жизнь в России диспропорционально требовательна к представительским функциям, к «пиару», затмевающему собой все остальное.

«Доминирует „стиль PR“, который уже представляется не политическим, а атмосферным давлением, модой на сероватый смог <...> Первое, что поразило меня в августе 2002 года в Москве, это то, что, несмотря на различие взглядов

среди „культурного сообщества“ по многим вопросам, все сходится в одном. Верят во всемогущество PR. PR — не только суть, но и стиль мышления, неизбежный как мода»².

Показателен раздел «Один день из жизни менеджера», представленный на сайте www.e-executive.ru, где молодые профессионалы публикуют самопрезентационные «объективки». Щенячий восторг наемного менеджера, который вскакивает под песню «Нас утро встречает прохладой» и с энтузиазмом несетя повышать уровень продаж, развивать не ему принадлежащий бизнес. Статьи в разделе «Один день из жизни...» — конечно же, самореклама. Это можно понять, в том или ином виде самопрезентацией занимаемся мы все, это естественное социальное поведение. Удручает не мотив и даже не однообразие изложения, а то, *как* авторы публикаций в этом разделе демонстрируют свою приверженность корпоративной идеологии. Они делают это конформно и некритично. Я говорю не об идеологии конкретной организации, а о соответствующей культуре в целом и о том, как авторы пытаются убедить читателей и публикатора в том, что они являются лояльными и дисциплинированными реципиентами того взгляда на мир, которым характеризуется современная корпоративная культура. Пока только Шнур зафиксировал эту ситуацию своим хитом «Менеджер».

Все прекрасно понимают, что оборотная сторона этой культуры часто требует от человека «наступить на горло собственной песне», но эта тема — табу, подобные отклонения от доминантного дискурса губительны в самопрезентационном тексте. Выходом мог бы быть юмор, тонкая ирония по поводу ежедневного корпоративного бреда, но, к сожалению, этого нет. В результате индивидуальность авторов исчезает в их декларациях индоктринированного корпоративного сознания. Жонглирование брэндами и демонстрация своего стиля потребления, вопреки замыслу авторов, не привносит в тексты индивидуальное *Я*. Они всего лишь говорят о том, что автор — дисциплинированный потребитель в том или ином ценовом сегменте, один из сотен тысяч. В сущности, тексты этого раздела — демонстрация потребительских качеств их авторов как товара на рынке труда, личный кадровый мерчендайзинг.

Наращивание личных представительских навыков в ущерб креативным, которые в корпоративных структурах строго локализованы и находятся под контролем соответствует общей тенденции в путинской России — симуляции общественных и политических институтов. В России PR и политические коммуникации, в частности, развиваются уродливо гипертрофированно. Само понимание PR в среде менеджеров порой носит искаженный характер и зачастую сводится к рекламе и маркетингу и к постановке следующей задачи: «поднять корпоративный дух и улучшить имидж фирмы» — при полной неспособности или нежелании инициировать реальные организационные изменения, то есть все сводится к симуляции успеха. Эти извращенные сверхожидания возникли не на пустом месте. Наше отвращение и восхищение «пиаром» — реакция на бум политехнологий и ставший явным в ходе кампаний 1996 и 1999 годов внутренний механизм политического маркетинга.

«Российский PR — дикая смесь... замешанная на традициях советского журналистско-пропагандистского образования, жажде эксперимента и моментальной отдачи»³. Современные лидеры PR-рынка, может быть, и страдают комплексом демиурга, но на уровне представлений «хорошо — плохо» отдают себе отчет в том, что можно и что нельзя, и кто есть кто среди их заказчиков. Но вот идет новая «молодая шпана» российской PR-школы.

Как в конце 1980-х годов девочки, посмотрев «Маленькую Веру» и «Интердевочку», сразу захотели стать проститутками, так после оргии 1990-х и мальчики, и девочки толпами идут в «пиар». Какой это может иметь эффект лет через пять на фоне продолжающейся тотальной симуляции общественных и государственных институтов и упорных попыток PR институционализироваться в качестве университетской дисциплины?

Я очень сомневаюсь в том, что PR достоин претендовать на «специальность» в том смысле, в каком считаются специальностями академические дисциплины. С одной стороны, это ремесло, которому невозможно обучиться в аудитории, с другой — потуги PR на теоретизирование, за счет которого сообщество пытается утвердиться в университетской среде (оно понятно, без теории в университете нельзя) интеллектуально беспомощны и попросту смешны. Что действительно пошло бы во благо студентам PR и, как следствие, публичной сфере в этой (да и в любой другой) стране — это изучение современной критической теории.

Трансполитика

В идеологической пустоте и, частично, под влиянием контрдифференной⁴ фигуры Путина, позиция «нормального», лояльного власти гражданина обрела сегодня идеологическую силу сама по себе, в виде аполитичной ориентации на «достойную жизнь», которая, вне зависимости от обладания богатством и властью, основана на общем статусе граждан как лояльных потребителей «политического тела» президента — своего рода, священный ритуал причастия.

Не стоит, однако, переоценивать гражданские чувства соотечественников, демонстрирующих свое лояльное отношение к власти. Не так давно проводился опрос на тему, чем готовы пожертвовать россияне ради одного миллиона долларов. Оказалось, что ничем особенным они жертвовать не станут. «Основная масса россиян, хотя и не отказалась бы, в идеале, от миллиона, все же не согласна пожертвовать ради этого хоть *чем-то действительно значимым для себя*», — заключают авторы исследования. Единственным, на что оказалась готова ради миллиона почти четверть населения (22,7%), — «*поменять гражданство и уехать в другую страну*»⁵.

Путин как «политическое ничто» интерпретировался поначалу как «черный ящик», являющийся источником амбивалентных смыслов. По выражению Г. Орловой, «произошла непривычная подмена политической бездны (Ельцин) политической пустотой (Путин). Именно пустота позволяла конструировать тотальные высказывания и политические оксюмороны — эмблемы путинского дискурса («Демократия — это диктатура закона», «Чем сильнее государство, тем свободнее личность» и прочее)». В крайне остроумном тексте Г. Орловой «*Политическое тело президента*»⁶ детально описываются коммуникативные процессы стремительного изменения политической анатомии Путина от «призрака» к «политическому тяжеловесу».

Этот продукт является опосредующим звеном между реальной действительностью и ее желаемым состоянием: президент воплощает «чудо» в «реальность». Прежде всего, это происходит в его речевой деятельности, восполняющей дефицит действительных результатов. Структура путинского дискурса определяется именно конструктами «реальное — идеальное», «настоящее — иллюзорное»: «власть должна быть *по-настоящему* эффек-

тивной и сильной», «переговоры должны давать *реальную* отдачу»; принципы разделения властей и единства исполнительной вертикали необходимо наполнить «абсолютно *реальным* содержанием», «делать СМИ *реально* независимыми» и так далее. Казалось бы, реальное и настоящее должны соответствовать полюсу действительного, а идеальное и иллюзорное следует отнести к миру ненастоящего. Однако в президентской версии это не так. Во всех приведенных выше примерах идеальное прочитывается не как недостижимое, но как «лучшее» и вполне осуществимое, а настоящее оказывается подмножеством идеального. Другими словами, настоящее подается как «почти идеальное».

Снятие принципиальных различий между действительным и иллюзорным делает симуляцию превалирующим модусом существования политической реальности в России начала XXI века. Политика как представительский институт перетекает из плана репрезентации в план симуляции — это «трансполитика», по выражению Бодрийара, в рамках которой симулируются средства массовой информации и политические партии, «гражданское общество» и общественное участие. Яркий пример тому — Гражданский Форум 2001 года:

Вот форум, который построил Глеб.

А это — гражданское общество (вроде),

Которому нравится Путин Володя

И форум, который построил Глеб⁷.

«Сегодня политического у нас нет, как раньше не было секса, — по выражению одного из комментаторов. — Есть только подавленная политичность, которая прорывается, как и подобает по Фрейдю, в форме истерики. После предложения Президента „прекратить истерику“ и этого не стало»⁸.

Блокирование живой политичности не может продолжаться бесконечно. В то время как власть гипертрофированно увлечена своими симулякрами, импловивная энергия накапливается в спальных районах так же, как невидимо накапливается усталость в структуре металла, грозя обрушением конструкции. В последние два года мы стали свидетелями того, как в случае импловии политической пустоты, прорыва реальности в безжизненный российский политический процесс («Норд-Ост», горящие школы в Якутии, теракты), в нем возникают проблемы, которые уже не решаются привычными технологиями «обеспечения политической стабильности»⁹.

Примечания

¹ Модернистский проект: спрос и предложение. — (01.10.2002. <http://www.liberal.ru>).

² Бойм С. Стиль PR. Неприкосновенный запас. — 2002. — № 16 (26).

³ Бандаков П. PR-цивилизация в России. — (<http://polit.ru/docs/597519.html>).

⁴ Никитаев В. Путин как контрфигура // Российская жизнь. — 2003. — 14 апр.

⁵ Ведомости. — 2004. — 6 февр.

⁶ Орлова Г. Политическое тело президента // Критика и семиотика. — 2001. — Вып. 3–4. — С. 67–77.

⁷ <http://www.anekdot.ru/an/an0111/r011114.html>.

⁸ Солозобов Ю. Реконструкция политического // Русский Журнал — 2003. — 18 нояб.

⁹ Бадковский Д. Проблема 2008 // Русский Журнал. — 2003. — 7 апр. — (<http://www.russ.ru/politics/20030407-bad.html>).

ЛЮДИ ИЗ КЕМЕРОВА: CASE STUDY

Культурная политика, менеджмент культуры, кадровый резерв

В подзаголовке этой статьи, в порядке от общего к частному, обозначены три основных вопроса управления культурой. Нередко обсуждение начинается с конца, мы так и поступим, потому что о конкретных вещах говорить просто и приятно, о глобальных — не так легко, но необходимо.

Новая профессия, *менеджер культуры*, появилась в России не так давно. К ее появлению имеют отношение разные организации, главным образом международные (например, Британский Совет, институт Открытое общество Фонда Сороса, Фонд Форда). Именно зарубежные фонды и эксперты в области культуры видели проблему культуры России в отсутствии профессионального менеджмента в этой сфере, проблему, которой не видели российские деятели культуры, потому что были заняты более глобальными вопросами: миссией культуры, например, а не ее функционированием. Проблема, однако, действительно существовала, и состояла она в расслоении арт-менеджерского корпуса на арт-бюрократов и на культурных активистов, которые арт-менеджментом занимались исключительно в свободное время и, как правило, не ради денег. Назвать такую деятельность совершенно бескорыстной тоже нельзя, поскольку некоторый символический капитал дилетантские занятия арт-предпринимательством приносили: взять, хотя бы, возможность постоянного общения с талантливыми, яркими личностями, широкие знакомства в мире искусства и журналистики и другие радости «продвинутого» продюсера. Золотой фонд кадров арт-менеджмента формировался в 80–90 годы XX века в высших учебных заведениях страны, однако совсем не обязательно в институтах культуры, скорее, в любых других хороших вузах. Идеологическая свобода, подаренная перестройкой, создала такую атмосферу гражданской эйфории и художественной вседозволенности, что культурная жизнь университетов была ключом и «зашкаливала», своим влиянием на умы и характеры, легко затмевая учебный процесс. Концерты, хеппенинги, перформансы — весь жанровый репертуар актуальной культуры осваивался студенчеством, возникали независимые театры (тогда их снисходительно называли самодеятельными), музыкальные проекты, литературные студии, СТЕМы; многие увлекались фестивалем «Студенческая весна». Атмосфера была уникально плодотворной и о некоторых ее хороших последствиях мы скажем, прежде чем перейти к сложным вопросам культурной политики, без которых не обойтись в заключительной части статьи.

Автор настоящего сочинения училась в городе Кемерово. О жизни, обучении и событиях, происходивших в нем, и пойдет речь (вот что скрывалось за словами *case study* в заголовке). В 1979 году в Кемеровском государственном

* Яна Глембоцкая — исполнительный директор Новосибирского городского общественного фонда им. Юрия Кондратюка, зав. кафедрой иностранных языков Института филологии, психологии и массовой информации Новосибирского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук (Новосибирск).

университете был создан самодеятельный театр и студенческий клуб. Студклуб развивался стремительно, превратившись в большое подразделение университета, со ставками в штатном расписании, концертным залом на 600 мест (с хорошей акустикой и настоящим сценическим и световым оборудованием). Потом появилась студия звукозаписи, хоровой класс, литературная гостиная, а потом и творческая гостиная, работающая также и как ночной клуб. Фестиваль студенческого творчества «Студенческая весна» проходил и продолжает проходить с таким размахом и таким качеством программ, что многие профессиональные учебные заведения культуры могут и должны бы позавидовать.

Тогда всерьез обсуждалась проблема плохой успеваемости тех лидеров самодеятельности, которые с головой уходили в подготовку концертных программ, репетиции, а потом и в поиск спонсоров, костюмов, красок и так далее. На самом деле эти люди просто находили себя в другой профессии, в профессии арт-менеджера. Другое дело, что кто-то смог впоследствии сделать это своим основным занятием, а кому-то повезло меньше. Самодеятельная студенческая сцена дала многих профессионалов современной культурной индустрии; одни пошли в артисты (Евгений Гришковец, Алексей Кортнев, Татьяна Лазарева), другие — в продюсеры (Николай Дмитриев, Эдуард Бояков). Это были арт-менеджеры не по диплому, а по призванию, потому что хороший продюсер — это метахудожник (у него нет собственных артистических амбиций, но он «все про это понимает»). Какие требования предъявляет профессиональная деятельность к качествам арт-менеджмента? Хорошее образование, вкус, чувство юмора, выдающиеся навыки общения, личное обаяние, обязательность. Одна вещь объединяет его с художником: он делает это потому, что не может этого не делать. Даже, если деятельность такого профессионала не приносит денег (например, она осуществляется как деятельность некоммерческой организации культуры), все равно можно говорить о «высоком» (top!) менеджменте. Только критерии работы менеджера здесь будут другие: с точки зрения публики, — качество и количество праздников; с точки зрения подопечного художника, — создание условий для настоящего творческого драйва. Примеры очевидны: культурный центр «Дом» в Москве, институт Про Арте в Петербурге, ГЦСИ и фестиваль «Культурная столица» в Нижнем Новгороде. Все эти знаменитые культурные институции связаны с уникальными качествами лидеров, масштаб личностей которых сопоставим с известнейшими людьми творческих профессий: актерами, музыкантами, художниками. В этом смысле, каждый из них является «человеком из Кемерова», персонажем, созданным мифотворцем Борисом Гребенщиковым. («— У меня были проблемы ... — Немедля, звони человеку из Кемерова.»)

К счастью, люди «из Кемерова» будут находиться всегда. Сейчас проблема состоит не в их нехватке, а в том, что в государственных учреждениях культуры такие люди почти не работают. Министерство культуры РФ занимается справедливым распределением небольших денег, выделенных «на культуру». Логика понятна: она заключается в том, чтобы равномерно удовлетворить культурные запросы всех налогоплательщиков, то есть раздать средства пропорционально на музыкальную комедию и на живопись местных мастеров пейзажа. Одним словом, Министерство культуры вяло формирует культурную политику, потому что оно мало занимается политикой кадровой. Равно как ею не занимаются местные и региональные управления культуры. Поэтому талантливые арт-менеджеры будут работать в третьем секторе и жить

на гранты. А могли бы иметь ресурс бюджетного финансирования, помещений и продолжать получать гранты. Очевидно, что эффект был бы не как от сложения, а как от умножения. Теперь постараемся понять, почему управленческие структуры не интересуются вопросами обновления кадров в госсекторе культуры.

Для этого придется очень коротко проследить историю советской культурной политики, потому что культурная политика и кадровая политика в сфере управления культурой очевидным образом связаны. С другой стороны, анализ современной ситуации, сложившейся в культуре, невозможен без краткого описания исторических этапов культурной политики России 2-й половины XX века, поскольку нынешняя ситуация наследует тенденции недавней истории страны, которые продолжают существовать в виде принципиально отличных друг от друга (иногда даже открыто конфликтующих) подходов к культуре актуальной современности. Здесь мы будем использовать выводы о культуре и культурных институтах развитых стран и их перспективах в наступившем столетии, сделанные в великолепной книге Марка Пахтера и Чарльза Лэндри «Культура на перепутье» [М., 2003], выпущенной в серии «Классика-XXI». Выводы Пахтера и Лэндри построены на большом практическом опыте, но в то же время достаточно универсальны, поэтому их можно применить и к ситуации, происходящей в России, что мы и попытаемся сделать.

В период с конца 1940 до конца 1980-х годов в общественно-политическом сознании преобладали темы возрождения демилитаризованного общества и общего цивилизующего влияния мировой и национальной культур на людей, переживших вторую мировую войну. Дискуссии основывались на понимании культуры, сложившейся в XIX веке, а именно: культура понималась и ценилась как средство воспитания и просвещения «населения» (элита к населению не относилась, она мыслилась внутри культуры и как бы частью культуры по умолчанию). Таким образом, усилия властей были направлены на развитие инфраструктуры, строительство культурных институтов (театров, музеев, клубов, библиотек и так далее) и расширение доступа к ним. Это намерение весьма похвально, хотя и очень дорогостояще. Право на доступ к культурным «ценностям» («благам») декларировалось в ряду других гражданских прав; правом на культуру граждане *наделялись* так же, как правом на труд, отдых и неприкосновенность жилища. Ценности, предназначенные для приобщения советского человека, понимались как полностью готовое к употреблению, окончательно классическое наследие. Миссия государства заключалась в консервации объектов искусства и экспозиции для широких масс. Популярная культура исключалась из культурного ландшафта, ей отводилось укромное место и скромная роль «культурного досуга», о котором принято умалчивать. Главная и понятная идея состояла в том, что представители культурной элиты приобщали «простого человека» к ценностям высокой культуры, поэтому культурные менеджеры исполняли роль хранителей, часто это были специалисты с академическим образованием, через них исполнялась воспитательная функция государства по отношению к населению. Разумеется, государство, со своей стороны, рассчитывало на лояльность деятелей культуры и управленцев культурных институтов и учреждений под классическим теперь уже девизом: «С кем вы, мастера культуры?!».

Дальше в России, в свернутом виде, были пройдены все следующие этапы изменения культурной политики, которые в Европе и Америке начались с конца 1960-х годов «эпохой участия» (participation). Суть ее состоит в том,

что активные социальные группы создавали свои «альтернативные» культурные продукты: экспериментальный театр (в том числе пантомима), рок музыка, независимое кино, частные издательства и студии звукозаписи, независимые газеты, журналы и книжные магазины, выставки, оппозиционные по отношению к Союзу художников. Эта параллельная культура существовала вопреки официальным творческим профсоюзам и часто была откровенно враждебна по отношению к ним. Союзы советских писателей, художников, театральных деятелей и тому подобные отстаивали каноны устоявшейся доэлектронной культуры, часто взывая к нравственности, духовности и национальному достоинству. Тем не менее, общество активно осваивало постмодернистскую эстетику, шло навстречу карнавальной культуре (естественная реакция после десятилетий официоза) — 1990-е годы прошли под знаменем Бахтина и Хармса. Принципиальная разница между андеграундом и профсоюзами работников культуры заключалась в том, что они были разными по типу сетевыми структурами (смотрите об этом у князя Петра Кропоткина в книге «Современная наука и анархия» или в кратком изложении в статье Михаила Гнедовского о сетевых технологиях управления³). Союзы советских писателей, художников, ... и других были отраслевыми объединениями, их связывали общие интересы в одной профессиональной области. А вот неформальные объединения были построены как духовные (или интеллектуальные) общности, где людей объединял прагматический интерес. Неслучайно вражда между «принятыми» в союз и непризнанными была постоянной и часто довольно жесткой (между ненавистью Булгакова к ресторану «У Грибоедова» и самиздатом брежневской эпохи — прямая связь и преемственность). Противостояние официального и неофициального искусства было напряженным не только идеологически, но и эстетически, другая культура была помещена в так называемое подполье, но благодаря этому и процветала, питаясь энергией и романтикой сопротивления. Но здесь советская история закончилась, в культурной политике наступил новый этап.

Эпоха участия сменилась поворотом к экономике. Драматическое сокращение федерального финансирования снизило и пафос общедоступности культуры, особенно для социально незащищенных групп. Кризис экономики сместил акценты с развития личности на возможный вклад культуры в экономическое возрождение страны. Культура стала рассматриваться, в лучшем случае, как бесконечный источник новых рабочих мест, для тех, кто потерял работу в так называемом реальном секторе экономики. Мультикультурная жизнь городов как ресурс маркетинговых стратегий, возможность привлечения иностранного капитала и специалистов. Вчерашнему гражданину отводилась роль деполитизированного потребителя культурного продукта. Поэтому творческие запросы и предложения «культурных меньшинств» трактовались как спрос потребителей на новый культурный продукт. Урезание финансирования касалось «маргинальных» (инновационных и экспериментальных) проектов, в то время как капитальные проекты (строительство новых зданий, ремонт и реконструкция) все же получали финансирование. В этой ситуации неочень важный вклад в поддержание культуры России и других бывших советских республик внесли иностранные благотворительные фонды. Часто даже для государственных учреждений гранты были единственным способом получить деньги на собственно деятельность, а не на поддержание рабочего состояния самих сооружений. Важным моментом является возникновение сети некоммерческих организаций культуры, которая создана силами тех самых

активистов студенческой самостоятельности 80—90-х годов XX века. Кто-то со студенческой сцены попал на сцену профессиональную, то есть стал артистом (в широком, западном смысле слова), другие, менее одаренные в творческом отношении люди стали применять свой организаторский и человеческий талант для создания условий, чтобы «праздник состоялся».

В настоящее время (в результате преодоления последствий кризиса 1998 года) происходит «поворот к культуре»: культура выходит на первый план, политика и экономика испытывают ее сильное влияние. Популярными общественными фигурами теперь, скорее, являются деятели культуры, а не политики. Более того, политики становятся шоуменами, для того, чтобы не сойти с политической сцены и с экранов телевизоров. Политтехнологи привлекают успешных менеджеров культуры (например, Марата Гельмана) для решения своих задач. Работа политика становится, в большой степени, работой актера, харизма затмевает программу, не важно, что говорит политик, важно, как он это делает (В. В. Жириновский, В. И. Новодворская). Оказывается, что талант выходит на первое место, на него огромный спрос. Веком информации сменяется веком таланта, творческой энергии. Не случайно слова «креатив», «креативщик» становятся часто употребительными и широко применяются в бизнес-лексиконе. Культурный капитал — знание символов, кодов, знаков, обычаев и неписанных правил — необходимое условие успеха для компании выходящей на рынок, в том числе и для политической партии. Происходит размывание ролей производителя и потребителя культурных продуктов, нет больше четкой линии, отделяющей профессиональную культуру от любительской. Художник без специального образования может быть очень успешным в этой сфере деятельности и, наоборот, профессиональное художественное образование, при отсутствии таланта, не гарантирует не только успеха, но даже стабильного социального статуса.

Таким образом, культура в настоящее время является частью «несущей конструкции» общества, поскольку способствует самовыражению, порождению смыслов, эстетизации среды и развитию творчества во всех сферах деятельности.

Тем не менее, в общественном сознании продолжают сосуществовать разные взгляды на задачи культурной политики, роль культуры в обществе оценивается по-разному, в зависимости от мировоззрения и горизонта оценок. Попытаемся описать три главных, на наш взгляд, сценария (frames), формирующих горизонт видения культуры:

- *Инструментальный горизонт.*

Культурные технологии используются в бизнесе для получения прибылей (тренинги для персонала, направленные на улучшение взаимодействия и решение креативных задач).

Культуру рассматривают как инструмент решения социальных задач, например реабилитации социально ущемленных групп, расширения представительства местных сообществ и так далее.

Есть попытки применять культуру как экономический ресурс, для улучшения инвестиционной привлекательности, туристического потенциала территории и конкурентной политики местных властей.

- *Гуманитарный горизонт* рассматривает культуру вне прикладных задач, считая ее почвой всякого творческого начала, без которого невозможно развитие общества. Творчество как таковое рассматривается как главный двигатель прогресса. Этот подход скрытым образом противопоставляет

«культуру» «не-культуру», гуманитарный опыт — техническому и прикладному. Именно в этом горизонте возможен всерьез спор «физиков» и «лириков». Культура описывается как некая гуманитарная среда, существующая в других, иногда враждебных, средах. Слова «культурный» и «гуманитарный» в этом горизонте являются синонимами, это слова с положительной коннотацией.

• *Фундаментальный горизонт* рассматривает культуру как важнейшую коммуникативную систему общества, которая соединяет его с памятью о самом себе и указывает на дальние цели. Этот подход отменяет факультативный взгляд на культуру как на роскошь, которую можно себе позволить после всего остального: экономики, политики, науки. В этом горизонте культура рассматривается как поле, в котором только и возможно порождение смыслов. Культура здесь понимается как единственная коммуникативная система, способная заполнить персональный экзистенциальный вакуум. В этом смысле культура больше не рядоположна экономике, науке и даже религии. Экономика, наука и религия могут быть культурой, а могут использоваться, например, в качестве политики или бизнеса и тогда культурой, в фундаментальном смысле, быть перестают.

По-видимому, последнему подходу в культуре принадлежит будущее, хотя остальные два существуют и будут продолжать существовать, воплощаясь в виде конкретных решений (или отсутствия решений) в области культурной политики. Эти решения, может быть, не менее важны, чем проявления политической воли в экономической сфере и в вопросах безопасности, потому что, к сожалению, государственные учреждения культуры (особенно в провинции) остаются воплощением косности, уныния, социального пессимизма и ханжества, а это вещи далеко не безобидные. Обслуживающий персонал в библиотеках, театрах и галереях иногда проявляет немотивированную агрессивность по отношению к «людям с улицы», потому что ощущает себя на страже *подлинной* культуры и, по привычке, проявляет бдительность. Борьба вахтеров с «посторонними»: «Вы что хотели? Куда идем?» и т. п. — заповедник бытового хамства. Это особенно бросается в глаза на фоне меняющейся жизни: все (даже гостиницы) постепенно поворачивается лицом к «клиенту», превращаясь, наконец, в сферу услуг. Культура же, понятное дело, сферой услуг не является, поэтому относится к «клиенту» недоброжелательно. Под окрики вахтеров раздаются заявления о том, что культура, в очередной раз, умерла. Заявления эти абсурдны, поскольку кризис является нормальным состоянием, способом существования культуры: актуальная культура всегда рождается как странная тревожная, только потом она становится классикой и только в ретроспективе выглядит как время золотое.

Культура в фундаментальном понимании (как основа осмысленной и полноценной человеческой жизни) не может «умереть», как это часто можно слышать в связи с отсутствием денег на ремонт крыши.

Продуманные решения в культурной и кадровой политике культурных институций необходимы, и, если они будут приняты сегодня, способны изменить будущее страны.

Примечания

¹ Гнедовский М. Возможности сетевых технологий управления для развития сельского туризма в Карелии // Дайджест. Журнал для менеджеров культуры регионов. — 2003. — № 2. — С. 34.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗМОЖНОГО

Тема работы возникла неслучайно. Несмотря на то, что я работаю в сфере Public Relations, ощущение неполноты профессиональной деятельности меня никак не покидает. В этой статье мне бы хотелось остановиться на трех моментах. Во-первых, усомниться в существовании самостоятельного содержательного поля Public Relations, указав, скорее, на представительские и сервисные, чем содержательно наполненные, смысловые и креативные функции PR-специалистов. Во-вторых, отметить ограниченность поля «возможных Я», задаваемого структурами PR (выбор модели возможного Я объясняется исключительно необходимостью симуляции успешной как собственной, так и организационной деятельности, а не идеологической составляющей). В-третьих, предположить, что невозможность возможных Я, за счет синдрома семантического опустошения (термин Ревекки Фрумкиной¹), может привести к невозможности и реального.

1. Отсутствие самостоятельного содержательного поля Public Relations: представительские и симулирующие успех функции замещают смысл и идеи

Когда я окончу труды и забавы
И встану над белой рекой.
И ангел укажет мне переправу
Пернатой своей рукой,
И спросит меня чей-то голос усталый,
Что делал я в жизни земной,
Тогда я отвечу: «Не так уж и мало,
Я просто всегда умел смеяться над собой».
Несчастный Случай. Смеяться над собой

Как указывают М. Б. Горкина, А. А. Мамонтов, И. Б. Манн², существует более пятисот определений PR. Например, по мнению А. А. Мамонтова³, «PR — это информировать, образовывать, вызывать доверие». При этом неясно, какие ценности и какая картина мира стоит за такого рода деятельностью: образовывать с какой целью, как вызывать доверие, чье, зачем? Как показывает мой опыт общения с PR-менеджерами, подобные вопросы ими не ставятся. Думаю, что зря, потому что в этом случае так называемые PR-специалисты снимают с себя ответственность за осуществляемую деятельность, за онтологию. А чем они занимаются? Успешной самопрезентацией как и другие менеджеры⁴.

PR-консультанты сегодня владеют технологиями проведения пресс-конференций, выставок, тематических семинаров и брифингов, умеют писать пресс-релизы и аналитические статьи, занимаются размещением баннеров в Интернет⁵, и, хотя они управляют информацией о компании, то есть планируют, реализуют и контролируют информационные потоки, они не творят, потому что немногие из них осознают идеологическую составляющую коммуникаций (идеологическую в качестве задействованной во властных отношениях).

* Инна Алексеева — PR-менеджер агентства «Positive Relations» (Новосибирск).

Забота о посещении роад-шоу, рассылка пресс-релизов и перевод текстов о продуктах ИТ-специалистов на язык потребителей-менеджеров не обеспечивают понимание того, ради чего, собственно, вся PR-работа проводится. «Возможное Я» и возможный образ страны, в котором реализуется это Я, отступает на задний план, заменяясь симуляцией деятельности. Область реализации творческого и содержательного переносится из «сегодня» в «завтра», «через пять лет» или «когда-нибудь», а также из бизнес-сферы — в сферу образования (утром работаю PR-специалистом, а вечером пишу статью о симуляции общественной структуры и нехватке процедурности российской демократии).

Информационные потоки в различных сферах экономики (нефтегазовая отрасль, строительство, издательское дело и другое) «текут» по-разному, поэтому PR-специалисту необходимо погружаться в специфику работы компании-клиента, анализируя не только рынки информации, но и рынки сбыта продукции, внутреннюю организационную структуру фирмы-клиента и так далее. Вот, казалось бы, сферы реализации «возможных Я» — выстраивание себя и страны (региона, города) через различные типы деятельности, с помощью практик в разных (идеологически!) отраслях экономики. Однако PR-деятельность ограничивается тиражированием, шаблонным использованием типовых PR-инструментов: «Все приличные фирмы Советского района выпустили календари, мы тоже должны, чтобы показать, как мы успешны». Сначала форма, а потом идея — такова схема обсуждения PR-кампании с заказчиком во многих рекламных фирмах и PR-агентствах Новосибирска. Кроме того, важно не «быть успешным», а «показать, что успешен» — симулякр Бодрийера.

Из первого аспекта следует второй.

2. Ограниченность поля «возможных Я», задаваемого структурами PR (выбор модели «возможного Я» объясняется исключительно необходимостью симуляции успешной как собственной, так и организационной деятельности, а не идеологической составляющей)

Одиночество — это не только без других, но и без себя.

*Сигизмунд Кржижановский.
Клуб убийц букв*

Я-концепция и, в частности, потенциальные (возможные) Я становились объектом многих гуманитарных наук: антропологии, психологии, социологии, философии (Г. М. Андреева⁶, В. А. Ядов⁷ и другие). Как указывает Е. П. Белинская⁸, «сегодня большинство исследователей Я-концепции все чаще выделяют в ее структуре не только „реальное“ и „идеальное“, „прошлое“ и „будущее“ Я, но и потенциальное, возможное, то, каким я, скорее всего, буду».

В классических трудах У. Джемса⁹ Я-концепция — это не только актуальное самопредставление индивида, но и оценка и описание возможностей своего развития. Г. Тэдфелл и Дж. Тэрнер рассматривают процесс становления Я-концепции как процесс формирования идентичности, авторы уделяют внимание представлениям человека о ближайшем социальном будущем, например желаемому обретению позитивной социальной идентичности.

В нашей статье мы будем рассматривать «возможное Я» — множественные представления о себе в будущем — в качестве итога рефлексии индивида о результатах своей деятельности и возможностях самореализации, существующих в социуме (в частности, как пишет М. Cinnirella¹⁰, существование «возможного Я» культурно обусловлено: в индивидуалистических культурах максимально выражена множественность «возможных Я»). Желание реализовать определенное «возможное Я» актуализирует представления о стратегиях достижения социальной идентичности.

При рассмотрении «возможного Я», необходимо говорить о транслируемых публичной сферой ценностях. Нас интересует публично реализуемое «возможное Я», так как сфера PR относится к открытым гуманитарным областям, реализующимся публично.

Жанры массовой социальной коммуникации — плод PR-специалистов, отражающих их представления, в которых растворен так называемый потребитель и его мечты и верования, сводят описание ценностей (идеологии) к перечислению радостей потребительского рынка (товара). Стоит купить холодильник «Бош», обзавестись пылесосом «Самсунг», а также научиться курить «Давидофф» — и уже можно притвориться средним классом? Как замечает Ревекка Фрумкина, «но у нас просто нет среднего класса — в том же смысле, в котором у нас не было рыцарей, сервов, вольноотпущенников, а в Западной Европе — нет номенклатуры. „Средний класс“ (калька с английского *middle class*) — это ведь не просто „хорошо зарабатывающие люди“. Это, прежде всего, граждане с определенным образом жизни, самосознанием и этикой. Человек, вчера разбогатевший в результате удачных операций на бирже, возможно, проснется утром знаменитым — но к среднему классу принадлежать станет, в лучшем случае, в неблизкой перспективе»¹¹.

Вероятно, что «быть» — все же не то же самое, что «казаться», в том числе и успешным. Образы возможных Я в рекламе крайне ограничены: девушкам надо либо думать о ресницах, помаде, краске для волос, а потом — выходить замуж, ходить на работу, а по вечерам заниматься стиркой и готовить, либо... Недостаточно индивидуальной осмысленности, хотя и транслируются традиционалистские ценности, но именно они, объясненные наличием здравого смысла во всем, требуют быть объясненными. Иначе дефицит реального: реклама и новости сводятся к шаблонным сводкам событий, возможные Я — к традиционным представлениям. Например, «быть хорошей бабушкой», согласно ТВ-рекламе, — это вкусно готовить, иметь двух внуков, жить в деревне; к счастью, мне знакома одна женщина 60-ти лет, играющая на электронной фондовой бирже, живущая в городе и являющаяся отличной бабушкой.

Если в области «Семья», «Дом» PR-специалисты репрезентируют хотя бы пару схем поведения, потенциальных Я: можно по вечерам стирать, а можно пойти на вечеринку с кальяном, то эмоциональных роликов и аналитических новостей о политике и политиках практически нет. Сложный процесс европейской интеграции объясняется с помощью всем понятным метафор дружбы двух-трех или, наконец, десяти соседей; встреча дипломатов — посиделкой друзей. Реальность, таким образом, подменяется псевдо-реальностью; международные отношения, с помощью метафор, отношениями соседей или друзей, что не одно и то же.

Как считает директор Лондонской Школы PR, Джон Долтон, «...человек, желающий заниматься PR, должен обладать определенными чертами характера, не обязательно врожденными, а скорее даже рядом навыков. Среди

таких навыков можно назвать способность к сопереживанию и дипломатичность — они очень важны»¹². Способность к сопереживанию я трактую как возможность понять позицию Другого, разделить его представления о мире, но при этом сохранить собственные взгляды, а именно: важно не исключительно стремление к успешности, но и ощущение необходимости PR-коммуникации для блага бизнеса и социально-политической ситуации, а не как самоцель.

3. Невозможность возможных Я может привести к невозможности и реального

Оставьте меня
с вашей гражданской войной.
Если вам нужен я,
так я не хочу быть собой.
Оставьте меня,
кто вам сказал, что я ваш?

*Несчастный Случай.
Оставьте меня*

Х. Маркус¹³ разрабатывает понятие «возможное Я», решая проблему стабильности Я: на субъективном уровне Я-концепция является устойчивым личностным образованием, но влияние социальных и культурных факторов на нее указывает на относительность ее содержания. Я-концепция проявляется в динамике социальных взаимодействий, поэтому она изменчива. В своей теории Х. Маркус снимает данное противоречие, вводя понятие «рабочей Я-концепции». «Я-концепция есть проявляемая в настоящий момент и в определенном социальном контексте взаимодействия в качестве части репертуара Я, определяемого на микро- и макросоциальном уровне». Позднее автор и другой исследователь — Р. Nunguis¹⁴ — делает вывод, что «возможное Я» — экстраполяция рабочей Я-концепции».

Ясно, что «возможных Я» также много, как и «рабочих Я-концепций». В ситуации симуляции института человека и других ясно, что если у меня нет публичной версии того, каким я могу быть через 10 лет, каким может быть содержание будущего, то без будущего нет и настоящего. Проблема идеологически наполненного будущего кажется нам одной из ключевых. В ситуации, когда выбор политических кандидатов осуществляется так же, как и выбор продуктов, с помощью псевдорациональных представлений об устройстве социального, — настоящее без будущего, сводящегося к покупке в супермаркете, теряет смысл. Публичная жизнь не сводима к покупкам, хотя и без них невозможна.

Пока PR-специалисты захвачены самолюбованием, бизнес увлечен игрой сервисно-имиджевых PR-функций, игрой с симулякрами, возможные индивидуальные Я остаются в стороне. Пока непонятно, надолго ли?

Примечания

¹ Фрумкина Р. Возможен ли у нас социальный диалог? — (22.09.2000. http://www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20000922_frum.html).

² Горкина М. Б., Мамонтов А. А., Манн И. Б. PR на 100%: как стать хорошим менеджером по PR. — М., 2003. — С. 36.

³ Там же. — С. 37.

⁴ <http://www.e-xecutive.ru/career/>.

⁵ Сайтэл Ф. П. Современные паблик рилейшнз. — М., 2002.

⁶ Андреева Г. М. Психология социального познания. — М., 1997.

⁷ Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. — 1995. — № 3—4.

⁸ Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. — 1999. — № 3. — С. 40—46.

⁹ Джемс У. Психология. — М., 1991.

¹⁰ Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. — 1998. — №28 (22).

¹¹ Фрумкина Р. Возможен ли у нас социальный диалог? — (22.09.2000. http://www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20000922_frum.html).

¹² <http://www.pronline.ru/showopinion.php?ID=23>

¹³ Marcus H. R., Kitayama Sh. Culture and the Self: implications for cognition, emotion and motivation // Psychological Review. — 1991. — Vol. 98 (2). — P. 224—253.

¹⁴ Social Self // Invitation to Social Psychology. — 1996.

ОБРАЗОВАНИЕ, ПРИДАЮЩЕЕ СИЛЫ: ИСТОРИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ

...Принцип деятельности предполагает утверждение примата действия над знанием и принцип непрерывного отставания знания от действия... Действие всегда может опрокинуть любые знания.

Мы действуем с какими-то целями, с какими-то знаниями, но всегда создаем за счет своего действия новый мир, который неадекватен нашему знанию. И только деятельность может претендовать на истинность, а не знание... Деятельность всегда может создавать и создает то, что опровергает те знания, которые в эту деятельность включены.

Г. П. Щедровицкий. Структура знака. Смыслф, значения, знания. Лекции в ЦНИИПИ. 1971 г.

Введение

Любая реформа, в конечном счете, есть равнодействующая идеального замысла (или замыслов), некоторой конструкции по ее реализации, и той игры, в которую вступают силы, проводящие реформу, силы, ей сопротивляющиеся и силы, с ней играющие. Все это относится и к реформе образования. Поэтому бессмысленно искать некую высокую (или глубокую) идею в тех шагах, которые сегодня осуществляет Министерство образования по изменению ситуации в школах. Эти шаги определены некоторыми современными практическими обстоятельствами.

Но, тем не менее, остается открытым вопрос о базисных проблемах или даже вопрос о «проблеме» современной ситуации образования. Без ответа на этот вопрос все движения к модернизации останутся лишь некими административными телодвижениями. К чему следует стремиться сегодня, сегодня, в условиях очевидного кризиса и образовательной парадигмы, основанной на примате знаний над деятельностью, и тех антрополого-педагогических представлений, из которых вырастают те или иные педагогические технологии.

Мы попытаемся дать свой вариант ответа на этот вопрос, а затем опишем некоторые наши проекты методолого-образовательной направленности, реализующие альтернативную образовательную парадигму.

Что может давать образование?

Обычный ответ на этот вопрос: знания, умения, навыки — есть и более продвинутое точки зрения, например, освоение способов деятельности, или умение мыслить. В современных обсуждениях образовательной реформы

* Геннадий Копылов — главный редактор методологического и игротехнического альманаха «Кентавр», главный редактор сайта «Методология в России», кандидат физико-математических наук (Москва).

фигурируют компетенции. Но и знания, и мышление, и способы деятельности важны не сами по себе. Все это лишь обеспечивает *нечто другое*. Что именно? Ответив на этот вопрос, мы поймем, что есть самое важное в образовании.

На наш взгляд, *образование должно давать возможность человеку двигаться*; оно должно не «давать перспективу», как иногда приходится слышать (перспективу дает общество и переживаемый исторический период), а именно — возможность.

Но за счет чего может быть предоставлена молодому человеку, выходящему из школы, колледжа, университета, такая возможность? Тут может быть два варианта, соответственно, и образование может быть двух типов. При первом типе, система образования может предоставить человеку силу: силу строить себя, свой жизненный путь, силу участвовать в общественной жизни, в предпринимательстве, в науке и истории. «*Возможность через силу*» — так можно обозначить девиз подобной системы образования. При втором типе, система образования может давать другую, не менее ценную возможность: возможность успешно встраиваться во все новые социальные структуры, строить карьеру; обучаясь или повышая квалификацию, занимать все более престижные и значимые места в обществе. «*Возможность через условия*» — вот mission statement образования такого типа.

Первый тип окрыляет, возвышает, второй обучает адаптироваться, встраиваться. Первый центрирован на каждом человеке в отдельности, второй обеспечивает систему, является частью системы. Первый хорош в «эпоху перемен», реформ, революций, второй нужен для стабильности, для неуклонного и поступательного роста. Первый развивает мышление, предприимчивость, самостроительство, второй — работоспособность, упорство, адаптивность. В первом случае именно в систему образования закладывается следующий шаг развития общества, во втором развивается общество, а система образования к нему «подтягивается».

Во втором варианте система образования должна быть гораздо теснее интегрирована с остальным обществом, чем в первом: любому выпускнику должна быть ясна и прозрачна система карьерных коридоров и правил движения по ним: что надо сделать, чтобы начать государственную или военную службу, бизнес-карьеру или карьеру управленца, инженера и так далее. Для первого типа это не обязательно: личное оспособление выпускника направлено на то, чтобы он строил для себя свое место в обществе сам.

Общество, где реализовано образование первого типа, сильно людьми, второго — системностью, слаженностью, технологичностью.

Реализация

По-видимому, система образования в США и развитых странах Европы, конечно, настолько, насколько мы можем понять ее по описаниям, очень похожа на описанный выше «второй идеальный тип».

В такой системе стоит задача как можно более эффективного включения молодого человека в уже сложившиеся системы деятельности, в институты, в социальные структуры. Для ученого, для управленца, для служащего предложены четкие карьерные траектории, а развитая система разделения труда, гораздо более определенная, жесткая и всеобъемлющая, чем та, которая есть в России, делает ненужным появление людей, превышающих квалификационные требования (они, разумеется, появляются, но сами по себе, в качестве побочного, неосновного выхода).

В западном обществе человек живет в хорошо налаженной инфраструктурной среде с массой возможностей, где от него мало что зависит. Именно под это подстроена система образования.

Российское же образование принципиально другое; оно относится к первому типу. Его идеал — человек, равномогущий всей системе, организации, миру, способный работать «в открытом режиме».

Этот тезис наверняка вызовет возражение, особенно в отношении советской школы и советского общества в 1970—1980, и тем более в 1930—1950 годы. Но и тогда школа и вуз давали целостное мировоззрение, революционное, преобразовательное по духу; выпускник обладал теоретическими инструментами для возможных общественных изменений. Про такую задачу он, в принципе, слышал. В школах и институтах изучался марксизм (о том, как именно изучался — далее), молодые люди работали в молодежных организациях, предназначенных для решения общественных проблем, для развития общества (в каком направлении и в рамках какого проекта — неважно). В том же духе велась и общественная работа. Идеалом воспитания в школе была «активная жизненная позиция». Это признаки образовательной системы первого типа. «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым» — вот в каком воспитательно-идеологическом поле росли школьники и студенты на протяжении всего советского периода. И даже те, кто относился ко всей этой пропаганде равнодушно, со смехом или с отвращением, не могли не впитать самый дух открытости и устремленности в будущее, дух развития¹.

Однако заканчивалось такое образование тем, что человек попадал в косную и тотально зарегулированную систему, где не было места никаким преобразованиям, революциям, да и вообще развитию. И с этой точки зрения, главной проблемой и главной трагедией советского образования был разрыв между воспитанными в духе активной жизненной позиции выпускниками и устройством общества, куда они попадали после школы и института. Все без исключения оказывались «лишними людьми»!

Общественная закостенелость успешно проникала и в школу². Марксизм — «живое революционное учение» — был превращен в учебный предмет, в лучшем случае — в набор знаний об обществе и истории, а в худшем — в минимальный пакет идеологических клише. Способность к самостоятельному мышлению успешно глушилась на всех без исключения уроков, включая даже математику.

Именно это и не позволяет увидеть глубоко «зашитый» в советскую школу дух активности и развития, который успешно перенимали лучшие ученики.

Российские традиции

Между тем, ситуация «школа — рассадник (индивидуальной) революционности, школа — источник развития» существовала и век, и два века назад. В период первоначального развития системы российского образования это можно было сказать только об отдельных заведениях (Лицей, Московский Университет). Но уже в 1850—1860-е годы началось противостояние идей формального и реального образования, именно в этой форме в те годы происходила борьба образования первого и второго типов.

Классическое образование ставило ученикам, через изучение древних языков, формальное мышление — ведущую компетенцию для бюрократической, чиновничьей карьеры. В результате формировались управленческие кадры в рамках проекта развития российской государственности, исходящего от властных структур.

Реальное же образование, основанное на изучении естественных наук, вызывало такой жгучий интерес в обществе вовсе не потому, что позитивные, естественнонаучные знания стали востребованными: в те годы наука еще не превратилась в производительную силу (хотя инженеров, врачей, промышленников требовалось все больше). Суть заключалась в другом: изучение естественных наук в 1860—1880-е годы придавало силу, открывало закрытые классическим кругом предметов возможности, превращало молодого человека во властелина мира, в того, кто находится на острие исторических тенденций.

И именно это хорошо понимали чиновники из Министерства просвещения, считавшие, со своей точки зрения, естественнонаучные факультеты университетов очагами революционных идей. Разумеется, революционерами студенты становились из-за бессмысленного противодействия власти, не сумевшей запустить процессы развития и, тем самым, направить эту силу и энергию в созидательное русло. Только с этой позиции изучение, например, медицины женщинами превращалось в революционный, подрывной акт. И Некрасову приходилось звать молодежь «в стан погибающих», а не работающих на будущее страны.

К 1910—1920 годам уже три поколения учителей (и интеллигенции вообще) выросли в этом духовном поле, и, разумеется, советская школа полностью впитала дух революционной энергии. Выпускники школ и вузов 1920-х, да и 1930-х годов, по типу мышления и действия, были, как можно сказать теперь, настоящими хунвэйбинами новой советской партийно-хозяйственной организационной элитой, новой интеллигенцией. Они не входили в готовый мир, они строили его на основе материалистического и, одновременно, революционного мировоззрения³.

И та же схема, чуть только общественное омертвление отступило, проявилась в 1960—1970-е годы. Но тут участие в преобразовании мира происходило через освоение науки и инженерии, традиционной и новой: химических технологий, программирования и так далее. Физики в почете были не потому, что нечто знали о тайнах природы, а потому, что имели доступ к источнику энергий, сил, а значит, так это понималось тогда, к источнику развития страны и всей цивилизации⁴.

Тогда ценность естественнонаучного образования состояла как раз в том, что оно давало возможность многим и многим войти во взрослую жизнь, ощущая собственное всемогущество⁵.

Получается, что практически во все годы своего существования российская, а потом советская, школа работала по одной, чрезвычайно значимой и важной, схеме: она давала своим выпускникам ощущение силы и всемогущества, давала почувствовать себя, хотя бы на несколько лет, творцом нового в мире. Делалось это, как мы видели, совершенно по-разному, но делалось всегда. Учитель, конечно, «давал знания», «прививал мировоззрение», но суть была не в этом: он, прежде всего, *окрылял*.

Разумеется, это получалось далеко не у всех, и не все ученики переживали счастливейший период полноты сил. Но именно такие учителя и такие ученики представляли собой идеал, и, благодаря им, мы до сих пор можем говорить о лучшей в мире системе образования.

Образование: выбор пути

Попытаемся ответить на вопрос: что из этого следует относительно смысла и целей изменений в российском образовании.

По-видимому, для этого необходимо, во-первых, проанализировать, какие профессиональные области или «занятия» сегодня являются общественно-созидательными, обладают «вдохновляющим потенциалом», дают возможность участвовать в жизни в полной мере, находятся на переднем плане развития страны или цивилизации вообще. И, во-вторых, — начать постепенно разворачивать систему образования именно в этом направлении.

В другом варианте нужно полностью сменить тип схемы, по которой работает сфера образования. Тогда нужно будет заботиться не о том, чтобы молодой человек входил во взрослую жизнь, чувствуя в себе силы что-то сделать, а об обеспечении его набором учебных компетенций с тем, чтобы он мог успешно профессионализироваться и сделать нормальную карьеру.

Как представляется, именно в этом состоит сегодняшняя тенденция модернизации.

Но, во-первых, это действительно означает полное изменение самого лица, типа сферы образования, означает отказ от двухвековых традиций школы и университета, от ее традиционного места в российско-советском обществе. Школа и университет в России-СССР всегда служили источником развития для всего общества, в отличие от школ и университетов в системе образования второго типа, где они являются не более чем «кузницей кадров», лишь обеспечивают сложившиеся общественные и профессиональные структуры добротными профессионалами.

А во-вторых, образование второго типа эффективно только в условиях стабильных общественных структур, когда в принципе можно, выбирая профессиональную область, распланировать жизнь до самой пенсии (включив в этот план, быть может, и три-четыре переквалификации). Когда есть занятия более и менее оплачиваемые (и об этом известно заранее), когда структура общественных приоритетов стабильна, когда... и так далее. Ни одно из этих условий не выполняется в современной России. Ее надежда — подвижки и прорывы, развитие новых областей, необычные ответы на вызовы.

Получается, что переход к компетенционно-технологизированной системе образования чрезмерно радикален, вреден для современного общества в целом и опасен для молодого человека, хорошего профессионала, неприспособленного к жизни в эпоху перемен.

Передний план сегодня

Но какая профессиональная область, область общественной практики является сейчас той самой, передовой, освоив которую молодой человек будет чувствовать себя «всесильным»? Если в XVI—XVIII веках этой «точкой» было морское дело (мир изменяли открыватели, конкистадоры, купцы дальнего плавания); если в XIX веке ею было «позитивное мировоззрение» (которое можно было освоить, обучаясь медицине, инженерии или став промышленником); если в первой половине XX столетия это был, так сказать, «практический марксизм» (освоение шло через комсомол), а во второй половине — научно-инженерная практика (и физика с математикой были теми рычагами, которые переворачивали мир), то, что именно сейчас может занимать это место?

Но пока ответа на этот вопрос нет. Есть только разные варианты. Может быть, сейчас мир находится в руках программистов, IT-специалистов, техников виртуальной реальности. Может быть, современная точка развития задается работой организаторов, «универсальных предпринимателей», связыва-

ющих в успешные бизнесы новые технологии и ресурсы по всему миру. Или на это место следует поставить юриста, алхимика финансов (по выражению Дж. Сороса), участника движения ролевых игр, эколога (но какого — технолога или защитника природы)?

По-видимому, искать один ответ здесь бессмысленно, потому что не существует одной-единственной точки развития современной жизни общества. Можно перечислить несколько принципиально различных «зон», где строятся новые практики, которые будут определять жизнь завтра.

Но важно то, что среди перечисленных занятий нет ни экономистов, ни физиков (ученых-естественников), ни филологов (классических гуманитариев), а именно так называются три проектируемых профильных потока в старших классах городских российских школ. Следовательно, школа живет по инерции, в лучшем случае предьявляя ученикам те варианты профильного обучения, которые она может обеспечить (по историческим причинам), но никак не те, которые могут задать молодому человеку мощный жизненный импульс. Действительно, «физмат»-профиль — это след научно-технической революции 1950—1960-х годов; гуманитарный профиль организовывали для тех, кто не понимал математики, фактически, это «антифизмат»-профиль; экономический профиль появился в конце перестройки, когда считалось, что знания в области экономики и менеджмента помогут сделать хозяйственный рывок. Но эти упования провалились вместе с реформами, построенными на чисто экономических принципах.

Несколько лучше обстоит ситуация с информатикой и программированием: такой профиль, вроде бы, и лежит в русле современных тенденций, и дает молодому человеку дело, позволяющее быстро и рано самореализоваться. Но и тут есть масса негативных моментов. Во-первых, программирование, работа в информационных технологиях — это обслуживающая, подсобная деятельность, она хороша только для молодых. Во-вторых, информатизация — это такой проект трансформации цивилизации, в выработке которого наша страна не участвует уже 30 лет. В этом смысле любые IT-проекты, исходящие из России, всегда будут следовать руслом, проложенным другими, всегда догонять; обучать молодежь информатике — это значит обеспечивать самый эффективный канал «утечки мозгов»⁶. В-третьих, эта область настолько актуальная и быстро развивающаяся, что даже в университетах преподаватели знают меньше, чем иные студенты. По-настоящему преподавать информационные технологии могут только работающие информационщики, а никак не штатные преподаватели и учителя. Вывод: даже такую креативную, вдохновляющую область новой практики, как работа в виртуальных мирах, в учебных заведениях для нужд преподавания умертвляют. И единственное, что может сделать с пользой учебное заведение — это дать возможность молодежи работать на современных компьютерах и в Интернете.

«Ключи от современного мира»

Итак, вырисовывается, как представляется, коренная проблема современного образования в России: ни школа, ни вузы не являются сегодня источниками развития страны, не создают «мосты», соединяющие настоящее с будущим, как это было предыдущие двести лет. Те молодые люди, которые могут и хотят что-то сделать, которые имеют активную жизненную позицию и могут ее реализовать, формируются вне и помимо школ и институтов.

Школа продолжает жить по инерции, и ни одно из направлений современной ее модернизации не фиксирует эту проблему и не старается ее решить. Понятно, что недалек тот день, когда существующее у «поколения родителей» и держащееся пока тоже по инерции отношение к (государственному) образованию как к самому надежному обеспечению будущего для своих детей будет сначала поколеблено, а затем и вовсе обрушится. Дело образования перейдет к совершенно новым структурам, к каким, пока не известно.

Чтобы этого не случилось, чтобы школам снова можно было стать тем местом, откуда открывается дорога в будущее, где вырастают люди, которые могут двигаться, создавать новое и самореализовываться, придется модернизировать или трансформировать ее в совершенно других направлениях.

«Ключ» первый: организационные проекты

Образование должно стать проектным. Казалось бы, тут нет ничего нового: это обсуждается уже лет двадцать. Однако тут важен смысл использования проектов.

Именно проекты, а не курсы и не предметы должны стать ведущей формой образования, подчиняющей своей логике все остальные части программы. Проекты самые различные: исследовательские, социально-организационные, предпринимательские, медийные и тому подобные. Там, где нельзя выходить с теми или иными проектами в реальный мир, можно создавать «тренажеры»: либо виртуальные, компьютерные, либо игровые (участниками движения ролевых и деловых игр накоплен огромный опыт создания игровых миров под самые разные задачи, в том числе и учебные).

Пока же проекты и работы, если и вводятся в школу, то на подчиненном по отношению к стандартному учебному плану положении; это, скорее, практические занятия по отработке навыков применения полученных знаний, а не то поле, где становится очевидной и насущной необходимостью тех или иных знаний и способов работы.

Еще одним, важнейшим, моментом является то, что целью участия в проектах должно стать освоение организационного плана любой практики.

Что бы не говорили о современных и будущих тенденциях, одно неоспоримо: организационный подход, организационный взгляд на вещи сегодня становится одним из важнейших.

В мире почти не осталось автономных, живущих по собственным законам, целостных практик и сфер: все они подчиняются организаторам, строящим из них те или иные конструкции. Сегодня невозможно прожить жизнь ученым-исследователем (придется встраиваться в какие-то проекты), художником (придется участвовать в акциях, постановках, программах), бизнесменом (придется осваивать и осваивать новации). А вот организатор сможет замкнуть в работающий контур, выдающий нечто значимое, и исследования, и художественные поиски, и работу промышленника, врача, политика.

Именно для этого нужно школьникам и студентам участвовать в проектах, своих и чужих, для того, чтобы приобрести взгляд и «руку» организатора, чтобы научиться стягивать разрозненные деятельности и сферы и получать в результате нечто жизнеспособное и осмысленное. А для этого необходимо, чтобы в сфере образования был тот, кто мог бы сопровождать эти проекты от замысла и до завершения: вести анализ организационных ошибок, фиксировать открытые или освоенные способы действия, вводить методы и средства оргуправленческой деятельности.

«Ключ» второй: размыкание школы

Современные учителя (даже подвижники) на это не способны: они не в состоянии открыть перед сегодняшними молодыми людьми блистательные перспективы, придать им окрыляющие силы.

В современном инновационном и постмодернистском обществе разрушаются любые структуры авторитета. Авторитет «родителя-учителя» пал одним из первых: не эти взрослые вводят молодежь в изменяющий каждое десятилетие свое лицо мир, не они передают смысл и значимость современности, не они рассказывают, как нужно жить и чем стоит заниматься. Они пытаются — но плохо придется тому, кто им поверит: он неминуемо отстанет от своих сверстников, которые слушают не слова учителя, а голос современности.

Более того, это разрушение структур социальной преемственности особенно сильно проявилось в России: учителя, едва за последнее время выбившиеся из длившейся десятков лет нищеты, не имеют ни возможности, ни желания поспевать за убегающим веком.

Дело — даже не в том менталитете казенного госслужащего, который у них проявляется в любом действии, а в том, что в массе они не принимают и не понимают почти никаких современных явлений: феноменов рекламы, современного телевидения, Интернета, игр, компьютерных и ролевых, появления новых форм досуга, новых тенденций на рынке труда и в сфере предпринимательства и инноватики, новых тенденций в искусстве или новых форм организации политики. Ни одна из этих и им подобных сфер и практик современности не входит в зону компетенции ни школы, ни учителей. А ведь только сознательная ориентировка в этих практиках может сделать молодого человека «хозяином жизни». Как же можно решить эту проблему?

По-видимому, только одним способом: сознательно разомкнуть школу и университеты, впустить туда — в качестве руководителей проектов, мастеров и наставников — организаторов и специалистов из этих сфер: программистов, рекламщиков, издателей, инновационных предпринимателей, социальных проектировщиков и продюсеров. Именно так был сделан Московский физтех, особый, исключительный вуз, и по такой системе он работает уже 50 лет. Обучение по университетским учебным планам заканчивается на 3-м курсе; дальше — работа в реальных лабораториях по реальным темам и грантам. К этим «мастерским» с недавних пор добавилась работа в юридических конторах, в инновационных фирмах. Так пытается работать Высшая школа экономики.

Но если в том или ином объеме пытаться переносить подобные системы в школы и университеты, необходимо дополнить их двумя важными составляющими. Во-первых, учителя и штатные преподаватели должны участвовать в проектах, в реальных работах, вместе с учениками. Участие должно быть, конечно, особым, и это вторая составляющая: задача преподавателей по отношению к студентам должна заключаться в выявлении и освоении той организационной составляющей любой новой практики, о которой говорилось выше. Участвуя в таких проектах, штатные учителя смогут начать разбираться в программировании или в логистике только со временем, но помочь учащимся отразить формы своего участия в деле или те формы и схемы самоорганизации, которые важны при участии в любой коллективной работе, вполне в зоне шага ближайшего развития их компетенции.

В ходе этой работы вместе с учениками, начнут постепенно выстраиваться контуры ответов на вопрос, как сделаны, как организованы современные практики, — и ответов на самый важный для молодых людей вопрос, как это все могло бы быть сделано иначе. Только так, постепенно, школы и вузы, учителя и преподаватели станут «сильнее» современных практик и, по крайней мере, перестанут их опасаться или игнорировать.

«Ключ» третий: новое осмысление предметов

Подобные новации требуют и совершенно иного отношения к школьным и университетским знаниям. Современные организаторы образовательных систем говорят об инструментальной и мировоззренческой функциях изучения предметов: важны не сами знания, а средства для работы внутри разных практик; важны не сами знания, а ориентировка в определенной области, которая задает особый тип отношения к миру вообще, превращающий специалиста в гражданина, в человека, живущего в истории.

Но если, как мы уже выяснили, важно не только жить в истории, но и участвовать в ней, то даже мировоззренческий аспект изучения какого-либо предмета оказывается подчиненным: важно не *миро-воззрение*, не *миро-созерцание*, а *миро-строительство*, в том числе, и *само-строительство*. Если человек в становлении этого мира и себя в этом мире никак не может участвовать, то мировоззрение вообще не нужно.

Поэтому важно определить не то, сколько часов будет отдано в программе на какой-либо предмет, а переосмыслить уже преподающиеся предметы так, чтобы они служили именно этой задаче, задаче становления активного, самоопределяющегося человека.

Методологические проекты

В рамках такого понимания задач, стоящих перед образовательными системами, наша практическая позиция заключается в следующем: мы стремимся к тому, чтобы способствовать постепенному «проникновению» в образование организационно-методологической позиции. Организационно-методологический взгляд на мир, на социальные и деятельностные системы, на историю должен стать поименованным, «узнаваемым», задействованным (в определенном классе ситуаций); в идеале — культурно-кодифицированным.

Понимание «устройства», схем организации различных социокультурных систем, тех проектов, в рамках которых они сформировались, на наш взгляд, вносит заметный вклад в активную жизненную позицию молодого человека, демонстрирует ему существование позиции деятеля, показывает, чем он может быть оснащен. Умение работать в организационно-методологической действительности, с нашей точки зрения, дает молодому человеку «заряд всемогущества».

В соответствии с нашими ресурсами, работая в этих рамках, мы начали два проекта, которые и будут описаны ниже. Первый из них связан с созданием курса по методологии науки, второй — с инициированием серии методологических олимпиад.

«Методология научных революций»

Опишем замысел создания комбинированного учебного пособия по теме «Естественные науки: история создания, методы и идеи, современные формы организации» (курс лекций, хрестоматия и CD-библиотека для учебной и са-

мостоятельной работы, рассчитанный на учеников 10–11 классов профильного обучения). Внутреннее название этой работы — «методология научных революций»: в этом курсе мы стараемся показать, как была сделана (в социально-деятельностном и мыслительном плане) первая научная революция XVII века.

Курс посвящен историко-культурологическому и методологическому анализу системы естественных наук и научного мышления. Основное внимание в лекциях уделяется анализу связей данной формации мышления (взятой как постоянно трансформирующаяся, становящаяся, «делающаяся») с философскими полаганиями, социокультурными (в том числе образовательными) проектами и формами инженерной реализации научного мышления. Курс отвечает на вопрос: «Как и зачем была сформирована наука».

Мы ставим перед собой следующие цели:

1. Передать учащимся основы понимания особенностей научного метода, понимания его предпосылок и ограничений, возможных форм соорганизации с другими социокультурными институтами.

2. Ввести учащихся в проблематику методологических и организационных проблем по отношению к науке (с применением деятельностного подхода).

Жанр — постановка гуманитарно-методологических проблемных вопросов на материале истории науки, натуральной философии, инженерии. В каждой главе методолого-философские тезисы вводятся и обсуждаются с использованием характерных случаев («кейзов») истории науки, инженерии и философии: фактически методология и история науки вводятся параллельно с тем, чтобы первая не оставалась пустой, а вторая — слепой (мы фактически цитируем здесь П. Фейерабенда, который, в свою очередь, перефразировал Канта).

Курс не требует углубленного знания школьных предметов естественнонаучного цикла, однако требует восстановления основ всех изучаемых в школе естественных наук: астрономии — на уровне 4–5 классов, физики и химии — на уровне 8–9 классов, биологии — по темам «систематика» и «эволюция». Гуманитарный характер курса позволит использовать его для освоения естественнонаучной проблематики в классах гуманитарного профиля.

В курсе решаются следующие задачи: формирование представлений об основаниях научного мышления; знакомство с основными понятиями и идеями философии и методологии науки; прояснение социокультурных, мыслительных и практических предпосылок, сделавших возможным возникновение и развитие науки; восстановление смысла социокультурных проектов, лежащих в основании науки при ее возникновении; выявление инженерного характера современной науки; выявление различных реализовавшихся форм организации науки и места науки в социуме и в социокультурных программах.

Сформированная рефлексивно-методологическая позиция по отношению к науке позволит молодым людям в будущем:

— либо ориентироваться в путях развития науки, понимать с общекультурной позиции ее ограничения и проблемы, иметь «иммунитет» от лженаучных теорий;

— либо быть более успешными работниками в науке (выявление оснований теорий, постановка проблем, сопоставление с историческими образцами);

— либо занимать организационную позицию, где научные исследования могли бы включаться в более сложные социокультурные и (или) коммерческие проекты.

Освоение курса предполагает формирование у школьников представления о методе естественных наук, его возможностях и ограничениях, о научном подходе, а также о формах использования научных исследований и результатов в комплексных социокультурных проектах. С точки зрения выращивания личностной позиции, мы формируем наш курс так, чтобы школьник мог ощутить «вкус равнозначности» современности и себя.

*Методологическая олимпиада*⁷

Олимпиада, проведенная в октябре 2003 года в Подмосковье, называлась так: «Идеи и понятия истории, культурологии и философии»⁸. Олимпиадные задания были подготовлены авторами статьи в соответствии со следующим замыслом.

В современной школе развитие интеллектуальных функций у школьников практически целиком возложено на предметы естественно-научного (и, частично, языкового) цикла. Единственная практика такого развития, которая предусмотрена для школьников, — решение задач. Но в школе решаются *предметные задачи по естественнонаучным дисциплинам*.

В соответствии с теми рамками развития образования, которые мы ввели выше, оба выделенных пункта нуждаются в расширении.

Во-первых, общее требование к образованному человеку, состоящее в умении оперативно и уместно (по ситуации) использовать полученные им знания, если и обеспечивается школой, то только в отношении естественно-научных и математических знаний. Гуманитарные знания: исторические, литературоведческие, культурологические, социологические — передаются школьникам исключительно в форме сведений (о фактах или об общих законах). Задача практической актуализации полученных знаний в школе не ставится.

Но сегодня основу общественного развития составляет именно гуманитарно-организационная проблематика. Становление новых гуманитарных общественных практик (экономических, правовых, политических и тому подобное) выдвигает новые требования к постановке у учащихся мышления, предметом которого являются социокультурные явления. Исторические, социологические, культурологические знания должны вовлекаться учащимися в интеллектуальный оборот, анализироваться, с точки зрения используемых понятий и идей, служить материалом для критики, анализа, сопоставления, использования в качестве прецедентов и так далее. А это может быть достигнуто, по нашей гипотезе, в том числе с помощью создания *задач по гуманитарным дисциплинам*.

Во-вторых, *предметные задачи*, которые учатся решать сегодняшние школьники, способствуют актуализации готовых знаний, которые были переданы учащимся. Однако более важной в интеллектуальном и экзистенциальном плане задачей является *построение знаний* и далее *анализ и освоение средств и методов такого построения*. Для решения этой задачи нужно, прежде всего, чтобы учащиеся умели работать не только в рамках определенных предметов, но и *с понятиями и идеями, лежащими в основании предметов*.

Школьники получают от учителей в готовом виде не только предметные знания, но и сами предметы. Как, когда, почему и за счет использования каких понятий достигнуто современное состояние физики или психологии, — такого рода вопросы перед школьниками не ставятся никогда. Для того, чтобы ввести их в проблематику понятий и идей того или иного предмета, необходимо, в частности, предлагать им проблемные задания, связанные с реконструкцией

и анализом поворотных пунктов в истории мысли и организационной истории человечества.

Именно в эти поворотные периоды формируются новые понятия и соответствующие предметы, и осуществляется философско-методологическая работа по развитию корпуса идей и понятий. Эта работа воспроизводится или реконструируется школьниками при решении проблемного задания, поэтому такого рода задания, по определению, могут быть только *меж- или надпредметными*.

Однако выполнить такие задания, то есть сделать хотя бы один шаг в анализе, реконструкции или конструировании гуманитарного знания, возможно только при наличии соответствующих базовых интеллектуальных способностей: мышления, понимания, рефлексии — и их производных: способности к анализу текстов, к схематизации смысла, к выявлению противоречий и реконструкции позиций и тому подобному.

Выявление таких интеллектуальных функций вообще и у конкретных школьников, в частности, — первый шаг к построению пока несуществующей картины «гуманитарно-методологических способностей» (аналог «математических способностей»).

Задания, которые были предложены на олимпиаде школьникам, были составлены именно в трех указанных рамках:

- актуализации гуманитарных знаний;
- понятийного анализа реальных исторических ситуаций;
- проверки (тренировки) базисных интеллектуальных функций.

Мы пока не приводим образцы заданий, поскольку рассчитываем на продолжение нашей работы. Заинтересованные лица могут получить их лично от авторов (например, по korylov@mtu-net.ru).

Мы рассматриваем проведенную олимпиаду как первый опыт построения и апробации серии заданий, направленных, в конечном итоге, на выработку у ряда школьников интеллектуальных функций, позволяющих им использовать полученные ими в гуманитарных курсах знания в различных практиках, самой важной из которой в школьном и раннем студенческом возрасте является *практика саморазвития*. В эту практику входит умение учиться, рефлексивно оценивать уровень своего понимания, анализировать способы выработки знаний, понимать строй идей и понятий, лежащий в основе различных дисциплин, строить собственную образовательную и жизненную траекторию и так далее. Но все это направлено, в конечном итоге, на то, чтобы придать молодому человеку избыток сил, реальное ощущение всемогущества.

Проведенные соревнования показали следующее.

У учащихся существует большой разрыв между полученным объемом знания и умением им распорядиться.

Современные научные представления относятся учащимися к более поздним, чем это было в реальной истории, периодам развития науки. Происходит «оглушение» ученых предшествующих веков. История науки практически для всех учащихся «двухтактна»: раньше люди не знали ничего, а сегодня они знают все. Промежуточные состояния не простираются. Знания получают как бы «из ничего».

Наибольшие затруднения вызвали задачи, связанные с анализом понятийного строя естественной науки. По-видимому, это связано с тем, что школьники всерьез воспринимают навязываемое им современной школой различие двух «компетенций», естественнонаучной и гуманитарной, и не представляют,

как те средства, которые им предоставляет история и культурология, они могут использовать для анализа естественнонаучного знания, по их мнению, относящегося «к другой епархии». В то же время работа с идеями и понятиями безразлична к предметной области, и освоение этой работы дает возможность с равным успехом анализировать и естественнонаучные, и гуманитарные знания.

Однако у учащихся существует явный и неподдельный интерес к сложным нестандартным заданиям, к последующему обсуждению их решения, к понятийной работе в гуманитарной области, по-видимому, они усматривают за заданиями такого типа некоторую перспективу, связанную с их развитием, ростом способностей и умений.

Мы планируем в продолжении нашей работы следующие шаги:

— Разработка и подбор заданий, покрывающих максимально полный спектр интеллектуальных способностей, связанных с актуализацией гуманитарных знаний в понятийно-методологическом и историко-культурологическом ключе.

— Проведение нескольких подобных пилотных олимпиад среди учащихся экспериментальных школ Москвы, у которых мы можем ожидать большей подготовленности к заданиям подобного рода.

— Организация дистантной подготовки команд, входящих в актив интеллект-клуба «Глоон» (через Интернет), с тем, чтобы на ИМ-2004 провести полномасштабную междисциплинарную олимпиаду «Идеи и понятия истории, культурологии и философии» с подготовленными командами.

При этом один из туров этой олимпиады предполагается провести в игровом и дискуссионном формате, что позволит выявить ряд очень важных для практикующего гуманитария способностей, связанных с публичным интеллектуальным действием.

Мы приглашаем заинтересованных учителей, ученых и учащихся к обсуждению замысла и реализации этого проекта.

Примечания

¹ «И узнаем мы тогда, что смело / каждый брался за большое дело...» — так пелось в студенческой песне 1950-х годов.

² Редактируя некую детскую книгу, Т. Габбе заметила в 1945 г.: «Ленин в детстве изображается так, будто ему предстояло сделаться зрителем богоугодных заведений, а не революционером. Он очень чисто мыл руки, слушался папу и маму, ел все, что ему клали на тарелку».

³ Как утверждалось, ученый и инженер, вооруженный таким мировоззрением, изначально на голову выше любого буржуазного специалиста. Сейчас это анекдот, карикатура, но не стоит отрицать того, что молодые люди той эпохи действительно чувствовали в себе силу построить новый мир и стать в нем хозяевами.

⁴ Тут я уже могу сослаться на свой собственный опыт. Когда в 9-м классе я освоил программирование, а в 1975 году такая возможность была поистине уникальной, меня всего захватило ни с чем не сравнимое ощущение власти и силы. Мне было пятнадцать лет — и что я мог до того? Щелкать задачки по физике и математике — хорошо, но до экспериментальной лаборатории было еще расти и расти. Брежневский строй был незыблем, и оставалось только слушать «Голос Америки». А тут передо мной раскрылась совершенно новая практика (хотя и виртуальная, как сказали бы сейчас), новый мир, в котором я был владыкой: я мог ставить перед собой любые задачи и решать их, мог расти над собой, мог помогать ученым вести расчеты... Что может сравниться с этим

ощущением моря возможностей, с тем, что я стал на равных перед огромным взрослым миром? И, как мне кажется, не пройдя через такое переживание в юности, а оно у каждого будет, конечно, своим, наверное, и человеком-то стать невозможно...

⁵ Почему был так привлекателен Московский Физтех? Прежде всего, потому, что он предоставлял именно эти возможности в научной области: любой инициативный студент уже на 4-м курсе мог начать работу по собственной теме, и лет через пять-семь получить сектор и заявить новое научное или научно-прикладное направление. И это — в подлинно костные брежневские годы...

⁶ Так сегодня в Московском Физтехе к 3—4 курсу больше половины студентов уже работают в оффшорном программировании, и очень многие после получения диплома сразу же перебираются на Запад.

⁷ Работа, описанная в данном параграфе, проводилась совместно с Л. Н. Алексеевой и В. Г. Марача, которые принимали участие и в написании текста главы. Л. Н. Алексеевой в выполнении работы содействовал фонд РФФИ (грант номер 02-06-80162).

⁸ Проводилась, в рамках Международной тест-рейтинговой олимпиады «Интеллектуальный марафон-2003» (руководитель проекта В. Альминдеров, Интеллектуальный клуб «Глюон»). В конкурсе приняли участие семь команд (29 человек). Олимпиада состояла из трех туров: двух устных командных и одного письменного индивидуального.

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И ИСТОРИЯ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

1. Все наши попытки изучения истории педагогической мысли и образования привели к убеждению, что такой истории нет, она просто не написана. В настоящее время существует добросовестное перечисление (в отдельных случаях даже анализ) идей выдающихся мыслителей разных исторических эпох и народов, занимавшихся вопросами воспитания, которые не осмыслены и не систематизированы какой-либо серьезной историософской концепцией. Так что же такое история?

История (*historia*) в переводе с греческого — рассказ о прошедшем, об узнанном¹. По всей видимости, первобытный человек не имел истории, у него не возникало потребности в воспроизведении собственной истории, хотя он и обращался к опыту прошлого — преданиям и советам старших. Все время усложняющаяся жизнь, развитие интеллекта человека привели к осознанию необходимости истории своей семьи, рода, племени, потребовала установления с этой целью элементарных датировок. С помощью письма люди стали фиксировать и датировать наиболее значительные события жизни общества. Как утверждали древние историки, чтобы «во времени не изгладились деяния людей и не были преданы забвению великие и достойные удивления подвиги». В XVI—XVII веках нашей эры было выработано современное представление о хронологии, позволяющее определять временной интервал между историческим фактом и настоящим временем², располагая на оси времени отобранные исторические факты.

Простое описание фактов: военных походов, правления царей, жизни общества, труда и быта различных сословий очень скоро перестало удовлетворять людей, и историческая мысль постепенно начинает выделять в качестве своего предмета *сущность исторического развития, причины общественных процессов и их закономерности*. Исторический процесс развития общества становится предметом размышления философов еще античности и средневековья, однако классические формы философии истории были созданы в Европе XVIII — первой половины XIX веков. Сам термин «философия истории» был введен Вольтером для обозначения обобщенных представлений об истории.

Любая философия истории (*историсофия*) предстает как концепция, нацеленная на осмысление исторического процесса в целом, она разрабатывает определенную трактовку смысла и цели истории, основных движущих сил истории и механизмов их действия, соотношения исторической необходимости и человеческой способности, единства и многообразия истории³ и тому подобное. Предметом философии истории является поиск мыслительных оснований возможности истории как теоретического представления. Философию истории интересует сама возможность достоверного, нейтрального, объективного и необходимого описания «прежнего бытия» людей. «Чистый» историк соединяет исторические факты, хронологию и философию истории

* Вячеслав Лозинг — научный руководитель гимназии Развивающего Образования, кандидат педагогических наук (Кемерово).

в «историю» с помощью специальной деятельности, получившей впоследствии название историческая реконструкция. Историк, реконструирующий ситуацию прошлого, анализирует и оценивает взаимосвязи, роль и значение идей, тех или иных действий, событий всегда с позиции принятого им концепта, трактующего смысл и цели истории. Он, с одной стороны, как бы реконструирует целостную историческую картину, а с другой — историк ее *конструирует*, в связи со своей собственной позицией и концептом, лежащим в основании этой позиции⁴.

В современной культуре наиболее полно представлены две реконструкции истории — это глобально-эволюционистское представление об истории человечества (закрепившееся в культуре под именем «формационного подхода»), и история локальных цивилизаций, основанная на циклической теории культурного развития человечества (получившее название цивилизационного подхода). В основе первой реконструкции истории лежит *идея единства человечества, идея однолинейности его развития и идея последовательной преемственности исторических эпох* (Древний мир — Средние века — Новое время — Новейшая история). Данный подход построен на размышлениях Маркса об общественно-экономических формациях, в основе которых лежит тот или иной способ производства, о конфликте производительных сил и производственных отношений, разрешение которого является условием развития общества. Приложение историсофской модели развития общества Маркса к политической истории придает ей определенную осмысленность. Но данный подход последовательно игнорирует различные культуры, жившие и живущие на планете Земля, отказывает им в определяющей роли в развитии человечества. Историсофия Маркса не удерживает в себе всю полноту культурно-самосозидающего бытия человечества; не может корректно описать и, соответственно, благотворно повлиять на реальные множественные в своей основе культурные процессы, происходящие на Земле. Именно поэтому приложение данного подхода к образованию, не дает возможности построить историю педагогической мысли и образования (смотри наш первый тезис). Хорошо было в России советского периода — все, что «буржуазное» — плохо, но некоторые идеи мыслителей о воспитании, не противоречащие классовому подходу, советская педагогика может позаимствовать. А как быть сейчас с историей образования, когда «единственно правильной» советской философии истории как методологической основы просто нет? Поэтому и остается в современной истории образования простое перечисление идей, никак между собой не связанных и не систематизированных. Другой аспект этой проблемы, развивающее обучение Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова, как и другие альтернативные образовательные системы, было объявлено официальной наукой и властью «ересью», незаконно выросшей в середине XX века на «теле» единственно правильного (традиционного?!) образования подрастающих поколений. Естественно, что в рамках единой, однолинейной, последовательной истории борьба с ересью всегда являлась законной и оправданной. В данном подходе все, что не является «традиционным образованием» не имеет глубоких исторических корней.

В основе второй реконструкции истории лежит идея многих самостоятельных и самоценных живых целых, «исторических индивидуальностей» — культур, живущих, прежде всего, своими ценностями и своим типом логики. Данный подход утверждает, что *реальной единой жизни для этих «исторических индивидуальностей» не существует*⁵, они живут как самостоятельные

цивилизации. Между этими цивилизациями существуют более или менее неглубокие контакты (столкновения), которые позволяют им заимствовать друг у друга только то, что не противоречит их собственным культурным основаниям, разоформляя «чужое целое» на единицы и, включая их в себя уже разоформленными, потерявшими всякое самостоятельное содержание. В рамках этого подхода история педагогической мысли и образования может рассматриваться как история Ответов творческого меньшинства на Вызовы как «Божественное испытание человека» (в терминологии А. Тойнби), создающих целостные самостоятельные «образовательные цивилизации». Такая интерпретация истории образования не позволяет что-то объявлять «правильным образованием», а что-то «неправильным». В такой интерпретации истории развивающее обучение, как и другие образовательные системы, становится самостоятельной «образовательной цивилизацией», историю которой мы можем проследить от Античной Греции. Каждая «образовательная цивилизация» живет целостно и замкнуто, развивается параллельно другим «образовательным цивилизациям». В данном подходе развивающее обучение, связанное с именами Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова уже не «ересь», а самостоятельный этап развития целостной «образовательной цивилизации» развивающего обучения, который «нарисован» поверх национальной системы образования России.

2. В связи с этим интересно проследить, используется ли термин «образовательная система» («образовательная цивилизация») в современной российской педагогике, имеет ли он собственное содержание. Термин «образовательная система» в отечественной научно-педагогической литературе используются как синоним термина «система образования»⁶, что, конечно же, не позволяет его содержательно выделить и использовать как теоретическое понятие в исторических исследованиях. «Все, что нужно различать, должно быть различено с полной определенностью»⁷, — утверждал еще в XVII веке Я. А. Коменский, поэтому постараемся определить собственное содержание термина «образовательная система» («образовательная цивилизация»).

Под *системой образования* Российская педагогическая энциклопедия понимает исторически сложившуюся общенациональную систему образовательных учреждений и органов управления ими, действующую в интересах воспитания подрастающих поколений, подготовки их к самостоятельной жизни, а также удовлетворения индивидуальных образовательных потребностей. Система образования России охватывает учреждения дошкольного образования, общеобразовательные школы, начальные, средние и высшие профессиональные образовательные учреждения, различные формы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников, учреждения дополнительного образования⁸. Очевидно, что в таком понимании термин «система образования» идентичен по содержанию термину «система образовательных единиц (институтов)» и может рассматриваться как бессодержательная инфраструктура и предмет управленческих действий. Понятно, что когда мы реконструируем историю педагогической мысли и образования, в любом подходе, мы выделяем содержательные аспекты образования, а не голую инфраструктуру. Поэтому термины «система образования» и «образовательная система» не могут использоваться как синонимы.

Система (*systema*) в переводе с греческого означает «целое, составленное из частей», «соединение». В современном представлении система — это упорядоченная целостность, имеющая определенную структуру⁹. При рас-

смотрении простых систем, например, таких, как система образования, можно точно указать определенные элементы (учреждения дошкольного учреждения, общеобразовательные, органы муниципального управления и прочее) и описать характер связей между ними. Если мы возьмем отдельную школу, то сможем ее рассмотреть как социальную систему, в состав которой входят такие элементы, как учащиеся, учителя, обслуживающий персонал и руководители. При рассмотрении значительно более сложных систем невозможно использовать представления об элементах, поэтому ученые говорят о подсистемах, где приставка «под» означает, что она входит в состав системы более высокого уровня организации. К таким сложным системам, включающим в себя другие системы в качестве подсистем, относятся образовательные системы.

Образовательная система — это целостная «образовательная цивилизация», включающая в себя три подсистемы: (1) фундаментальные идеи системы и теоретические основания образовательной практики (надсистему), определяющие «лицо» образовательной практики; (2) собственно образовательную практику (в другом языке антропопрактику), являющуюся ядром системы; (3) образовательные институты (подсистему), на которых разворачивается образовательная практика. В этом смысле образовательные единицы (дошкольные учреждения, школы, учреждения профессионального и дополнительного образования и прочие) являются небольшой, видимой составной частью образовательных практик. Обсуждая в свое время проблемы антропологии, П. Г. Щедровицкий выделил в качестве предмета педагогической антропологии «человека воспитанного, сформированного и подготовленного»¹⁰, а в качестве назначения педагогической антропологии, в отличие от философской и психологической, антропическое экспериментирование. По сути дела образовательная практика (антропопрактика) той или иной образовательной системы и является самостоятельной и непохожей на другие версии антропического экспериментирования. Образовательная практика (антропопрактика) «захватившая» отдельные единицы муниципальных, региональных и национальных систем образования, «передает» им собственное содержание, позволяя увидеть в этих единицах процессы формирования, образования, воспитания и учения-обучения, цели и содержание усвоения, метод учения-обучения и прочее. Образовательные единицы и их совокупности: муниципальные, региональные, национальные системы образования, рассматриваемые вне целостных образовательных систем, — являются бессодержательной фикцией и чистой инфраструктурой.

Надсистема, являясь результатом исследований и разработок, проводящихся длительное время в рамках данной образовательной системы, в свою очередь содержательно определяет образовательную практику. Ядром надсистемы всякой образовательной системы¹¹ являются два рамочных понятия — *человек* и *образование*, — содержательное наполнение которых задает всей образовательной системе (образовательной цивилизации) ее назначение, специфические цели, содержание и метод.

3. В истории мысли на вопрос, «как можно понимать человека и роль образования в его становлении» отвечали по-разному, но можно, не учитывая нюансов, присущих ответам разных мыслителей, выделить два принципиально альтернативных ответа, назовем их социологический и антропологический.

В рамках *социологического ответа*, человек — это «совокупность общественных отношений», носитель определенных общественных функций и ролей.

Общество в данном подходе является «инвариантом», оно определяет, каким будет человек, а человек, в свою очередь, — пластичная переменная, призванная меняться и приспосабливаться в соответствии с инвариантом. Общество задает нормы общежития, превращает мораль в служанку государства, утверждает, что морально все, что велено и дозволено властью, тем самым, лишая человека совести и нравственности. Общество предоставляет человеку ровно столько прав, сколько оно может и желает ему предоставить, при этом права и свободы обусловлены принадлежностью человека к классу или социальной группе.

Из такого понимания человека вытекает и главная задача образования — обеспечить адаптацию человека к социальной среде (социализацию) и интеграцию в существующую в данном обществе систему ценностей, приспособление человека к господствующим институтам и встраивание его в существующую систему разделения труда. Отсюда и тоталитарный постулат, появившийся в XX веке — новое общество через систему образования обязано сформировать (правильнее сказать *сформовать*, то есть отлить в соответствии с заданной формой) нового человека в удобном себе духе. Под *формованием* следует понимать целенаправленные, тотально организованные искусственно-технические действия по изменению человека (по образу и подобию), полностью отрицающее его «природу» и исключаящее само понятие развития. Сутью формования является заучивание готовых ответов на чужие вопросы.

Образовательная система социологического типа воспроизводится на образовательных институтах закрытых тоталитарных обществ, в частности, Античной Спарты, теократических государств, начиная с V века до нашей эры по настоящее время, тоталитарных государств XX века. Наиболее яркими представителями образовательной системы социологического типа являются: Томазо Кампанелла, Клод Гельвеций, Иоганн Герbart, Роберт Оуэн, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Георг Кершенштейнер и другие.

В рамках *антропологического ответа*, человек является творцом своей истории, он обладает внутренней целостностью, «своим внутренним инвариантом» («доброй природой», по Коменскому), он живет по законам целостности, воспроизводя себя в пространстве и во времени как самодетерминирующаяся, самовоспроизводящаяся, самополагающаяся сущность. Поэтому человек всегда сам выбирает обстоятельства, поэтому он всегда остается вменяемым и ответственным. Человек в данном подходе свободен от всеобъемлющей власти общества, он способен перерешать свою судьбу, преодолеть инерцию данных обстоятельств, посредством нахождения новых альтернатив. Права человеку не даются обществом, они неотчуждаемы и даны ему от рождения только потому, что он — человек, «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». При этом люди не являются частью общества, они автономно действующие субъекты, общество должно их перубедить, так как не может с ними сладить одними запретами. Человек не только представляет себя, но и противопоставляет себя обществу через волю, воображение, мышление и деятельность. Для человека всегда существует полноправный и полноценный Другой (идея, человек, общество и прочее), отличный от него, который неустраим и самоценен.

В ребенке изначально заложены очень благоприятные тенденции саморазвития, которые в большинстве случаев подавляются и извращаются воспитанием. Утверждается, что любое внешнее (даже самое благоприятное) влияние оказывает тормозящее действие на творческий потенциал человека.

Поэтому образование у самых «мягких» представителей данного подхода понимается как оказание помощи свободно самоопределяющемуся человеку в процессе освоения им окружающего мира, как создание условий для реализации доброй природы человека. Образование человека понимается как естественное самопроявление и эволюционное саморазворачивание заложенного в нем потенциала. Такое «развитие» (эволюция!) не предполагает обучения в прямом смысле этого слова, потому что любые действия человека, и даже его Будущее, детерминированы законами природы. Образовательная система антропологического типа является еще менее распространенной, чем система социологического типа, она практически никогда не «садится» на государственные образовательные институты, а существует, как правило, на авторских негосударственных школах. Наиболее яркими представителями образовательной системы антропологического типа являются: элеаты Ксенофан, Парменид, Зенон, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстой, К. Н. Вентцель (до начала XX века) и другие.

Два антагонистических ответа на вопрос о человеке и его становлении в процессе образования реально не позволяют создать широкомасштабную образовательную практику. Поэтому обычно на вопрос о человеке и его становлении отвечают, синтезируя идеи двух вышеобозначенных подходов. Возникающие на основе такого синтеза образовательные системы, удерживают черты антропологического и социологического подходов. Имея цель построения типологии образовательных систем (образовательных цивилизаций), мы выделим еще два подхода: *антропо-социологический*, в котором преобладают идеи антропологического подхода, и *социо-антропологический* как содержательный синтез социологического и антропологического подходов.

В рамках наиболее «пестрого» в теоретическом смысле *антропо-социологического подхода*, в отличие от чистого антропологического подхода, не отрицается необходимость обучения как условия социализации человека. Суть этого подхода выразил В. Штерн, сказав что «развитие создает возможности, а обучение их реализует». В этом подходе упор делается на то, что развитие совершает определенные законченные циклы, в которых психические функции должны созреть прежде, чем школа может приступить к обучению конкретным знаниям и навыкам ребенка, циклы развития всегда предшествуют циклам обучения. Ребенка можно и нужно учить тому, что он может понять, к чему у него созрели определенные познавательные способности. Образовательная система *антропо-социологического* типа является *самой распространенной* во времени и пространстве, она *огосударствлена* многими странами мира, в частности дореволюционной Россией, современной Германией, Швейцарией, Нидерландами. Наиболее яркими представителями образовательной системы *антропо-социологического* типа являются: Ж. Пиаже, В. Штерн, А. Гезелл, Э. Фрейд, М. Мантессори, Р. Штейнер, А. Нил и другие.

Социо-антропологический подход строится на основе идеи, выраженной в чеканной формулировке Л. С. Выготского: «обучение идет впереди развития, продвигая его дальше и вызывая в нем новообразования». Основопологающая идея этого подхода состоит в том, что обучение и развитие находятся в единстве, причем обучение, опережая развитие, стимулирует его и, в то же время, само опирается на актуальное развитие. Для представителей этого подхода, пользуясь современной терминологией, процесс развития проходит путь от социального к индивидуальному, от совместного коллективного действия к индивидуальным функциям самого ребенка.

Движущей силой развития является образование, которое не тождественно развитию, у ребенка оно вызывает к жизни, пробуждает и приводит в движение внутренние процессы развития. Процесс образования представляется как особый вид деятельности, субъектом которой выступает сам человек — активный участник процесса самостановления. Развитие ребенка возможно только, если соблюдается трехсторонняя активность: активен ученик, активен учитель, активна заключенная между ними среда, — только в том случае, если ученик самостоятельно осваивает исторически выработанные формы и способы мышления и деятельности. Осваивая деятельность, ученики находятся в постоянном поиске культурно-исторических оснований этих деятельностей. Эти основания в процессе образования выращиваются в человеке так же, как они выращивались в истории человечества в форме ценностей, идеалов, смысла жизни.

Образовательная система *социо*-антропологического типа является самой демократичной и проявляет себя в тех странах, где есть хоть какие-то начала демократии. Еще А. Дистервег писал, что развивающее обучение «имеет демократическую природу...». Он утверждал, что «последовательный сторонник абсолютизма, учитель откровения божьего, ультрамонтан, низкопоклонник и тому подобный должен ненавидеть и отвергать развивающий метод обучения; этот развивающий метод является продуктом свободомыслящего, воспитанного в духе свободы и борющегося за свободную жизнь человека». Наиболее яркими представителями образовательной системы *социо*-антропологического типа являются: Сократ, Аристотель, Марк Фабий Квинтилиан, Я. А. Коменский, А. Дистервег, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов и другие. Именно поэтому все попытки встроить их в единую историю педагогической мысли и образования, а также в так называемое «традиционное образование» без содержательного разоформления, терпели полный крах, который официальная история пыталась не замечать.

Когда-то первые Вызовы потребовали от людей творческих Ответов, приведших к рождению четырех типов образовательных систем (образовательных цивилизаций), принципиально отличных друг от друга по фундаментальным идеям и теоретическим основаниям, по целям, содержанию и методу организации образовательной практики (антропопрактики). Каждая образовательная система с тех пор живет как самостоятельная и самодостаточная «образовательная цивилизация», развивающаяся параллельно другим и не смешивающаяся с ними, не имеющая с ними общей истории и общих оснований. Каждая «образовательная цивилизация» имеет свою историю, свои взлеты и падения, свои этапы, своих теоретиков и практиков. Разные типы образовательных систем «нарезали» себе «наделы» в системах национального образования, создавая тем самым *образовательные регионы*. Они и сегодня «рисуются» поверх национальных систем образования, выделяясь из них целями, содержанием и способами организации образования. Они живут как вневременные и экстерриториальные «образовательные цивилизации», не имея национальной привязки. Только такое понимание, удерживающее понятие образовательной системы (образовательной цивилизации), позволяет построить подлинную историю образовательной мысли и образования.

4. Образовательная система *социо*-антропологического типа, или более точно *образовательная система развивающего обучения*, в своем становлении прошла определенные этапы, началом каждого из них стали новые Вызовы

и творческие Ответы на них. Удачные Ответы рождали «*локальные образовательные цивилизации развивающего обучения*», обладающие, при сохранении общих принципиальных положений (фундаментальных идей), собственным неповторимым содержанием (теориями, антропопрактиками). Именами наиболее ярких представителей развивающего обучения, живших примерно в одно время, мы называем последовательно сменяющиеся локальные образовательные цивилизации развивающего обучения. Это «*локальная цивилизация Сократа—Аристотеля*», которая возникла как Ответ на Вызовы античного общества, «*локальная цивилизация Коменского—Дистервега*», возникшая как Ответ на Вызовы индустриального общества, «*локальная цивилизация Эльконина—Давыдова*», возникшая как Ответ на Вызовы постиндустриального общества. Все эти «*локальные цивилизации*», имея свою историю, все же являются исторически преходящими цивилизациями в рамках целостной образовательной системы (образовательной цивилизации) развивающего обучения.

Локальная цивилизация развивающего обучения Сократа—Аристотеля строилась на понимании того, что «все люди от природы стремятся к знанию», а образование имеет своей задачей восполнить то, что недостает человеку от Природы. Людям, по мнению Аристотеля (389—322 годы до нашей эры) добродетели даются в потенции, но возможность их реализации зависит от образования. Марк Фабий Квинтилиан (42—118 годы до нашей эры), утверждал, что восприимчивость и способность к учению дана человеку от природы, как от природы дано птицам летать, а коням бегать. Он твердо верил, что тупые и неподдающиеся учению умы появляются столько же против законов природы, как и всякие другие уроды и чудовища в физической природе. По мнению Квинтилиана, человеку в особенный удел (в пользование!) достались разум и понятливость, но только правильно организованное воспитание позволяет развить его разум. Из утверждения, что дети очень часто подают блестящие надежды, которые потом, с годами, исчезают, Квинтилиан сделал вывод, что не природа виновата в этом, а недостаточная самостоятельная работа (отсутствие прилежания!) со стороны ученика, и недостаток внимания со стороны родителей и педагогов. «Мыслительная добродетель», писал Аристотель, возникает благодаря обучению (!), нуждается в долгом упражнении. Идеалом общего образования считалось развитие у человека способности и стремления к восприятию культурных ценностей, умения правильно судить «обо всем». Аристотель впервые разграничил теоретический и практический разум, на основе различия между функциями мышления. Исследовав генезис образования понятий у детей, он утверждал, что у них сначала формируются общие понятия и только затем единичные.

В соответствии с идеями природосообразности воспитания и необходимости соотнесения приемов работы педагога с уровнем психического развития детей был разработан метод организации учения-обучения, получивший название *сократической беседы*. Сократ (469—399 годы до нашей эры) никогда не предъявлял знание собеседнику в конечной форме, считая, что готовое знание невозможно сделать достоянием сознания другого человека, очень важно привести ученика к самостоятельному открытию. Сократ и его последователи, считая себя «акушерами мысли», ставили перед слушателями проблему в виде вопроса-утверждения, помогая доказать или опровергнуть его через систему вопросов и ответов. Сократ вместе с собеседником шел от незнания к диалектическому противопоставлению точек зрения, а затем

к более адекватному знанию в форме общих категорий. Аристотель на занятиях с учениками размышлял по поводу окружающего или по поводу цитаты из старинных авторов, так, что перед слушателями ставились все новые и новые вопросы, получалась как бы цепь вопросов, которая определяла порядок изложения последующих тем. Как утверждают некоторые ученые, порядок изложения «Физики» Аристотеля определял последовательность лекций во множестве школ вплоть до XVIII века. Локальная образовательная цивилизация развивающего обучения Сократа—Аристотеля в разных интерпретациях просуществовала на протяжении всей античности, ее существенные элементы продолжали жить в иезуитских школах средневековья.

Интерес к теории и практике развивающего обучения Сократа—Аристотеля возродился в эпоху Возрождения, но новой самостоятельной цивилизации развивающего обучения в это время не было создано. Новая *локальная цивилизация развивающего обучения Коменского—Дистервега* возникла как Ответ на зарождение в Европе индустриального общества. Ян Амос Коменский (1592—1670), выдающийся чешский педагог-гуманист, общественный деятель и философ, продолжая линию Аристотеля, придал новое звучание идее развития человека в процессе обучения. Человек, утверждал Коменский, существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать, приводя примеры того, как некоторые люди, похищенные в детстве дикими животными, и выросшие среди них «знали несколько не больше зверей». Природа, по его мнению, не дает самого знания, добродетели, благочестия, они приобретаются с помощью молитвы, учения и деятельности. Выдающийся немецкий педагог Фридрих Вильгельм Адольф Дистервег (1790—1866), сделавший дальнейший шаг вперед в разработке теории развивающего обучения, утверждал, что «целью всякого воспитания является общее развитие человека». Развитие ученика повсюду имеет первенствующее значение, в своем обращении к учителям он подчеркивал, что речь идет не о приобретении знаний, а о развитии. Он призывал тренировать мышление и речь, произвольное внимание, способность усваивать новое при помощи разума. Ян Амос Коменский считал целью школы развитие способностей детей посредством наук и искусств, утверждая, что «каждый настолько превосходит других, насколько он больше упражняется». Обращаясь к современным ему школам, Коменский утверждал, что они «гонятся только за знаниями» и не учат главному — жить не чужим умом, вычитывая из книг чужие мнения и запоминая их, а своим собственным умом, развивая в себе способность проникать в корень вещей, вырабатывая истинное их понимание, формируя умение употреблять их. Дистервег, более чем через 150 лет после Коменского, резко критиковал современные ему школы, утверждая, что они являются «учреждениями для притупления, так как ученики покидают эти школы скорее ослабленными в духовном отношении, чем окрепшими». Критикуя школу знаний, Дистервег утверждал, что высшей целью обучения является не экстенсивно-материальная, а интенсивно-формальная, считая, что обучение необходимо согласовывать с человеческой природой и законами ее развития. По мнению Коменского, слепота, глухота, хромота, плохое здоровье, как и чудовищная (неестественная) тупость мозга редко бывают прирожденными, а приобретаются по вине педагогов, по их же вине гибнет много отличных дарований.

Исходя из того, что человек рождается способным ко всему (в современном языке: человек — безграничная возможность), но на самом деле ничего не знает и не умеет, Коменский выводил тезис, что «обучать нужно всех всему».

Он рассматривал образование как способ развития думающего, чувствующего и действующего человека, культивирования в нем потенций, заложенных от природы. Необходимо научить каждого, считал Коменский, распознавать основания, свойства существенного и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о «чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки». Чешский педагог считал, что «не нужно вбивать в голову собранную из авторов смесь слов, фраз, мнений, нужно раскрывать способность понимать вещи, чтобы из этой способности потекли ручейки знаний».

Представители локальной цивилизации Коменского—Дистервега, как и их предшественники, большое внимание уделяли методу образования. Опираясь на современные им исследования, Коменский писал, что «следует дать основы общего образования и только затем развивать полученные знания в их частностях». Он считал, что необходимо, чтобы у учеников прежде сложилось общее понимание целого, которое затем позволит им усвоить «полные системы с присоединением неправильностей и комментариев». Дистервег писал: «...не в количестве знаний заключается образование, а в полном понимании и искусном применении всего того, что знаешь». Так же, как и Аристотель, он видел необходимость при обучении идти от более общего к более частному, а само научное образование, считал он, должно состоять из немногих начал. Учителя, обладающие хорошими задатками, по мнению Дистервега, из года в год все сильнее сокращают учебный материал и доводят его, в конце концов, до неизбежного минимума.

Коменский много внимания уделял собственной активности учеников, утверждая, что все нужно усваивать путем практики: «мужеству учатся, преодолевая себя, добродетель развивается посредством дел, а не болтовни. Познанию мы учимся познанием, действию — действием». Смысл развивающего обучения Дистервег выразил так: «...плохой учитель преподает истину, хороший учит ее находить». Заставь ученика работать самостоятельно, наставлял он немецких учителей, приучи его к тому, чтобы для него было невыносимо иначе, как собственными силами, что-либо усвоить, чтобы он самостоятельно думал, проявлял себя. Коменский, как и Сократ, понимал, что «прежде, чем создать новое, нужно расчистить старое», возбуждая интерес к знанию. Дистервег считал, что ученику всегда нужно дать возможность высказаться до конца, затем «надо заставить его задуматься» над сказанным, в итоге у ученика взамен старого представления возникнет новое. Он был твердо уверен, что ученики должны понимать — чему они учатся, их «следует вести не с завязанными глазами, а зрячими: он должен воспринимать истину не как готовый результат, а должен ее открыть». Можно стать мудрым, считал он, не благодаря чужой мудрости, а только собственной. Учить ученика следует непрерывно, делать ученика способным преодолеть каждую ступень самостоятельности, то есть развивать его самостоятельность.

Дистервег был уверен, что метод обучения зависит от природы предмета и от возраста ученика, предлагая учить элементарным, а не научным способом. В его понимании научный метод обучения состоит в том, что учитель излагает материал и объясняет его, то есть учит догматически, а ученик обречен на пассивное восприятие, заучивание и списывание готового материала. Элементарный метод обучения — это метод развивающего обучения, при котором учитель вызывает в ученике самостоятельность посредством вопросов,

направляет их к нахождению новых мыслей. Ученик в этом методе — центр движения, он сам исследует и обретает истину; учитель — средство, способствующее деятельности ученика. Являясь стойким последователем Сократа, Дистервег писал: «Вопросно-развивающий способ обучения Сократа — венец учительского искусства, и выдающиеся школьные учителя поэтому усердно стремились овладеть этим удивительным искусством. Какое глубокое влияние он имеет на умы учеников — не приходится доказывать тому, кто умеет его применять... Юные души расправляют свои крылышки и их способность летать усиливается».

Локальная цивилизация развивающего обучения Эльконина—Давыдова, послужила Ответом на Вызовы постиндустриального общества, которое в середине XX столетия выразилось в «информационном взрыве», приводящем к быстрому моральному старению знаний. Идея выхода из создавшегося положения, предложенная Д. Б. Эльconiным и В. В. Давыдовым, заключалась в том, чтобы научить ребенка учиться самостоятельно, то есть сделать его субъектом собственного образования и развития. Локальная цивилизация развивающего обучения, построенная Д. Б. Эльconiным, В. В. Давыдовым, их учениками и последователями, опиралась на культурно-историческую концепцию выдающегося русского психолога Л. С. Выготского, согласно которой развитие личности человека осуществляется в процессе его обучения и воспитания при условии смены типов и видов его собственной деятельности («обучение — внутренне необходимый и всеобщий момент развития ребенка»). Включаясь в коллективные формы деятельности, и интериоризируя их, ученик формирует свое сознание и становится субъектом собственной деятельности. Л. С. Выготский обосновал существенную роль в процессе интериоризации знаковых и символических систем, сформировавшихся в истории человеческой культуры. Именно разработанная Л. С. Выготским схема формирования индивидуального сознания человека: «коллективная деятельность — культура — идеальное — знак или символ — индивидуальное сознание» — легла в основу развивающего обучения Д. Б. Эльconiна—В. В. Давыдова.

Следуя за своими предшественниками по образовательной системе развивающего обучения, но на качественно новом содержательном уровне, Д. Б. Эльconiн и В. В. Давыдов ставят задачу воспитания личности, понимаемой как «субъект свободной творческой деятельности, производящий новый материальный или духовный продукт». Такая личность обладает теоретическим мышлением, в основе которого лежит содержательное обобщение, то есть выделение и фиксация генетически исходного, существенного или всеобщего основания (отношения) некоторой развивающейся системы предметов. Опираясь на обобщение, человек может затем проследить происхождение частных и единичных особенностей системы из генетически исходного, всеобщего ее основания. Движение мысли от общего к частному, от абстрактного к конкретному и от системного к единичному возможно только при осуществлении мыслительных действий — анализа, планирования и рефлексии в их теоретико-содержательной форме. Большое значение в развивающем обучении Эльconiна—Давыдова отводится развитию воображения как механизму генерации идей и «общему психическому развитию человека».

Большое внимание было уделено методу обучения, в основу которого, что присуще только образовательной системе развивающего обучения, была положена «сократическая беседа». Этот метод, которым пользовались Сократ,

Аристотель, Коменский, Дистервег и другие, был Д. Б. Элькониним и В. В. Давыдовым качественно переосмыслен и развит до учебной деятельности, под которой понимается форма активности ученика, направленная на изменение себя как субъекта учения. Развивающий метод обучения Эльконина — Давыдова предполагает систематическое решение учебных задач, главная особенность которых состоит в том, что при их решении ученик находит общий способ (принцип) подхода ко многим частным задачам определенного класса, которые в последующем решаются школьником как бы «с хода» и сразу правильно. Учебная задача решается, по мнению В. В. Давыдова, посредством системы учебных действий: принятие учебной задачи, преобразование ситуации, входящей в такую задачу, моделирования исходного отношения, выделения его в частных случаях, контроля и оценки процесса решения учебной задачи. Учебная деятельность первоначально осуществляется школьниками совместно (коллективным субъектом) в диалоге и развернутой дискуссии по вопросу выбора лучших действий, лучшего пути решения (именно в этих ситуациях у детей возникает зона ближайшего развития), но постепенно каждый школьник начинает ее осуществлять самостоятельно, становясь индивидуальным субъектом.

Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов, как и их предшественники по развивающему обучению — Аристотель, Коменский и Дистервег, — большое внимание уделили приведению обучения в соответствие с принципом «природосообразности», переосмысленному в соответствии с достижениями науки XX века. Обучать «природосообразно» — это значит обучать школьника, учитывая его индивидуальные и возрастные особенности. Элькониним была разработана периодизация психического развития детей, в основу которой было положено представление о «ведущих деятельности» и их преемственности. Причем на каждом возрастном этапе выделяется «ведущая деятельность», с усвоением структур которой связаны главнейшие психологические новообразования данного возраста. На основе нового понимания «природосообразности» Эльконин, Давыдов, их ученики и последователи разрабатывают метод обучения для начальной, основной и средней школ, учитывающий «реальные движущие силы психического развития в онтогенез» каждого возраста.

Локальная образовательная система развивающего обучения Эльконина — Давыдова, являясь принципиальным Ответом на Вызовы постиндустриальной эпохи, остается саморазвивающейся системой. Она продолжает свое развитие и поиск новых Ответов, которые позволят выстроить обучение и воспитание «природосообразно», а значит, наиболее эффективно, с точки зрения развития каждого учащегося современной школы.

5. Представители истории однолинейного развития образования и последовательной преемственности исторических эпох долго и, надо отдать им должное, убедительно продвигали идею «традиционного образования», пытаясь компилировать под это понятие идеи и практики различных образовательных систем. Так долго и так убедительно, что это стало общим местом в учебниках педагогики для студентов педвузов. И все-таки я осмелюсь утверждать, что «традиционное образование», которое «несут» новым поколениям практикующие педагоги, а ученые-педагоги утверждают, что «оно складывалось веками и тысячелетиями и через него сейчас проходит подавляющее большинство людей во всем мире»¹², как образовательная система (образова-

тельная цивилизация) в природе не существовало и не существует. То, что называют «традиционным образованием» — это содержательно не разоформленные «осколки» *различных образовательных систем*. Эти «осколки» нерелексивно «собранны» на конкретных людях через их личный опыт получения общего образования и систему педагогического образования, которая в принципе не различает типы образовательных систем (образовательные цивилизации), уверена, что существует единая история педагогической мысли и образования, навязывает будущим педагогам эклектичное по своей сути «традиционное образование»¹³.

Избавление общества от мифа существования и всесильности «традиционного образования» позволит выстроить систему образования России на основе различных, хорошо отрефлектированных теоретически и методически обеспеченных образовательных систем.

Примечания

¹ Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. — Т. 1. — М., 1991.

² В настоящее время существующая хронология подвергается серьезной и небезосновательной критике. Смотрите: *Фоменко А. Т.* Методы статистического анализа исторических текстов. Приложения к хронологии. — М., 1999.

³ Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. — Минск, 1998.

⁴ Трехслойное представление истории (слой исторических фактов, расположенных на оси времени, слой исторических интерпретаций (реконструкция-конструирование смыслов) и слой концептов, удерживающих определенную трактовку целей истории, ее основных движущих сил и прочее) есть минимальное представление об истории, без которого невозможно удержать объект истории, ее суть и смысл.

⁵ Н. Я. Данилевский утверждал, что нет всемирной истории как единого, однородного непрерывного процесса, есть бытие различных человеческих культур, есть отдельные духовные вселенные. Смотрите: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. — 6-е изд. — СПб., 1995.

⁶ Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В. В. Давыдов. — М., 1998. — Т. 1—2.

⁷ *Дистервег А.* Избранные педагогические сочинения. — М., 1956.

⁸ Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В. В. Давыдов. — М., 1998. — Т. 1—2.

⁹ Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. — Минск, 1998.

¹⁰ *Щедровицкий П. Г.* Проблемы педагогической антропологии. Лекции в Харьковском государственном университете. — Харьков, 1989.

¹¹ Образовательные системы подпадают под понятие о нечетких множествах, что позволяет применить к ним метод типологизации, смысл которого в разбиении с помощью идеализированной модели некоторой изучаемой совокупности объектов на обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы. Метод типологизации предполагает проведение трех процедур: 1) концептуальное обоснование критериев и построение на их основе типологии; 2) подведение некоторой совокупности объектов *X* под тип; 3) отнесение совокупности представлений *a, в, с*, относящихся к типу, к данной совокупности объектов *X*. Выделяя тот или иной тип, мы должны следовать принципу: «Если совокупность объектов *X* с большой вероятностью можно отнести к типу *A* на основе выделенных критериев, то про *X* можно сказать *a, в, с*».

¹² *Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И.* Введение в философию образования. — М., 2001.

¹³ Смотрите для примера работы Демокрита, Платона, Аристотеля, Марка Фабия Квинтилиана, Т. Кампанеллы, М. Монтеня, Я. А. Коменского, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталотци, И. Ф. Гербарта, А. Дистервега, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого,

П. Ф. Каптерева, М. Мантессори, Д. Дьюи, С. И. Гессена, С. Френе, В. В. Давыдова и другие.

Литература

1. *Басов Р. А.* История древнегреческой философии от Фалеса до Аристотеля. — М., 2002.
2. *Давыдов В. В.* Теория развивающего обучения. — М., 1996.
3. *Дистервег А.* Избранные педагогические сочинения. — М, 1956.
4. *Коменский Я. А.* Избранные педагогические сочинения. — М, 1955.
5. *Лозинг В. Р.* Начала теории построения практики развивающего обучения (система Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова). — Кемерово, 1998.
6. *Лозинг В. Р.* Школа свободы и творчества: Концепция Современной гимназии. — Кемерово, 2000.
7. *Пискунов А. И.* Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. — М., 1981.
8. *Щедровицкий П. Г.* Проблемы педагогической антропологии. Лекции в Харьковском государственном университете. — Харьков, 1989.
9. *Эльконин Д. Б.* Психологическое развитие в детских возрастах. — М.; Воронеж, 1995.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ДИАСПОРА: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕСУРС СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Тема диаспоры привлекает сегодня большое внимание как ученых-исследователей, так и практически действующих политиков. И это не случайно. Огромные массы мигрантов перемещаются по всему миру, выталкиваемые со своей родины природными или социальными катаклизмами и привлекаемые надеждой на лучшую жизнь в более благополучных и развитых странах. Многие семьи, не собираясь никуда двигаться со своего места, оказались, в результате распада СССР и других социалистических стран, жителями новых государств на положении национальных меньшинств. Сегодня они реально поставлены перед выбором между эмиграцией и продолжением жизни на своей прежней территории уже в качестве диаспоры. Происходящие события заставляют нас по-новому взглянуть на проблематику диаспоры, историю ее становления и характерные черты существования.

Впервые понятие «*диаспора*» (от греч. *diaspora* — рассеяние) возникло для обозначения и осмысления формы и способа существования еврейского народа в течение многих веков, в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди других различных народов, культур и религий. Позднее этот термин стал употребляться более расширительно для обозначения различных религиозных и национальных групп, живущих в новых для себя местах вне стран своего происхождения.

Сегодня существует множество различных определений диаспоры: от определения, использующего самый узкий ее смысл и пытающегося восстановить термин в его первоначальном значении, связанном с жизнью именно еврейского народа, до предельно широкого, при котором термин диаспоры фактически становится синонимом эмиграции или национального меньшинства.

Помня о том, что «о терминах не спорят, о них договариваются» в нашей работе для нас является наиболее практичным и целесообразным определение, которое дают Ж. Тощенко и Т. Чаптыкова в своей статье «Диаспора как объект социологического исследования»¹: «*Диаспора* — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности». Выделение социальных институтов в самом определении диаспоры представляется нам чрезвычайно важным моментом, который и позволит в дальнейшем в данной статье рассмотреть роль *образования* в качестве одного из таких социальных институтов.

Опираясь на предложенное определение диаспоры, да и просто на здравый смысл, можно заметить (это, кстати, и сделал Д. Коткин в своем исследовании «Диаспора: главное действующее лицо на мировой экономической сцене»²),

* Татьяна Ковалева — ведущий научный сотрудник Института теории и истории педагогики РАО, научный директор Центра образовательных технологий, доктор педагогических наук (Москва).

что некоторые этнические группы, проживающие за пределами своей родины, оформляют себя в качестве диаспоры, а другие — нет. Соответствующие словосочетания относительно одних этнических групп воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, например «армянская диаспора», «украинская диаспора», а относительно других вызывают внутренний протест и практически никогда не употребляются: «британская диаспора», «французская диаспора». Попробуем разобраться в этой ситуации подробнее.

Жизнь определенной этнической группы вне своей родины предполагает особую форму существования в физическом и психологическом отрыве от своего «национального очага» — места, где значительная часть этой этнической группы проживает компактно, в качестве коренного народа. Такое существование, с одной стороны, заставляет интегрироваться в местный уклад жизни, искать свое место в социальной структуре и экономике, воспринимать язык, культуру, обычаи и образ жизни окружающих. Но, с другой стороны, эта же ситуация делает ежедневной важнейшей задачей проблему сохранения собственной идентичности. Этой задаче зачастую подчиняются все остальные стороны социальной жизни. Неумение приспособиться к окружающей жизни нередко приводит к отторжению социума, а потеря идентичности, в свою очередь, — к процессу ассимиляции.

Чтобы не оказаться ни в одной из этих ситуаций, иммигрантским общинам крайне необходимо ощущать за собой мощь своего родного «национального очага». И вот здесь проявляется принципиальная разница между судьбой различных этнических групп.

Для представителей так называемых «имперских наций»: французов, англичан, японцев — вопросы ассимиляции не являются актуальными. Ощущая себя частью имперского государства, они не испытывают ежедневной тревоги по поводу сохранения собственной идентичности. Оставаясь «осколком» своего этнического материка, они не стремятся формировать в создавшихся условиях новую общность, диаспору. У них не вырабатывается соответствующей психологии, навыков, привычек, специфических социальных институтов и связей. Можно сделать вывод, что «исторически такие этнические группы не учатся быть диаспорой, в этом для них нет никакой необходимости».

Для других этнических групп оказывается невозможным иметь опору (пусть даже только моральную!) на «национальный очаг» вовне, следовательно, им приходится искать такую опору лишь в себе и в своей общине. В. Дятлов в своей работе «Диаспора: попытка определиться в понятиях»³ приводит в качестве примера формирование общины эфиопских евреев, фалашей, которые смогли сочетать глубокую адаптированность к окружающему миру и сохранение собственной идентичности. Не отличаясь от своих соседей по антропологическому типу, языку, образу жизни, характеру экономической деятельности, и в то же время полностью оторванные от мирового еврейства в течение многих веков, они ощущали и ощущают себя евреями и признаются сегодня таковыми как в Эфиопии, так и в Израиле. Таким образом, отсутствие внешней опоры является в этих этнических группах своеобразным стимулом для большего укрепления внутриобщинных связей и, фактически, оформления своей группы в качестве диаспоры.

С этой точки зрения, своеобразна судьба русской эмиграции. Первая волна послереволюционной русской эмиграции ощущала себя вполне «имперской нацией» и поэтому не стремилась к созданию новой устойчивой общности

за пределами покинутой ими родины. Представители первого поколения эмигрантов, остановившиеся в Праге, Париже, Берлине ежедневно жили только тем, что происходило в те дни в России, и практически не соприкасались с жизнью стран, в которых они оказались. Но, не начав формирование диаспоры, как это сделали в свое время в сходных условиях, например, армяне или близкие русским эмигрантам по языку и культуре украинцы, во втором и третьем поколении практически все представители этой первой волны послереволюционной русской эмиграции просто растворились.

Сейчас в такой же примерно ситуации оказались русские в Центральной Азии, в Закавказье, в странах Балтии. Им предстоит жить в новых условиях и уже не в качестве «имперской нации», а в качестве национального меньшинства. Это, конечно, всего лишь гипотеза, но существует устойчивое мнение, что многие русские уезжают из этих стран не только из-за дискриминационной политики государств, но и из-за того, что не хотят и не умеют жить диаспорой и считают, что невозможно оставаться русскими вне России. Таким образом, наличие комплексов и привычек «имперской нации» реально затрудняет формирование соответствующих социальных институтов и тем самым тормозит процесс развития русскоязычной диаспоры.

Одним из важнейших социальных институтов, являющихся ресурсом существования и развития русскоязычной диаспоры, бесспорно, является *образование*. И русскоязычная диаспора, понимая это, на территории каждой страны, где она проживает, в первую очередь, открывает свои, русские, школы, Центры дополнительного образования, различные кружки и секции. Но, начиная с детства (за руку с родителями, бабушками и дедушками) с удовольствием посещать эти занятия, подростки к 12–14 годам часто наотрез отказываются продолжать обучение, заявляя, что им это скучно и неинтересно.

Дело в том, что детям, вырастающим в другой языковой среде, становится все труднее и труднее говорить по-русски. И даже если у них не возникает проблем с бытовым языковым уровнем (в семьях, где дома стараются все время говорить по-русски), то, как правило, у всех начинаются проблемы с литературным языком. Читая Пушкина, Достоевского, Толстого, они не понимают половины слов, поэтому не понимают сути происходящего, а, главное, не могут понять, зачем им нужно, вообще, изучать русский язык. Как сказал один мальчик моей подруге, пытавшейся с ним заниматься в Англии: «Этот русский мне не понадобится! Я не собираюсь жить в России! А контракт я и так прочту!».

В отличие от своих детей, родители, в подавляющем большинстве, очень заинтересованы в том, чтобы дети сохранили русский язык и были восприимчивы к великой русской культуре, но как это сделать не знают. Это происходит лишь в тех немногих семьях, где с самого начала сознательно русский язык делается культовым, и где ребенок с самого раннего детства «пропитывается» русской культурой. Но создать такую среду в своей семье могут лишь очень немногие русские иммигранты, так как большинство приехавших вынуждено ежедневно много работать, а их дети в это время начинают думать, писать, читать и дружить со своими сверстниками на другом языке...

Это, действительно, очень сложная проблема, которая еще далека от своего решения, так как она, фактически, лишь в последнее время начинает осмысливаться не только в самих русскоязычных диаспорах, но и в различных научно-исследовательских кругах. Очевидно, что в подростковом возрасте практически уже невозможно напрямую через тексты увлечь ребят русским литературным языком и русской культурой. Значит, необходимо создавать

специальные программы, позволяющие с помощью участия ребят в реальных детских проектах (все подростки очень любят придумывать и действовать!) формировать у них интерес к русской культуре. Такие поиски сейчас ведутся в различных исследовательских коллективах.

Например, в нашем Центре образовательных технологий (Москва) разработана специальная программа тьюторского сопровождения образовательных путешествий, которая основывается на *идеях открытого образования и индивидуальной образовательной программы*. Эта программа, в частности, предполагает путешествия российских школьников по русскому зарубежью, а их сверстников, представителей русскоязычной диаспоры, на историческую родину, в места, где когда-то жила их семья. И когда подростки во время путешествия сами видят места, где жили их родители, бабушки и дедушки, ищут с помощью тьютора (взрослого, владеющего специальной технологией сопровождения образовательных путешествий) ответы на лично значимые для себя вопросы в русской культуре и, фактически, заново выстраивают свою «малую» историю, тогда и появляется возможность вернувшись обратно новыми глазами посмотреть на свое образование и увидеть возможности русской культуры как ресурс в своем образовательном пути.

Для диаспоры в таком взгляде русскоязычной молодежи на русскую культуру также видится мощный ресурс и новые горизонты развития.

Примечания

¹ Тощенко Ж., Чаптыкова Т. // Социс. — 1996. — № 12. — С. 37.

² Коткин Д. // Новое время. — 1993. — № 5. — С. 26–28.

³ Дятлов В. // Диаспоры. — 1999. — № 1. — С. 11.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ АНТРОПОПОЛИТИКИ

Наша группа существует в поле вполне определенной образовательной проблематики, связанной с практиками расширения и развития Человеческого потенциала. С одной стороны, эта проблематика обострена, высвечена разразившимся в России в XX веке антропологическим кризисом или, как говорил М. К. Мамардашвили, антропогеноцидом. Антропологическая «рана» Страны зияет и не только не лечится, но и не признается в качестве таковой. Не признается из-за тотального поколенческого страха в стране, где подобное признание долгое время зачастую оказывалось равным приговору.

Сегодня последствия этой долго не заживающей «раны» оказались самыми печальными: тотальная непродуктивная ментальность населения, массовое отсутствие техник самоорганизации, социальная и иная нескоординированность, невменяемость. Несколько поколений советских людей выросло с невосполнимым «антропологическим дефектом» — отсутствием одного из важнейших измерений человеческой жизни — экзистенциального. Как следствие, инфантильность, неумение совершать поступки и нести за них ответственность, нетерпимость к иным образцам и образам жизни. Все это — плата за многолетнее третирующее пространство «самостояния» личности, за отказ от признания систематических репрессий против человечности и Духа.

Другая, не менее существенная сторона проблемы — нарастающий протест креативности, индивидуального творческого и личного начала против всезахватывающей корпоративной идеологии. «Тебе повезло! Ты не такой, как все! ... Ты менеджер среднего звена!» — выкрикивает в лицо Стране Шнур с группой «Ленинград». На Западе этому столкновению уже не менее двух десятков лет — чего стоит только фильм «Бойцовский клуб»! По-видимому, таким образом современная демократия демонстрирует собственные пределы: она была создана для гарантирования так называемых «традиционных» свобод и оказалась не готовой к «антропологической революции самоопределения». Проблематика, смысл которой для нас становится все четче и яснее, заключается в конструировании и, если повезет, реализации современных социальных институтов как институтов Самоопределения. Парадокс, однако, заключается в традиционном понятийном противопоставлении «институции» и «самоопределения».

Этику возможно рассматривать как регулятивный социальный институт, определяющий допустимые рамки личностной и иной независимости по отношению к общественным нормам и нормам действия. Так понимаемая этика является своеобразным коридором, ведущим в пространство человеческой свободы. Собственно все этические трактаты всегда являлись знаком изменения, как правило, расширения этого поля.

* Александр Попов — содиректор Агентства гуманитарных технологий «ДЕПО», зав. лабораторией открытого образования и практической антропологии Института развития образовательных систем РАО, кандидат философских наук (Томск).

Ирина Проскуровская — зав. кафедрой гуманитарных технологий Томского государственного педагогического университета, эксперт Агентства гуманитарных технологий «ДЕПО», кандидат философских наук (Томск).

«Этические расширения» являются, пожалуй, одним из наиболее значимых направлений современной антрополитики. Те, кому легитимно удастся реализовать их на собственном «теле», проживают, переживают, преодолевают ограничения традиционных норм организации и действия. Как правило, такие попытки носят конфликтный характер, поскольку любое успешное их осуществление проблематизирует окружающую среду, частично нивелируя смысл существования иных самоопределений. Отсюда — неистовая борьба за приватизацию так называемого «дискурса нравственности». А поскольку нравственная «квалификация» беспощадна, то любое публичное обсуждение нравственного вопроса автоматически переводит ситуацию в политическую: какие-то позиции обязательно не впишутся в институциональное поле.

Антрополитический разворот предполагает иную дискурсивную стратегию, в которой должно быть предъявлено историко-культурное (прототипическое) позиционирование, или самоопределение. Также должно быть указано на институциональные принципы социокультурной коммуникации и вытекающую из этого проектную соорганизованность. При известной доле политической смелости иные способы «захвата» нравственного дискурса можно отнести к морализаторству, помечая их как акты безнравственности.

Ярким примером подобного акта в сфере образования является отношение ряда экспертов к проблематике развития Человеческого потенциала. Ими, в общем-то, признается рамка развития Человеческого потенциала, но только в охраняемых границах так называемых «интересов территории». Тут-то, собственно, и возникает наше принципиальное несогласие, поскольку мы считаем, что территория — это не только «суша» (как назвал свой край один из губернаторов), но и определенный конфигуратор технологических укладов, культурных ландшафтов, ментальных моделей, а следовательно, человеческих перспектив, открывающихся или, наоборот, закрывающихся перед молодым человеком в случае принятия им решения остаться жить на своей Малой Родине. И без этих человеческих перспектив территория не имеет проектного продолжения, не имеет того, что может быть названо ДЕЛОМ¹.

В этой связи безнравственным, на наш взгляд, является лжепатриотизм, насаждаемый в сознание молодых людей с целью сохранения на территории «количества населения», причем на уровне периода индустриализации страны. В ситуации массового отсутствия программ регионального развития и субъектов такового, этот показатель может оказаться в одном ряду с такими показателями, как количество «душ» помещика, количество «трудового ресурса» и так далее. Однако представителям власти в политических целях зачастую удобно сохранять этот показатель, стратегически не вкладываясь в развитие. Так и хочется сказать этим экспертам: «Господа, во многом благодаря вам, люди не имеют ни социальной, ни образовательной, ни миграционной мобильности. Благодаря вашей идеологии, на территории возникает новый тип эксплуатации людей — резервационный».

По определению «резервация» — это застывшая территория, не имеющая шансов на развитие, в то время как от деградации ее никто и ничто не боится. Какова цена антропологического вопроса? Как известно, в отечественной индустриальной антрополитике верхнего предела цены не было: «мы за ценой не постоим».

Мы думаем, что пришло время начать публичный разговор о новой эксплуатации человека в России, которая осуществляется уже не ради государственных достижений и технических прорывов, а, что еще безнравственнее,

из-за заблуждения региональных элит и их консультантов, пользующихся ценностями и понятиями советско-индустриальной эпохи. Хотя, возможно, это не заблуждение, а элементарное чувство самосохранения, поскольку новый ценностный расклад требует производить ротацию кадров и смену элит, в том числе и экспертных.

С поколенческой точки зрения, этическое измерение имеет еще и элемент ответственности, поскольку пока ни одна элита не устранила ответственности старших перед младшими за систему гарантий: социализации, профессионализации и других. В советской же истории чаще встречаются «перевернутые» проекты поколенческой преемственности. Только за последние десятилетия в качестве подобных примеров можно привести строительство БАМа и другие «стройки века», войну в Афганистане, войну 1996-го года в Чечне, безобразия в армии, взятки в вузах, отсутствие кадровой ротации и так далее.

До сих пор нет антропологического ответа на вопрос о статусе этих «мероприятий», как нет публичного ответа и на другой вопрос: «Почему центральные улицы российских городов до сих пор названы одним именем? И почему на всех центральных площадях стоит памятник одному и тому же человеку, пусть и вполне великому?». Хотя нет, один, незамеченный страной, ответ был: президент пояснил, что Страна большая, в ней проживает очень много людей старшего поколения, и Стране не нужны гражданские волнения. Однако хочется спросить, а сколько же в нашей Стране людей молодого поколения?!

Увы, поколенческого ответа, по-видимому, уже не будет. «Нюрбергский процесс» в России так и не произошел, а поэтому ментальный тоталитаризм продолжается². Старшее поколение, фактически, сняло с себя ответственность за прошлое, настоящее и будущее. Но этика — предельно практическая дисциплина, а поэтому нравственный вопрос и ответственность переходит к тем, кто может предложить практики и техники самоорганизации в современной социокультурной ситуации. Сегодня это, зачастую, не старшее поколение, и уж тем более не образовательные учреждения³.

В основании этого нравственного антропокризиса лежит этика тоталитаризма, в свое время превращенная в массовую идеологию и психологию, а сегодня существующая на «теле» массовой ментальности всех живущих ныне поколений⁴. Этика расширения человеческих возможностей, или этика развития человеческого потенциала не просто противостоит этому и организована иным способом практикования и самоорганизации. Она имеет иное сущностное ядро, которое отличается и от либерально-этических концепций⁵. Этика расширения возможностей есть современный вариант идеи Антропологического синтеза (Совершенствования). В ее основе лежит «схематизм сцепления внешних и внутренних сил, во взаимодействии которых складываются наличные формы человечности (разнообразные антропологические прототипы или, если угодно, проекты). Рефлексивная форма антропологического синтеза и производства субъективности — автопоэзис, самопроизводство человеком самого себя»⁶.

Этика расширения человеческих возможностей исходит из того, что у человека есть возможность *автореференции*. Мы имеем в виду признание права (возможности) к самоозначению, самопроизводству, а в пределе — к самоопределению. Принцип автореференции в этическом плане обозначает признание за Другим быть «неопознанным», то есть неприписанным, типологически «неприговоренным». Такая этика крайне сложна для традиционного дискурса нравственности, поскольку с необходимостью вводит принципы позиционности, организации коммуникации, рефлексии⁷.

При этом никто не застрахован от того, что приписывание данного этического принципа Другому не приведет к конфликтной ситуации. Другой может и не быть субъектом этого принципа, а следовательно, не переносить его на вас. Последствия дальнейшего известны: Вы предлагаете занять позицию, Вас обвиняют в неэтичности. То есть Вы признаете за другими возможность к самоорганизации, однако таковой инстанции у них нет.

Обратная ситуация, когда Вы, занимая позицию, начинаете действовать от имени места и культуры, демонстрируя собственную самоорганизацию. Однако она игнорируется через противопоставление наличной ситуации, где торжествует бытовая этика (этикет) не самоопределившихся (например, Вас призывают к этичности и политичности).

Однако не следует сводить этот этический принцип к методологическому принципу позиционности. Во многом такая этика признает возможность восхождения к большому Началу, а также конструирование этого Начала как источника самоорганизации. Идея Совершенствования в этом контексте, по существу, есть *идея Автопоэзиса* (или авторского конструирования).

Этика расширения человеческих возможностей исходит из того, что у человека есть возможность *самотрансценденции*⁸. Это приводит к признанию необходимости оперирования сконструированными социокультурными объектами⁹. Отсюда возникает ценность языков индивидуальностей и индивидуализированных реальностей. Этика развития человеческого потенциала не только признает эти реальности, но и учитывает их. Рефлексивная самообращенность становится источником развития, объектом особого внимания и признания, с точки зрения описываемого этического концепта. А соответственно, история человека («топология пути»), восстановление смыслов и истории рода, проблемный поиск своей культурно-исторической принадлежности и предназначения, автобиографичность становятся безусловной ценностью и являются, в любом случае, этически оправданными.

Идея Совершенствования представляется здесь нам как *идея Произведения*. Этика расширения человеческих возможностей исходит из того, что у человека есть возможность осуществлять свободно сконфигурированное действие. Данный этический принцип означает признание за Другим уникальной деятельностной скоординированности, приводящей к соорганизации и осуществлению Проекта¹⁰.

Такая этика обоюдоостра: с одной стороны, она разрешающая, то есть дающая возможность некой пробы, а с другой — в какой-то мере запрещающая, поскольку вводит требования и рамки социокультурного проектирования и прототипической логики как обосновывающей свободно-сконфигурированное действие. Такие своеобразные этические «ножницы», поддерживая культурную инновационность, постоянно и одновременно защищают культурные основания от сиюминутных посягательств. Пожалуй, это один из самых проблемных для индивидуальной реализации принципов современной этики: Вы никогда абсолютно не уверены в исключительной истинности своего действия, однако Вы должны быть в нем уверены, иначе конфигуратор действия будет разрушен.

Переводя этот принцип в сферу этикета, можно сформулировать следующее: прилично иметь особое уникальное Дело и неприлично идти по проторенным тропам, вступать в «раскрученные» структуры, гарантирующие, в обмен свободного действия, некую стабильность. Этот этический принцип не сводится и даже противостоит так называемому «социальному активизму», в том числе карьеризму, поскольку карьера здесь не есть Путь. Идея Совершенствования в данном контексте представлена как *Идея Творения*.

Примечания

¹ *Щедровицкий П. Г.* Новое дело // Сообщение. — 2003. — № 11. — С. 6–12.

² В обществе не растворена системная социальная рефлексия на уровне ментального понимания прошлого. Тогда как на Западе эта рефлексия переведена в культурный план, и таких примеров множество. Примечательна в этом отношении, например, работа Умберто Эко «Вечный фашизм» [Эко У. Пять эссе на темы этики. — СПб., 1998].

³ В то же время, «псевдоэтический» дискурс, постоянно навязываемый представителями сферы образования, имеет своей реальной целью инспектирование и сдерживание, а не поддержку и участие (что, кстати, есть прямой результат определенного этического выбора). Настоящий же этический дискурс, связан с открытым предъявлением собственной позиции. Вслед за И. Кантом мы считаем, что этика есть, прежде всего, вопрос принципиального самоопределения и практик его реализации, а не «приличествующей» формы межличностной коммуникации.

⁴ Поэтому цель повышения ВВП в 2 раза может быть и выполнима экономически, но вряд ли кого-то вдохновляет гуманитарно-идеологически. Курс же на гуманизацию, взятый властью во время Перестройки, полностью провалился. Сегодня фактически нет никаких институциональных изменений в образовательной, молодежной, социальной политиках.

⁵ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? — М., 2002.

⁶ *Генисаретский О. И.* Поворот в культурно-экологическом дискурсе: от экологической метафоры культуры — к креативной антропологии и автопоэзису // Материальная база сферы культуры. — М., 2002. — С. 15–16.

⁷ Здесь следует указать на блок базовых представлений системомыследеятельностного подхода как поддерживающих такое этическое самоопределение.

⁸ «Кристаллизовавшиеся вокруг идеи автопоэзиса концепции о самопорождающихся реальностях (в природе, культуре или в мире мысли), об автоферентности и рефлексивности, самотрансцендентности и других самоотношениях...» [Генисаретский О. И. — Там же. С. 16.].

⁹ *Попов А. А.* Категориальные технологические начала педагогики самоопределения // Введение в педагогику самоопределения. — Томск, 2001. — С. 19.

¹⁰ Следует заметить, что под проектом мы понимаем, конечно же, не заявки в Фонды и даже не проектные способы организации и управления, а личностно-культурные усилия, расширяющие и меняющие статус реальности.

ПЕДАГОГИКА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СТАТУСЕ МЕХАНИЗМА «ЗАБОТЫ О ЧЕЛОВЕКЕ»

Понятие антропополитики в контексте гуманитарных и образовательных практик

Как мы можем понимать термин «антропополитика» с точки зрения образовательных и гуманитарных практик? Помещенная в такой контекст, антропополитика трактуется нами как создание среды, средств и механизмов обеспечения воспроизводства и развития человеческого и человека. В самом широком понимании мы можем говорить о том, что этот процесс мыслится относительно трех сфер: общества, культуры и индивидуального (экзистенциального) пространства жизни самого человека. Но также антропополитика отвечает и за вопрос, какие человеческие качества и компетенции современно воспроизводить в настоящей ситуации, какие качества и компетенции человека становятся для современной ситуации капиталом. Таким образом, будучи не только механизмом, но и сферой, антропополитика может пониматься как специально организованная «практика заботы о человеке».

Если мы принимаем такую логику рассуждений, перед нами как думающими об антропополитике возникает целый ряд вопросов. Кем и как эта практика должна быть организована? Какие институты должны заботиться о человеке в современном российском обществе? Какие люди нужны современной России? Капитализация каких человеческих качеств и компетенций необходима и возможна в условиях настоящего и будущего времени?

В данной статье мы затронем опыт российского инновационного образования. Именно в этой сфере в 1990 годы стали ставиться и обсуждаться вопросы о возможных практиках «заботы о человеке». Преимущественно наш анализ будет касаться концепции педагогики самоопределения и опыта деятельности Школы гуманитарного образования (ШГО), созданной Александром Поповым в 1996 году. Через анализ этого материала мы попытаемся проследить, как в инновационных образовательных практиках дискутировался вопрос политики о человеке, какими категориями с этих позиций измерялись человек и человеческий капитал, на какой образ человека (прежде всего, образ молодого человека) была сделана ставка инновационными педагогами в 1990 годы и какие результаты (первые, и в силу короткого отрезка прошедшего времени, пока единственные) были получены ими в начале 2000-х.

Второй важной проблемой, которую мы хотим поставить и начать обсуждать в статье, являются актуальные представления о человеческом капитале и фиксация современных механизмов и структур, в которых он может воспроизводиться. Обсуждению подлежат не менее важные, по сравнению с первой группой, вопросы. Кто сегодня является заказчиком (или заказчиками) на «людей с компетенциями» и антропополитику? Если инновационные образовательные практики продолжают претендовать на статус механизма реализации политики о человеке, то как должно быть откорректировано их содер-

* Марина Балашкина — аспирант исторического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул).

жание и технологии образования? Каковы иные современные прецеденты реализации антропополитики в стране? Кто сегодня работает с человеческим и человеком, осуществляя массовые гуманитарные практики? И каким представлениям и задачам отвечают эти практики?

Помня о поставленных вопросах, перейдем к рассмотрению первого опыта, представленного сферой инновационного образования в качестве ранних версий и суждений по проблеме политики о человеке.

*Инновационные образовательные практики:
антропополитика в контексте 1990-х*

Одним из первых ответов на эти вопросы стало производство инновационных образовательных технологий, активно генерировавшихся в России с конца 80-х годов XX века. Именно новые образовательные технологии в годы социального кризиса в стране (конец 80-х — конец 90-х годов) стали претендовать на статус «несущих конструкций» «политики заботы о человеке», которая тогда понималась как развитие человека или воспроизводство человеческого, что для постсоветского времени было тождественно друг другу. Пик этих разработок пришелся на конец 1980-х — 1990 годы, когда теоретически разрабатывались и внедрялись в педагогическую практику концепции развивающего обучения, тьюторства, педагогики самоопределения¹, осуществлялись попытки методологизации содержания образования².

Попытаемся проследить, как такая ситуация стала возможной? Дело в том, что в «переходное время» воспроизводство человеческого стало пониматься как восстановление в правах человека на причастность к мышлению и на причастность к культуре. Обществом медленно начал осознаваться разрыв с собственным культурным прошлым и необходимость восстановления культурных корней и самоидентификации. Зазвучал «очень важный вопрос: кем же мы тогда являемся? ...Вот ты по ту сторону пропасти. Между тобой и миром, между тобой как субъектом культуры, разверзлась пропасть, называемая 1917 год и все, что за ним последовало. То есть, прошлого не существует»³.

Страна начинала расставаться с советской эпохой, и в этот момент обострились вопросы о ее целостности, смысле жизни людей страны и деятельности людей в стране. Выяснилось, что в ситуации социально-экономического кризиса государство не успевает или не может заниматься вопросами «заботы о человеке». Можно говорить о том, что экономика и политика отпустили инициативу в вопросах антропополитики, и она отошла к гуманитарному сектору. Вопрос о человеке был предоставлен самому человеку.

Задача решения вопроса о человеке была принята обществом. В сложившейся ситуации это породило точку прорыва, кентавр — сектор инновационного образования, возникший на стыке государственного и общественного. Этот сектор был поставлен в условия необходимости решения вопросов «заботы о человеке» и развития представлений о человеке для современной стране ситуации. И, хотя первоначально решение этих вопросов реализовывалось на материале педагогических технологических разработок и находило свою кульминацию в отличении или противопоставлении педагогическим технологиям и представлениям о человеке, воспроизводимым моделью традиционного образования, очень скоро сектор инновационного образования слился с миссией реализации антропополитики. Прозвучала идея о том, что модель образования — это модель общества в миниатюре.

Следует отметить, что государство в то время действительно не отвечало на вопрос об образе человека, что способствовало обращению людей к гуманитарному сектору. Об этом пишет в своем эссе ученик Школы гуманитарного образования Леонид Кулигин (Бийский Лицей, 1996 год): «В ходе этой сессии была выявлена проблема современного образования — отсутствие государственного (общественного) заказа на образование. Нам приходится формулировать его самим. Поэтому одна из сфер деятельности нашей школы — дополнительное открытое (антропологическое) образование»⁴. Общество ощущало и дефицит причастности к культуре, а также дефицит активных социальных агентов, действовавших бы в интересах человека, то есть в стратегии «заботы о человеке». Из рефлексии по итогам участия в сессии Школы гуманитарного образования педагога школы № 2, г. Камень-на-Оби Л. Ю. Гулич (1996 год): «Привлекает идея о том, что школа должна опережать общество, тем самым как бы развивая его, а также ориентированность школы на изучение культуры»⁵.

В итоге переходный период в нашей стране открыл пробел в вопросах о человеке и человеческом обществе, заполнение которого не было специальным образом организовано. В ситуации отсутствия выстроенной структуры, отвечающей за антропополитику, этот пробел стал заполняться самыми разными вариантами, которые только появлялись. В 1990 годы в России стали популярны зарубежные идеи правового государства и открытого общества, соответственно переложенные в идею и деологию открытого образования⁶. Следует предположить, что это еще больше закрепило претензию инновационных образовательных практик на статус генераторов антропополитики.

Какова же была общая гипотеза представлений о человеке, о механизмах и направленности антропополитики, предлагаемая и реализуемая этим сектором? «Забота о человеке», как уже было сказано, виделась в восстановлении прав человека на причастность к мышлению и культуре, а осуществляться это должно было образовательными средствами. Соответственно, целевая группа, на которую была сделана ставка — это дети и молодые люди, участвующие в образовательном процессе.

Прорыв начального этапа инновационного образовательного сектора был связан с приписыванием молодому человеку возможности быть субъектом своего образования, больше не быть так называемым «научаемым объектом»⁷, иметь «частный заказ на образование»⁸. Замыкающим (финальным) образовательным эффектом считалось введение молодого человека в ситуацию личностного самоопределения по отношению к таким большим пространствам и социокультурным объектам как мировая культура, общество, другой человек и так далее⁹. Процесс вхождения молодого человека в ситуацию самоопределения, требующий интеллектуального усилия, индивидуализации и продолжительной внутренней работы над собой становился содержанием инновационного образования и придавал разработкам характер элитарности. В силу этого, все инновационные образовательные практики, которые состоялись на самом деле, по включенности молодых участников не были массовыми¹⁰, и их осуществление в большинстве своем носило характер прецедентов. Тем не менее, эти результаты есть. Они проявляются в произведенных образовательных технологиях и методиках, но, прежде всего, результаты проявляются в учениках — живых молодых людях, являющихся участниками и «продуктами» инновационных образовательных практик. Плюс ко всему, в виде учеников, участвовавших и участвующих в инновационных образовательных

практиках, мы имеем богатый «антропологический материал» для анализа эффектов и результатов «заботы о человеке» (антрополитики) в версии, представленной инновационным образовательным сектором.

*Опыт Школы гуманитарного образования.
Оценка человеческого капитала*

Обратимся же к анализу одного из таких прецедентов, а именно к опыту Школы гуманитарного образования. Этот проект стартовал в Алтайском крае в 1996 году и реализовывался здесь до 1999 года. Указанный период истории Школы в основном и будет подлежать анализу в этой статье. Нужно отметить, что проект ШГО рассматривается здесь как один из прецедентов реализации «заботы о человеке» в версии 1990-х. Чтобы проследить этот процесс, мы остановимся на вопросах о ситуации, в которой реализовывался проект и его технологиях, а также попытаемся проявить типовые антропологические и социальные характеристики, присущие ученикам ШГО, с помощью которых становится возможным произвести оценку (инвентаризацию) человеческого капитала как результата такого варианта антрополитики. Опыт ШГО — это опыт работы с юношеством, что позволяет в «ускоренном режиме» увидеть результаты «заботы о человеке» в версии инновационного образования. Перед тем, как мы перейдем к анализу опыта Школы, следует сказать, что я — ее выпускница, поэтому, чтобы лучше проявить внутренний контекст Школы, в этом разделе я иногда буду писать от первого лица.

О ситуации и технологии. Говоря о ситуации, в которой разворачивался проект «Школа гуманитарного образования», стоит мысленно удерживать два вопроса: как такой проект стал возможен? И как такой проект стал возможен в «закрытом» Алтайском крае? Не останавливаясь на социальной истории ШГО, которая уже много раз была описана, попытаемся рассмотреть, какие процессы разворачивались внутри этого проекта.

Конец XX века возродил тему человеческого и гуманитарного, и, говоря метафорически, утвердил в праве светлые практики в противовес тоталитарным. Первой и основной задачей, которую необходимо было решить человеку, стало восстановление собственных культурных корней. Кто-то из классиков сказал, что чтобы мыслить, нужно иметь историю. Задача по своей сути — экзистенциальная, то есть внутренняя.

На первом этапе Школа гуманитарного образования ничего общего с педагогикой, как ни странно, не имела. Скорее, это был вольный философско-антропологический кружок, где обсуждались культурные проблемы, актуализированные в связи с индивидуальными человеческими ситуациями его участников¹¹. С течением времени кружок дорос до образовательной программы и был институционализирован в рамках дополнительного гуманитарного образования для старшеклассников. Но, по сути своей, программа оставалась несводимой к методикам и представляла собой практику — практику образования человека (от глагола «образовывать»). Фактически, с точки зрения социальной ситуации, это был антропологический проект. И его невозможно было воспроизвести, если ты когда-либо не был к этому причастен.

То первое и базовое, что было реализовано в рамках данного антропологического проекта — работа по восстановлению прошлого и культуры на индивидуальном фокусе. Можно говорить о том, что ученики ШГО выросли и сделали себя на мыслительных попытках восстановления культуры,

прежде всего, как собственной «питательной среды». Этот процесс, по аналогии, можно сравнить с ситуацией, которую описывает Иосиф Бродский в своем интервью: «... Вся история заключается в том, что взгляд на мир, который вы обнаруживаете в творчестве этих поэтов, стал частью нашего восприятия. Если угодно, наше восприятие — это логическое (или, может быть, алогическое) завершение того, что изложено в их стихах; это развитие принципов, соображений, идей, выражением которых являлось творчество упомянутых вами авторов. После того, как мы их узнали, ничего столь же существенного в нашей жизни не произошло, да? То есть я, например, ни с чем более значительным не сталкивался. Свое собственное мышление включая. ...Эти люди нас просто создали. И все. Вот что делает их нашими современниками»¹². Понимание сказанного делает Бродского нашим современником.

Другими словами, процесс восстановления культурного пространства на фокусе индивидуального и обозначается как самоопределение. Базовой категорией — технологией инновационной образовательной практики, обслуживающей процесс самоопределения, являлась категория «задачи-проблемы», для решения которой человек не имеет средств и способов, то есть должен самостоятельно их сконструировать. Таким образом, старшеклассники в ШГО были включены в практику двойного восстановления (или конструирования) — восстановления собственного «я» через культуру и конструирования средств для этого восстановления. Задача антропологического проекта заключалась в приобретении «умения пользоваться принципом самоопределения или рамкой самоопределения в выстраивании представлений о мире, о себе и о планировании своих действий»¹³.

С другой стороны, психология развития связывает юношеский возраст (14–15 лет) с включенностью в процесс «восстановления авторской речи» (Б. Д. Эльконин) как усилия молодого человека делать себя, свой язык и культуру. Получается, что процесс выстраивания авторской речи, то есть 14–15-летие участников проекта ШГО, совпал с процессами воспроизводства культурной традиции и самоидентификации страны. Ученики ШГО восстановили как *авторы* первый раз индивидуальные представления о мире, а второй раз — общественные представления о мире, то есть претензию на причастность к творению этих представлений. Иными словами, благодаря ситуации «переходного периода» они восстановили индивидуальные представления о мире как актуальные для российского общества в целом.

Через тексты эссе и рефлексий, написанных учениками Школы гуманитарного образования, мы попытались выделить вокабуляр — основные категории, вокруг которых строились (или были восстановлены) юношами представления о современном мире. Такими категориями стали:

— индивидуальность	— свобода
— развитие	— воля, усилие воли
— будущее	— самоопределение
— образ будущего	— поколение
— смысл	— мечта
— я	— свое
— культура	— деятельность

Следует предположить, что для молодых людей, участвовавших в проекте ШГО, данные категории и по сей день являются базовыми.

Чуть отвлекаясь от серьезного стиля изложения, мы задаем вопрос, тем не менее обеспечивающий рефлексию: кто научил этому детей? Выясняется, что представления о мире этих молодых людей были дважды восстановлены

с помощью именно таких категорий, как: первый раз — индивидуальные (экзистенциальные), а второй — представления граждан российского общества. Восстановление представлений человека о мире в рамках определенного содержания для России конца XX века и было антропологией. Можно сделать вывод, что содержание этих категорий (фактически, технологий самоорганизации) явилось версией инновационного образовательного сообщества об образе современного человека.

Если продолжать описывать Школу гуманитарного образования, то необходимо сказать, что школа была устроена двойным образом: с одной стороны она напоминала место, по социокультурному прототипу сравнимое с монастырем, только воспроизведенном в современных условиях: место, где человек растил себя, каждый по отдельности, но в коллективе таких «отдельностей», и при участии наставников. С 1996 по 1999 год ШГО была идеальной площадкой для реализации тьюторских практик, то есть практик сопровождения процессов «творения себя». Образовательная технология была построена так, что молодой человек имел возможность осмысливать культурные образцы (жизнеописания Великих людей, истории управленческих ситуаций и так далее), принадлежавшие культуре, которые рассматривались на сессиях ШГО¹⁴. После чего ученик в какой-то редукции мог «примерять» их «на себя» и делать собственной нормой.

Второй процесс, происходивший в школе, был связан с творением «мира» или актуальных представлений о социокультурных объектах, которые бы соответствовали «среде обитания» учеников и выпускников ШГО. Об этом свидетельствует список тем сессий ШГО 1996—1999 годов, включающий направления «Я и моя школа; мое образование» (осень 1996); «Государство-2011» (лето 1996); «Миры социальных коммуникаций» (традиционная зимняя сессия); «Миры мыслительных форм» (весна 1997); «Управление и мышление» (весна 1998); «Миры профессиональных историй» (традиционная осенняя сессия с 1997), «Миры гуманитарных стратегий» (традиционная летняя сессия с 1997). Таким образом, проявляется вывод, что ученики ШГО включались в образовательную практику, представленную актами творения. Одновременно мы создавали представления о мире и создавали мир.

Антропологические и социальные эффекты. Теперь попытаемся отследить антропологические и социальные эффекты, приобретенные учениками ШГО благодаря опыту включенности в практики творения. Изначально смысл этих эффектов можно описать словами Олега Игоревича Генисаретского, сказанными в ходе дискуссии вокруг «педагогики воображения»: «Ценно ведь редкое. ...В мире массовой повседневности нет творческой энергии ... в силу ее равномерности, однородности. Но чем выше степень редкости, тем внутренне напряженней существование, тем мощнее энергетика битвы, тем динамичнее деятельность и выше ставки. <...> Речь идет о каких-то онтических, экзистенциальных и, вместе с тем, в высшей степени практических позициях в мире жизненных миров, которые создаются и воссоздаются для того, чтобы поддерживать динамизм, изменяемость и рост жизни как таковой. Это ее, жизни, напряжение и напор, выражающиеся в отмеченных местах и жизнеположениях»¹⁵.

Творить себя, творить свой мир и воссоздавать это в реальном (социальном) мире — становилось базовой компетенцией, приобретаемой молодыми людьми в антропологическом проекте «Школа гуманитарного образования». Организационные способности и лидерские качества, которыми обладают

выпускники ШГО, были поставлены уже вокруг нее. Благодаря участию в процессах творения человек получает способность представлять любую ситуацию с позиций ее создателя. Для этого нужно увидеть всю картинку целиком. А когда видишь целое, легко понять, куда переместить в нем себя как часть, чтобы все развернулось правильно, то есть соразмерно культуре. Реализуя данный принцип, Школа выступала для учеников проводником причастности к русской культуре, поскольку «все своеобразие русской духовно-творческой традиции и состоит в признании синергии, то есть со-деятельности творящего лица, его воли — с иной, «свышней» волей (лицом), со-творчества человеческого и божественного»¹⁶ или культурного.

С точки зрения социальных эффектов выпускники ШГО капитализировали освоение практики творения и преуспевают сегодня в креативных разработках, управлении нестандартными, экстренными или проблемными ситуациями, а также в решении задач, связанных с программированием и проектированием. В то же время, им сложнее даются ситуации, где нужно не творить, а исключительно функционировать, где нет задач для реализации и сроков, а есть повседневная растянутая работа без начала и конца. Таковы характеристики «капитала» молодых людей, которых еще десять лет назад называли «Поколением-XXI», явившиеся версией «заботы о человеке» инновационного образовательного сообщества, выстроенной из ситуации 1990-х.

Следует выделить еще один уникальный антропологический эффект, порожденный тем, что в актах восстановления и творения молодой человек опирался, в первую очередь, на мыслительные средства. В качестве теории организации мышления школой и, как следствие, ее учениками, были присвоены принципы системомыследеятельностной методологии. Они включали принцип деления пространств и представления о позиционности, схему мыследеятельности, принцип разделения «искусственное — естественное». «Схватывание» и присвоение в юном возрасте принципов мышления и усилия по самоорганизации мышления отдельными участниками проекта ШГО (они, в основном, и стали ее выпускниками) превратилось в повышенные рефлексивные способности. Молодые люди, еще почти дети, стали обладать «искусственной мудростью» или «искусственным знанием», получаемыми вне опыта, то есть мыслительными средствами. В качестве примеров приведу несколько тем эссе-статей учеников ШГО, опубликованных в альманахе «Архэ» и выпусках «Педагогики самоопределения». Обратите внимание на объекты размышления учеников: «Я и мышление, или один день из жизни ученика ШГО», «Возможность вербализации смыслов», «О смысловых отрезках моей жизни», «Следующий шаг после самоопределения, или целостность человека как точка отсчета», «Заметки о собственной сущности и существовании» и другие.

Как возник этот эффект? Явилось ли это результатом участия учеников в практиках идеального в чистом виде (за счет того, что юношам довольно рано была поставлена рефлексия, и они еще не были взрослыми, то есть их основная жизнь разворачивалась не в пространстве социального)? Какие процессы стали причинами возникновения описываемого феномена¹⁷? Ответ на этот вопрос требует отдельного изучения и анализа.

Подводя итоги осмысления опыта Школы гуманитарного образования как примера реализации антропополитики инновационным образовательным сообществом, стоит задуматься над ответом на вопрос: представления о вос-

производстве какого типа человека обрабатывались сообществом в 1990 годы в качестве современных для будущего времени. Какие результаты антропополитики, реализованной в масштабе прецедентов (экспериментов), предстоят перед нами сегодня? Ставка на то, что «базовым образовательным процессом должен стать не процесс трансляции (передачи) юношеством необходимых для их социализации знаний, навыков и прочего, а процесс организации ими собственной жизни»¹⁸ дала нам массовое воспроизводство людей, тяготеющих к самоорганизации. Остается лишь выяснить — кто эти люди с точки зрения культурных прототипов и современного общества? Герои¹⁹? Спец. агенты? Агенты развития? Интеллектуальная элита? Гуманитарные инженеры? И какова будет история «вписывания» носителей такого «капитала» в современные социальные контексты?

Роль инновационных образовательных практик в процессах «заботы о человеке» в начале XXI века

Теперь, когда проведено начальное осмысление первого опыта реализации «политики о человеке» в постсоветской России и подведены некоторые итоги, в фокусе нашего анализа остаются вопросы о том, каковы институты и структуры, «заботящиеся о человеке» сегодня; какова возможная роль инновационных образовательных практик в этом процессе.

Очевидно, что с точки зрения сохранения человека и воспроизводства человеческого, реализация антропополитики в версии «от 1990-х» состоялась. Если мы делаем ставку на развитие этой версии, то перед инновационным образовательным сообществом возникает задача адекватного перевода эксклюзивных разработок в практику массовой доступности. Возникает вопрос: как, с одной стороны, перевести инновационные разработки в массовые формы, а с другой — сохранить должный уровень и качество такого образования. Ведь содержание образования здесь и является основным инструментом «заботы о человеке». Поэтому на втором витке (в данной версии), антропополитика может выглядеть как создание условий для возникновения человека в культурном и социальном смыслах с результатом приумножения человеческого капитала *образовательными средствами*.

Тогда можно предположить, что для осуществления нового витка необходима корректировка содержания инновационных разработок, которая видится в дополнении акцента, сделанного на процессы индивидуализации и самоопределения молодого человека, оснащением его практическими способностями. Эти способности по-прежнему могут основываться на ресурсах мышления, но должны позволять человеку обладать не только философской и культурологической рефлексией, но и организационной рефлексией, открывающей качества социальной мобильности, ответственности и работоспособности. Ситуация самоопределения при этом не отменяется, но становится фоном, на котором происходит тренинг социальных практических способностей молодого поколения. Именно поэтому, если начальная волна инновационных разработок была «упакована» в школы и семинары, новая вторая волна организационно может быть представлена в виде интенсивных массовых тренингов.

Но стоит внимательно присмотреться к тому, какова новая версия антропополитики и кем она предлагается сегодня. Кто выступает или может выступать субъектом «заботы о человеке» в современной России? Выступает ли в этом качестве государство? Или церковь? Или шоу-бизнес? Или институты Культуры? Или тонкие структуры (например, гуманитарная массовая прак-

тика юмора)²⁰? Кто сегодня работает с человеком? И, может быть, антропополитика в современных условиях означает уже не воспроизводство человеческого и человека, а массовое вписывание людей в современные социальные условия и приведение их в состояние психологического комфорта и стабильности? Тогда какой человеческий капитал может быть востребован для современной ситуации? И какими средствами должна осуществляться эта практика?

Учитывая постановку последнего вопроса, необходимо отметить, что в ситуации «стабильного времени» претензия инновационных образовательных практик на роль «генератора» антропополитики, сформировавшаяся в 1990 годы, должна быть пересмотрена, и их роль может быть воспроизведена в статусе *механизма* «заботы о человеке». Как показывает опыт последних пятнадцати лет, инновационному образовательному сектору не удалось в полной мере стать субъектом «политики о человеке», поскольку данный сектор не имеет средств выстраивания массовых структур антропополитики, которые охватили бы всю страну. Хотя, возможно, гуманитарный сектор в силу объективных причин в ситуации «стабильного времени» и не должен выступать в роли самостоятельного социального субъекта. В идеальной ситуации этот сектор должен отвечать за процессы творчества и «порождения», тогда как государство должно отвечать за процессы «сборки» и «употребления».

Источниковая база

Аналитические работы и эссе учеников ШГО Михаила Немцева, Яны Хван, Натальи Антоненко, Екатерины Епифановой, Юлии Соколовой, Виктории Долгодворовой, Юлии Никулиной, Оксаны Вигуль, Александры Винокуровой, Светланы Шкарупиной, Евгения Андреева, Марины Петровой, Марины Малиновской, Данила Зубарева, Марины Балашкиной, Ирины Прокиной, Александры Блок, Елены Рожковой, Андрея Карбошева, Николая Усова, Татьяны Поломошновой, Люсьены Дудник, Нины Матусевич, Евгении Логуновой в изданиях:

1. Педагогика самоопределения и проблемный поиск свободы. Сб. статей. — Вып. 1. — Барнаул, 1997.
2. Педагогика самоопределения и гуманитарные практики. Сб. статей. — Вып. 2. — Барнаул, 1999.
3. Введение в педагогику самоопределения. Сб. статей. — Вып. 3. — Томск, 2001.
4. Поколенческий дискурс в практиках самоопределения. Сб. науч. трудов. Томск, 2002.
5. Архэ: Молодежный культурологический альманах. — № 1. — Барнаул, 1999.
6. Архэ: Молодежный культурологический альманах. — № 2. («Дневник поколения»). — Барнаул, 2000.
7. Архэ: Культуротехнический альманах. — № 3 («Виртуальный город и городской капитал»). — Бийск, 2001.
8. Архэ: Культуротехнический альманах. — № 4 («Гуманитарная Россия: координаты становления»). — Томск, 2003.
9. Сайт молодежного культурологического альманаха «Архэ». <http://www.dcn-asu.ru/~silant/arhe>.
10. Сайт «Кухня Архэ». <http://altnet.ru/~arhe>.

Примечания

- ¹ См.: *Философия и педагогика самоопределения. 1993—2003. CD-ROM.* Томск, 2003.
- ² См.: *Щедровицкий П. Г. Очерки по философии образования.* — М., 1993.
- ³ *Мамардашвили М. К. Начало всегда случайно, то есть исторично // Вопросы методологии.* — № 1. — 1991. — С. 48.

⁴ Цит. по: Балашкина М. Г. Школы гуманитарного образования и их продукты. Субъективно-аналитическая версия развития образовательного пространства ШГО // Введение в педагогику самоопределения. Сб. статей. Вып. 3. — Томск, 2001. — С. 74.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ См.: Попов А. А. Педагогика самоопределения: социально-технологический контекст проекта (на пути к дидактике открытого образования) // Педагогика самоопределения и гуманитарные практики. Сб. статей. Вып. 2. — Барнаул, 1999. — С. 99–100

⁷ Хван Я. «Я не хочу быть научаемым объектом» // Введение в педагогику... — С. 98–99.

⁸ См.: Никулина Ю. Поиск педагогической позиции как момент образования. // Педагогика самоопределения и проблемный поиск свободы. Сб. статей. Вып. 1. — Барнаул, 1997. — С. 110.

⁹ См.: Попов А. А., Проскуровская И. Д., Балашкина М. Г., Юрасова М. Ю. Возможности поколения и индивидуальные шансы. Часть 1. Модульная организация открытого гуманитарно-управленческого образования юношей: опыт размышления и действия. Учебно-методич. пособ. — М.; Томск, 2003.

¹⁰ С точки зрения централизованного разворачивания образовательных структур в масштабах всей страны.

¹¹ С 1993 года на базе Бийского Лицея под руководством Александра Попова работал кружок старшеклассников «Альгаир».

¹² Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. — М., 2002. — С. 51–52.

¹³ Рыбалкина Н. В. Проблема самоопределения и модальная педагогика // Педагогика самоопределения и проблемный поиск... — С. 14.

¹⁴ 4–5-дневные интенсивные семинары.

¹⁵ Генисаретский О. И. Воображаемая деятельность и предметность: заметки к педагогике воображения // Навигатор. Методологические расширения и продолжения. — М., 2001. — С. 517–518.

¹⁶ Генисаретский О. И. Духовно-творческая традиция в русской культуре // Олег Генисаретский. Давид Зильберман. О возможности философии. — М., 2001. — С. 247.

¹⁷ См.: Попов А. А. Категориальные технологические начала педагогики самоопределения // Введение в педагогику... — С. 14–28.

¹⁸ Попов А. А., Проскуровская И. Д., Балашкина М. Г., Юрасова М. Ю. Возможности поколения... — Томск, 2003. — С. 6.

¹⁹ Немцев М. Ю. Школа как вариант героической утопии // Введение в педагогику... — С. 100–107.

²⁰ Здесь в качестве примера можно сослаться на работы Михаила Задорнова.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АНТРОПОПОЛИТИКА VERSUS ПРЕЦЕДЕНТНАЯ АНТРОПОПОЛИТИКА: ОБ АНТРОПОПОЛИТИКЕ И СВОБОДЕ

0. Тематизация

Ничто не требует к себе большего внимания при обсуждении российских внутренних дел, чем их антропологические аспекты. Ведь если человеческие эффекты политических и социальных программ не удовлетворяют антропологическим требованиям, это должно быть достаточным основанием их замены или реконструкции.

Поэтому любое серьезное обсуждение человеческого фактора социальных, культурных и политических процессов требует исследования / экспертирования к их человеческим эффектам. Если антропологический принцип политики будет развернут до некоего «антропологического» культурного (прежде всего) и социально-политического движения, такое движение может придать новые качества культурно-историческому процессу, причем далеко не в масштабах одной России или Русского мира.

Для такого суждения есть историко-культурные основания: «ставшие», оформившиеся социально-философские программы, порождаемые русской философией, как правило, предлагали некие организационные антропологические меры. «Антропополитика» и «дискурс человеческого капитала» продолжают традицию, к которой надо относить, пожалуй, и «философию общего дела» Н. Федорова с «регуляцией» всех без исключения вселенских процессов, и «богочеловечество» В. Соловьева, и большевистские претензии на обретение совершенного знания о человеческой природе, наконец-то позволяющего ее менять и оптимизировать... А теперь, после «конца классической русской философии»¹, идея антропополитики как модуса «практической антропологии» наконец позволяет обсуждать решение моральных и экзистенциальных проблем как массовые проекты. Предполагается возможность их постановки, конкретизации через изменение параметров существующих политических, социальных и прочих режимов, причем «антропологическое» описывается не натуралистическом языке евгеники или политтехнологий, но метаязыком. И поэтому очень не хотелось бы, чтобы заявленный *антропологический фундаментализм* был каким-либо образом смазан, упрощен или сведен *лишь* до обсуждения и сопоставления конкретных программ конкретных социальных, культурных, политических элит.

Основания для таких опасений есть. Антропология обладает подрывной силой. Она «вышибает» основания из-под разнообразных проектов и программ экономического, социально-политического развития, проектов «удвоения ВВП» (актуальных для современной России), указывая на их антропологическую неадекватность и лишая их *легитимности*. Интересно, что мощнейшие революционные идеологии Нового времени — Просвещение (ergo Великая Французская революция), либерализм (ergo Европейские революции XIX века; Россия 1905 года), социализм, коммунизм и прочие, возникали как

* Михаил Немцев — аспирант Института истории и права СО РАН (Новосибирск).

антропологическая критика господствовавших режимов через указание их несоответственности некоторому антропологическому идеалу, а *затем* через прожектирование новых социополитических и культурных режимов, соразмерных ему. Современная «социальная критическая теория» тоже имеет антропологические основания, а ведь это — один из источников протестных движений...

Поэтому естественно, что субъекты господствующих социополитических режимов стремятся *приватизировать* антропологические идеи и проекты. Это означает устранение (элиминацию) их преобразовательных потенций. То, что могло бы привести к формированию действенной культурной / социальной / политической альтернативы этих режимов, кооптируется ими как собственный неотъемлемый компонент. Специалисты-антропологи станут высокооплачиваемыми экспертами и мастера господствующей идеологии с успехом будут использовать их концепции².

Под «господствующими режимами» я подразумеваю неолиберальный поздний капитализм начала XXI века. Хотя «антропологический подход» к политике пока рассматривается в контексте внутренней политики России, необходимо рассматривать его как потенциально универсальный подход к политическим, культурным и социальным режимам. Обсуждение антропологических изменений актуального или возможного режима в принципе предполагает употребление нового аналитического аппарата; последствия его экспансии пока трудно определить; но, например, мощный исторический эффект развития марксизма как именно антропологического подхода к социальному показывает, что можно предполагать мощный «шаг развития», фундаментальный прорыв в социальной теории и практике. *Эта потенция может быть упущена.*

Затронутая тема предполагает употребление понятий, некоторые из которых сегодня используются очень небольшим количеством людей, а многие другие термины, наоборот, используются часто и весьма произвольно. Поэтому данный текст построен следующим образом. Сначала обсуждается сама «антропология» — дисциплина, а точнее, учение, на основе которого формируются разнообразные «антропополитики»; затем предлагается анализ современной ситуации, в которой оказывается востребованным обсуждение антропологической политики и анализируется различие двух ее основных типов.

Основной тезис статьи: антропологическое знание имеет два возможных «модуса» реализации, каждый из которых предполагает определенные (антропо) политические решения; при этом один из них есть закономерный результат развития позднего капитализма (логика обсуждения «человеческого капитала», «человеческого ресурса» и управления им), а второй возникает как социализация какого-либо ценностного антропологического идеала. Только этот второй «модус» *«антропологичен»*. Попытаемся это развернуть.

1. Исходные определения

Под *«антропополитикой»* подразумевается совокупность властных организационных мер, направленных на реализацию какого-либо (идеального) типа человека на какой-либо группе людей, например, на населении конкретной территории (тогда можно говорить об *«антропологических матрицах»*), либо — на виртуальной группе, которая еще должна сформироваться после некоторого временного «лага» реализации этих мер.

Конечно, любой социально-политический режим оперирует с человеческими качествами, поэтому аналитически можно выявить тип человека, на котором основано функционирование этого режима. Этот «человеческий

материал» должен обладать набором характеристик, позволяющих использовать его как ресурс. Формирование таких организующих человеческую популяцию механизмов в Европе Модерна реконструировал Мишель Фуко.

Однако это еще не антрополитика, а лишь эффекты организации властных (и производственных) отношений в данное время в данном регионе. Антрополитика возникает при их рефлексивном отчуждении. Об «антрополитике» можно говорить, если эти эффекты тематизированы как предмет анализа, трансформации и проектирования. Антропологические эффекты власти, по-видимому, может и должна обсуждать интеллигенция; возможно, что *интеллигенцией* и следует называть тех, кто проводит аргументированную антропологическую критику господствующих режимов. Антропологическая политика как сфера политической деятельности обеспечивает возможность реализации антропотехник, то есть осуществляет перевод антропологического знания в антропологическую практику — производит *изменение* людей согласно этому знанию. Проблематичны и требуют обоснования именно ценностные основания такого изменения. *Антропотехника* — техника реализации антрополитики, конкретные методы воздействия на индивида(ов).

Атрибут «*антропологический*» может быть приписан весьма разнообразным деятельностям и идеальным (интелигибельным) предметам. Возможно антропологическое проектирование, программирование, проблематизация, оптимизация, утилизация и прочие деятельности с «антропологическим материалом». Точно так же возможно (а почему нет?) обсуждение таких умпостигаемых сущностей, как «антропологические пространства», «антропологические матрицы», «антропологические скрепы», «антропологические карты», «антропопотоки» и «антропо(логические)политики». Обсуждение возможности и продуктивности атрибуции чего-либо как входящего в онтологию «человеческого», равно как и эвристический потенциал использования такой терминологии для описания чего-либо, в каждом случае должны быть темой особого обсуждения и анализа. И этот концептуальный аппарат, так или иначе, опирается на два допущения, развертывание которых образует *антропологию*. Здесь и далее под «*антропологией*» подразумевается совокупность категорий, понятий, образов (метафор) и схем, в которых выражено знание о «человеке» как объекте исследования либо инструментального обращения. Антропология познает смысл человека. Обсуждение (развитие, оптимизация) антропологии — традиционное право и предназначение философии, а употребление этого знания в натуральном, неотрефлексированном виде происходит в других практиках.

О каких исходных допущениях идет речь? Прежде всего, предполагается, что есть (существует) нечто, с чем возможно инструментальное обращение; то есть существует такой объект, как «антропос» который можно подвергать тому или иному обращению, преобразовывать и употреблять. Во-вторых, социальные, интеллектуальные и другие практики имеют антропологическую компоненту: они работают с «человеком», поэтому вынуждены его понимать, описывать и объяснять. Более того, вероятно, что без этого их функционирование вообще невозможно³.

2. Предел антропологии

XX век породил огромное количество разнообразных антропологий: «религиозные», «инженерные», «социальные» и другие создавались и создаются по схожему сценарию. При достаточно полном описании какой-либо области знания обнаруживается, *во-первых*, что действующий каким-либо образом человек есть компонент ее предметной области. Он представлен,

конечно, совершенно по-разному в разных онтологических картинах, но, тем не менее, требует особого анализа, поскольку оказывается, *во-вторых*, что полное (желательно выполненное формализованным языком) описание и анализ предмета данной науки или дисциплины, некоторые процессы и явления, производны от особенностей человека и поэтому не могут быть познаны в отрыве от него. Обобщать эти представления о человеке, суммируя их в некую универсальную концепцию человека, должна бы философская антропология, по крайней мере, такую цель ставил перед ней «официальный отец» философской антропологии М. Шелер. Однако можно констатировать, что философская антропология в XX веке не получила сколько-нибудь значительного развития.

Да, имеется большое количество антропологических приложений различных гуманитарных, технических и естественных наук, описывающих человека языком и схемами данной науки, но при этом в рациональной научной культуре отсутствует метод сведения этих представлений в некую общую модель или схему; да и необходимости в таком сведении, по-видимому, нет. Просто та или иная «антропология» функциональна по отношению к какой-либо деятельности. Поэтому «антропологическая политика» выстраивается так же, как, например, политика «социальная» или «экономическая»: *актор* почему-либо (о причинах — ниже) ставит перед собой цель добиться неких изменений в таком предмете, как «человеческое». Представление об этом предмете он формирует / конструирует, исходя из собственного здравого смысла либо (в лучшем случае) на основе схем и понятий некой систематической (политической) антропологии, причем в этом ему могут помочь эксперты-антропологи⁴. Поэтому антропополитика, казалось бы, функциональна по отношению к антропологии.

С другой стороны, антропология не может быть полным универсальным знанием, поскольку человек *свободен*⁵. Поэтому ему можно приписать любые атрибуты; любая дескрипция может быть истинной и при этом — работать, то есть может быть употреблена инструментально (прагматики-«пиарщики» так и поступают). И эта фундаментальная свобода человека делает любые «только философские» дескрипции человека избыточными тавтологиями. Любое предварительное «знание о человеке» не истинно и не ложно. Поэтому философская антропология не может быть самостоятельным (синтетическим, априорным, по Канту) знанием; это лишь проекция на «антропологический материал» тех онтологий / практик, в которых он явлен философу-антропологу. (При этом интроспекция, самонаблюдение и самоопределение также являются исторически и культурно обусловленными интеллектуальными практиками, и предающийся им философ получает исторически обусловленное знание о самом себе, сколько бы он не утверждал обратное.) Имея дело с философской антропологией, мы имеем дело с превращенной формой какой-то другой практики и какой-то другой «логики». Поэтому (1) любая практика, коль скоро «внутри» нее действует действующий индивид, употребляет антропологическое знание, но (2) само это знание, эта имплицитная антропологическая концепция порождена особой практикой, причем можно сразу понять, какой именно: фундаментальной образовательной практикой (инкультурацией / социализацией), выстроенной на материале доминирующих социальных, политических, хозяйственных и культурных режимов.

Поэтому разговор о чем-то «антропологическом» предполагает возможность реконструкции условий и факторов порождения антропологических концептов. Попытаемся реконструировать исторический контекст тематизации антропополитики.

3. Откуда есть пошла антропологическая политика?

Судя по всему, антропологическая политика формируется в конце XX века как следующий шаг развития капиталистической мир-системы. Начинается капитализация индивидуальных способностей.

Индустриальное производство, вообще говоря, равнодушно к особенностям индивида, взятым как его психологические качества. Начало XX века ознаменовано распространением конвейера — такого способа «употребления» человеческого материала, при котором индивидуальные особенности трудящегося можно вообще не учитывать, и возникновением менеджмента, технологизирующего использование человека человеком в тех нередких случаях, когда «фордизм» невозможен (например, при обращении с высококвалифицированным персоналом). Это «радостное» превращение человека в машину свидетелем начала XX века представляется новейшим шагом человеческой культуры, порождает культуру модерна⁶. Новые возможности высокоэффективного обращения с рабочей силой накладываются на технологический прорыв⁷, востребуют новые практики управления и, кроме других социальных эффектов, порождают такие новообразования, как «общество потребления» и «массового человека». Человечество становится *массой*, которую можно так или иначе использовать, выращивать, применять, а обитаемое пространство — фабрикой. Описание советского индустриализма как проекта превращения всей страны в одну гигантскую фабрику, часто не проследживает такие корни этого проекта, как, например, императив всеобщей регуляции (планетарных, а затем и вселенских процессов) у Николая Федорова и «машинизацию» актера — восхищение человеком, превращенным в механизм, — в искусстве авангарда (в частности, у Вс. Мейерхольда⁸). Да и разве не был протестующий против этого традиционализм ранних фашистов и консервативных революционеров отзеркаливанием, *Verneinung*'ом этой же дурманящей идеи растворения индивида пусть не в работе, но в служении универсальному и трансцендентному, пусть не механизму, но организму? Словом, в начале XX века процессы изгнания нефункциональных индивидуальных черт из человека — служащего / адепта универсального механизма (увиденные Марксом в некоторых наиболее развитых европейских городах и экстраполированные на все человечество) наконец получили эффективное идеологическое и организационное оформление. Таким образом, тело (рабочие руки в прямом смысле слова) и некоторые психические функции (внимание, восприятие) были эффективно капитализированы — приватизированы некоторыми социальными силами и употреблены как ресурс развития новых технологических, экономических и, затем, социополитических режимов. Цех конвейерных линий (кошмар социалистов 1900-х годов) и дивизионные траншеи окопных войн 1916 года — два ярких символа духа времени модерна: и то, и другое представляет собой машину, для которой индивидуальные особенности, антропологические качества участников процесса функционирования не имеют никакого значения⁹.

Обращаясь к истории XXI века, можно увидеть, как на процесс *массовизации* накладывался процесс *формирования новых элит*. При (исторически) быстром разрушении сословной структуры обществ, традиционных механизмов формирования элит, те, кто получал политэкономическую власть в странах западной цивилизации, в качестве ресурса имел, прежде всего, свои индивидуальные качества и способности. Либерализм, например, так и родился — как призыв к построению общества индивидуальных способностей. Дайте каждому устроить свою жизнь так, как он сможет и посчитает нужным! Новые элиты формируются *кооптацией*; прекрасные механизмы кооптации —

управляемая демократия и экспертные службы.

Поэтому при разделении человечества на массы и «новые» (пост-традиционные) элиты, эти (потенциально — глобальные) элиты естественно, выстраивают механизмы кооптации, «всасывания» лучших из «масс». Выполняющими эту функцию институтами являлись и являются классические университеты, разнообразные производственные, армейские и прочие иерархические организации¹⁰. Такие социальные «лифты» во множестве выстраиваются в современных обществах, пополняя имеющими большой индивидуальный (в соответствующей терминологии — «человеческий») потенциал, административные структуры (организации и институции, предназначенные для обеспечения функционирования власти — государственные, надгосударственные аппараты, механизмы применения легитимного насилия плюс обслуживающие их «третий сектор», идеологические службы и экспертно-аналитические квазинаучные учреждения), и экономические (финансовые, производственные и распределительные, и речь идет, конечно, о глобальном масштабе) структуры. Поскольку демократические механизмы участия в принятии решений в современных западных обществах (обществах Центра экономической Миросистемы, см. *Валлерстайн*) все более и более вытесняются «более эффективными» методами использования экспертного знания и достижения компромисса между элитами на основе консультаций, все прочие глобальные элиты, вероятно, сводятся к этим двум: административным и экономическим.

Устойчивость положения элит и границы их возможностей в очень большой степени зависят от функционирования этого механизма кооптации, по сути, формирующего современную аристократию¹¹. С другой стороны, индивидуальные способности оказываются важнейшим ресурсом в новом виде массового производства — семиотическом производстве, которое сформировалось только в XX веке. Это — расширенное производство смыслов, оформляющих их знаков (семантики и семиотики) и оптимизация механизмов их трансляции. То, что было ручным трудом, можно доверить и машинам — но кто будет писать программы управления? И кто будет ставить перед ними цели?

При этом идею так называемого «информационного», или «постиндустриального» общества, пропагандируемую рядом современных социологов (А. Тоффлер) и идеологов (Ж. Аттали), а вслед за ними и отечественными деятелями, я считаю эффектом мирового разделения труда и, с другой стороны, подменой действительного желаемым, то есть эффектом идеологии. Всегда необходимо помнить, что в мире *существуют* миллионы *рабов*, в том числе и в США. Ручной труд никуда не исчез, а в начале XXI века условия, создаваемые для работающих, зачастую хуже, чем в конце прошлого века. «Информационным», может быть, можно назвать только общество находящихся в центре мировой экономической системы мегаполисов, многие жители которых только управляют или производят средства управления (в том числе, управления сознанием). Поскольку «физическое» производство использует все более совершенные методы «употребления» индивида, постольку нарастает необходимость в его семантико-семиотическом оснащении и оспособлении. И это массовое производство *знаков и смыслов* оказывается самым быстрым («frictionless business» Билла Гейтса), капиталоемким и быстроразвивающимся сектором национальных и транснациональных экономик. Наконец-то с развитием дистантного финансового управления, наращиванием скорости экономических циклов и объединением политических, экономических, информационных, образовательных и репрессивных технологий в некую единую сферу консциентального¹² управления. Та самая бодрыйаровская медиавласть...

4. Институциональная антропологическая политика

Такое производство востребует особые способности индивида — творческие (креативные), поскольку для работы со структурами мышления человек должен быть способен *мыслить, понимать и воображать (изобретать)*. Таким образом, капитализм востребует и приватизирует *творчество* и его носителей. Таких индивидов — членов «новой элиты» должно быть не очень много; однако, в настоящее время их явно не хватает (по крайней мере, российским элитам). Должны обеспечиваться (1) каналы их вертикальной социальной миграции (на что есть разнообразные кадровые конкурсы), (2) социополитическая адаптация (востребованность) семантико-семиотического производства в конкретных регионах (здесь проходит фронт борьбы индустриальных и постиндустриальных режимов и стилей хозяйственного и пр. мышления в коридорах властей разных уровней [в России]); (3) общий социально-политический режим, предполагающий возможность применения формальных технологий управления, информационного бизнеса и т. п. (формальное право вместо обычного, рациональный расчет вместо родственных связей...). И в этой ситуации, с одной стороны, возникает¹³ потребность в том, чтобы и в обществе, и в среде элиты актуализировалась тема «человеческого» — с другой стороны, возникают группы аналитиков, которые, прогнозируя возможность актуализации этой темы, стараются инициировать, как-то управлять этим процессом в своих целях. Для этого, например, вводится понятие *антропологическая политика*; затем уже можно позиционировать себя как эксперта по антропологическим вопросам и занять адекватное (достойное) место в разделении труда в семантико-семиотическом производстве.

Антропологическая политика иногда обсуждается как «развитие практик свободопользования»¹⁴. Однако, инструментальное обращение со свободой вряд ли возможно (и речь просто идет о чем-то другом). Во всяком случае, такая «антропологическая» предполагает активацию и встраивание в доминирующие административные, идеологические и хозяйственные режимы институций, ответственных за обращение с антропологическим знанием. Их деятельность рассматривается как управление формированием человеческого ресурса (среди других ресурсов). «Политические и экономические реформы, безусловно, должны иметь гуманитарное сопровождение»¹⁵. Вслед за менеджментом и управлением рождаемостью, миграциями, глобальными кризисами, вслед за пропагандистскими и рекламными технологиями, современные позднекапиталистические общества переходят к необходимости создания антропологических технологий, практик и поддерживающих их служб. Поэтому такую практическую антропологию можно назвать *институциональной антропологией*. Институциональные антропологии, действуя согласно актуальному или прогнозируемому социальному заказу, должны обеспечивать массовый процесс реализации проекта / образа человека, который востребован позднекапиталистическим смысловым производством. Это нельзя сказать о том явлении, которое могло бы быть названо *прецедентной антропологией*; но она, вероятно, не может существовать в современном обществе именно как «политика» — какая элита могла бы интересоваться созданием условий для «спасения души» и тому подобными вещами.

5. Прецедентная антропологическая политика

Прецедентная антропологическая политика — совокупность (властных) организационных мер, направленных на обеспечение возможности реализации фундаментальных антропологических проектов. Предельная категория антропологии есть категория свободы (см. выше). Эти проекты возникают в результате

индивидуальных «метафизических» поисков как конструирование трансцендентного антропологического идеала; это холистичный проект человека, причем актуальные «человеки», на которых выстраивается этот проект, оцениваются, прямо-таки по формуле Ницше, как «то, что должно превзойти»¹⁶.

Речь идет о поиске и обретении единого предельного основания собственного бытия. Индивид перестраивает свой жизненный мир и меняет сознание, чтобы изменить собственный смысл, поскольку образ должного показывает ему, что он — «такой-как-есть» — не является еще человеком; человеком, ему еще только предстоит сделаться.

В истории культуры существуют прецеденты развития парадигмы «человека-как-должного». Эти образы

- 1) трансцендентны (хотя мифологическое мышление может их натурализовывать);
- 2) негативны по отношению к актуальному состоянию индивидов;
- 3) холистичны — претендуют на преобразование всего человеческого существа.

Индивиды, построившие такой образ, создают *героические утопии*¹⁷. Сообщества, объединенные этим утопическим проектом, известны в истории религии и культуры; это раннебуддийская сангхья, катакомбные сходки первых христиан, синайские монастыри и «взыскуемый Таноб», экстатические радения альбигойцев, суфийские ордена, Пор-Рояль, затерянные скиты русских беспоповцев-бегунов, и подобные странные объединения. Тип институализации (община, бродячая группа, монастырь и тому подобные) обусловлен культурой, так же как логика, схемы и категории описания этого трансцендентного идеала; но сами эти группы возникают именно как продукт индивидуального творчества героев-создателей. Поэтому они *прецедентны*.

Эти группы, либо индивидуальные (*не-институализируемые*) прорывы, ортогональны по отношению к доминирующим режимам; они ищут «ниши», по-разному социализируются, поскольку цель их существования — трансцендентна, то есть «не от мира сего», следовательно, «сей мир» должен «не мешать». Их опыт не технологизируем. (Может быть, следует обратиться к византийскому опыту). С помощью понятий и категорий религиозных антропологий этот опыт описывается наиболее адекватно, как писал Д. Зильберман, поскольку нет пока философии откровения, будем пользоваться теологией откровения. Люди уходят в монастырь либо в скит, поскольку у человека есть *душа*, и о спасении души надо заботиться. Это и есть дурость перед миром¹⁸. В рамках господствующей современной политэкономической логики подобные решения вообще не предполагаются.

Далее, поскольку человек свободен, подобные проекты могут представляться крайне деструктивными в социальном плане. Разнообразные секты прошлого и настоящего оперируют с трансцендентными антропоидеалами, но их активность не всегда пристойна и терпима.

Однако именно поскольку человек свободен, в строгом смысле слова только антропология, которая исходит из того, что «человек есть то, что должно превзойти», вообще есть антропология. Это «будьте реалистами, требуйте невозможного!»¹⁹ — предполагает замещение сущего должным, то есть предполагает именно *свободное действие автономного разумного существа*. Прецедентная антропология изучает возможность такого действия.

Итак, прецедентная антропополитика предполагает нормативное и организационное *обеспечение* и *сопровождение* активности некоторой группы

индивидов по реализации трансцендентных идеалов.

6. Критика институциональной антропологетики

Институциональная антропология, в которой «на месте трансценденции разворачивается имманенция: образы и образцы ... замещаются процессами самоопределения», имеет в качестве предмета анализа и концептуальных обобщений человека европейского модерна: рационального экономического субъекта, действующего в горизонте «посюстороннего свободопользования» — следовательно, при отсутствии внеиндивидуальных трансцендентальных ценностей он может исходить только из психологических предпочтений. Это отчужденный индивид. Ему вменяется возможность и право выбирать свои свойства и образы, правда, при соблюдении некоторых условий «социальной приемлемости»²⁰. Так он пользуется «свободой». Если он ею пользуется правильно, то может многое пережить — «прожить многие жизни», разнообразно «познать себя» и так далее. Индивид остается «самим собой». Ему не предлагается превзойти самого себя; он живет натуральную жизнь, осваивая все новые способы самоорганизации, все качественнее функционируя, разборчиво потребляя и разнообразно «развиваясь». Организация условий для таких процессов, конечно, необходима, и имеет гуманистический смысл; но *причем тут категория «свободы»?*

Различие этих двух подходов к свободе описано Славоем Жижекком как различие действительной и формальной («либеральной») свободы²¹.

В познекапиталистическом обществе самоопределение индивиду *вменяется и симулируется*. Эффективное функционирование некоторых современных административных и экономических механизмов (управляемой демократии, скрытой рекламы, управляемых антропотоклов) подразумевает некую форму (ограниченного) самоопределения. Вы свободны выбирать, но: ваш выбор *должен быть* прогрессивен, рационален и адекватен вашей экономической ситуации. То есть формальная (правовая) свобода предполагает выбор в некоторых жестко заданных рамках; и, более того, теперь *уже* существуют технологии, организующие эти рамки качественно и незаметно²². Но эти совершенные техники управления (потенциальным) персоналом глобальной фабрики «ловят» волю и отрицают свободу как фундаментальное свойство человека. Они востребованы, и т. д.

Такой вмененной — рамочной — свободе выбора надо противопоставить «действительную» свободу — «акт сознательного изменения этого набора вариантов, имеющий место, только когда в ситуации вынужденного выбора кто-либо *действует, будто выбирает без принуждения*, и „выбирает невозможное“»²³. Принципиально то, что этот выбор может быть отвратителен, антиобщественен и безнадежен²⁴. Эстетическая, этическая и прагматическая приемлемость предполагали бы обоснование теми самыми рамками, о выходе за которые и идет речь.

Таким образом, прецедентная *антопотехника* состоит в реализации антропологического идеала как трансцендентной ценности. Это — результат индивидуального решения, продукт индивидуального творчества. Конечно, их обеспечение — это описанная П. Г. Щедровицким неопределенная ситуация обеспечения развития чего-то, не понятно чего именно, и изменяющегося далее непонятно как именно и в каком именно направлении²⁵...

Такие антропологические процессы, как возникновение и экспансия подобных групп, *могут быть обеспечены* политическими режимами. Да, далеко не всегда их негативистский потенциал выражается в антиобщественном

поведении. Они генерируют и актуализируют утопии, где трансцендентный идеал профанируется / натурализуется в виде проекта социальных преобразований (ради его скорейшей натурализации — революционных). Это может вызывать социальные процессы. (Ситуация «конца истории», конечно, не терпит творческого утопизма, поскольку провозглашается, что только одна-единственная утопия действительна, разумна и легитимна²⁶.) Однако ничто не мобилизует массы так тотально, как утопии. Поэтому оказывается, что такое творчество функционально необходимо для активации культурной и социальной динамики.

Цивилизации выработали особый способ социализации подобных групп — *интеллектуальные сети*²⁷; в них героические порывы одиночек, обрастая последователями, материальными ресурсами и общественным признанием, приходят к *имплицитному замещению трансценденции имманенцией* и превращаются в источник семантических и антропологических ресурсов для содержащих их элит²⁸. Поэтому их творческий потенциал пытаются использовать институциональные антропологи. Для этого их ценностные антропологические основания, так или иначе, переформатируют в том же «символическом производстве» и затем употребляют как угодно. Следующее место (попытки) воплощения трансцендентного антропоидеала будет осознавать себя как отрицание этой преобразованной и «приземленной» ценности; начнется новый цикл институционализации антропоидеала.

7. Что делать?

Таким образом, два способа потребления антропологического знания связаны между собой диалектическим противоречием. Можно различать их как два разных понимания свободы: как исчисляемого качества, параметра индивида (можно ли это называть свободой?) — и как предельной категории. Как две этики: утилитаризм рационального индивида в одном случае и деонтология героя-титана — в другом... Институциональная антропология — реализация «рассчитывающего мышления», превращение человека в еще один «креативный» ресурс; в России это — метод оптимизировать формирование элит (способ заставить их «думать») и внутреннюю политику (каковы бы ни были гуманистические и человеколюбивые замыслы конкретных реализаторов институциональной антропологии).

Прецедентная антропология — попытка сделать из человека нечто большее, чем он (актуально) есть — душу спасти либо достичь мудрости — реализуется весьма автономно в разных условиях; процесс их становления, однако, может быть стимулируем либо заторможен организационными решениями (это и есть *прецедентная антрополитика*) И, так или иначе, она адаптируется к существующим режимам — в качестве «Касталии», или же как маргинальная сфера семантико-семиотического производства. Эта антропотехника беспокойна и потенциально конфликтна. Она, однако, функционирует как та периферия культуры, откуда периодически происходит «вбрасывание» в пространство внимания антропотехнического мэйнстрима наиболее мощных концептов и схем. Так произошло с платонизмом (в интерпретации В. М. Розина²⁹), с ницшеанством (которое адаптировали, переврав, творцы одной из самых мощных социальных и антропологических утопий); да и сама идея *свободы* разве рождалась не в отрешенных и яростных спорах искателей «нездешнего града»? Стало быть, и в современной России (не заманиваясь на глобальный масштаб), можно ожидать формирования антропологических концептов именно в виде прецедента странных, асоциальных

интеллектуальных течений. Методологическое движение, по ряду причин, не смогло «вбросить» / актуализировать подобный антропологический идеал³⁰; возможно, это сделают другие вдохновенные маргиналы, где-то пока (не) заигрывающие в раскруточные коммуникативные игры с вербовщиками из административной или бизнес-элиты.

Итак, речь здесь — не о пропаганде маргинальности. Этот текст — попытка указания на то, что «антропологический подход» к социальным, культурным и политическим измерениям, рискует утратить преобразовательный потенциал, который потенциально предполагается употребляемыми категориями. С другой стороны, это и указание на возможный источник антропологических образов, схем и концептов, на основе которых можно делать антропопрактики «все более и более антропологичными». Стало быть, это заявка о важности развития любых неформальных интеллектуальных групп в России, ибо кто может заранее сказать, какая именно группа создаст прецедент антропологического прорыва?

Поскольку рост интереса к институциональной антрополитике обусловлен исторически поскольку является результатом поступательной трансформации капиталистической миросистемы, очевидно, что связанная с ней тематика, так или иначе, должна была появиться в пространстве внимания отечественных элит. В ближайшее время эта тема будет обсуждаться все более и более активно. Ее будет сопровождать количественный и качественный рост сопровождающих исследований, изменений политической риторики и так далее. В этом процессе, конечно, можно и нужно участвовать. Однако именно теперь важно не допустить ослабления внимания к антропологии. Задача интеллигенции (больше никому!) состоит в поддержании и сохранении того, что было здесь названо прецедентной антрополитикой. Это означает — в развитии интеллектуальных сетей, в создании прецедентов реализации холистичных героических утопий — даже если они получают протестное социально-политическое оформление и даже если их выжимают на социальную и культурную периферию.

Это означает работу на *сохранение возможности творчества* как свободного действия свободных культурных существ ради преобразования себя и окружающих (близких) людей. Не ради карьерного роста, но ради мерцающего в умопостигаемой дали трансцендентного идеального Блага.

Примечания

¹ Выражение В. Тыщенко.

² Например, для оправдания агрессии одних суверенных государств против других необходимостью антропологизации этих последних...

³ Эта обращенность / вывернутость социальных и прочих активностей через их антропологическую компоненту, конечно, проявление того самого антропологического принципа в философии, который, как известно, покончил с немецкой классической философией, а потом породил марксизм и структурализм.

⁴ Бывают же придворные экономисты, определяющие ставку налога, и астрологи, определяющие время его введения...

⁵ Это — аксиоматично, по крайней мере, для европейской (западной) культуры и ее антропологии, которая порождена христианством и в рамках которой мы все действуем. Любой полный список, например, возможностей человека, его атрибутов, делает антропологию нефилософской; впрочем, можно было бы показать, что любое такое описание противоречиво и не полно. «Наиболее важное открытие философской антропологии состоит в том, что сущностью человека является его способность строить самого себя, а значит, постоянно изменять содержание ответа на вопрос о его собственной

сущности» (*Щедровицкий П. Г.* Педагогика свободы // Щедровицкий П. Г. Очерки по философии образования. — М., 1993. — С. 109).

⁶ См. интерпретацию Эрнста Юнгера — «философа модерна» — Петером Козловски.

⁷ Антропотек в матрице геоэкономического универсума: интервью «Русскому Архипелагу» Александра Ивановича Неклессы // antropotok.archipelag.ru/text/a181.htm (05.05.2003 г.).

⁸ Согласно интерпретации раннего советского авангарда Славоем Жижекком, см. прим. 12.

⁹ Здесь надо вспомнить хайдеггеровскую критику техники и милитаристских последствий забвения бытия («Преодоление метафизики», X, XVI, XXVI), но это увело бы рассуждение в сторону.

¹⁰ «...чтобы молодой амбициозный человек знал, что нужно делать, ...чтобы когда-нибудь ... быть принятым в ряды немногочисленных, но отлично экипированных антинародных сил». — *Пелевин В.* ДПП (NN). — М., 2003. — С. 144. См. также: *Глазычев В.* Неистребимый дух Просвещения // www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20031204_glaz.html (21.01.2004 г.), и *Малиновский П.* Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом // <http://www.shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1> (30.01.2004 г.).

¹¹ ...истинной, нищенской аристократии...

¹² *Громыко Ю.* Консциентальное оружие и консциентальные войны // <http://www.mmk-mission.ru/polit/antrop/20030409-vse2gr.html> (21.01.2004 г.).

¹³ Может быть, и не исторически, но — логически, «между строк».

¹⁴ *Генисаретский О. И.* Элиты и символическая борьба вокруг человеческого потенциала // Генисаретский О. И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. — М., 2002. — С. 443.

¹⁵ *Полов А. А., Проскуровская И. Д.* Практики расширения возможностей в институционально-антропологической перспективе // <http://www.depo.org.ru/edu/news/106> (17.06.2003 г.).

¹⁶ «Самосознание человеком себя как части более широкого целого ... позволяет ему стать соразмерным этому целому, а значит, быть больше самого себя» (*Щедровицкий П. Г.* — Там же. — С. 107).

¹⁷ *Немцев М.* Школа как вариант героической утопии // Введение в педагогику самоопределения. — Томск, 2001.

¹⁸ В известном месте из Посланий апостола Павла, где идет речь о безумии перед Господом (I Кор 3,18), как известно, это «безумие» с его романтическими коннотациями — особенность русского Синодального перевода. Лютер переводил как ein Narr, и по-русски точнее всего было бы — «стать *придурком*», никому не нужным тупицей. Фундаментальное антропологическое решение!

¹⁹ Парижское граффити 1968 года.

²⁰ Иммануил Кант: «Рассуждайте, но повинуйтесь!»

²¹ *Zizek S.* On Belief. — London, 2001. — P. 113–124; // <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/ot/zizek.htm> (24.12.2003 г.).

²² См. Ги Дебор, стандартная деконструктивистская критика «дискурса власти» и т. п.

²³ *Zizek S.* Ibid.

²⁴ В XX веке, к сожалению, чаще всего свобода понималась как свобода отрицания («негации», по Маркузе) и разрушения, что само по себе и *некультурно*.

²⁵ В XX веке, к сожалению, чаще всего свобода понималась как свобода отрицания («негации», по Маркузе) и разрушения, что само по себе и *некультурно*.

²⁶ Подразумевается пугало неолиберализма.

²⁷ *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. — Новосибирск, 2002.

²⁸ Это — путь, например, францисканского ордена; недавним локальным вариантом этой логики можно, по моему, считать историю проекта ФЭП «Школа гуманитарного образования», см.: Введение в педагогику самоопределения. — Томск, 2001. — Ч. 3.

²⁹ Собственно, к Платону он возводит современные схемы «человека», фундирующие концепты души, любви и так далее *Розин В. М.* Семиотические исследования. — М.: ПЕР СЭ; СПб., 2001.

³⁰ *Громыко Ю.* Почему методология и методологи проиграли перестройку? // Россия-2010. — 1994. — № 1–2.

НАБРОСОК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ В ОБЛАСТИ «ПРАГМАТИКИ КУЛЬТУРЫ»

Публикуемый текст первоначально представлял собой первую половину научно-исследовательской программы Фонда «Прагматика культуры» (вторая половина была посвящена организационной схеме ее разворачивания). Хотя данная Программа была — без какого-либо публичного обсуждения — в свое время отвергнута руководителем Фонда, нам представляется, что она имеет методологический смысл и значение безотносительно к особенностям функционирования какого-либо конкретного учреждения.

Исследования в области прагматики культуры и связанные с ними культурные проекты непосредственно затрагивают тему «человеческого потенциала», поскольку, по нашему мнению, человек существует в своем человеческом качестве прежде всего именно в пространстве культуры. Именно там это человеческое качество задается *нормативно* — тогда как, например, в социальном пространстве эта нормативная заданность лишь реализуется. Выстраивание и «тонкая настройка» подобной нормативности есть предмет *культурных практик*, в числе которых одной из важнейших является *образование*.

Основной целью исследований в области прагматики культуры является получение «практического знания», позволяющего не только *описывать* существующие культурные практики, но и *влиять* на их модификацию — именно поэтому мы говорим о «прагматике». Далее мы покажем, что предмет этих исследований — человек и то, что он знает о самом себе в своем культурно-практическом и деятельно-нравственном качестве. Поэтому при формулировании научно-исследовательской программы должны приниматься во внимание две ее различные, хотя и взаимосвязанные функции: организация процессов *порождения нового знания* нужного типа и качества — и формирование целей, контекстов, каналов и ситуаций *воздействия этого знания (или с его помощью) на культурные практики*.

Поскольку вторая из названных функций задает определенные требования на тип и качество производимого знания, охарактеризуем научно-исследовательскую программу вначале с этой точки зрения, после чего уже зададимся вопросом о том, как искомое знание получить и результатом решения каких содержательных проблем оно является.

1. Научно-исследовательская программа как форма организации воздействия знания на культурные практики

1.1. Один из критериев того, что нам удалось повлиять на культурные практики, дает *история*. Факт подобного влияния должен остаться в *истории науки и культуры*. История культуры регистрирует *сам факт влияния*, а история науки подтверждает, что одной из *значимых причин* этого факта была реализация той или иной научно-исследовательской программы. Не случайно само понятие «научно-исследовательской программы» — благодаря работам И. Лакатоса — возникло *на стыке истории и методологии науки*¹. Связь с методологией здесь тоже не случайна: попытки «рациональной реконструкции»

* Вячеслав Марача — эксперт Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа, содержательный менеджер сайта GP.Method.Ru (Москва).

истории, направленные на выделение программ — вместо наивного составления хронологии открытий — имели своей целью также описание *методологических образцов порождения и обоснования знания*².

Однако работы И. Лакатоса были направлены на концептуальное описание *уже случившегося* в истории науки, причем материал брался в основном из истории таких фундаментальных наук, как физика и математика. Что же касается *построения* научно-исследовательских программ, и притом *в прикладных областях*, то на Западе данный опыт не получил должного концептуального осмысления³. И только в СССР в рамках Московского методологического кружка с середины 60-х годов началась интенсивная разработка *методологии программирования научных исследований и разработок (НИР)* и вслед за тем — больших программ научно-технического развития⁴.

1.2. Указание на масштаб («большие» программы) связано с тем, что программы «по Щедровицкому» — в отличие от программ «по Лакатосу» — имеют уже не только значение исторического или методологического *описания* — но и значение *предписания*. Причем не только методологического, но и *организационного*. До середины XX века момент «программности» если и осознавался самими учеными, то исключительно как *средство личной творческой самоорганизации*, иногда приобретавшее объективированные формы в виде «программных» работ. В редких случаях программа из средства творческой самоорганизации лидера превращалась в *средство соорганизации членов небольшого коллектива* — «кружка». Однако и в этом случае «овнешнение» программы как организационного средства не выходило за пределы узкого круга людей, хорошо знающих друг друга.

Радикальный поворот произошел тогда, когда наметился переход к инновационной модели экономики, в которой, согласно Й. Шумпетеру, основной фигурой становится *предприниматель*, создающий «новую деятельность, направленную на производство нового типа продукта»⁵. Но что это значит: *создать новую деятельность*? Это означает, что предметы-вещи должны превратиться в элементы-организованности деятельности. Подобное превращение существенно «зависит от тех знаний, которыми мы владеем. Знания, в широком смысле слова, выступают как *рамки для будущей деятельности*, определяя смысл и назначение различных элементов»⁶. А поэтому, образно говоря, *производство знаний в инновационной экономике становится основной производственной технологией*⁷. Наука стала «делаться» большими коллективами людей, нуждавшихся в средствах соорганизации как между собой, так и с контекстом предполагаемого употребления результатов их труда — знаний.

Не случайно идея программирования как инструмента организационно-управленческого обеспечения исследований и разработок (то есть «сплочения знания и менеджмента») — выдвинулась на передний план в США, Западной Европе и СССР примерно к середине 60-х годов. Помимо растущей потребности в научно-исследовательском обеспечении усложняющейся социально-экономической и производственно-технологической практики, это отражало также *крах всех попыток их прямого планирования*⁸.

1.3. Планирование НИР, сложившееся в советское время в академических НИИ, есть отражение *бюрократической организации*, связанной с распределением времени работы над «темами» и предоставлением отчетов — что, как известно, мало затрагивает реальный процесс производства знаний. Мы не можем запланировать *содержание* результатов исследования — так как

если предположить, что можем, то непонятно — зачем проводить исследование, когда все известно заранее.

В более сложном случае планирование есть элемент *проектной организации работ*, когда предполагается, что к определенному времени нам нужен научный результат *определенного типа*. Примерами могут служить американский «Манхэттенский проект» создания атомной бомбы и аналогичные советские проекты — «атомный», «водородный», «ракетный» и так далее. Однако применительно к научно-исследовательской работе *проектная организация, как тип организации работ, порождает целый ряд парадоксов, связанных с тем, что проект всегда имеет наперед заданную цель и определенность ситуации, в которой он реализуется.*

Проект — это своего рода строительный агрегат, движущийся по заранее разведанной местности к определенной цели. Но для научных исследований все совершенно не так. Во-первых, цели даны лишь в виде исследовательских гипотез, и, во-вторых, карта местности полна белых пятен и постоянно меняется, в том числе и под влиянием самого исследователя. Поэтому те стандартные функциональные блоки, к которым мы привыкли в планах работ научных институтов советского типа (в том числе и бериевских «шарашек») — (1) *тематизация* и (2) *решение научных задач* в рамках заявленной тематики — должны быть дополнены другими блоками и развернуты в *более широкую и более открытую структуру*.

Для *программной* организации работ, в отличие от *проектной*, к двум перечисленным функциональным блокам добавляются еще как минимум четыре. Это (3) *анализ ситуации*, который постоянно ведется по ходу дела, то есть мы определяем, как у нас меняется само поле. Далее, соответственно, (4) *целеопределение*, поскольку цели научной работы не даны априорно, они в значительной степени формулируются самими исследователями (хотя и в контексте ситуации). Затем — (5) *постановка проблем*. В отличие от задачи, проблема — это такая задача, которая не решается имеющимися средствами. И последний блок — это (6) *перевод проблем в задачи*, или переформулирование задач по сравнению с их первоначальной постановкой. И лишь затем следуют чисто организационные блоки: (7) *выявление и фиксация работ*; (8) *создание оргпроекта* (привязывающего программу к доступным человеческим и материальным ресурсам) и (9) *планирование работ*⁹.

Сравнение структуры программной организации с проектной показывает, что последняя включает пункты 1, 2, 7, 8 и 9. Пункты 3 и 4 предполагаются известными, а 5 и 6 — исключаются вовсе. Однако мы полагаем, что *программирование есть особая форма соорганизации проблемно (а не задачно) ориентированного исследования с «перманентным» проектированием* — то есть с таким, в котором, в зависимости от постановки проблем и переформулирования задач по сравнению с их первоначальной постановкой (п. 5 и п. 6), *заново проводится анализ ситуации и переопределяются цели проекта* (п. 3 и п. 4). При этом, когда мы говорим об «анализе ситуации», то подразумевается, что «ситуация» *определяется не только внешними факторами, но и ходом реализации проекта* — и она в какой-то момент в ходе анализа может быть квалифицирована как «проблемная», то есть требующая перехода к постановке проблем (п. 5).

1.4. Теперь, когда введены основные исходные представления, можно выдвинуть гипотезу: *новое знание влияет на культурные практики через*

культурные проекты. При этом научно-исследовательская программа есть не что иное, как организация производства нового знания в контексте «пакета» реализующихся культурных проектов. Проблемные ситуации, возникающие в ходе такой реализации, порождают «заказ» на новое знание, а оно, в свою очередь, является «элементом неопределенности» этих проектов, способным привести к пересмотру их целей и содержания. Как и в случае с предпринимательскими проектами, новое знание способно изменить рамки будущей деятельности по реализации культурного проекта — то есть переопределить саму проектную идею.

Сказанное является лишь функциональным определением понятия «культурный проект» — пока мы не указали содержательной специфики таких проектов. Мы подошли к развилке, подразумевающей два возможных пути дальнейшего движения. Первый — попытаться сразу «положить» искомое проблемное содержание пакета проектов и определить набор тем для проработки в рамках научно-исследовательской программы. Второй — пройти вначале в «ортогональной» плоскости эпистемологического (а не предметного) размышления и ответить на вопрос: какой тип проблем вообще возможен при реализации культурных проектов — и какой тип знаний, средств, методов размышления необходим для их решения.

Второй вариант представляется нам более перспективным, поскольку, пойдя первым путем, мы рискуем не только «не угадать» содержание проблем, с которыми мы еще не столкнулись «как следует» в ходе реализации проектов, но и можем оказаться жертвами какой-либо из уже «пройденных» историй мысли методологических ошибок.

2. Какой тип проблем вообще возможен при реализации культурных проектов и какой тип знаний необходим для их решения?

2.1. Прежде чем отвечать на данный вопрос, сделаем одну важную оговорку. В отличие от предметного мышления, где «знания» и «проблемы» есть вещи принципиально разные (первые образуют «само» предметное содержание, вторые — разрывы в структуре предмета и нарушения его «регулярности»), в рамках эпистем-логического размышления проблемы могут рассматриваться как особый тип знаний — «знание о нашем незнании»¹⁰. Поэтому далее в данном разделе мы не будем говорить отдельно о проблемах и отдельно о знаниях — а только о типе знаний, сообразном интересующим нас культурным проектам и сочетаемом с ними в рамках научно-исследовательской программы.

С тех пор, как масштаб мира, доступного человеку, стал существенно превышать границы его непосредственно данного «натурального» бытия, вопрос осведомленности о том, что есть в культуре, постепенно перешел в компетенцию гуманитарных наук — *moral sciences*¹¹, «наук о духе» (нем. *Geistwissenschaften*), «наук о культуре». Однако науки эти долго считали себя дисциплинами чисто описательного плана, не отдававшими себе отчета в собственной позиции по отношению к изучаемым явлениям или исходившими из идеи «незаинтересованного», «ценностно нейтрального» наблюдения. Это было связано с тем, что, благодаря влиянию И. Канта, вопросы оценочных суждений были вынесены за пределы науки, связываясь с суждением вкуса, основанием которого полагалось не знание или понятие, а «общее чувство» (*Gemeinsinn*), достоверность которого в рамках данной культуры безусловна, то есть дана на уровне здравого смысла (*sensus communis*) и не требует обоснования¹².

Достоверность же знания — в соответствии с традицией, идущей еще от Парменида, напротив, требовала специального обоснования — причем не личным опытом, верой или авторитетом (лица или структуры), а с помощью специальной процедуры проверки на *истинность*. «Непроверенное» знание понималось как *мнение* («докса»), противопоставляемое *достоверному знанию* («эпистема»).

Традиция такого «эпистемического» знания *предметна и натуралистична*, поскольку удостовериться в истинности посредством «объективированной» процедуры можно лишь тогда, когда знание как бы само, существуя независимо от своего «объекта», *говорит нам* о нем как о некоей внеположенной нам *natura*, изолированный фрагмент которой организован как *представленный нами (по-ставленный перед нами) предмет*¹³. При этом существование самого выделяющего этот фрагмент природы и производящего опредмечивание субъекта — *представляющего Я* (ego cogitare — Р. Декарт) не усомнится, оно *безусловно* благодаря своей «самоочевидной» *натуральной данности*¹⁴.

2.2. В то же время *гуманитарная проблематика традиционно ориентировалась именно на те ситуации, где подобная данность Я сомнительна*, как, например, при обсуждении *публичных вещей* (res publica), таких, как справедливость, законность, объявление войны или выбор формы правления, строительство храма или возможность устроить театральное представление, — ситуации, в которых *проблематичными становятся добродетели лиц или оценки поступков*.

Именно в такой ситуации оказывается человек, нуждающийся в средствах культурной навигации. Причем проблематичными здесь оказываются не только оценки затрагивающих его культурных феноменов, но и — в точном соответствии со сказанным выше — он сам, в качестве «оценивающего Я». Ибо в современном обществе уже нет того вкуса, который был во времена Канта, когда безусловность «общего чувства» поддерживалась «корпорацией ценителей», составлявших «хорошее общество». *В условиях мультикультурализма мы имеем множественность «общих чувств» — да и в каждой отдельной культуре традиционализм постепенно размывается стремлением к плюралистичности оснований оценки*.

Тип знания, которое применимо в подобных ситуациях сомнительности как оснований оценки, так и самого оценивающего Я, был впервые проанализирован в аристотелевой «Никомаховой этике» и назван им «фронезис»¹⁵. Охарактеризуем подобное знание в контексте его связи с науками о духе, следуя Х.-Г. Гадамеру.

2.3. «Нравственное знание, как его понимает Аристотель, очевидным образом *не является предметным знанием*, то есть знающий не стоит перед фактами, которые он только устанавливает, но он непосредственно *затронут тем, что он должен делать*. Ясно, что это знание не есть знание [естественно] научное», — пишет Гадамер¹⁶. Такое противоположение задает принципиально иной поворот характеристике гуманитарного знания как знания человека о самом себе — и «наук о духе» как источнике такого знания: «Скорее науки о духе тесно связаны с нравственным знанием — в противоположность „теоретической“ науке. Они являются своего рода “моральными науками” (см. прим. 11. — В. М.). Их предмет — это человек и то, что он знает о самом себе. Однако он знает себя в качестве человека действующего, и знание о себе, которое он

таким образом приобретает, вовсе не стремится к установлению того, что есть. Напротив, действующий человек всегда имеет дело с чем-то таким, что не совсем таково, каково оно есть, но что могло бы быть и другим. Он открывает здесь то, во что бы ему следовало вмешаться. Его знание должно *направлять его действия*¹⁷.

Однако действие на основе нравственного знания не есть действие *техническое* — и само это знание не есть только знание о средствах действия. Конечно, «осуществляющий нравственное решение должен выбрать и пустить в ход надлежащие средства, и его действия должны быть столь же продуманными, как и действия ремесленника. И, тем не менее, это знание совершенно иного рода... Представление, которое человек имеет о том, чем он должен быть, и, следовательно, его понятия о правосудности и несправедливости, о порядочности, мужестве, достоинстве, солидарности и т. д. ...являются, в известном смысле, образцами, направляющими его действие и служащими ему ориентирами, однако легко заметить принципиальное различие между ними и тем направляющим образцом, каким, к примеру, является для ремесленника чертеж того предмета, который он производит. Вопрос о том, скажем, что справедливо, а что — нет, не может быть полностью решен в отрыве от ситуации, требующей от меня правосудности, тогда как „эйдос“ того, что хочет изготовить ремесленник, полностью определен, причем определен тем употреблением, для которого предназначена изготавливаемая вещь»¹⁸.

2.4. Смысл описанного практического (нравственного и действенного) знания поступка раскрывается *не в технике* (как в случае покоряющего природу естественнонаучного знания — эпистеме — см. примеч. 13), а *в образовании*, то есть в сфере, где *образовывается* субъективное отношение человека к миру и его способность самостоятельно разбираться в публичных вещах, быть *полисным животным* (Аристотель). Ведь «совершенно очевидно, что человек не располагает собою так же, как ремесленник располагает тем материалом, с которым он работает. Он не имеет возможности создавать себя самого таким же образом, как он создает нечто другое»¹⁹. Иначе говоря, декартово представляющее *Я* — субъект, производящий опредмечивание внешнего мира — *не может положить самого себя в качестве такого же предмета*, не переставая при этом быть «полисным животным», то есть субъектом нравственного, правового и политического действия. Создает же себя человек в таком качестве не техническими манипуляциями над собой, а проходя путь образования как «подъема ко всеобщему». Следуя здесь за Гегелем, Гадамер подчеркивает: «Общая сущность человеческого образования состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях духовным существом». По его мнению, Гегель «увидел также, что для философии условия ее существования кроются в образовании», добавив к этому, что «это справедливо и в отношении гуманитарных наук в целом. Ибо бытие духа в существенной степени связано с идеей образования»²⁰.

2.5. Исторически необходимость развития гуманитарных наук была связана не с потребностью в компенсации разрушающегося под действием мультикультурализма и плюрализма «общего чувства», а с *появлением «динамического общества»*. Последнее возникает, как только люди пытаются *преобразовать себя и культуру*, что в философском плане связано с предложенным Кантом принципом различения природы и свободы²¹.

Оппозиционный «природе» полюс «свободы» связан с *идеей высвобождения человека из априорных форм предзаданной ему культурой норма-*

тивности. Суждение вкуса определяет не канон (позитивно выраженную норму), а что «дурно», в остальном оставляя творческую свободу «гению». Его [суждения вкуса] позитивное соответствие — это даже не нечто, исполненное вкуса, а нечто, для вкуса непродосудительное. Этим он прежде всего и определяется. Дефиниция вкуса состоит изначально в том, что его уязвляет все ему противоречащее, поэтому он его избегает, как избегают всего того, что грозит травмой. Понятие «плохого вкуса» тем самым не является феноменом, первично противопоставленным «хорошему вкусу». Скорее, этому последнему противопоставляется «отсутствие вкуса»²².

Деятельность «гениев», направленная на преобразование культуры, приводит к тому, что *безусловность культурных норм в изменяющемся обществе приобретает исторический характер — она сохраняется лишь для данного народа в данную эпоху*. Теперь уже не гений подчиняется вкусу, а вкус должен «поспевать за гениями», а значит — «образовываться».

2.6. Возникающая динамика общественной жизни приводит к *поляризации двух сфер жизненного мира человека*: сферы *техники* (требующей оформления человеческих способностей в соответствии с собственными законами, воплощающимися в законах природы и нормативно-техническом знании о человеке, входящем в «социальные машины» по ее преобразованию) и сферы *свободного образования* (саморазвития) человеческих способностей.

Динамический характер общества усиливается экспансией ставшей относительно самостоятельной техники в мир в виде промышленной революции (а затем — индустриализации, технологизации, создания инфраструктуры и так далее). В знании это отражается появлением новых дисциплин (одной из первых была политэкономия), не вписывавшихся в старые рамки исследования природы. С другой стороны, внутри самих старых рамок, то есть в университетах, возникает *проблема содержания образования*, отражающая *разрыв сфер образования и техники*, выраженный в том, что старая, ориентированная на статику нормативная структура уже не отражает структуры жизненного мира человека, который начинает изменяться.

2.7. В 1810 году Вильгельм фон Гумбольдт уже по-другому создает Берлинский университет, а в 1820 годы для решения проблемы содержания университетского образования приступает к *гуманитарным исследованиям* (впервые в современном смысле этого слова), создав две новые науки: сравнительное языкознание и антропологию²³.

Гуманитарные дисциплины, фактически, впервые появляются как *описательно-оформляющее знание*, фиксирующее исторические изменения характера общественных отношений в той или иной сфере жизни. Например, если в обществе исторически изменяется язык, то эти сдвиги сначала фиксируются в виде нормативных описаний. Описания некоторого «идеального», «типичного» или «нормального» (например, литературного) языка — ведь реально все люди говорят по-разному — затем переводятся системой образования либо в *предписания* (как *следует правильно* говорить), либо в *систему возможностей* (как *можно* говорить), определенную границами «хорошего вкуса» или обыкновений данной культуры. Поэтому закономерно появление целого корпуса дисциплин, связанных с эстетикой, этикой, историей литератур, историей классической древности и так далее — как фиксацией некоторых идеальных образцов.

Итак, *гуманитарные исследования, в отличие от исследований в точных науках, решают не вопрос о природе вещей, а проблему содержания образования*

в динамическом обществе. «То, что делает гуманитарные науки науками, скорее можно постичь из традиционного понятия образования, чем из методических идей современной науки... Гуманитарные науки XIX века, не сознавая этого, черпали свою единственную силу из сохраняющей жизнеспособность гуманистической мысли об образовании»²⁴. В то же время, постоянно обновляясь в контексте общественных изменений, гуманитарное знание не только высвобождало человека из прежних априорных форм культуры, но и задавало новые, само вызывая такие изменения. Срабатывал — прежде всего благодаря образованию — *механизм рефлексивности общества* — связанный с порождением новых представлений человека об этом обществе, культуре и самом себе.

2.8. «Рефлексивная петля», о которой идет речь, принципиально отличается от непосредственной рефлексии участника культурной практики. Описанный тип рефлексивного механизма является *опосредованным позицией гуманитарного исследователя*, описывающего отношения, складывающиеся в ходе реализации культурной практики. Замыкается «рефлексивная петля» за счет того, что полученное знание *«оборачивается» на участников культурной практики* и изменяет их представления о себе и собственной деятельности — то есть *трансформирует их «непосредственную» рефлекссию*. Можно указать на *два других типа опосредованных «рефлексивных петель»*: через средства массовой коммуникации (вместо образования здесь используется другой механизм «оборачивания» знания — *«производство событий»*²⁵) и через рыночный механизм (в функции знания здесь используется *цена*, в функции механизма «оборачивания» — *совершение сделок*).

Потребителю — который в большинстве случаев является *непрофессиональным* участником культурных практик — для персональной навигации вполне достаточно гуманитарного знания, полученного в результате исследовательской (или журналистской) рефлексии таких практик, дополненной действием информационной функции денег. Однако *профессиональным* участникам культурных практик, помимо осведомленности и способности оценочного суждения — нужно еще знать «устройство» данной практики, то, как ее осуществлять, а в некоторых случаях — еще и как ее модифицировать и «развивать». Иначе говоря, профессионал должен — помимо гуманитарных знаний — обладать еще техническими и методическими, что является немаловажным замечанием в контексте проблем подготовки культурных политиков и управленцев культурными проектами.

И здесь, возвращаясь к понятию практического знания («фронезис», или *prudentia* — см. прим. 15), можно предположить, что оно есть результат соединения *технического* и *методического* знания, указывающего на то, *что* и *как* нужно делать для решения конкретной практической задачи, и *гуманитарного* знания, говорящего о социокультурном контексте предпринимаемых действий и об истоках наших собственных или чужих целей и средств²⁶.

3. Юриспруденция как пример практического знания и методологический прототип для построения прагматики культуры.

Междисциплинарный характер последней

3.1. Ярким — и вполне сложившимся — примером подобного знания является *юриспруденция*. В практическом знании, необходимом юристу, соединяются юридико-техническое знание, непосредственно обеспечивающее юридическую практику, и правоведческое знание, являющееся результатом гуманитарного исследования (рефлексии) этой практики.

Чрезвычайно существенными для нас являются *два момента, сближающих юриспруденцию с прагматикой культуры*. Во-первых, юридическая деятельность также связана с оценкой. И, во-вторых, как и в случае со вкусом, носителем которого в XVIII веке была «корпорация ценителей», носителем юриспруденции как практического знания в целом является не отдельный юрист, а «юридический цех», то есть корпорация.

Поэтому в эпистемологическом плане, связанном с анализом типа и способа функционирования практического знания, *представляется вполне правомерной аналогия между культурной практикой и юридической практикой — и, соответственно, между прагматикой культуры и юриспруденцией*. В этом смысле, если отождествить «прагматику» с «практическим знанием», «*прагматику культуры*» можно перевести как «*культурпруденцию*» — памятью о том, что *prudentia* (фронезис) есть практическое знание.

3.2. Первая составляющая юриспруденции — юридино-техническое знание — возникло вместе с появлением римского права. Процесс его становления совпадает с генезисом юридического мышления как такового в его исходной — догматической — форме. Следует отметить, что, как и носители «хорошего вкуса» в XVIII веке, римские юристы *обучаются не «по науке», а на живых образцах*. Подобный прием существования путем самовоспроизводства профессиональной корпорации надежно закрепился в европейской культуре и составляет основу того, что в наше время именуется *социокультурными институтами*²⁷.

И все же для возникновения *правоведческой науки* — как гуманитарной, отличающейся от юридино-технических дисциплин, — помимо социокультурного нормирования юридической практики и воспроизводства ее через институты образования требовалось еще одно условие: *общественные изменения*. И такая ситуация возникла, причем весьма искусственно, благодаря прерыванию римской традиции в «темные века» и неожиданному ее восстановлению — рецессии.

В XII веке в университете Болоньи, а затем и в других западноевропейских университетах было воссоздано, благодаря найденной в конце XI века рукописи «Дигест», юридическое образование. В это же время оформилось *правоведение*, вначале изучавшее и толковавшее римское право схоластическим методом, основанным на выделении и систематизации юридических понятий и конструкций, имплицитно содержащихся в римском тексте, который рассматривался как своего рода «*идеальное право*». Метод подразумевал также *глоссирование* отрывков, то есть толкование строчки за строчкой. Впоследствии появились комментарии к глоссам, направленные на *устранение противоречий*. Упражнения были «чисто академическими», но быстро приобрели практическое значение, как только выпускники университетов, образовавшие корпорацию, начали *применять полученные знания к действующему праву*.

Прежде всего, это коснулось канонического церковного права, которое чуть позже также стало преподаваться в университетах, а затем — и других отраслей права²⁸, пока не сформировалась взаимосвязанная *система основных институтов сферы права*, включающая институты правотворчества, правоприменения, юридической науки и образования²⁹.

3.3. Ядром системы правовых институтов осталась *корпорация юристов* — носителей Идеи Права и юридического мышления, воспроизводство которых, посредством воспроизводства самой профессиональной корпорации,

уже в римские времена стало основным механизмом трансляции правовой культуры. Однако теперь юристы обучаются не только на практике (юридическая герменевтика по-прежнему остается искусством), но и «по науке»: трансляция юридического *мышления* (в отличие от *понимания*) становится задачей «оторванного от жизни» университета, воплотившего институциональную связку науки и образования.

К началу XIX века (то есть как раз ко времени Гумбольдта) трансляция специальной области культуры посредством институционализации профессионального мышления особой корпорацией при ведущей роли университета распространилась на всю область социальных практик, оказывая формирующее влияние и на реальность общественных отношений. Подобное формирующее влияние, когда знание постепенно становится активной составной частью той реальности, в результате исследования которой оно состоялось, выступает фундаментальной особенностью социального и гуманитарного знания. Так, в случае права понимание норм сливается с их толкованием, а толкование — с применением³⁰.

Правоведение является образцовым и очень наглядным примером знания, развивавшегося со времени рецепции римского права, представляющей собой классический образец реконструкции правовых норм применительно к изменившейся реальности. Но, если тогда изменения были сравнительно редкими, то сейчас они стали непрерывными. Современное правоведение имеет дело с постоянным переоформлением норм и институтов права, отражающих тенденции общественной динамики. Существенно также, что в подобных условиях динамичного общества правоведение не только исследует изменения, но и — через конструирование юридических понятий и доктринальное толкование норм права — оказывает на изменения формирующее влияние. Именно такая задача — с точностью до замены юридической практики на культурную и юриспруденции на прагматику культуры — ставится перед формирующейся в последние годы новой корпорацией культурных политиков — управленцев культурными проектами.

3.4. Поскольку реализация культурных проектов затрагивает традиционные зоны компетенции целого ряда научных и философских дисциплин (философия и теория культуры, социология, психология, экономика, история и так далее), то исследования, обеспечивающие разработку подобных проектов, будут, как правило, иметь комплексный междисциплинарный характер. В современных науковедческих исследованиях выяснено, что преодоление институциональных границ между научными дисциплинами, возможно лишь при формулировании практической (прикладной) проблемы, которая, с одной стороны, затрагивает научные интересы нескольких дисциплин, с другой — не решается силами ни одной из них в отдельности, и с третьей — неразложима на частные аспекты, которыми представители могли бы заниматься независимо друг от друга.

«Комплексные проблемы» в большинстве случаев вырастают из практических областей и первоначально формулируются языком практики, а не одной из кажущихся уместными научных дисциплин, ибо в языке каждой из таких дисциплин будет высвечен лишь один из частных аспектов проблемы, а остальное содержание будет утеряно. Исследования комплексных проблем с применением метапозиционного подхода обычно называют междисциплинарными, а создание методологических средств междисциплинарных исследований соответственно именуется междисциплинарной методологией³¹.

Широко известными и соотносимыми с идеями прагматики культуры примерами междисциплинарных методологий выступают системный подход³², институциональный подход³³ и методология анализа рефлексивных процессов³⁴.

Методологические средства (инструментарий) подобных комплексных подходов обычно группируется вокруг некоторого ядерного («подходообразующего») понятия (в упомянутых примерах это «система», «институт» и «рефлексия»), дающего название подходу, употребляемого в разных научных дисциплинах и способствующего преодолению междисциплинарных границ. В некоторых случаях подобное понятие из методологического средства постепенно превращается в задающее самостоятельный объект исследования — что в итоге приводит к появлению новой «синтетической» теории и научной дисциплины, школы и так далее. Достаточно удачный пример подобного рода — родившаяся из системного подхода «общая теория систем», однако появление новой науки способствует уже не преодолению, а формированию дополнительных междисциплинарных границ. Для нас же важно не построение еще одного научного предмета, а «специальная технология продуктивного сплочения разнообразных дисциплин знания и менеджмента для практической цели». В этом смысле организационная функция научно-исследовательской программы уточняется с учетом специфики междисциплинарной методологии: она является технологией, «сплавляющей» и координирующей людей разных профессий.

3.5. Одним из общих понятий, схватывающих междисциплинарную область прагматики культуры в виде связанного поля, может быть понятие «сферы искусства»³⁵, задаваемое через два междисциплинарных подхода: системный и институциональный. Первый из них предполагает описание процессов, задающих сферу искусства и «протекающих» через нее, с дальнейшим определением функциональной структуры в виде набора позиций («функциональных мест»), имеющих определенное социокультурное предназначение. Для сферы искусства конституирующими являются три процесса. Помимо двух названных процессов (создания культурного продукта — произведения искусства — и его взаимодействия со своим потребителем) чрезвычайно значимым является процесс оценки (художественной критики, суждения вкуса), без которого, строго говоря, невозможно отграничить произведения искусства от всех других вещей. Соответственно, получается три структурирующих сферу искусства функциональных места: создатель произведения (это может сама по себе быть довольно сложная структура — как, например, при создании кинофильма), потребитель и оценщик-критик.

«Наполнение» этих «функциональных мест» определенными социальными ролями, учреждениями и институциональными образованиями задается уже в институциональном подходе³⁶. Например, когда отношения создателя и потребителя произведения стали опосредоваться рыночными институтами, оценщик-критик, который раньше как бы стоял между создателем и потребителем, «расслоился» на собственно художественного критика («при создателе произведения»), оценщика-1 (стоящего между создателем и рыночным институтом — например, галереей) и оценщика-2 (стоящего между рыночным институтом и потребителем). Появились и очень значимые позиции мецената, коллекционера, продюсера, а также системы тиражирования произведений, институт авторских прав и так далее. Иногда оценка и потребление совмещаются в рамках институционально-единого мероприятия (фестивали, кон-

курсы), хотя они могут быть разделены пространственно (по разным залам, как на кинофестивалях). Впишутся в эту картину и специализированные институты формирования цены (например, аукционы), а также эффекты, порождаемые взаимодействием сферы искусства с процессами других сфер (например, взаимодействие сферы искусства с рекламой порождает институт спонсорства). Готовность к восприятию предметов искусства обеспечивается процессами образования и воспитания, которые в этом смысле должны рассматриваться в качестве институциональных условий функционирования сферы искусства.

3.6. Построив, таким образом, в опоре на аппараты подходящих междисциплинарных методологий первый набросок общей карты проблемно-тематического поля, мы сможем далее фокусировать внимание уже на отдельных ее фрагментах и ставить задачи на проведение уже собственно научных исследований по отдельным темам. При этом проблемные области будут помечаться как «белые пятна» на этой карте, постепенно «покрываемые» результатами исследований — новым знанием. Если же мы хотим понять влияние на ситуацию какого-либо внешнего процесса (например, культурной политики), мы должны будем «нарисовать» этот процесс на карте поверх уже нанесенных на нее объектов³⁷ с учетом влияния внешнего процесса на каждый из них. Разумеется, постановка задач на научные исследования должна быть при этом уточнена, а изменения карты — обсуждены всеми участниками коллектива (лучшая форма здесь — междисциплинарный семинар).

Карта проблемно-тематического поля выступает наиболее общим модельным изображением изучаемой области и одновременно инструментом соорганизации исследователей, в том числе и рефлексивной: ведь если мы не просто описываем объект исследования, но и осуществляем на него воздействие, то мы сами становимся частью изменяющегося объекта — о чем нужно поставить в известность остальных исследователей. При этом карта проблемно-тематического поля превращается в план-карту. Будучи модельным изображением сферы искусства, план-карта не только организует исследователей и систематизирует уже поставленные проблемы, но и сама порождает ряд новых проблем, что отражается на сетке исследовательских направлений (в таблице таким «производным» проблемам соответствует третий столбец слева — «социокультурные функции и институты сферы искусства» — тематически во многом пересекающийся со вторым, но являющийся результатом переинтерпретации проблем изучения рынков предметов искусства и культурного потребления в языках системного и институционального подходов).

3.7. Важнейшим условием совместной работы междисциплинарной исследовательской группы над какой-либо комплексной проблемой является коммуникация между исследователями, обеспечивающая не только обмен промежуточными результатами, но и удержание общего контекста работы, нахождение общего языка, а также рефлексивное прояснение концептуальных оснований, на которых строится работа каждого участника, предъявление всему коллективу принимаемых каждым допущений и ограничений.

Основным пространством подобной коммуникации исследователей становятся междисциплинарные семинары (в интервалах между которыми происходит интенсивный обмен текстами), дополнительными пространствами могут быть Интернет-сайты (и, вообще, любое «сетевое» общение), научные журналы, различные конференции и симпозиумы — однако при этом повестка дня должна формулироваться не по тематическому, а по проблемному прин-

ципу, чтобы избежать «окукливания» участников в привычных предметных областях.

Таким образом, коммуникационные проекты не только задают один из контекстов использования знаний, полученных в ходе реализации научно-исследовательской программы, но и сами являются важной формой междисциплинарной соорганизации. То же самое можно сказать и об образовательных проектах. Образовательная деятельность должна строиться так, чтобы вовлекать не столько профессиональных преподавателей, сколько группы исследователей, занимающихся реальными проблемами прагматики культуры, и при этом хотя бы в некоторой части быть общей, объединяющей для них. Еще одной общей деятельностью, побуждающей соотноситься с общей картой проблемно-тематического поля, могут быть издательские проекты.

Примечания

¹ В 1965 году на Лондонском коллоквиуме по философии науки И. Лакатос выдвинул концепцию «методологии научно-исследовательских программ» и постарался показать, что в истории науки научные исследования всегда, по сути дела, развертывались на основе программ. Более того, все крупные научные теории — даже такие фундаментальные и задающие «парадигму» на столетия, как система ньютоновской механики — являются не чем иным, как особым образом оформленными программами исследований и разработок. — См.: *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — М., 1995.

² В этом контексте понятие «научно-исследовательской программы» близко по смыслу к введенному Т. Куном понятию «парадигмы». Стремление И. Лакатоса заменить куновское понятие на свое было обусловлено его несогласием с куновской концепцией смены парадигм и, соответственно, иным видением истории науки и ее движущих механизмов.

³ Предпринимались лишь попытки эмпирических обобщений: специалисты по науковедению оказались слишком далеки от опыта таких организаций, как NASA. Гуманитарные же исследования развивались в рамках более традиционной университетской организации.

⁴ А с 1979 г. — систематическое проведение организационно-деятельностных игр, направленных на создание различных программ комплексных научных исследований и проектных разработок и развитие методологических представлений о программировании. — См.: *Щедровицкий Г. П.* Программирование научных исследований и разработок / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 1. — М., 1999. — С. 248.

⁵ См.: *Щедровицкий Г. П.* Экономические формы организации хозяйства и современные предпринимательские стратегии // Программирование культурного развития: региональные аспекты. — М., 1994. — С. 9.

⁶ Там же. — С. 14.

⁷ В советской науке этот момент получил отражение в виде известного тезиса о «превращении науки в непосредственную производительную силу». Однако в условиях, когда при отсутствии предпринимательского механизма и соответствующих инфраструктур новое знание не приводило ни к каким инновациям, эта в целом правильная мысль вызвала разве что мрачные ассоциации с отправкой научных сотрудников на сельхозработы.

⁸ См.: *Щедровицкий Г. П.* Указ. соч. — С. 247. Заметим, что то, что в нашей стране часто называется «программно-целевым подходом», концептуально ближе как раз к планированию, а не к программированию.

⁹ Подробнее см.: *Щедровицкий Г. П.* Указ. соч. — С. 251.

¹⁰ Ср.: «...все, чего мы желаем познать, есть наше незнание. Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания. Для самого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании, всякий окажется тем учнее, чем полнее увидит свое незнание». — *Николай Кузанский.* Об ученом незнании / Соч. в 2-х т. — М., 1979. — С. 51. — Т. 1.

¹¹ Французский эквивалент — *sciences de morale*. Буквальный перевод — «моральные науки» — искажает смысл. Скорее, нужно переводить как «науки о нравах».

¹² См. Кант И. Критика способности суждения. — М., 1994. — С. 166.

¹³ Связь подобного знания с пониманием окружающих нас явлений как внеположенной нам «природы» (*natura*), требования «предметности» и «объективности» этого знания постепенно закрепились в виде «естественнонаучной» методологии. Широкое развитие естественных наук, основанных на математике (и в этом смысле — «точных») в Новое время тесно связывалось с идеологией «покорить природу и тем привести человечество к счастью» (Ф. Бэкон). Под «покорением природы» подразумевалось использование «законов природы» в технике и инженерии.

¹⁴ Разъяснение того, что *пред-*ставление внешнего *пред-*мета подразумевает в качестве своего основания самопредставление *пред-*ставляющего Я см. в работе: Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. — М., 1988. — С. 271—287. Попытки обосновать существование такого *пред-*ставляющего Я ведут к его конструкции как трансцендентального субъекта, внеположенного какой-либо общественной (в том числе культурной) практике. Функция такого трансцендентального субъекта сводится к чистому созерцанию — теоретическому применению разума, противоположаемому Кантом его практическому применению.

¹⁵ См.: Аристотель. Никомахова этика / Соч.: В 4 т. — М., 1984. — Т. 4. Греческое слово «фронезис» римляне перевели как *prudentia* («рассудительность»), откуда произошло *iurisprudentia*.

¹⁶ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М., 1988. — С. 371.

¹⁷ Там же. — С. 372.

¹⁸ Там же. — С. 374—375.

¹⁹ Там же. — С. 374.

²⁰ Там же. — С. 53—54.

²¹ Это различие задается у Канта в рамках одной из антиномий чистого разума, устанавливающих границы причинности, понимаемой в рамках онтологии природы и связанного с ней естественнонаучного метода. Тезис третьего противоречия трансцендентальных идей гласит: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо допустить еще свободную причинность». — Кант И. Критика чистого разума // Соч. Т. 3. — С. 418. Различение причинности по законам природы и свободной причинности разграничивает области компетенции учений о чистом и практическом разуме или теоретическую и практическую части философии.

²² См.: Гадамер Х.-Г. Указ. соч. — С. 79.

²³ См.: Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). — М., 1927.

²⁴ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. — С. 59—60.

²⁵ Механизм использования знания в подобной «несобственной» функции «производства события» впервые описан французским социологом Патриком Шампанем на примере использования социологического знания (в частности, результатов опросов) для формирования общественного мнения. Тем самым особым образом опубликованное знание начинает не только описывать, но и программировать события — и в этом контексте сам факт публикации данного знания становится ожидаемым событием. Более того, некоторые события специально строятся в расчете на определенное научное описание. См.: Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. — М., 1997. В ряде современных работ по методологии социального и гуманитарного знания показано, что указанные моменты представляют собой проявление более общих характеристик такого знания, связанных с его рефлексивностью и способностью воздействовать на собственный объект. Это относится не только к социологическому, но и к любому практическому знанию.

²⁶ О практическом знании в данном контексте см. также: Марача В. Г. Исследование мышления в Московском методологическом кружке и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр. 18. — 1997; Марача В. Г., Матюхин А. А. Методологическое значение права в контексте вопросов о гуманитарном знании и образовании // Открытое образование и региональное развитие: проблемы

современного знания. Сборник научных трудов по материалам V Всероссийской научной тьюторской конференции / Отв. ред. А. О. Зоткин. — Томск, 2000; *Матюхин А. А.* Государство в сфере права: институциональный подход. — Алматы, 2000. — С. 109—131.

²⁷ См., напр.: *Марача В. Г., Матюхин А. А.* Правовые институты, сфера права, правовая культура // Научные труды «Адилет» (г. Алматы). — 1998. — № 1 (3). Библиографию по данной теме можно найти в монографии: *Матюхин А. А.* Государство в сфере права: институциональный подход. — Алматы: Высшая школа права «Адилет», 2000. — 596 с.

²⁸ См.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1994. — С. 124—164; *Аннерс Э.* История европейского права. — М., 1994.

²⁹ См.: *Марача В. Г., Матюхин А. А.* Указ. соч.

³⁰ См.: *Берман Г. Дж.* Указ. соч. — С. 125.

³¹ *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования как объект науковедческого изучения / Системные исследования. Ежегодник. — М., 1972. — С. 11 и сл.

³² См., например, издаваемый в США с 1956 года ежегодник «General Systems» и выпускаемый с 1969 года в Москве ВНИИСИ (ныне — Институт системного анализа РАН) ежегодник «Системные исследования».

³³ См., напр.: *Малиновский Б.* Научная теория культуры. — М., 1999; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997; *Ротстайн Б.* Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. проф. Е. Б. Шестопал. — М., 1999. — С. 149—180; *Быченков В. М.* Институты: Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. — М., 1996; *Марача В. Г., Матюхин А. А.* Правовые институты, сфера права, правовая культура // Научные труды «Адилет» (г. Алматы). — 1998. — № 1 (3); *Матюхин А. А.* Государство в сфере права: институциональный подход. — Алматы: Высшая школа права «Адилет», 2000; *Марача В. Г., Матюхин А. А.* Становление правовой культуры и государственности в России и Казахстане // Гуманитарная Россия: координаты становления / Культуротехнический альманах «Архэ». — Вып. 4 (2003 г.).

³⁴ Библиография и большое количество работ по данной проблематике доступны на сайте <http://www.reflexion.ru>.

³⁵ Именно через искусство (хотя и не только через него) человек познает самого себя в своем культурно-практическом и деятельно-нравственном качестве, то есть обретает практическое знание.

³⁶ Следует пояснить, что в интересующем нас контексте институт — если мы хотим рассматривать его как *социокультурный*, а не чисто социальный — это не учреждение. Помимо учрежденческой структуры (материальных опор, системы мест и формальных процедур) институт имеет также духовные опоры, «направляющую идею» (ценностную, рамочную) и символическое оформление. См., напр., работы, указанные в примеч. 27.

³⁷ В системном подходе результат подобной операции иногда называют «системой, нарисованной на системе».

КАРТА, КОМПАС И МАРШРУТ (К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Человек пишущий — странный субъект. Он как будто что-то знает и об этом спешит сообщить окружающим. Но знаний в современном мире скопилось слишком много и неизвестно, что с ними делать в таких количествах. Хочется от знаний перейти к вопросам, стать человеком вопрошающим. Найти важные вопросы и — не ответить на них, не брать на себя такой «ответственности».

Поэтому эти заметки — в жанре вопрошания.

Человек сегодня — по чьему ведомству?

Если попытаться вывести *summa summarum*, пробный экстракт представлений о человеке, предлагаемый миру постмодернизмом, то картина получится неутешительная. Современный человек экзистенциально одинок и незащищен. Он не верит в покровительство верховных сил, да и в сами верховные силы верит относительно. Скорость и убыстряющийся темп жизни лишает его и доверия к постоянству, надежности другого человека. Сегодня ты здесь и с этими, а завтра — в другом месте и с другими. Человек замыкается в скорлупе уединенно-приватного и из своего подполья равнодушно взирает на череду внешних событий. Хотя нет, не из подполья, а из стремительно скользящей по разным пространствам прозрачной капсулы, вокруг которой, в почти неразличимом водовороте, мелькают люди, события, города и годы.

Можно остановить этот хрестоматийный парафраз, отослав к многочисленным авторам¹.

Все это, действительно, похоже на правду. Остается только позавидовать средневековому жителю, «движение суверенной воли которого, заключенное в границы внешних обстоятельств, встраивалось вместе с этими границами в раз и навсегда данную систему вечного порядка мира, в котором любая на вид случайность оправдана и потому назначена быть»².

Вот тут и возникает вопрос: прописка человека по ведомству верховных сил (любых: в лице ли Бога, Науки или Государства) позволяла не думать о целостности жизни, поскольку эталон был задан, оставалось ему следовать. А что делать при отсутствии такого ведомства / ведения? Современный человек предоставлен самому себе и вынужден обучаться ряду жизненно необходимых операций и процедур, которые до этого были делегированы другим, более компетентным инстанциям.

Как писал поэт:

Но свет
Должен быть
Собственного производства.
Поэтому я делаю витражи.

* Ирина Шиянова — руководитель проектно-исследовательской группы «Карта — Магна», ведущий научный сотрудник Центра демографических исследований, кандидат филологических наук (Москва).

Нужна ли человеку целостность?

Недавно мы с дочерью ходили на спектакль Михаила Угарова «Облом — off». Талантливая, современная реприза по мотивам гончаровского романа. Очень смешная и, одновременно, глубокая. Успешный предприниматель Штольц и не совсем адекватный, но обаятельный Обломов, играющий в салочки и отказывающийся жить в мире людей-функций. Доктор ставит Обломову диагноз его исключительно редкой болезни: «Totus». Уж не знаю, насколько корректно авторы спектакля обошлись с латынью, но интерпретация красива. «Вы больны, — говорит доктор, — редкой болезнью целостности, Вы — исчезающий вид, такая архаическая нелепость, Вам не выжить в этом мире».

Может быть, действительно, — ну ее, эту целостность?

Р. Дарендорф справедливо пишет о том, что двадцатый век успешно освоил три человеческих типа, с которыми люди автоматически себя идентифицировали³. Homo economicus: потребитель, «тщательно взвешивающий перед каждой покупкой выгоду и стоимость»; Psychological man, умело жонглирующий представлениями о своих комплексах и своем бессознательном; и Homo politicus, с достаточно однообразными, но постоянно повторяющимися социальными жестами.

Может быть, достаточно и этих человеческих редукций? Какая разница, что не собираются они в единое, не образуют собой хрустального свода?

Где живет жар-птица?

Современная социология и культурология в поисках ускользающей целостности обратились к повседневной жизни человека, пытаются в феноменах обыденного отыскать перо жар-птицы. «Мертвое публичное пространство»⁴, в котором отношения выхолащены до ритуальных обменов, а человеческое умалется до размеров функции, заставляет современного человека искать себя в своем уединенном.

На мой взгляд, современная социологическая мысль, детально исследовав и проанализировав эрозию публичной жизни, застывает ровно на том месте, где становится, наконец, интересно. Я ни у кого не нашла внятного ответа на вопрос: что гарантирует человеку встречу со своим человеческим в лабиринтах частной жизни⁵? А, может быть, на самом деле это лабиринты Минотавра, и человека там ничто не ожидает, кроме встречи с собственной пустотой, или, в лучшем случае, с бледными отражениями своих социальных ролей⁶?

Предположим все же, вслед за рядом интеллектуалов-альтруистов, что приватное пространство является сегодня местом созидания и сохранения самости. Предположим, что из «личных идиосинкразий»⁷ действительно складывается опыт выращивания в себе Человека. Предположим так же, что в наше время подобные опыты становятся повсеместными, или достаточно частыми. В отсутствии «верховных ведомств» и транслируемых ими эталонов такие прецеденты самосозидания могут стать маяками надежды. Или, на другом языке, — точками силы.

Кто построит маяк?

Описание частных опытов «жизнестроительства», инсталляция этих опытов (в какой форме? в каком языке?) в широких социальных пространствах — непростая, но важная задача. Как показать сегодня, что человек возможен? Не сочинять еще и еще откровения для узкого круга интел-

лектуалов, а демонстрировать реальные оазисы самозарождения и самосохранения. Создавать новые антропные карты. Прорисовывать по ним новые маршруты жизни. Не как образцы, а как возможности.

Думаю, что адресовать эту задачу ученым — бессмысленно, потому что это не их епархия, это — уже не по их ведомству. Дерзко и точно сказал об этом Розеншток-Хюсси: «Вопрос „Что есть человек, что Ты помнишь его?“ — это вопрос неспециалиста, и я считаю грабежом и обманом, что он похищается у неспециалиста каким-нибудь специалистом. Таким образом, я возбуждаю дело для того, чтобы спасти язык неспециалистов. Вопрос: „Что есть человек?“ — это только один и, конечно же, прославленный пример вечного и обязательного любительского языка души, аннексировать который не должен иметь права никакой специалист, никакой клир, никакой „-лог“»⁸.

Человечество движется в сторону перманентных исследований и самоисследований. Нам никуда не деться от изучения самих себя, от самоописаний своей жизни в разных масштабах: от простой повседневности и сиюминутности, до определения целей и жизненных стратегий. В предшествующие эпохи за нас эту работу делали культурные институты в лице религии, литературы, науки, бравшие на себя роль гуру по отношению к человеку обыденному, рассказывающие ему, как жить, на кого ориентироваться, в какие ценности верить. Располагать свою жизнь в пространстве, очерченном и проговоренном за тебя другими, — комфортно и не рискованно, но эти удобные времена уходят в прошлое.

Вакуум, который образовался на месте «*чужих-произведений-поводу-моей-жизни*» придется заполнять нам самим.

В этой точке культурного разрыва и возникает проблема нового поколения исследований. Нового, как минимум, по трем основаниям.

Первое: это формирование нового, массового адресата исследований. Сегодня исследования — это рафинированное занятие избранных и для избранных. «Тридцать семь процентов опрошенных считают, что в XXI веке главной проблемой будет загрязнение окружающей среды». Так. И что мне, простому человеку, с этими цифрами делать? Что они добавляют в мое понимание мира и собственной жизни? Разве только что приобщают меня к процессу ложных самоидентификаций: «И я, и я так считаю...» Нужны исследования, которые могут играть роль своего рода социокультурных зеркал, помогающих людям увидеть свою жизнь вписанной и отраженной в контекстах других жизней и судеб, или, как точно сказал Ричард Сеннет, «в которых человеческие существа способны были бы действительно выразиться перед лицом друг друга».

Второе основание для поисков нового исследовательского формата заключается в необходимости смены объектов самих исследований. Мы мало что знаем друг о друге. Модели жизни, стиль жизни, темп, вкус жизни сильно изменился. Но в чем? В чем конкретно? Описания жизни, предлагаемые сегодня, поверхностны: такая рябь по воде, пена, которую, если постоянно воспроизводить, можно принять за сам состав жизни. Причем, это касается как описания частной жизни, так и описания жизни страны в целом. Мы ведь практически не знаем до сих пор, в какой стране живем. Я не о политических или экономических реалиях, а о простых «формулах жизни», о том, из чего они, эти жизни, складываются, как и куда движутся, образуя своей невидимой (в смысле — непроявленной, неописанной) массой общую социокультурную атмосферу. Какую именно? Поистине, «мы живем, под собою не чуя страны...».

Третье основание заключается в поиске адекватных методов современных исследований. Мы опутаны сетью чужих слов и чужих высказываний по

поводу жизни. И чужое высказывание часто «говорит нами». Социальная риторика — это нетривиальная проблема для исследователя. На мой взгляд, большинство социологических исследований знакомит нас с упакованными в цифры и проценты симулякрами, имеющими весьма отдаленное отношение к истинным представлениям людей, или — точнее — к тем представлениям, которыми люди живут, а не которые они высказывают.

И, тем не менее, люди обнаруживают себя в речи, высказывают свое потаенное, корневое — то, что в первую очередь достойно исследовательского внимания. Нужно исследовать то, как люди говорят, как они пользуются языком. М. Ильин очень точно сказал по этому поводу: «С эмпирической точки зрения наиболее приближены к социетальному плану действительности язык и речь Здесь, очевидно, гораздо полезней были бы данные социолингвистики, а опросы давали бы более осмысленные результаты, если бы скорее анализировалось, *как* люди отвечают на вопросы, чем *что* отвечают респонденты»⁹.

Строго говоря, слово «исследование» уже не годится. Исследование — это действие по поводу прошлого, по поводу «следа». Вызов же заключается в том, чтобы найти способ синхронно описывать настоящее. Изобрести технологию стремительного антропного сканирования. Вспышка — и фотография готова. А на фотографии — прекрасное лицо состоявшегося человека. Нашего современника. Нашего знакомого. Он живет на соседней улице. Мы встречаемся с ним каждый день по дороге на работу. И — улыбаемся друг другу.

Примечания

¹ Из писателей это, конечно, А. Роб-Грийе, Ф. Соллерс, С. Беллоу, Х. Кортасар; из философов — целый отряд — от Ницше, Хайдеггера, Фуко до Дерриды, Р. Рорти и Ж. Липовецки; им вторят социологи: Д. Рисмен, А. Шютц, И. Гофман, Р. Сеннет; об этом же говорят и «гуру» от менеджмента: Т. Гэд, К. А. Нордстрем, Й. Риддерстрале, Г. Бургхард.

² Рабинович В. Исповедь книгочехя, который учил букве, а укреплял дух. — М., 1991. — С. 208.

³ Дарендорф Р. Тропы из утопии. — М., 2002. — С. 177.

⁴ Сеннет Р. Падение публичного человека. — М., 2002. — С. 19.

⁵ В этом предварительном, ставящем вопросы, а не отвечающем на них, тексте мне не важно различие «приватного / частного / обыденного / уединенного», хотя я, конечно же, отдаю себе отчет в том, что это разные, не сводимые друг к другу вещи.

⁶ «...ужас обнаружения себя лишь в качестве копии или реплики.» — Г. Блум (цитирую по Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. — М., 1996. — С. 47).

⁷ Рорти Р. Там же. — С. 124

⁸ Розеншток-Хюсси О. Что есть человек? В защиту неспециалиста // Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. — М.; СПб, 2000. — С. 78. И далее он пишет: «Итак, социолог, вообще кто-то спрашивающий, допускает наличие полной жизни, равноправной жизни, только у тех, кто может задавать ему встречные вопросы. По большей части это его коллеги и его кредиторы. Другие люди должны ответить на его анкету. Тем самым спрашивающий возвышает себя до уровня судьи. Ибо вверху этой анкеты невидимыми чернилами, конечно же, написано: „Что есть человек?“ Ибо теперь ему вынесен приговор судьи: „Он — не полный жизни современник, которого социолог считает равным себе, а человек второго сорта, которого социолог объективирует“». — Там же. — С. 80.

⁹ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. — М., 1997. — С. 157.

ОТКРЫТИЕ ФОРУМА

*Ведущий — председатель Комитета по молодежной политике администрации Красноярского края
Алексей Чайка*

Добрый день!

Мы начинаем работу Форума «Поколенческие инвестиции и региональное развитие». Я рад приветствовать всех собравшихся в этом зале, наших уважаемых гостей, наших коллег из соседних регионов, которые к нам добрались, несмотря ни на что. Надеюсь, что все будет только способствовать более плодотворной работе Форума. Предлагаю начать работу Форума и для приветственного слова приглашаю заместителя Губернатора Красноярского края Юрия Павловича Олейникова.

*Слово заместителя Губернатора Красноярского края
Юрия Олейникова*

Добрый день, уважаемые земляки!

Мне очень приятно приветствовать здесь интеллектуальную элиту, людей, которые ищут сегодня новые пути, новые принципы, новую логику; которые хотят определить сегодня основы, из которых сложится будущее. Мне приятно, что в зале много молодых лиц. Надеюсь, что те идеи, которые сегодня здесь прозвучат, смогут заинтересовать и увлечь молодое поколение. Меня как представителя власти интересует одно: мы убеждены, что сегодня молодежная политика — это суть властной деятельности. И глубокое понимание того, ради чего власть сегодня должна проявлять свои усилия. Это определение того, как мы с вами, люди, которые входят в возраст зрелости и старости, будем жить и будем гарантированы в своем будущем. Все это будет зависеть от того, как молодежь нынешняя воспримет нас, те идеи, которые мы складываем. Мы сегодня говорили уже с коллегами-организаторами этого форума о сути наших властных интересов, они лежат только в одном: Мы хотим, чтобы было определено главное, то, что можно назвать аксиомой молодежной политики, то, что объединяет поколения. Мы должны найти ключ, который соединяет прошлое и будущее, настоящее и будущее. Мы должны понять: в чем связь того, что есть сегодня и что есть завтра. И в сегодняшних ваших поисках я надеюсь, что вы будете этим озабочены и определите, что есть суть, задача нашей деятельности. Деятельности власти в том числе. Хотелось бы, чтобы вы, в то же время, предлагали какие-нибудь уникальные идеи, которые могли бы и увлечь нас в том числе, чтобы мы видели, что мысль живет, развивается, что она сегодня интересна. Сегодня нам необходимо договориться о том большем, что составляет общественную идею, которая определяет нашу завтрашнюю жизнь. В общем, хочу пожелать вам интересных размышлений, успехов, находок. Спасибо и всего доброго.

*Слово заместителя Главы города Красноярска
Иосифа Бакишева*

Добрый день, уважаемые коллеги!

Сразу хочется отметить, что для нас очень важен факт проведения этого мероприятия в нашем городе — и для городской администрации, и для краевой. Нами уже осуществлен ряд подобных проектов. Современность требует отойти

от старых представлений. Сегодня необходимо создать кадровый резерв — люди, которые смогут работать не только как специалисты, но и работать в команде; продвинутые молодые люди, которые необходимы для управления городом. Я думаю, что на этом Форуме при совместном общении, в процессе работы, в совместных обсуждениях, вы найдете нечто новое и главное. И в таком продуктивном, надеюсь, сотрудничестве, вижу следующее — совместные проекты и программы, созданные для территорий, под которые объявлены муниципальные гранты. Мы очень рады, что Форум поддерживается краевой администрацией, городским образованием. Мэр Красноярска просил передать всем вам пожелание успешной работы и новых проектов. Спасибо.

АНТРОПОПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ И СТРАНОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Я хотел бы поблагодарить всех собравшихся в этом зале за то, что они приняли решение участвовать в предметно и профессионально однозначно непонятном мероприятии. Форум Поколений свою историю начал как абсолютно общественное движение, сегодня же он становится все более профессиональным по отношению к новой для нашей страны сферы практической антропологии и антропополитики. Хотелось бы поблагодарить администрацию Красноярского края и Комитет по молодежной политике Красноярского края, поскольку впервые Форум происходит в государственно-общественной институции, когда есть официальный заказчик в лице администрации Красноярского края. Я на Форуме выполняю функцию продюсера, Алексей Чайка выполняет функцию куратора, Олег Игоревич Генисаретский является научным консультантом Антропологического Форума.

В своем докладе я хочу остановиться на трех моментах, аспектах. Первый момент связан с понятием антропополитики; здесь я попытаюсь ввести контуры этой новой государственной деятельности. Во-вторых, я хотел остановиться на вопросах социально-антропологических. И, в-третьих, остановиться на вопросах государственного управления и на проблемах целеполагания. Сама идея антропополитики рождается в тот момент, когда становится понятно, что оценку территории страны невозможно производить с точки зрения формальных экономических показателей. Согласитесь — невозможно оценить потенциал края по количеству бареллей нефти, добываемых на душу населения, или количества тонн собранного зерна. Очевидно, что человеческая жизнь и человеческие судьбы имеют иные измерения. И, судя по всему, эти измерения связаны с демократизацией и либерализацией, которые производятся сегодня в нашей стране; их невозможно оценить на языке индустриально-экономическом. И, по всей видимости, сама государственная деятельность не может формулироваться на языке старых целей. В этот момент возникает проблема реорганизации и переоформления основных понятий, через которые мы формулируем цели. И в этом смысле происходит реорганизация самих ценностей, их переформулирование. Одним из таких понятий, по нашей версии, является понятие «Поколения». Было искушение несколько лет назад дать название не «Форум Поколений», а «Форум Поколения». И то, что в конце появилось «*й*» — очень значимо. Потому что в этот момент возникает идея собственно коммуникации, идея передачи, идея культурной преемственности. И, заметьте, что ценность каждого поколения подчеркивается. А с другой стороны, когда мы говорим — разные поколения, мы производим некоторую дифференциацию.

Для советского и постсоветского общества любая социально-понятийная дифференциация являлась болезненной, поскольку мы имели дело с одним антропологическим понятием — советский народ, который в своем принципе не различался. А поскольку любая дифференциация, любые отличия — есть ресурс развития, то мы просто не имели ресурса развития, обозначая всех одинаково. Во-вторых, стоит заметить, что разговоры о поколениях вво-

дят нас в поле размышления о новом поколении, о входящем поколении — будь это физиологическое поколение или будь это культурное поколение. Думаю, что Форум сможет ответить на вопрос «в чем его значение?».

Этот Форум не совсем обычный. Если предыдущие Форумы не так жестко ставили свои цели и не так жестко формулировали свои названия, то в этот раз Форум называется «Поколенческие инвестиции и региональное развитие». Мысль здесь заключается следующая — можно ли использовать общественный, поколенческий в этом смысле, ресурс для регионального, странового развития. Если действительно выбран курс развития, если действительно рамка развития является для Красноярского края ключевой, то могут ли поколенческие идеи и поколенческие различия служить ресурсом для социального, экономического и политического развития. Собственно говоря, исходя из этой мысли, была организована программа Форума.

У нас в программе четыре фокуса. Первый — культурно-исторический; он называется «Сценарные сюжеты для поколенческой преемственности». Второй фокус — экономический; он называется «Стратегии капитализации поколенческих ресурсов». Третий — политический — «Программы институционализации поколенческого участия». Четвертый — образовательный — «Кадровые технологии поколенческой ментальности». Формулировка сессий и их названия не совсем обычны. Это уже — первая попытка в наш проектно-технологический язык и в оборот ввести гуманитарное начало. Результатом Форума должна стать аналитика состояния антропополитического вопроса в регионе, в стране, а также появление ряда реальных проектных предложений для социальной сферы и сферы молодежной политики.

Перед началом мероприятия представители СМИ просили в течение одной минуты объяснить, что такое антропополитика. И почему нам недостаточно иметь обычный язык, и почему нам недостаточно иметь обычную постановку. Существует же комитет по социальной политике, образовательное ведомство, здравоохранение... Знаете, по всей видимости, такая организация современного управления носит индустриальный характер. Управление тоже строилось как некоторая машина «по производству». Я не думаю, что сегодня можно и нужно быстро переименовывать все ведомства и учреждения, но думаю, что этот процесс необходимо начинать. Его можно производить на вводе нового языка, на вводе формулирования новых целей. Приведу пример, для СМИ. Антропополитика — это не то, как быстро движется электричка метрополитена, это еще и то, насколько удобно сиденье. Антропополитика начинается с самых мелких, казалось бы, вещей, а заканчивается принципами, исходя из которых, можно строить собственную биографию и собственно самоопределяться в этой стране. Антропополитика — это взгляд, когда все окружающее, экономическое и социальное, превращается в средства для того, чтобы происходило самоопределение и развитие человека. Для того, чтобы в повестку дня были введены такие понятия как личностный рост, персонализация, индивидуальность, герои... И все остальное является средством на этом пути.

И в этом смысле, ставя цели антропополитические, мне кажется, что власть становится той гуманной и гуманитарной, той демократической, о которой так много и долго говорилось в этой стране. Мне кажется, что, говоря на языке антропополитическом, мы как раз и можем формулировать современные цели. А поколенческий взгляд, поколенческий предмет — это один из срезов, на которых можно строить свою работу.

Вторая часть — социально-антропологическая. Называется несколько философски: «Как возможна современная свобода». Хочу начать с примера. Один мой знакомый, депутат госсовета, жалуется мне: «Я, — говорит, — выступая перед народом, говорю, что делать надо то-то и то-то, — тогда цифры будут такие. А сейчас они такие, и поэтому... А приходят другие депутаты и говорят совсем иные вещи: типа, детям — мороженное, женщинам — цветы. И за них голосуют, а за меня не голосуют. Ну, ситуация понятна. И что мне делать», — спрашивает он. А я ему говорю — а ты попробуй язык сменить. Он говорит, что не может говорить тоже про цветы и мороженное. И здесь возникает проблема — сменить язык — куда? Во что? Что значит «мы будем жить лучше»? В этом смысле одна из идей проговаривания целей на антрополитическом языке следующая (я ее сформулировал в виде вопроса) — возможно ли, что Россия может развернуть массовые антропологические процессы, при этом сохранив высокую рамку? Возможно ли, чтобы не только в эксклюзивных, индивидуальных проектах, направленных на отдельных людей (я имею в виду как образовательные и социальные, так и экономическо-корпоративные).

Но и в массовых проектах в России была сохранена высокая рамка понимания и самоопределения? Возможно ли? Потому что очень часто говорилось, что в перестроечный и постперестроечный период ментальность населения, которая была выпущена, как джинн из бутылки, сместилась на низкий уровень потребления, жизни, отношения, восприятия. Возможно ли, запуская различные массовые процессы, в том числе демократические, сохранить высокий уровень понимания и самоопределения населения, граждан? Вообще установка на антрополитику — есть установка на работу с массовым сознанием и массовым самоопределением. Теперь — возможно ли массовое самоопределение или самоопределение, которое происходит массово?

Очевидно, что такая постановка вопроса сразу влечет конструирование новых гуманитарных объектов-смыслов. Возникает ситуация приложения усилий для конструирования новых проектных объектов. Мне кажется, что многие мои коллеги из педагогического сообщества не справляются с этой задачей, проговаривая эти объекты на старых понятиях, не выходя в массовый контур. Образование до сих пор не становится массовой практикой. Несмотря на то, что оно развернуто в массовых институтах, тем не менее, не становится массовой практикой. У нас был спор с рядом коллег о том, что такое индивидуально-ориентированное образование? Они говорят, что индивидуально-ориентированное образование — это когда в маленькой школе сидят в классах по 10—12 человек и, благодаря этому, они индивидуально образуются. Мой тезис принципиально другой. Индивидуально-ориентированное образование — это когда 200—250 человек сидят в зале, и каждый из них может выступить, глядя на то, что происходит, свое личное движение в происходящем. И в этом смысле, чем больше людей, тем меньше внимания одному человеку, меньше тоталитаризма по отношению к нему. Это и есть индивидуально-ориентированное образование.

Вопрос в том, с какими объектами должен работать антрополитик. На что молодежная, социальная и остальные политики должны обращать внимание? Сегодня стало все более актуальным такое понятие, как ментальность. Или ментальные матрицы. Здесь очень принципиально при формулировании таких понятий отойти от традиционных научных дихотомий. Нужно сформулировать объект так, чтобы он был задан сетевым, сферным образом. Почему, например, в СМИ не вводится это понятие — «ментальность»? В научном

обороте также не вводится. Потому что придется признать, что у нас страна советская? Как только мы выходим на объекты нового рода, у нас появляется «новая правда». Часто мне коллеги говорят — давайте создадим, например, кадровую школу, сделаем систему повышения квалификации для большинства населения, как это было в других странах, и они обретут новую кадровую квалификацию. На что мы часто обидно отвечаем: «Поймите, если люди обладают определенной ментальностью, мы не можем внедрить определенного рода кадровые технологии, типа управления персоналом и принятия решения. Это невозможно для этих людей. Для них нужна другая работа, связанная, например, с социальной психотерапией». Массовый тренинг происходит и со страниц газет, из ТВ, из системы массовых коммуникаций, из общественных форм массовой информации. Недавно, работая в маленьком городе, где до сих пор существует служба социальной защиты населения, мы стали предлагать ряд проектов, связанных с развитием человеческого потенциала. Но о чем может идти речь, если вся работа с ветеранами сводится к тому, что на 9 мая дарят им советский продуктовый набор. И, в общем-то, избирательная компания успешно прошла. О какой антропополитке или социальной политике может идти речь?

А если задача «на вырост»? Может, вот этот самый массовый тренинг или социальная терапия быть направлена на появление социальной задачи? Она должна быть простой, чтобы охватить население. В решении которой может участвовать любой. В этом смысле, когда я говорю «антропополитика», я имею в виду вот эту массовую социальную задачу, которая может мобилизовать.

Форум называется «Поколенческие инвестиции и региональное развитие». Сразу возникает вопрос — а региональное развитие к чему призывает? Инвестиции от поколения нужны региональному развитию? В чем вызов ситуации? С радостью увидел один сюжет по телевидению, когда Александр Хлопонин в Москве призывал студентов московских вузов массово переезжать в Сибирь, мотивируя это тем, что здесь возможен более быстрый карьерный рост, чем в московских «аристократических» корпорациях. Вот вызов, хотя бы такой.

Затем, после того как будет произведена смена объекта, учитывая, что главным объектом нашего управленческого внимания является ментальность, сразу возникает вопрос о средствиальных понятиях, с помощью чего мы это будем делать. Вот, например, можно задать такой ряд антропологических скоб, когда, с одной стороны, понятие указывает антропологический фокус, на качество человека или на компетенцию, а с другой стороны — на социальную среду. Можно ли сегодня работать с таким понятием, как существующие «технологические уклады», их смена и изменение. Выбор человеком существующих технологических укладов. Или, например, «культурные ландшафты». Их смена и выбор человеком «культурных ландшафтов». «Ментальные модели». Их смена и выбор человеком ментальных моделей. И часто я спорю с зарубежными коллегами, которые говорят «да что там, в России, — там все делится на две части — Россия и Сибирь. А дальше все одинаковое». А мы только на территории одного Красноярского края можем насчитать 5–7 различных технологических укладов. А на территории Сибири мы можем увидеть несколько типов культурного ландшафта. Количества типов ментальных моделей, наверное, меньше. И мне кажется, что, если говорить поколенчески, то современное поколение, конечно же, оказалось в ситуации выбора. Не только банального карьерного выбора, но и выбора образа жизни. В своих

практиках мы часто используем миграционный тренинг, когда в некоторых закрытых, бесперспективных территориях, мы ведем откровенную работу по подготовке молодых людей к переезду на другую территорию. Часто коллеги нам говорят «Как же так, вы работаете на то, чтобы на территориях уменьшилось количество людей. Будут исчезать люди, будут исчезать территории». Но, — если мы стоим не на позиции администрации этого района? Заказчиками-то являются молодые люди и родители. Они не готовы слушать о том, что с ними будет через 10–15 лет. Потому что люди измеряют свою перспективу 3–5 годами. Что для отдельного человека обозначает смена технологического уклада? Молодой человек сегодня хорошо понимает, что сменить технологический уклад можно, купив за \$ 50 билет и переехав жить в другую местность.

В этой ситуации для молодого поколения, а также рефреном для других поколений, по-новому встают тема свободы и тема этики. Это связано во многом и с темой ментального права. Стоит выделить три принципиальных права, которые задевают молодое поколение. Первое — право на деятельность и мыследеятельность, второе — право на идентификацию, третье — право на коммуникацию. Во многом, надо признать, несмотря на то, что либеральная идеология транслируется повсеместно, права молодых на включение в деятельность не осуществлены. Надо признать, что, во многом, право на идентификацию у нас ярко выражается в западных псевдообразах либо в отсутствии компетенции на формирование собственного имиджа (и вообще на культурную работу с историей и с культурно-историческими образами). Понятно, что во многом сегодня мы не имеем коммуникации. Прежде всего, мы не имеем поколенческой коммуникации. Поколения осуществляют усилия для того, чтобы понять друг друга. И в этом смысле этот механизм должен начинать нарушаться.

Если говорить о базовой компетенции, то пока мы проговариваем ее таким несколько ироничным термином — социальная вменяемость. Или, более научным языком, — средовое ориентирование. Появление средовых координат у человека, когда он начинает понимать, в каком регионе живет, в чем его специфика, когда начинает смотреть аналитические передачи, начинает рефлексивно относиться к тому, что говорят ему окружающие. Эта социальная вменяемость характерна тем, что появляется чувство местности. Провинция в России (и в Сибири) и провинция во Франции — совершенно разные вещи. Я имею в виду понимание и отношение людей. Маленькое тренинговое задание старшеклассникам — расскажите, какие соседи есть у вашей области — приводит к фиаско. Не могут обозначить свой субъект Федерации на физической карте. Нет ощущения территории, во многом игнорируется история. А у Сибири, как минимум, три истории — история Российская, история Сибирская, история Европейская. Я бы сказал, что без этой компетенции — социальной вменяемости — отсутствует уверенность в пространстве страны. До сих пор мышление молодых людей по поводу страны делится на сектора: Московский, — это одна сторона, а Сибирь — это другая сторона. Нет уверенности в пространстве страны, нет уверенности в том, что это твоя страна, что она тебе доступна. Я недавно разговаривал с директорами школ города Кемерово, а в конце лекции стоял вопрос о профильности старшей школы. Я сказал: «Расскажите, сколько детей в этом вашем большом городе учатся по системе экстернат?» Они сказали, что один или двое, и то по болезни. Я спросил: «А в чем проблема?» Ответ был: «Дети не хотят». Я спрашиваю: «А они знают?». Они не знают. Нет уверенности в пространстве страны.

Но самое интересное аналитическое наблюдение связано с тем, что, в общем-то, стала транслироваться такая антропологическая характеристика как тотальная несчастливость. Люди тотально несчастливы. И это передается. Хотя, казалось бы, сейчас должна быть уверенность. Время «Бригады» и беспредела закончилось, но ментальность транслируется сегодня со страшной быстротой, — мы даже не успеваем за этим следить. И мы можем иметь сейчас тотально несчастное поколение, но то, которое по телевизору, как мы видим, веселится и развлекается.

Третья часть посвящена вопросу «Как возможна ткань общественно-государственного» с точки зрения антропополитики. Научно-аналитически и гуманитарно-аналитически можно обсуждать понятия национальные государства, постнациональные государства, но я думаю, что с антропологической точки зрения необходимо обсуждать такой символ как Страна. Я думаю, что для массовой антропологии этого достаточно. И мне кажется, что здесь одним из ведущих умений власти должно быть целеполагание, целеориентирование и умение ношения целей. Мы долго мечтали о том, что наступят такие времена, когда новое поколение придет к власти и все будет по-другому, все будет по-хорошему. Потому что те были такой-то ментальности, а эти — другие. Мне кажется, что у молодого поколения во многом начинает проявляться отсутствие умения целеполагания, целеориентировки и ношения целей. Если мы критиковали прошлое поколение за то, что у них были, вроде, неправильные цели, то я думаю, что в скором времени апелляция, — у тебя нет целей, — перестанет быть апелляцией. Перестанет напрягать нас, эта инстанция и совсем начнет исчезать. Собственно, цели появляются на пересечении двух больших сфер — это Государство как механизм управления, и представление о Стране, как о пространстве смыслов. Вот это пересечение формулирует цель. И если не понимается первое или второе, то цель не может быть сформулирована. Получается, что цель является механизмом организации пространства смыслов. И это есть главная функция сегодняшней власти. Организовать пространство смыслов. И все, заметьте. Все остальное сделают другие. В этот момент возможно спросить: «Какими координатами задается пространство смыслов?» И в пику всем постмодернистам, я бы сказал так — у нас глубокое культурное наследие. Вопрос в том, как его доставлять из истории и как его интерпретировать?

Я вижу пять, с моей точки зрения, идей, которые сегодня необходимо реанимировать в этом смысле. Социально реформировать. Первая — Идея Мира, Соборности или Гармонии, которая выражается в XX веке в русскую организационную мысль, начиная от А. Богданова и В. Муравьева и до ММК, которая может реформироваться в идею Российского управления. Вторая — это русская Идея Служения. Эта идея сегодня может быть реформирована в идею российского высокого гражданства или Русского Мира. Третья — Идея Освоения. Русские всегда осваивают. Сегодня это может быть превращено в Идею Развития. Четвертая идея — Идея душевного Поиска, Богоискательства. Сегодня эта идея может быть Идеей Самоопределения — как массового, так и индивидуального. Пятая идея — Идея Духовности и связанная с ней возможность духовного роста и интеллектуальных прорывов. Специфика нации, которая имеет опыт духовности может выворачивать это в современность интеллектуальных прорывов.

Таким образом, я пытался обосновать появление Форума поколений, наметить смысл современной антропополитики, а так же задать некоторый

контур Российской Культуры для реализации современной социальной политики.

— А почему в Вашем докладе так много слов в сослагательном наклонении?

А. Попов: Когда мы говорим о том, как возможно, — мы должны ответить на вопрос — как возможно то, что уже есть. Все глагольные существительные — это слова, определяющие статус ситуации, статус институциализации, статус проявленного, — но не до конца. Поэтому такие слова как «возможно» и, в связи с этим, что-то появляется, появляется эта общественно-государственная инициатива, но появляется и вопрос — в каких формах, в каких институциях это может быть. Например, в Красноярске проходит Форум PR, то есть это сообщество институциализировалось, а вот эта инициатива, она может быть перенесена в профессиональную сферу? Какой тип институциализации этих наработок может быть? А еще возможно и приглашение к диалогу. Мне кажется, что это такая мягкая социальная форма, обеспечивающая коммуникацию.

— Скажите, организация пространства смыслов, эти пафосы, которые вы перечисляли, они имеют отношение к кому? К власти? У власти есть определенное понимание того, как эти пафосы могут присваиваться властью или это пафосы для народа?

А. П.: Я считаю, что власть — это консолидированный механизм, который растворен как в определенных властных учреждениях, так и в самом нарождающемся гражданском обществе. Пафос, если он истинный, — то он для всех пафос. Это то, что может связать и объединить. Пафос — это то, по отношению к чему мы можем вести разговор. Пафос — это то большее, по отношению к которому мы что-то можем делать.

МЕЖДУ ВЫЖИВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ: ВОЗРАСТНЫЕ СОСТОЯНИЯ, МОТИВАЦИИ И АФФЕКТЫ В СТРУКТУРЕ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК

Смыслообраз возрастных состояний

Обобщенный смыслообраз (когнитивно-иконическое представление) возрастного состояния мы хотели бы задать так, чтобы он:

1) сохраняя счетную определенность человеческого возраста, отвечал свободным целесообразностям складывающихся сегодня поколенческих практик¹;

2) имел прямое экзистенциально-прагматическое значение, был непосредственно проживаемой реальностью и, среди прочего, обладал мотивирующей, рефлексивно-критической и аффектирующей способностью;

3) и, наконец, искомый смыслообраз возрастных состояний должен соответствовать основным методологическим установкам той гуманитарной стратегии, которой мы в данный момент придерживаемся в своей социально-антропологической практике.

Что нужно, чтобы одновременно реализовать эти три методологические установки в одном смыслообразе возрастного состояния? Как минимум, соотнести возрастную событийность жизнедеятельности человека — с его витально и социально структурированной исторической событийностью. Метафорически выражаясь, возрастные состояния человека — с историческими возрастами человечества²!

«История не является экспериментированием, — писал Ж. Делез, явно указывая последним словом на активное, деятельностное отношение к природе и обществу, — она представляет собой совокупность условий, которые делают возможным экспериментирование с какой-либо вещью, ускользающей от истории. Без истории это экспериментирование оказалось бы неопределенным, необусловленным, но само экспериментирование не является историческим. ...Становление не является историей; история имеет значение только совокупности условий, которые недавно существовали, но от которых отклоняются, чтобы «стать» (вырасти, развиться, созреть и состояться. — О. Г.), то есть чтобы сделать какую-либо новую вещь»³.

Таким образом, путь от событийной изменчивости становления к мучительно искомым сегодня возможностям свободного *самоопределения* и *саморазвития*, к историческому *автопоэзису* человеческих сообществ лежит через институционально структурированный процесс социально-исторической трансформации деятельности. Путь от онтологически сознаваемого становления к развитию лежит через деятельность и процесс ее социально-исторической трансформации. Признав историческую изменчивость деятельности, приходится признать и экзистенциально-прагматическую суть возрастных состояний человека.

На краснопярском Форуме поколений 2003 года с нажимом говорилось, что главным вопросом молодежной политики, к которой привязывалась поколенческая проблематика, должно стать единство поколений. Учтя русскоязычную двусмысленность «пафоса» и «патоса» (страсти, порой — болезненной и греховной), я не думаю, что особо хороша власть, занимающаяся выращиванием «пафосов патогенных». Смыслы, образы и чувства мне больше по душе — и как ученому, и как гражданину.

Мы живем в то время, когда мышление, исследование, проектирование — занятия массовые. Потому думать, что можно организовывать деятельность и управлять ее развитием исключительно через целеполагание (манипулирование интересами), игнорируя смыслы и работу с ними — в высшей мере наивно. Смысловое пространство, а потом народ добровольно побежит что-то делать — наивно.

Поскольку мы идем в школы, в университеты, в аспирантуры для того, чтобы обращаться со смыслами так же свободно, как с иными материями, нужно уметь в рамках каждой релевантной проблемы (поколений) создавать условия смыслообразования, действия со смыслами, управления ими. Сейчас это — наибольший управленческий дефицит. Если в чем и стоит упрекнуть наличную власть, то это в ее бессодержательности, в ее неумении работать с когнитивными реальностями вообще и с когнитивными институтами в частности.

Где институционально позиционируется молодежная политика?

Молодежная политика — задача популярная, часто упоминаемая, но не имеющая четко обозначенной прописки в системе правовой политики. Молодежной политике не находится места в политическом пространстве. Если вы просмотрите повестки дня подразделений, которые занимаются политическим планированием, легко убедитесь: если молодежная политика в них присутствует, то далеко не на первых местах, а, как правило, ближе к концу. Да, мы в ответ на все вызовы наловчились создавать соответствующие комитеты, на худой конец — подкомитеты. Есть проблема — будет комитет, комитет будет жить, будет привлекать и осваивать средства, а эффективность его деятельности будет измеряться ростом его кадров и расходов. Типичный административный способ реагирования на появление новых проблем. И самый лучший способ от этих проблем избавиться: проблему можно «расписать», распределить и раздробить, а, по сути, — ликвидировать, обесмыслить ее. Потому что иначе за нее придется отвечать.

Работать с проблемами, которые за три-четыре года не решить, мы не любим: они возможности роста не дают. Л. Н. Гумилев говорил: в Великой степи, где мы с вами живем, уважением пользовались только *люди «длинной» воли*, те, что способны мыслить и принимать решения, располагая себя в большом историческом времени, работая с длинными преемствами, с ценностно-насыщенными (обогащенными) управленческими сущностями. И в этом у нас состоит профессиональное достоинство политика и государственного мужа: не бояться длинных проблем, адекватно их принимать и внятно чувствовать, что по этому поводу стоит говорить. К сожалению, если такие люди и есть в государстве нашем, видно, руки у них до молодежной политики не дошли.

Я думаю: главное, для чего Форум поколений понадобился теперь в новом формате — для определения институционального места молодежной политики. Даже заведомо предполагая целесообразность особой молодежной политики, вовсе не обязательно оформлять ее организационно-административно. Известно, что далеко не во всех странах есть министерства по делам молодежи. У нас же налицо обособленная проблема и декларированная потребность в особой политике, при ее фактическом отсутствии. А если признать эту потребность управленчески осмысленной, то где ее институциональное место, в каких властных структурах? Где возможен по поводу нее гражданский диалог, социальное партнерство? По-моему, это главный вопрос, который надо бы включить в повестку дня Форума.

За последние лет пять в наших политических кругах получил остро модную известность концепт социального партнерства. Скорее всего, благодаря обещанию сближения интересов государственной власти, гражданского общества и большого бизнеса⁴. Хотя исполнение его относят в отдаленное будущее, толковать о социальном партнерстве на прикармливаемых бизнесом Форумах и Ярмарках стало хорошим тоном.

Есть ли в конструкции социального партнерства место для молодежной (и / или поколенческой) политики? Можно ответить «да», если не забывать, что главная социальная функция концепта социального партнерства, давно опознанная «новой левой» и профсоюзами, — это маскировка ухудшающегося положения наемного труда (особенного, молодежного) в мире уходящих из-под национально-государственной юрисдикции транснациональных корпораций.

На тех гражданских Форумах, в которых мне довелось участвовать за время работы в ЦСИ ПФО (в том числе на недавно прошедшем в Нижнем Новгороде Российском Форуме), это было за версту видно. Конечно, куда удобней открыть пяток компьютерных классов в регионе, чем и зачислить себя в представители «социально ответственного бизнеса», чем обеспечить прозрачность ведения своих дел в регионах, чем отстраивать согласованные с профсоюзами, основными партиями и местными правозащитными организациями стандарты экологической и социально-гуманитарной политики. Удобней на Ярмарке социальных и культурных проектов выложить лишний миллион у. е. на нужды уже вставших на ноги НКО, чем решать волнующие их молодежные проблемы — с помощью современных управленческих инструментов — на федеральном или окружном уровнях.

Я не говорю, что не надо «малых дел», что сам по себе концепт социального партнерства не плодотворен. Он сыграл свою роль в 60-е годы в мире и в 90-е — у нас в России. Но надо отдавать себе отчет в его конформистской социальной функции: «социальное партнерство» отнюдь не нейтральная в идеологическом отношении конструкция. Ставка на него ведет к существенным деформациям восприятия социальных ценностей и критериев социальной эффективности (в любой сфере деятельности).

Теперь вопрос, который предлагается обсудить и на который нужно ответить: молодежная (она же поколенческая) политика также мыслиться нами в рамках социального партнерства? Это — социальная политика, и ее обязательно надо позиционировать в коридорах соответствующего Министерства и подведомственных ему социальных службах? Или у нее другая природа?

На томском Форуме поколений 2001 года я начал излагать генеалогическую схему смысловых поколений, утверждая, что возраст, поколение, межпоколенные отношения имеют не столько социально-групповую, сколько институционально-гендерную природу. Оно принадлежит *гологенному*, а по-русски выражаясь, к *цельнородному* измерению жизни, к области родового сознания, родовых отношений и родовых практик⁵. Поколение — не сообщество общающихся между собой людей одного возрастного диапазона, а цельная телеснородовая общность вместе рождающихся, брачующихся и умирающих человеческих существ. Знаками общительности поколения являются «моменты» сдвоенного диахронно / синхронного времени, проявляющиеся в инициатических событиях (инцидентах) так называемых ритуалов перехода.

А потому можно сказать, что поколенческая политика — в первую очередь институционально-гендерная политика. Правда, при этом придется допустить,

что параметрами родового порядка можно управляться, не нарушая хотя бы подразумеваемых принципов гуманитарной корректности. А лучше — снабдить их инструментами сознания (понимающего мышления).

Мы, граждане своей страны, не просто «души населения», не элементы «антропоструктуры» поколений. Здесь, в России, наше место рождения и жизни, мы рождены в своей стране, уроднены ее природой и языками-народами, вплетены в узор населяющих ее родов и народов.

Поколения, как и всякая иная естественно-родовая сущность, — это жизнесмертная реальность. Поколение — это когда мы рождаемся, брачемся, производим на свет Божий следующее поколение и друг друга хороним. Подтверждаем свою принадлежность к одному и тому же поколению, собираясь на свадьбы, дни рождения и похороны. Ведь при рождении-то никакого поколенияческого самосознания у нас нет. Мы обретаем его по мере вхождения во взрослую, в растающую в сень смертную жизнь. Из обратной бизнесесмертной перспективы глядя, называвшейся также «смертной памятью», мы сознаем себя в поколенческой реальности.

Для гуманитарно-политического и гуманитарно-технологического освоения поколенческих реальностей нужны другого рода социология и политология, отличные от тех, с которыми мы привыкли иметь дело применительно к повседневной жизни. Проблемы отцов и детей, связи поколений, культурно-ценностной преемственности образа жизни — все это мужские версии вопросов, задаваемых из мира отношений рабства / господства, мира заведомо несчастного сознания. На самом деле родовое сознание, отношение, практики и единство — область, куда более широкая и захватывающе интересная. И практически многообещающая⁶.

Потому и трудно поколенческую политику институционально позиционировать, что она не укладывается в устоявшиеся социально-экономические схемы. Ее объект естественнее интерпретировать, с одной стороны, в онтологических схемах пространственного развития (и земского самоуправления), а с другой — в схемах социально-гуманитарной антропологии и экологии.

Часто звучавшие на красноярском Форуме поколений слова о социальных ценностях, способных поддерживать межпоколенческую синергию (сорботничество), я не склонен воспринимать только как проявление идеологической ажиотации. Нам действительно надо вместе ощутить себя в своей стране; страну, в которой мы живем — как свою страну, страну своей судьбы, а не как административно-территориальную мегамашину, для которой мы — пушечное мясо, рабочая сила, исправные налогоплательщики или субъекты платежеспособного спроса. Если это еще возможно для нас, посылно для наших искаленных сердец и умов — ощутить страну как Родину и Отечество.

Надо найти слова, чувства и ценностные основания для межпоколенного странового единства. Потому что во всем остальном мы — люди достаточно оспособленные и опытные, — что нам написать концепт или построить стратегию с заданными параметрами, организовать очередной Форум, знамена сшить в ближайшем ателье мод и... вперед!

Когнитивно-иконическая семантика и историко-генеалогические альтернативы самоопределения

Еще один горизонт, в котором приходится поколенчески самоопределяться — это наследие (культурное, нравственное, духовное). Причем определяться не только интеллектуально, но и экзистенциально-онтологически

(по наличной сути дела). Самоопределяться, отвечая на вопрос: а что же все-таки произошло, происходит и — главное — будет происходить с моей страной, моей землей, моим родом / народом? Что сулят мне, моим детям и внукам все эти «социальные партнерства», «ответственные бизнесы» и «президентуры»? Что мы, как наследники, наследуем из прошлого, чему мы последуем в настоящем и что преследуем в будущем?

Речь, очевидно, идет о понимании наследия как основы жизнеспособности, от которой производны работоспособность (производительность труда) населения и соревновательная конкурентоспособность экономики страны.

Сближение гуманитарно-экологических взглядов на культурное наследие с расширенным социально-гуманитарным истолкованием капитализации происходило по линии занятий проблематикой идентичности. Поскольку она касалась широкого спектра идентичностей, — не только культурных, но, также, социальных, этнических, региональных, гражданско-государственных, конфессиональных и так далее, — гуманитарно-экологические воззрения на наследие постепенно приобрели проектно-стратегическое и культурно-политическое значение. Его можно подытожить в трех утверждениях:

1. Культурное наследие — понимаемое как смысловая, целевая и правовая преемственность жизни и деятельности людей и их сообществ, — является основой их жизнеспособности⁷.

2. Культурно-экологическое видение роли наследия близко управленческому пониманию роли капитализации в практике корпоративного управления: отсюда, кажется, возрастающий интерес к концепциям культурного капитала, культурным ресурсам и человеческому потенциалу регионального развития.

3. Культурное наследие — важнейший стратегический ресурс развития, проектно-стратегическое освоение которого составляет приоритетную задачу методологии стратегического мышления и деятельности.

В этой тройственной перспективе ближайшей методологической перспективной можно считать сближение гуманитарно-экологического понимания связи наследия и жизнеспособности — с практикой стратегического управления региональным развитием, нахождение достаточного (для практического сотрудничества) согласия в понимании смысла, целей и критериев оценки программ культурного развития.

Но сегодня ясно, что согласие, спрос на которое только возрастает, не будет достигнуто ни путем манипуляций общественным мнением, ни путем подкованных потуг политического планирования. Речь идет о согласии более глубоком — об оправдывающих и завершающих развитие ценностях и мотивах, об убеждениях и воле к вере, о согласии мировоззренческом и мироустроительном, в конце концов, — идеологическом.

Сегодня, когда среди гуманитарных технологов в большом ходу логистика разных типов капитала: помимо финансового, учетными стали человеческий, социальный, культурный, символический, а иногда даже духовный капиталы. Спрашивается: какие перспективы мысли и деятельности открываются после *переистолкования* культурного наследия в терминах культурного капитала и капитализации? До какой степени вообще осмыслена подобная речь? Сохраняет ли она исходные интуиции, из которых когда-то выросла сначала идея культуры, а затем и культурология как особая предметная дисциплина?

Из опыта повседневной жизни известно, что когда даже ближайшие родственники завещают какое-то имущество, мы все равно проходим

процедуру вступления в права наследования. Факт наличия наследия, сам по себе, не обеспечивает нам права быть наследниками. Можно также вспомнить, что само по себе наличие природных ресурсов, пока они находятся в земле, не делает нас богаче. Их еще надо разведать, извлечь, обогатить, переработать и так далее, прежде чем в нашем доме появиться, компьютер или домашний кинотеатр. Так и с культурным, и с духовным наследием. Да, исторически у нас за плечами тысячелетняя история, полная творческих свершений и опыта. Но введение его в коммуникативный оборот требует огромной работы. Так дело обстоит и со вступлением в права наследия.

Современная Россия возвела свое юридическое правоприменение к Конституции 1922 года, признав тем самым и Брестский мир, и распад исторической России, и отделение Церкви (а теперь и культуры) от государства. Оторвав себя от той России, символы которой мы сегодня исподтишка вновь вводим в оборот, восстанавливая во Владивостоке Триумфальную арку в честь возвращения цесаревича Николая II из кругосветного путешествия, или по случаю 100-летия прославления во святых преп. Серафима Саровского возвращая Церкви Сарово-Дивеевскую обитель. Когда же мы определимся — вхождения в права *какого* наследия мы ждем или наследниками *чего* чаем быть; что для наших, здесь присутствующих, поколений означает ими *стать*?

Если своего духовного выбора поколение не делает, оно будет либо поколением предателей, либо поколением самозванцев⁸. Национальная забава у нас такая — самозванство. Привычка походя говорить от имени поколения, края, народа, Церкви и Бог знает кого еще. А ведь это очень тонкая материя — быть представителем, действовать «от имени» и жить «перед лицом».

Итак, речь идет о возможностях самоопределения:

- в рамках определенного поколения (и возрастного состояния);
- посредством когнитивных смыслообразов и соответствующего их материи образа мысли;
- в социально-гендерном (родовом) горизонте;
- в пространстве / времени наследия и наследования.

А в целом — о выборе своей *схемы жизни*, своей пространственности и событийности ее. Об умении искать, выбирать и строить. Так я объясняю себе, почему молодежная политика не находит своего когнитивно-институционального места. Найдет, я уверен в этом. Но ищется с трудом, потому что дело идет о родовой, глубинной и жизненно сложной реальности возрастных состояний. Вот мы берем физическую карту мира — что на ней изображено? Горы, моря, реки и... города. Там нет стран и нет регионов, но есть города, где живут поколениями люди. И поселения, и поколения — событийно-становящиеся, «естественные» сущности.

Проектность после фантазма и трансгрессии

А еще можно поставить вопрос так: в каких стратегических и методологических форматах возможно прорабатывать объекты, заданные когнитивно-иконически (подобные смыслообразам возрастных состояний)?

И здесь я вновь обращаюсь к названию моего доклада, в котором есть слова «между выживанием и развитием», «мотивацией и аффектом». Можно было бы еще добавить «недостачей и избытком», указать на *состояние достаточности*, соотносить его с экзистенциально-онтологическим соответствием... Но тогда существует риск полностью позабыть исходные интуиции, заставившие нас искать смыслообраз возрастных состояний. Мы не настолько утописты, чтобы не понимать, что говорим сегодня большей частью о выживании,

а не о развитии. Но стратегического реализма ради, важно не упускать эту растяжку.

Если брать поколенные идентичности в их повседневной проявленности, они, по-видимому, относятся к разряду *теневых* идентик, лишь косвенно, отраженно сознаваемых на периферии сознания. Когда в силу интенциональной направленности на предмет желания возрастное состояние форсируется, оно разряжается серией интенсивных фантазмов, особенности которых неплохо описываются в терминах трансгрессии⁹. Тогда развитие принимает вид стремления к достижению «некоего первоначального качества, которое можно так же представить как возвращение к представлению (фантазму) о первоначальном состоянии полноты жизненных ощущений, переживаний. Это состояние, создавая новые реальности, присутствует как воспоминание, как фактор изменений, как целеполагание и реконструируется. Разнообразие вещей и жизненных порядков обеспечивается их уходом / возвращением. Ритм — повторяемость этих движений — залог устойчивости системы (желаний) во времени, аналог равновесия»¹⁰.

Конечно, без установок на развитие говорить об изменении наличной ситуации не приходится. Но если когнитивная составляющая возрастного состояния — это фантазм, то с какой формой проектности мы здесь имеем дело? Уже даже не с утопической, а, скорее, с галлюцинаторной! Думая об этом, каждый раз вспоминаешь студенческую революцию 1968 года с ее лозунгом: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!».

Понимая с какими «машинами желаний» мы на Форуме поколений имеем дело, приходится вновь и вновь задаваться вопросом о предпочтительных для межпоколенной коммуникации формах проектности.

Как сохранить упование на Форум как на школу проектного всеобуча? Если все пока чему-то и научились — так это заполнять грантовые заявки, писать проекты и бизнес-планы, формировать команды и проводить обучающие тренинги. Следующий шаг — к полноформатному проектному менеджменту и ИТ-организации распределенной по партнерским сетям работы. А уже потом, — а для кого-то с этого все и начнется, — прямая психопрактическая по технике работа со смыслообразами своих возрастных состояний, с их психоматикой и процептикой¹¹.

И, наконец...

Развитие избирательно, оно не тотально, и не покрывает всех и вся. В нем всегда одни находят лучшее место, другие — худшее. Одни успешны, другие — не очень.

Избирательность — это то же самое, что и исключительность. А исключительность — это когда мы кого-то исключаем.

Некоторые социальные группы, некоторые поколения считают себя исключенными: «нам нет места в этой жизни». То поколенческое сознание исключенности, о котором на нашем Форуме говорил Александр Попов, было с предельной философской определенностью описано тов. Гегелем в «Феноменологии духа» под именем «несчастливого сознания». Несчастное сознание искусственно культивируется нашим исходным пониманием задач молодежной политики, цель которой формулируется как преодоления недостатка (каких-то ресурсов и ценностей). А вот библейский Давид Псалмопевец говорил иначе: «от избытка сердца». Это принцип счастливого сознания.

Нам дано многое, чему мы способны радоваться, и за что способны благодарить. Как только мы говорим, что в основе деятельности лежат потребности,

лежит недостача, что у нас «чего нехватишься — ничего нет», мы сразу попадаем под власть несчастного сознания. Всегда будет чего-то не хватать: времени, средств, здоровья... Это, с позволения сказать, «естественный исток» несчастного сознания. Оно культивируется миром супермаркета. Но, как гласит латинская поговорка: «Соблазняется тот, кто склонен к соблазнению».

Кто-то заранее исключен, кого-то мы сейчас исключаем. Говорят, все человеческое конечно, а неизбежные исключения — издержки развития. Мир без исключенных, о котором говорил Александр Попов, — не утопия ли?

Но это не значит, что исключенность нужно культивировать. Когда молодой начинающий менеджер, промышленяющий в районе первой тысячи, говорит: «Мы — правящий класс», он делает ставку на свою исключительность и исключение всех остальных. М. С. Горбачев однажды удачно, хотя и грустно, пошутил: «Политика нынешней власти — это политика эвтаназии». Большая часть народа этой власти не нужна; эта власть живет от топливного экспорта, и для нее будет даже лучше, если избыточное население не нужно будет кормить: нужны только охрана и прислуга, — остальные пусть, по возможности, тихо вымрут. Это он и назвал «эвтаназией». Такое вот пародийное изложение хваленной исключенности.

Сначала предательства совершаются в сердцах и умах; сначала изобретается хитроумная схема «решение проблем», а уже потом кто-то оказывается исключенным.

Когда к семейному терапевту приходит пациент и просит помочь ему в решении какой-то семейной проблемы, его спрашивают: кто в вашем роду, в вашей семье оказался исключенным. Найдите его, восстановите разрушенную цельность отношений, и вы устраните источник вашего семейного неблагополучия. Исключение одного — болезнетворно для всех.

Так что, может быть, миротворчество, гражданский мир, соборная цельность, о которых упомянул Александр Попов, все же полезны, как социально-терапевтическая устремленность политики? И целительной в них является как раз опора на родовые отношения, действия и сознания.

Хватит жить как приговоренные и ждущие приговора (об исключении), чувствовать себя условно расконвоированными. Пора вступать в права наследования своей страны.

Если межпоколенная цельность, синергетические эффекты реализации возрастных состояний — от родового сознания / действия, естественными партнерами поколений будут все естественно-правовые состояния: местные сообщества, этнокультурные общности, духовные общины. Все, что схоже с поколениями по своей когнитивно-коммуникативной структуре, что по уровню *integrity* сопоставимо с реальностями смыслообразов. И наша задача, как людей не безразличных к делам мысли и воли, ценящих способность выносить суждения и принимать решения, научиться выражать присущие нам чувства поколенческого достоинства на профессиональном проектном языке, уметь переводить свои жизненные приверженности — и в проектные суждения, и в решения.

А теперь позвольте мне выполнить главное из доступных мне сейчас родовых действий — поблагодарить вас за внимание, извиниться за мой несколько утрированный интонационный нажим в своей поколенческой определенности и пожелать успехов в ремесле нашей непростой, но увлекательной жизни.

Примечания

¹ О свободной целесообразности в структуре «мышления образами» см.: Бахтин М. М. О спиритуалах (К проблеме Достоевского) / Собр. соч. Т. 6. — М., 2002. Самое важное в свободной целесообразности, по-видимому, то, что человек-творец «это не образ творца (пресловутый “образ автора”), а именно “творец”, не бытие (данная действительность, нечто готовое), а творческая деятельность, не могущая застыть в данности. Это не человек-тело, а человек в теле, превращающий в инструмент и свое тело, и все, что в нем есть данного, наличного, бытийного» (С. 368).

² То, что это не совсем произвольная метафора, видно хотя бы из кантовского определения Просвещения как совершеннолетия человечества. Этой теме М. Фуко посвятил цикл своих размышлений под тем же названием «Что такое Просвещение», о чем см.: Табачникова С. Мишель Фуко: историк настоящего // Мишель Фуко. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996. — С. 396—443.

³ Делез Ж. Переговоры. 1972—1990. — СПб, 2004. — С. 217. Заметим на полях, что из этого «нового левого» взаимопонимания становления и истории Делез делает радикально-революционные выводы: «Единственный шанс для людей — в революционном становлении, которое только и может погасить их стыд, ответить на невыносимое» (там же).

⁴ Из последних более или менее осмысленных работ: Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. Потребители, менеджеры, лидеры общественного мнения и эксперты оценивают роль бизнеса в России. — М., 2003.

⁵ Генцаретский О. И.: Культурно-психологическое измерение Евразии // Евразийская перспектива. Второй Международный конгресс «Культура и будущее России-2». — М., 1994; Семья, волшебный сказ и все такое // Гуманитарный симпозиум «Открытость и сообщаемость культур». — М., 1998; О возможностях опыта философствования // Сибирские философские школы. — Новосибирск, 2002; Гуманитарные стратегии и практики // Поколенческий дискурс в практиках самоопределения. — Томск, 2002.

⁶ Все сказанное выше уходит корнями в намеченную о. Павлом Флоренским гуманитарную генеалогию, являющуюся частью его незавершенного богословско-гуманитарного проекта антроподицеи. — Свящ. Павел Флоренский Философия культа. Опыт православной антроподицеи. — М., 2004. Лейтмотивом гуманитарной агнологии о. Павла, типологически отделяющим его генеалогические воззрения, от воззрений Ф. Ницше или М. Фуко могут служить слова: «Нет никакого сомнения, жизнь рода определяется своим законом роста и проходит определенные возрасты. Но нет сомнения также и в свободе, принадлежащей роду, — свободе столь же превосходящей мощью своего творчества свободу отдельного представителя рода в среднем. Кроме того, в какие-то сроки и в лице каких-то отдельных представителей рода это самоопределение его получает чрезвычайные возможности. Род стоит тогда у дверей собственной судьбы». Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. — М., 2000. — С. 209. Наше намерение состоит в реструктурировании поколенческой политики на основе социально гендерного моделирования генеалогической схемы возрастных состояний.

⁷ Более подробно тема «жизнеспособность и наследие» обсуждалась на площадке «Гуманитарные стратегии и практики» Форума «Стратегии регионального развития», проходившем в 2003 году в г. Казани.

⁸ Упоминаю здесь бегло о предательстве и самозванстве, как о двух возможных, хотя и не обязательных выходах из ситуации *post-* или *предидентичности*. Идентичность, в нашем случае, можно понимать именно как экзистенциально-онтологическое соответствие и как предельную выразительность. Есть много свидетельств того, что ситуация экзистенциальной неопределенности, при онтологической неопределенности, осмыслялась в России после 1917 года именно в терминах предательства (и революционного самозванства). Позитивной альтернативой тому могли быть каноническая верность Церкви, воинской присяге или однажды выбранному профессиональному призванию, — но кто сейчас возьмется сказать, какая из этих «схем жизни» оказалась более реалистической и плодотворной? Да и в каком смысле об этом можно говорить, «пока это, то есть предательство, не станет для тебя метафизической проблемой», как сказал один из героев романа А. М. Пятигорского «Вспомнишь странного человека...» (М., 1999. — С. 41)?

⁹ Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. — СПб., 1994.

¹⁰ Фомичева Н. Практики посредничества, или от идентичностей к компетенциям (www.regionforum.ru).

¹¹ Четыре учетных уровня креативно-антропологической концессии: 1. Проектная аналитика (в технике погружения). — 2. Артдизайн (в том числе, экспо- и эко-). — 3. Психосинтез. — 4. Процепция / инкультурация. На всех уровнях — презумпция сохранения личностной цельности во всех предлагаемых судьбой мирах (экзистенциально-прагматическая идентичность). На границе между вторым и третьим уровнями будут спонтанно проявляться культурные травмы и дискатастрофы (неустранимый эффект всякой групповой динамики). Третий уровень — для евпсихии и психоакмеологии. Начиная с него, экодраматические события — это события фасцинации в нуминозных полях. Четвертый уровень — для автопоззиса и перфективного практиса. Подробности в материалах мастер-классов «Личностный рост / Ремесло жизни» на сайте www.prometa.ru.

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ: КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

У меня есть эпитафия, думаю, что он будет достаточно емким. Говоря словами Станислава Ежи Леца «есть пьесы настолько слабые, что они не в силах сойти со сцены».

А далее можно уже говорить по теме о конфликте поколений. Конечно, очень хотелось бы остановиться на определении поколенческой границы, потому что мы часто, разговаривая о поколениях, говорим так — детство, взрослость. А где они заканчивается, где начинается следующий этап? И исчерпывается ли эта структура двумя, весьма масштабными, единицами, или есть какие-то более строгие варианты? Известно, например, что отрочество появилось в истории культуры сравнительно недавно. Для нас, живущих в современности, понятие подросток привычно, и мы этому феномену даже границы задали. Хочется на эту тему поговорить, но я предпочту использовать этот вариант как рамочку. Где граница? Сколько лет должно пройти? Мы из этого поколения или не из этого? Кто попадает в мою поколенческую страту? По какому принципу?

Очень важную вещь, на мой взгляд, сказал Л. С. Выготский о том, что когда мы оформляем границы возраста, то важно обсуждать не только притязания, не только то, на что мы претендуем (и в этом смысле, чего еще нет, но чего уже хочется), но важно определять и то, чего уже не хочется из того, что хотелось когда-то, но уже было получено. Как оформляется завершение этапа? В чем, в каких признаках мы можем удерживать представление о том, что какая-то возрастная группа вышла из состава одной поколенческой страты и перешла в другую?

Обычно мы пользуемся при этом какими-то формально-юридическими вещами и традициями. И отсюда — совершенно точно говорит Олег Игоревич [Генисаретский] об инициации и о том, что когда-то существовали обряды переходов. Сейчас ситуация изменилась, стала сложнее; никаких обрядов нет, кроме получения паспорта, или, наоборот, — всего так много и все такое разное, что невозможно определить — где сигнал точный и для всех. Раньше мы могли этому только радоваться, нам казалось, что это замечательно — пришел человек в школу, у него кончилось дошкольное детство. И родители тревожатся чаще всего по поводу того, впишется их ребенок в эту кагорту или нет. У детей тревоги, конечно, совсем иного типа. И мы даже когда-то изучали этот вопрос — откуда дети получают представление об образе школ. Было 10-летнее социально-психологическое исследование, и мы обнаружили, что большое число детей в возрасте 6-ти с небольшим лет в школу вовсе не хотят идти. И нам было интересно, почему школа потеряла для них привлекательность. Взрослая идея была такая — ребенок всегда хочет в школу, для него это — перспектива. А мы вдруг выяснили, что в представлении ребенка это не так. И, когда мы спрашивали детей об этом, они отвечали нам, например, так: «в школе не кормят», «в школе не спят днем». Из чего мы поняли, что на самом деле это — аргу-

* Борис Хасан — директор Института психологии и педагогики развития СО РАН, доктор психологических наук (Красноярск).

ментация «для нас», на самом деле дети не любят тихий час и редко когда понимают, что голодны. А нам они говорили об этом, потому, что мы их об этом спрашивали.

Следом было проведено еще одно замечательное исследование, в котором мы выясняли, как реагируют дети на всякого рода социологические опросы. Мы сделали большое количество фокус-групп с детьми, нашли среди них значительное количество экспертов, в искренности которых были уверены. Мы выясняли, что думают дети, когда к ним подходят с разными вопросами. Например, хорошая у тебя школа или нет. Первая реакция ребенка состояла в том, что они вообще ни о чем таком не думают, они все время думают о чем-то своем, о другом, но ответить, что они про это ничего не думают, они не могут. И ребенок говорит: «думаю, что хорошая». Ответ его часто зависит от настроения или еще от чего-либо. А на самом деле они думают: «что нужно этому человеку ответить, чтобы он отстал».

И вот что мы выяснили в итоге. Наши представления о детстве существенно расходятся с представлениями о детстве у самого «детства». Детство позиционирует себя несколько иначе, чем мы об этом говорим и пишем, и чем мы можем располагать, пытаясь изучить это самое детство. Это предположение у нас исходило из целого ряда представлений, сложившихся в культуре, — например, из того, что детство экспансивно по отношению к взрослости. Детство всегда осуществляет экспансию. Суть этой экспансии состоит в том, что взрослость — это штука неизбежная. Почему-то в культуре идея взросления понимается как положительная, то есть, быть взрослым — хорошо, а быть не взрослым (ребенком) — это хуже. Откуда это представление?

Еще одно исследование в рамках старшей школы и в рамках старших курсов вузов, где есть формальная граница детства, привело нас примерно к тем же выводам. Хотя здесь мы обнаруживаем существенные различия в том, как об этом говорят молодые люди, относящие себя к мужскому полу и как — к женскому. И тут не понятно — либо это преувеличенная женская откровенность и мужская скрытность, или они просто так аккуратно врут или, — наоборот, — честно говорят, что они думают. То же самое, примерно, мы обнаруживаем и в конце вузовского периода. Если исключить мотив «как надоела эта школа (или институт)», то оказывается, что они, на самом деле, не против приостановиться и никуда особо не шагать.

Это забавное противоречие выявляется во многих исследованиях. Мы предполагаем, что есть притязание, экспансия на взрослость и, одновременно, полагаем, что есть определенные сдерживающие факторы. Некоторая неспешность во взрослость, потому что там есть атрибуты, которые человек не очень торопится себе присвоить.

Итак, с одной стороны детство экспансивно по отношению к взрослости, претендует на взрослость. Похоже, что есть какой-то период «предвзрослости», в котором люди рассматривают взросление как положительную перспективу и, одновременно, есть ряд сдерживающих факторов, часто не осознаваемых, иногда — сознательных, в которых эта перспектива сдерживается или просматривается как нежелательная. То есть, мы имеем некоторый внутренний конфликт или картинку конфликта, противоречия. Это — со стороны предвзрослых когорт.

А со стороны взрослости? То, о чем говорил господин Леонов: «написать завещание». Известно, что можно написать завещание в любом возрасте. И можно спросить: зачем люди, находящиеся в расцвете лет, пишут завещание?

Есть ряд вариантов. Вообще завещание пишется перед «концом», когда человек начинает размышлять, что останется после него и «что я кому завещаю». И в этот момент он представляет себе, что его уже нет. И здесь странная ситуация — завещание написано, а человек здоров и продолжает жить. А тот, кому завещание адресовано начинает чувствовать себя, словно его получил. И получается, что завещанное не отдано, а только обещано. Но говорят, что обещанного три года ждут... И вот вопрос — как «пишут завещание», или — как взрослое поколение представляет себе молодое. Где оно передает наследство?

Был такой старый кинофильм. Там суть сюжета заключалась в том, что существовал большой завод. И вот приходит на этот завод молодой секретарь парткома и решает провести эксперимент — передать завод молодым рабочим кадрам. И на заводе остается только молодежь, а все старики уходят. Но, оставляют, конечно, своих информаторов на предприятии. И вот молодые начинают вводить различные новации. А старики за ними наблюдают, но затем, конечно, вмешиваются. И вот, это перерастает в конфликт. Молодые, которых сначала пустили «поиграть», а потом «дали по рукам», — и вот старики, которые как бы говорят молодым: «Мы завещание переписываем, мы вам дали возможность распоряжаться, но нам не понравилось, как вы это сделали». И молодые, соответственно, обиделись, часть людей уволилась. Вот такой сюжет.

Что я в этом месте обсуждаю? Как старшее поколение видит молодое? И как молодое видит старшее? И как они представлены друг другу? И реально вот эта представленность, то есть «поставленность перед» — на мой взгляд, вещь нетривиальная, потому что, чаще всего, мы друг перед другом не становимся, а пользуемся условными картинками.

Я говорю: «У меня есть картинка следующего поколения со всей его структурой, со всем его развитием, с логикой». У меня достаточно ресурсов, чтобы все соответствовало. Что такое взросление в этом смысле? Взросление — это претензия на ресурсы, которыми, якобы, обладают взрослые. При этом есть «тайна взрослости». И открытие этой «тайны» или открытие того, как приобретаются эти ресурсы, как осуществляется овладение ими, соответственно, распоряжение, — как распоряжаться ресурсами таким образом, чтобы они не убывали, а наоборот — стали прибывать.

И теперь я с позиции молодежи, говорю: «Если старшее поколение ухитрится каким-то неизвестным для меня образом преумножать ресурсы, распоряжается ими так, что видно как они умножаются, то я говорю, что это успешное поколение и оно достойно подражания». И тут появляется такая форма поведения — уподобление. «Я хочу быть таким, потому что это успешно. А если взрослое поколение не смогло убедительным образом показать, что оно умеет распоряжаться ресурсами так, что они умножаются, то это поколение не представляет для меня образа успешности, и я, соответственно, не хочу быть уподобленным ему, а буду делать по-другому». Но вот как — по-другому? Замечательно, если есть хотя бы пара образцов.

Итак, представлены картинки, которые соотносятся с какой-то реальностью, при этом картинки обобщенные, а реальность конкретная. У взрослых на картинке примерно так же нарисовано детство. У меня есть предположение о том, что картинка детства для взрослых, как и картинка взрослости для детства, имеет очень сильное искажение.

Пункт первый — это наша ситуация. Чтобы внести коррективы в эти искаженные картинки, нужно взглянуть, — каковы источники их изображений, какова их история, насколько реально они изображены и в какой мере изображения согласованы? Это важно. Итак, картинка взрослости для детства

выглядит определенным образом. В свое время, особенно в том месте, где мы с вами живем, приключилась такая вещь, которая происходит часто, когда старшее поколение сильно и резко дискриминируется как успешное. Проходят массовые PR-акции, которые говорят о том, что старшее поколение все делает «не так». И ресурсы все израсходовали, и страну поставили на колени. И возникает рассогласованность. Вот эти картинки, которые каждый раз возникают, когда старое поколение окончательно дискриминируется. И тогда новое поколение начинает искать свой путь — путь, который не был унаследован (хотя бы потому, что в завещании одни долги). Эта замечательная идея с завидной регулярностью воспроизводится. Но я думаю, что эта нарисованная картинка требует некоторых коррективов. Мне это напоминает борьбу с наркоманией. Мы понимаем, что с этим явлением нужно бороться. Если у нас есть надежда на победу, то мы должны вселять в аудиторию некоторый оптимизм. Чтобы появлялась идея, что победа вообще возможна. И, более того, что она именно нами достижима.

Нужно говорить о собственной силе и о собственных ресурсах, а не наоборот. А наши действия сегодня строятся с точностью «до наоборот». Из всех материалов, которые мы сегодня читаем, мы выясняем, что это явление такое страшное, что никаких сил для борьбы с ним нет. У нас всегда стремятся сначала запугать народ, а запуганный народ, естественно, сдается. Поэтому пугать молодежь взрослостью, рисуя соответствующие картинки, становится привычным тоном.

Теперь изображение со стороны взрослости — как нарисовано для взрослых детство. Здесь масса проблем.

И я вновь присоединяюсь к комментарию Олега Игоревича [Генисаретского], к этой рамочке, которая была положена метафорически. Вопрос: как выглядят те, кто следует за нами. Здесь можно прибегнуть к тексту Маргарет Мид. Она нарисовала три возможные картинки отношений между взрослостью и детством.

Первый тип отношений — дети всегда следуют за взрослыми и повторяют их жизнь. В этой системе каждое следующее поколение следует за предыдущим. Небольшие отступления в этом случае возможны, они могут кое-что улучшить, но все менять нельзя — взрослые не позволяют. Они создали массу институтов воспроизводства себя.

Второй тип отношений, который можно помыслить — сосуществование. Два мира живут «сами по себе». И у них, при этом, возникают отношения терпимости или нетерпимости. Это параллельные возможности сосуществования.

И возможен третий тип отношений — детство начинает забегать вперед взрослости. Взрослые в этом случае обнаруживают, что им, оказывается, есть чему учиться у своих детей. Дети открывают и осваивают в мире нечто, для взрослых сокрытое.

Оказывается, что отношения детства и взрослости — это отношения взаимной экспансии. Если дети постигают тайну взрослости, то они, тем самым, претендуют на взрослость. Если наоборот, то взрослые становятся инфантилами, регрессируют до детства. По Маргарет Мид, это один из типов сосуществования в культуре. На чем основана картинка детства для взрослости? Если взрослость «строится» таким образом, для ребенка: есть идеальная взрослость — это полное владение ресурсами, умениями распоряжаться ими для достижения успехов и развития, силы и могущества. Что, по сути дела,

видно в разного рода достижениях. Есть мечты, которые постепенно сбываются. И есть реальная взрослость, которая либо — в какой-то мере — согласуется с этим, либо — не очень. В ответах на вопрос о том, какие именно взрослые являются образцами, около 40 % детей указывают своих ближайших родственников. А как выглядит в этой картинке для взрослых детство — идеальное и реальное? У взрослых, обычно, есть три картинки (здесь начинается масса трудностей, очень интересных): идеальное детство; реальное детство; и «мое» детство.

Итак, есть еще и то, что я удерживаю как свое собственное прошлое, маркированное мной как «мое» детство. И пространство отношений между этими тремя образами довольно сложное. Здесь одно из ключевых противоречий связано со страхом «не успеть». В чем суть противоречия? Оно, кстати, хорошо известно, но не очень часто обсуждается.

Наше сознание и мышление устроено так, что мы можем охватить им огромные промежутки жизни. Мы можем помыслить жизнь до нашего существования и после него. Можем рассуждать категориями столетий, тысячелетий. Вот это ощущение возможности помыслить в огромном масштабе и, одновременно, ощущение краткости своей жизни, пребывания между гигантскими масштабами, в которые мы проникаем в своем мышлении и реальным временем жизни, породило массу мечтаний. В. П. Зинченко как-то сказал: «Есть такая максима — умирают только другие». И я в детстве тоже так думал, — пока я до взрослости доживу, эти ученые что-нибудь придумают, чтобы я не умер. Позже я начал размышлять о возможности реинкарнации... Попытка преодоления ограничений натурального бытия, его кратковременности.

Но одна из попыток преодолеть этот рубеж и это противоречие — это успеть как можно больше, пока ты «здесь» — интенсифицировать жизнь. Так появляется идея ускорения. Надо все делать быстрее, потому что времени мало. Возможности осуществления рассогласуются жутко. Надо успевать, но сколько бы ты не торопился, а успевать не получается. У меня такое ощущение, что мы, по всем генеральным показателям, не успеваем. Есть ощущение, что нужно еще быстрее.

Один из вариантов разрешения проблемы «успеть-не-успеть» — продлить собственную жизнь. То есть, это то (если я правильно понял комментарий), что связано, отчасти, с родовой идеей. Если я ассоциирую себя не только с этим исключительно местным, бранным существованием, тогда понятно, что я — не один я, а целый род. Вот эта идея продлить себя в другом — идея простая. Следовательно, и надежды, и планы должны этим — другим продолжением меня, — осуществляться. В этом колоссальная экспансия взрослости на детство. То есть, детство — это есть, фактически, продолжение меня. Но, при этом того, который вообще передвигается самостоятельно, контролировать сложнее — он отделился и пошел, свернул за угол — и уже не видно, как он там ходит. У взрослых всегда есть потребность компенсировать, восстановить контроль, потому что это и есть «я», мое продолжение.

А. М. Аронов как-то утверждал, что дети становятся самостоятельными не по собственной инициативе, а потому, что мы их бросаем. Нужно уделять много внимания им, а хочется — себе. Я же еще здесь, живой, — но как бы принадлежу ребенку; отсюда и симметричное отношение — тогда и он мне принадлежит. Но все чаще и чаще хочется от него освободиться и побыть собой. Вот в эти «уходы» взрослых, оставшийся без опеки опор, ребенок вынужден становиться самостоятельным. Потом взрослый возвращается — а ситуация уже другая.

Экспансия — совершенно уникальная вещь. Я все время вспоминаю свое собственное детство, воспроизвожу нечто, в отношении чего я сам определился как «мое», стараюсь полностью контролировать и определять его движение — а оно уже само ходит (мое продолжение). И у него появляются мысли, которые ему «надуло» со стороны, а не с помощью родовой генетической передачи. Вот в чем проблема.

И это идея продолжения контролируемого детства, с одной стороны, а с другой стороны — идея сдерживания экспансии. Это самое противоречие заставляет нас говорить ребенку: «Ты еще мал!». И ребенок понимает, что когда нам надо — он для нас взрослый, а когда нам выгодно — он маленький. И он не понимает — как здесь себя вести.

Внешняя рамка у этой ситуации совершенно замечательная, она связана с тем, что действительно взрослость, с одной стороны, все время претендует на детство с точки зрения обеспечения, становления, самостоятельности и ответственности. С моей точки зрения, слово «ответственность» — ключевое, потому что взрослость, по целому ряду исследований, определяется тем, ответственность за какого масштаба действия готов взять на себя человек и эту ответственность реально осуществлять. Это и есть критерии взрослости, которые проявляются и в экономических, и межполовых типах позиционирования. Речь идет о масштабе решений, за которые человек берет на себя ответственность и реально готов эту ответственность нести. Потому что, когда мы говорим «ты отвечаешь за то, что ты это делаешь», — масштаб задачи ясен.

Есть еще и внутренняя рамка противоречия, ощутимо влияющая на то, как мы определяем эти отношения, в каком материале эти отношения начинают возникать и обостряться, где у нас возникают конфликты и реальные способы их разрешения на уровне когорт или межличностных отношений.

И здесь снова — место занято. Потому что уже сравнительно небольшая часть трудоспособного населения обеспечивает все потребности. То есть, в развитых странах заняты в прямом производстве, обеспечивающем прямые потребности человека, уже меньше 20 % трудоспособного населения. Надо создавать какие-то другие формы занятости, в которых человек мог бы почувствовать себя реально живущим вместе с другими людьми. Занят он все меньше и меньше, а свободного времени — все больше. Нужно чем-то занимать молодых людей. Они приходят в мир и говорят: «Дайте нам что-нибудь сделать», а мы говорим: «Потребляйте пока». И это есть нормальная взрослая позиция, которая связана с мораторием — удержать где-то большие когорты людей, уже половозрелых, имеющих некоторые физические характеристики, связанные с их притязаниями на социальное позиционирование, — а мест для социального позиционирования нет, новых форм не придумано. Поэтому создаются компенсационные ниши, и люди в эти ниши погружаются. Коммунисты решали эту задачу, с моей точки зрения, гениально. Появлялись такие проекты, как целина, — и молодежь себя сделала. Это сработало как мораторий. И в это время сила, энергия и притязания были точно канализированы. И соответствующий PR был. Потом вся страна строила БАМ. Где этот БАМ сейчас?

Итак, завершая доклад, скажу — есть картинки соответственные, есть самоопределение соответствующее. Каковы реальные ходы? В чем состоит позитив? или — в чем негатив? У каждого своя картинка, каждый с ней живет и на основании этой картинки с другим сталкивается. При этом, столкнувшись, содержание картинки не выкладывает, культуры такой нет.

Я могу предложить только серьезное оформление диалога поколений. Переговорный процесс между представителями различных поколенческих групп мог бы разворачиваться на разных уровнях, в разных формах и масштабах, но везде должны быть культурные переговоры, где оформляются интересы. Это вызов, но вызов, скорее, моему поколению. Потому что я не думаю, что следующие за нами идут «в след», — это трудно, несмотря на то, что есть такая необходимость. Далее могут быть конструктивные переговоры, предметом которых могут быть проблемы и взгляд на них и тех, и других. Потому что мне не раз приходилось убеждаться, что взгляд молодых не менее основателен, чем обусловленный опытом. Другое дело, что мы не привыкли вести переговорные процессы. Мы привыкли быстро принимать решения, быстро их осуществлять, потом подсчитывать убытки и квалифицировать действия как поспешные и не эффективные. После чего, без особого анализа, мы приступаем к следующему мероприятию, — и этот «мероприятийный» подход издох, с моей точки зрения. Вот такие у меня размышления по этому поводу

НОВЫЙ ФОРМАТ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Необходимость нового формата для молодежной политики

Эффективное решение проблем молодежи в современной ситуации требует принципиального пересмотра многих традиционных положений в области миссии, задач, полномочий и содержания деятельности различных структур социальной сферы, так или иначе соприкасающихся с миром молодежи. Необходимость этого действия обусловлена многими факторами.

Первое. Специфика ситуации, существующей в России, состоит в том, что общество переживает процесс трансформации с соответствующим оформлением различных систем ценностей и нравственных идеалов. Весьма вероятно, что многоукладность жизни станет отличительной чертой России XXI века. Это означает, что ключевым моментом при разработке концептуальных оснований молодежной политики становится вопрос о создании принципиальных мыслительных схем объекта изменений и предмета преобразований на основе понимания предельных философских категорий.

Второе. Принципиально изменилась модель социализации. Механизм социализации не сводится больше к тому, что семья и школа вырабатывают нормы, молодежь эти нормы присваивает и следует предписанными этими нормами поведению. Молодежь активно включается в процессы социализации — как ее равноправный участник. Она конституирует себя в процессах взаимодействия со своими сверстниками, СМИ и ТВ, с семьей и школой посредством неформальных способов образования. Принадлежат ли родители и их дети к одному и тому же обществу? Что это за общество или общества? Проблема, стоящая за этими вопросами, прямо связана с осмыслением изменения природы знаний и устройства механизмов их трансляции; с оформлением сути социальной трансформации; с освоением способов включения в различные культурные пространства; с рефлексивным «опознаванием» собственных ценностей в моменты отказа от мира одной «правды» и перехода в мир иной «правды».

Третье. Население России, в течение всего XX века неизменно оказывающееся в центре сильнейших геополитических, геоэкономических и геокультурных изменений, оказалось выбитым из готовых социальных и бытовых матриц, оказалось в мировоззренческом вакууме, наедине с самим собой. Это, по большому счету делает невозможным, не реальным так необходимое для практики работы с молодежью оформление нравственных основ в моральные нормы, в своды однозначных норм и установок, так характерное для предыдущего периода нашей истории. Устройство повседневной жизни требует, чтобы на все случаи жизни существовали ясные моральные предписания, но в переходные периоды такие нормы отказывают. В ситуации столкновения многообразных ценностей в чрезвычайно насыщенном культурном пространстве, что так характерно для нашего времени, возникает искушение некритически использовать чужие моральные устои (постулаты) для того,

* Геннадий Блинов — зав. лабораторией прикладной методологии Красноярского краевого ИПК работников образования, консультант Красноярского исследовательского центра (Красноярск).

чтобы уйти от собственных, действительно непонятных, мучительных нравственных перипетий. Эти чужие постулаты имеют нравственный смысл в собственном историко-культурном контексте, поэтому переносить их в готовом виде в нашу российскую действительность, да еще использовать в облегченном виде для воспитания подрастающего поколения — чрезвычайно опасно.

Четвертое. Основной порок российской нравственной ситуации — идеологизация сознания. Идеология «отрезает» сознание от вопросов устройства бытия, от мышления, позволяющего человеку ответственно осуществлять изменения в исторически соразмерном масштабе. Идеология «мимикрирует» под бытие и мышление, сильнейшим образом детерминирует и опрощает нашу духовную жизнь. За счет идеологии происходит слияние личного и коллективного, становится невозможным индивидуальное, самостоятельное мышление; идеология делает излишним обращение человека к самому себе — она принципиально, в изначальных посылах, отрицает сомнение и рефлексию. Идеология делает невозможным восприятие иного бытия, иного мышления, иной культуры. В идеологии несущественны основания исходного содержания мысли, единственно значимым является сам механизм внедрения в массовое сознание определенного содержания. Особенности нашей современной жизни таковы, что все еще чрезвычайно сильны годами навязываемые нам идеологемы советского периода. Эти идеологемы до сих пор для очень большого числа представителей структур, работающих с молодежью, загораживают сознание от реальности бытия и от практики изначального мышления, превращают отношение «личность — личность», как единственную область нравственного в жизни человека, в крайне редуцированную форму.

В настоящее время остро поставлен вопрос о новом содержании работы с молодежью, однако в массовой практике, по-прежнему, очень часто используется административно-идеологической тип организации молодежной политики, хотя давно понятно, что в современной ситуации возрождение этого типа взаимодействия с молодежью невозможно в принципе. Другим достаточно распространенным опытом является хорошо отработанный на Западе социализационный тип молодежной политики. Основа этой политики состоит в такой организации работы различными социальными институтами, которая бы обеспечивала достижение стандартов социальной компетентности молодежи. Основное ограничение для массового применения этого типа молодежной политики в условиях переходного периода состоит в отсутствии стабильной социальной системы. Ставка на социализационный тип молодежной политики в условиях до конца неопределившегося российского общества может привести к изоляции появляющейся подростковой субкультуры, к росту асоциальных проявлений и формированию контркультуры. Сегодня, в условиях стремительно меняющегося российского общества, оказываются неэффективными ни административно-идеологическая, ни социализационная технологии работы с молодежью. Появляется необходимость в построении нового формата молодежной политики.

Схема «думания» о новом формате молодежной политики

На наш взгляд, новый формат молодежной политики конституируется следующим набором организованностей.

1. Структура рамок, позволяющая задавать список объектов, репрезентирующих поколенческую проблематику в контекстуальном (культурном)

поле и раскрывающих ее целостность. Ключевой момент — порядок (последовательность) мыслительного «обхода» рамок.

2. Топика понятийно-категориальных различений, позволяющая «ощутить» онтологический вызов. Ключевой момент — особая система культурных соотнесений (карта ссылок), показывающих столкновение (конкуренцию) различных подходов, и, тем самым, задающих энергетику (интригу) нетривиального действия, предвосхищение События.

3. Кластерная организация предъявления конкретных предложений по осуществлению молодежной политики. Кластерная организация — совокупность взаимосвязанных сфер производственных и непроизводственных видов деятельности и услуг, концентрирующихся вокруг базового процесса. Ключевой момент — показать логику движения от инвестиционных локальных усилий к системному оздоровлению и развитию всей целостности.

Какие рамки я предлагаю?

На наш взгляд, «природа» рамок и соответствующих им объектов должна быть знаковой. Г. П. Щедровицкий выделял знак как некоторый объект, рассматривая вектор его возможных изменений как вектор развития, или как, скажем, вектор происхождения. Объект берется вместе с процессами его порождения и дальнейшего изменения. У такого объекта как у знака, взятого вместе с процессами деятельности и рассматриваемого с точки зрения этих процессов, оказывается два принципиально разных механизма жизни. Один — тот, который определяется человеческой деятельностью, поскольку знак есть объект деятельности и можно было бы, рассматривая его с этой стороны, сказать, что он вообще не имеет собственных законов жизни, никакой собственной природы; иначе говоря, он живет и изменяется так, как им распоряжается деятельность, как она заставляет его двигаться — это и есть искусственный механизм его порождения или его жизни. Второй механизм — естественный, который определяет изменения в материале знака, без учета свойств этого материала. Ни порождение этого объекта, ни воздействие на него, в принципе, невозможны.

Искусственно-естественный механизм жизни знака является определяющим в выборе типа рамок, призванных обеспечить целостность процесса становления нового поколения в современном российском обществе.

Рамка 1. Аттракторы корпоративной организации деятельности. Объект — знаковая организованность, обеспечивающая процессы поколенческой самоорганизации.

Рамка 2. Экономические аттракторы, определяющие существование межпоколенческих отношений. Объект — знаковая организованность, обеспечивающая сбалансированное развитие субъектов «разного возраста», соединение их в сложное целое.

Рамка 3. Аттракторы территориальной организации. Объект — знаковая организованность, обеспечивающая создание инфраструктур, направленных на реализацию «поколенческих запросов и потребностей».

Рамка 4. Спектр проектных аттракторов, определяющих инвестиционные вклады в становление нового поколения. Объект — знаковая организованность, обеспечивающая институциональные формы программирования поколенческих изменений.

С какими понятийно-категориальными конструкциями необходимо разобраться?

Первое. Какой тип знания (система понятий) связывает между собой изменения в социальном организме; продукты различных проектов; возникающие при этом структуры (системы) деятельности? Как с использованием этого типа знания (системы понятий) возможно в реальном времени имитационно моделировать взаимосвязь между изменениями в социальном организме, продуктивностью проектов, становлением новых структур деятельности? Как вписываются технические решения в рамках различных проектов в те системы деятельности, которые возникают в процессе реализации этих технических решений, и как все это вместе соотносится с изменениями в социальной ткани общества? Насколько это культуроразмерно? Как может быть устроен знаниевый конфигуратор, который позволил бы представить такой четырехмерный объект — «социально-техно-деятельностно-культурный»?

Второе. Как в связи должна быть устроена деятельность тех, кто начинает работать с таким четырехмерным объектом?

Позиционирование есть имя такой деятельности. Суть позиционирования состоит в следующем: проектируется некая знаковая организованность; затем она реализуется; в процессе реализации возникает новая социотехническая деятельность; знаковая организованность включается в новую социотехническую деятельность, выполняя функцию управления в собственном смысле этого слова. При этом возникает необходимость в понятийной проработке следующих моментов: Что значит проектирование знаковой организованности? Как должна быть устроена реализация, полученной за счет проектирования знаковой организованности, приводящей к возникновению новой социотехнической деятельности? Какие институциональные формы необходимы для осуществления управленческой функции знаковой организованности?

Сфера позиционирования

Позиционирование представляет собой сферное образование, представляющее собой единство и автономность процессов воспроизводства — *В*; производства — *П*; функционирования — *Ф*; развития — *Р*; организационного руководства-управления — *ОРУ*; творения — *Т*; утилизации — *У* и идею, задающую принципы взаимодействия, «оживления» сферных процессов — идею «порядка» через флуктуацию в рамках теории неравновесных систем (И. Пригожин).

Может наступить такой момент, когда отдельная флуктуация отдельно взятой подсистемы или комбинация флуктуаций подсистем может (могут) стать настолько сильной (сильными), что система не выдерживает, и в этот переломный момент — в точке бифуркации — состояние системы станет хаотическим: она перейдет на новый более дифференцированный и более упорядоченный уровень организации — диссипативную структуру (структура, для поддержания которой требуется больше энергии, чем для старых структур). И. Пригожин допускает возможность спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации.

Сферу позиционирования можно представить как пространство бытия, состоящее из двух взаимодействующих подпространств — жизнедеятельности — *ЖД* и мыследеятельности — *МД*. *ЖД* — это область существования

E-процессов (*П, В, Ф, Т, У*). Пространство *МД* — это область существования *И*-процессов (*ОРУ*). Подпространство *ЖД* можно конкретизировать через его полагание посредством идеальной конструкции *И*. Пригожина, согласно которой в *E*-системе выделяются три различных по качеству состояния: «фаза умеренных флуктуаций», «фаза интенсивных флуктуаций», «точка бифуркаций», после которой возможно образование новой «общности» подсистем и, соответственно, переход системы на новый жизненный цикл. Последовательность фаз внутри жизненного цикла детерминирована необходимостью, но, так как никогда не известно, когда произойдет следующая бифуркация, то здесь, как в выборе новой «общности», вступает в права случайность. Если спроектировать процессы *ЖД* — подпространства на состояния, задаваемые конструкцией *И*. Пригожина, то можно описать в общем виде характер взаимодействия этих процессов в каждой из фаз, то есть получить идеальное содержание в идеальной форме.

Фаза умеренных флуктуаций в качестве системообразующих выделяет процессы *В, П, Ф* и на периферии — *Т, У*. Это состояние системы характерно тем, что «всякая индивидуальная инициатива малозначима» (*И*. Пригожин). Фаза усиленных флуктуаций связана с активизацией процессов *Т, У*, которые готовят почву для перехода системы в следующую фазу — «фазу бифуркации» для образования новой «общности» существования подсистем. Здесь «перед нами открывается неустойчивый мир, в котором малые причины порождают большие последствия» (*И*. Пригожин).

В чем состоит прикладность обозначенных конкретизаций? В период, когда в *ЖД*-системе преобладают процессы *П, В, Ф*, — в *МД*-системе процессы *ОРУ* должны разворачиваться на принципах сохранения и организации. Адекватной формой позиционирования в такой период по отношению к флуктуирующей системе будут экспертные системы с собственной практикой в форме экспериментальных площадок. Задача экспертных систем — поддержание нормального функционирования *E* или *E / И* процессов и адекватное реагирование на сбои в системе. Деятельность экспертных систем разворачивается в рамках программ, на основе которых действует *ЖД*-система. Участки сбоев оформляются и организуются в случае внештатной ситуации в статусе экспериментальных площадок. Цель экспериментальной площадки — проектирование, конструирование и «обкатка» искусственных форм на их способность к оестествлению. По мере становления фазы «усиленных флуктуаций» и приближения их к «точке бифуркаций», в *МД*-системе процессы *ОРУ* должны разворачиваться на принципах творения и самоорганизации. Адекватной формой позиционирования в этой фазе должны быть коммуникативные системы открытого типа. Это своего рода рефлектирующая надстройка к процессу *Т*, задача которой «улавливание» идей, их понимание и осмысливание в культурной рамке в форме исторического предвидения. Это исходный материал для формирования идеологии или мировоззрения как абсолютных форм будущей реальности. Здесь решающее значение приобретает оснащенность *МД*-позиции разными онтологиями. Активизация процессов *Т* и *У* выражается во всплеске творческих сил, преобладании подсознательного, иррационального начала, интуиции, способности к пониманию и выражению. В точке бифуркации стремительно меняется ситуация: настоящее с трудом поддается осмыслению, будущее — непредсказуемо, нормы обесмысливаются. Первостепенное значение приобретает способность уловить истину, проникнуть в сущность, уловить в настоящем манифестацию будущего, понять скрытое, распознать истинное лицо будущей реальности.

МИССИЯ ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Позиционирование города.

Базовые идеи и необходимые действия

Важнейшим фактором, определяющим успешность изменений, осуществляемых в городе, является то, как воспринимают город в мире, стране, регионе, как относится к нему население. Можно утверждать, что от того, какой именно образ возникает в представлении о городе у различных хозяйствующих и финансово-экономических субъектов, у представителей власти и политической элиты, в конечном счете, от того, насколько позитивно восприятие города в целом у населения — зависит стратегия развития города. Понимание и использование этого положения является важнейшим условием привлечения стабильных инвестиционных потоков в город. Ясная, открыто заявляемая позиция должна вызывать доверие к городу со стороны внутренних и внешних инвесторов. К примеру, позиционирование города как индустриального центра России позволяло на предыдущем историческом шаге успешно привлекать материально-финансовые и мобилизовывать человеческие ресурсы. Кроме прямого привлечения инвестиционных ресурсов, грамотное позиционирование является мощным управленческим средством, которое позволяет оптимальным образом выделять приоритетные направления развития, синхронизировать действия различных участников хозяйственно-экономической деятельности, задавать целевые горизонты для программ и проектов городского развития, минимизировать административные издержки.

Прошедший семинар показал несомненную заинтересованность и принятие его участниками вопроса о необходимости специальной работы по позиционированию города в масштабе мира, страны, региона, перед жителями города.

Общим для всех масштабов, по мнению участников семинара, является полагание: «Красноярск — город партнерства и согласия». Что это означает в рамочном смысле?

1. *В нормативно-правовом пространстве.* В рамках этого пространства полагание Красноярска как города партнерства и согласия должно вызывать образ «города Права» (правового города). Для этого в масштабе города создаются правила долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества власти, бизнеса и населения с учетом частных, корпоративных и общественных интересов. В масштабах мира, страны, региона — городское сообщество активно включается в формирование правовых условий кооперации города с региональными, страновыми и международными институтами.

2. *По линии институционализации.* Красноярск — город Дела, Узловой город (центр деловых сетей). Для этого создаются современные институциональные формы (Центры, переговорные площадки, Форумы и так далее) для открытого диалога власти, бизнеса и населения города между собой, а также для диалога города с экономическими и политическими субъектами региона, страны, мира.

* Лидия Иванова — зам. начальника Главного управления кадров и организационной работы администрации города Красноярска, кандидат философских наук (Красноярск).

3. *В технологическом формате.* В рамках этого пространства полагание Красноярска как города партнерства и согласия должно вызывать образ технологически организованного города, города высоких организационных стандартов формирования новой сферы производства — производства нововведений и превращения ее в ведущий хозяйственно-экономический и социокультурный уклад. Красноярск — организационный центр Сибири. На первом этапе продолжается создание условий для становления городского сообщества как субъекта городского развития, обеспечивающего конкурентоспособность города в мире и стране. На втором — осуществляется оформление технологий организации взаимодействия активных групп между собой, с органами власти и бизнеса, внутригрупповая соорганизация и их трансляция на разные уровни — другим городским группам, муниципальным образованиям региона.

4. *В социокультурном пространстве.* Красноярск — город, открытый для культурного взаимодействия, парк мировых культур. В силу уникального геополитического, геоэкономического и геокультурного расположения Красноярска, которое определяется его срединностью, приграничностью, — приоритетом становится создание условий для сохранения культурного наследия, формирования новых культурных традиций, обеспечивающих повышение качества городской среды, самобытность и уникальность города в мировом, страновом, региональном масштабах.

Что означает позиционирование Красноярска как города партнерства и согласия в деятельностном формате?

Первое. Это означает выделение следующих кластеров инвестиционных проектов.

Большой Красноярск. Этот кластер инвестиционных проектов включает в себя проекты, связанные с формированием инновационной экономики, опирающейся на новый тип социо-культурных и управленческих институтов. В силу того, что город находится на границе культур Востока и Запада, на границе разных традиций, способов разных организаций социальной жизни и в центре зарождения новых экономических решений, появляются реальные возможности партнерских межкультурных проектов, привлечения инвестиций такого рода проектов.

Внутри кластера возможно разворачивание проекта «*Поликультурная деловая инфраструктура*». Опоры проекта (проектные линии):

- трансмодальный узел (Северный воздушный мост как часть узла);
- сеть сервисных центров (гостевые комплексы, коммуникативные площадки разных культур, аэропорт-экспозиция «Российские ворота в миры»);
- культурно-образовательные туристические маршруты (Центр международного туризма, Меридиан российской экзотики);
- выставка достижений мирового хозяйства и мировой культуры (Сибирская ВДМХ);
- «Навстречу Востоку» (торгово-экономическое сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии, фестиваль стран АТР);
- «Интерлето: от добрососедства к дружбе» — международный детский партнерский проект;
- центр (Форум) инвестиционных инновационных технологий в сферах финансов, производства, предпринимательства, управлении, строительстве, архитектуре, гуманитарной.

Сибирский дом. Этот кластер инвестиционных проектов включает в себя проекты, связанные с современными форматами обустройства городского пространства, позволяющего городу быть привлекательным для его гостей, комфортным для жителей.

Внутри кластера возможно разворачивание проекта «*Новый Сибирский город*». Опоры проекта (проектные линии):

- сеть парков региональной флоры и фауны, как городские места коммуникаций;
- город в зелени, сохраняющий и оберегающий берега могучего Енисея, природу — «легкие» города;
- физкультурные оздоровительные комплексы;
- новый тип жилья, основанный на мировых технологических стандартах и сибирских традициях.

Соседские сообщества. Этот кластер инвестиционных проектов включает в себя проекты, связанные с созданием системы внутренней коммуникации, с новыми индивидуальными и массовыми формами организации жизни людей в городе, основанными на совместности, событийности, самоорганизации.

Внутри кластера возможно разворачивание проекта «*Красноярск – добрый город*». Опоры проекта (проектные линии) и события, значимые для жителей территории:

- кодекс городской чести, в котором излагается совокупность этических норм, характеризующих жизнь города;
- добрые соседи, которые решают вопросы в рамках цивилизованных отношений;
- дружный двор, где разные поколения договариваются о создании удобных мест для совместных дел, игр, отдыха, о правилах решения житейских проблем;
- зеленый двор, где вырабатываются и сохраняются экологические нормы;
- городской карнавал, как высокоэмоциональное место самореализации и самопрезентации горожан;
- «Дом развития местных сообществ» (общественная Палата);
- «Кто есть Кто в городе» — каталог, в котором экспонируются образцы удачной (и в этом смысле высококультурной) деятельности граждан, профессиональных сообществ, групп.

Второе. Для организации работ по запуску и реализации проектов необходимо создание целостной городской инновационной инфраструктуры, которая выполняет следующие типы работ:

- Исследования современных городских процессов в геокультурном, геоэкономическом и геополитическом контексте (миграционные, финансовые, информационные, ресурсные потоки, и так далее).
- Переговоры с международными, российскими, региональными партнерами.
- Презентации инновационных городских «узлов», обладающих высоким инновационным потенциалом, привлекательным для инвесторов в мире, России, регионе.
- Образовательная сеть массовых форм повышения общекультурной, гражданской и профессиональной компетентности управленцев и населения, основанная на уникальных, признанных в мире, разработках инновационного научного сообщества города и России, для обеспечения реализации идей имиджа города в массовых масштабах.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ТЕЛЕВИДЕНИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Средства массовой информации (СМИ) стали не только неотъемлемой частью массовой культуры современного общества, но и важным институтом социализации личности. По воздействию на сознание людей самым мощным средством информации становится телевидение, обеспечивающее возможность наглядно-образного восприятия, а значит, и более сильного эмоционального влияния на человека. Телевидение мощно вторгается в мышление и подсознание учащихся, вносит существенный вклад в характер их общения с миром, оказывается стимулом для действий, которые не нужно изобретать самому, поскольку они даны в готовом виде. Пропагандируя определенные ценности, оно способно формировать у людей соответствующие установки. СМИ задают характерные для современной массовой культуры идеальные личностные образцы и нормы поведения, которые проецируются на молодежную субкультуру и, тем самым, присваиваются подростками, формируя их ценностные ориентации и реальное поведение. В этой связи особый интерес представляет влияние СМИ (телевидения) на модели социального поведения, поскольку это имеет прямое отношение к пониманию содержательного контекста и механизмов социализации подростков.

В 2003 году в Красноярском крае краевой социологической лабораторией было проведено пилотажное социологическое исследование. Цель исследования: изучение содержания телепередач, транслируемых центральными и местными телевизионными каналами, и определения особенностей их влияния на жизненные перспективы учащейся молодежи. В исследовании выделено три основных направления.

Первое направление — анализ программ и анонсов основных телевизионных каналов.

Второе направление — интерпретация и оценка телевизионной информации подростками.

Третье направление — анализ возможного профессионального самоопределения учащимися, представление образа своего будущего.

Следует отметить, что данные направления взаимосвязаны и зависимы друг от друга.

Предмет исследования: процесс влияния телевидения на становление личности учащихся подросткового и юношеского возраста.

Методы исследования:

- контент-анализ сетки программ телеканалов «ОРТ», «Россия», «ТВК», «Афонтово-9», «MTV» за март — май 2003 года;
- контент-анализ телевизионных анонсов по ключевым словам за март — май 2003 года;
- анкетный опрос;
- проведение фокус-групп.

* Ольга Никитина — директор Педагогического колледжа № 1 г. Красноярска, зав. Красноярской краевой социологической лабораторией, кандидат социологических наук; Андрей Бутенко — доцент Красноярского государственного университета, кандидат физико-математических наук; Светлана Лыкова — научный сотрудник Красноярской краевой социологической лаборатории, кандидат социологических наук; Елена Таскина — научный сотрудник краевой социологической лаборатории, кандидат социологических наук (Красноярск).

Выборка исследования — комбинированная, многоступенчатая, включающая принцип районирования. В ходе исследования опрошено 664 учащихся 11-х классов общеобразовательных школ и учащихся учреждений начального профессионального образования, проживающих в краевом центре, малом городе и сельском районе края.

В рамках первого направления исследования проводился анализ программ и их анонсов за март — апрель — май 2003 года на телеканалах «ОРТ», «Россия», «ТВК», «Афонтово-9», «MTV». В результате определено соотношение фильмов и передач на каналах ТВ.

Распределение эфирного времени между показом фильмов и различного вида передач на центральных и местных каналах существенно различается. Если центральные телеканалы основное время отводят телепередачам различной тематической направленности, то местные телеканалы больше транслируют художественные фильмы.

Из всех видов передач, транслируемых на исследуемых каналах ТВ, преимущество отдается информационным передачам, за исключением канала «Афонтово-9», на котором больше времени отводится развлекательным шоу-программам. Образовательные передачи занимают незначительное время на всех телеканалах, кроме «ОРТ».

Среди художественных фильмов на всех исследуемых телеканалах (кроме «MTV») доминирующую долю эфирного времени занимают сериалы. Среди фильмов других жанров лидируют комедии и боевики. Распределение фильмов по телеканалам следующее. Наибольшую долю времени трансляции занимают фильмы американского производства (примерно 2/3 эфирного времени канала «Афонтово-9» отдано показу этих фильмов, на канале «ТВК» — почти половина). Кинематограф других стран (Великобритания, Австрия и так далее) представлен на местных телеканалах в значительно меньших объемах («ТВК» — 21 %, «Афонтово-9» — 16 %, «ОРТ» — 2 %, «Россия» — 13 %). Относительно показа отечественного кинематографа получены следующие результаты. Чаще других телеканалов российские фильмы транслирует канал «ОРТ». На данном канале в два с половиной раза больше отечественных, чем зарубежных фильмов (71,5 и 28,5 % соответственно). На канале «Россия» в равной степени представлены как отечественные, так и зарубежные фильмы. Местные телеканалы, особенно «Афонтово-9», предпочитают отдавать эфирное время зарубежным фильмам.

Таким образом, телевидение транслирует, в основном, развлекательные программы и художественные фильмы зарубежного производства. Образовательные программы и фильмы отечественного производства занимают незначительное место.

С целью выяснения характера информации, с помощью которой можно привлечь людей к телепросмотру, было проведено исследование анонсов за март — май каналов «ОРТ», «Россия», «ТВК», «Афонтово-9», одной из популярных газет г. Красноярска — «Телевизор».

Для оценки информации изучалась используемая в анонсах лексика, несущая смысловую нагрузку текстов. В ходе контент-анализа все ключевые слова были объединены в три основных блока: позитивная лексика, негативная и интригующая. Всего в анонсах было зафиксировано 1 736 ключевых слов. Большинство выделенных слов несет негативную смысловую нагрузку — 44 %. Далее следует позитивная лексика, что составляет 33 % от общего количества ключевых слов. И, наконец, интригующая лексика — 23 %.

Анализ представленных анонсов показывает, что их авторы для привлечения телезрителей ориентируются, прежде всего, на использование слов с отрицательной эмоциональной окраской. Составители анонсов навязывают читателям асоциальный тип отношений, в большей степени ориентированный на преступный мир, и продвигают ее в общественном сознании. Значительно меньше авторы анонсов используют позитивную лексику, опирающуюся на базовые человеческие ценности (семья, дети, добро, справедливость и так далее). Интенсивно используется в анонсах ресурс интриги.

Второе направление исследования включает интерпретацию и оценку телевизионной информации молодежью. В данном разделе анализировалось отношение учащейся молодежи к телепередачам по материалам, полученным методами анкетного опроса и фокус-групп.

Результаты исследования показали, что просмотр телевизионных передач занимает весьма значимое место в структуре досуга молодых людей, уступая лишь общению с друзьями. Следует отметить, что с переходом из подросткового возраста в юношеский, популярность просмотра телепередач заметно снижается (как у мальчиков, так и у девочек). Молодые люди начинают проявлять себя в других видах деятельности.

Анализ основных мотивов просмотра фильмов и передач показал, что телевидение для молодых людей является источником целенаправленного получения информации и способом эмоциональной разрядки. С переходом из подросткового возраста в юношеский, у учащихся существенно падает значимость развлекательного мотива и увеличивается потребность обращения к телевидению для получения информации о событиях общественной жизни и стремление использовать телепередачи для повышения своего культурного и образовательного уровня.

Анализ внимания к телепередачам показал, что пик просмотра передач приходится на вечернее время — с 19 до 22 часов (в данный момент телевизор смотрит каждый второй респондент). Следует отметить, что именно в этот период существенно возрастает частота изображения сцен насилия, агрессии и эротики. В среднем, учащийся, проживающий в Красноярском крае, ежедневно видит не менее 10 сцен насилия. Большинство респондентов (80 % опрошенных) указали, что они относятся к подобным сценам равнодушно, либо их отвергают. Среди респондентов, специально выбирающих передачи с большим количеством насилия и жестокости, преобладают юноши и учащиеся ПТУ.

Учащиеся менее болезненно воспринимают насилие и агрессию, увиденные в художественных фильмах (осознавая, что это вымысел). Репортажи, связанные с криминальными событиями (новости, «дежурная часть», «криминал» и тому подобные) значительно чаще вызывают появление страха, который может преследовать учащихся в течение нескольких часов, а то и дней. Далеко не все молодые люди испытывают страх от увиденного по ТВ. В большей степени эти эмоции присущи девушкам, учащимся школ и учащимся, проживающим в сельской местности. Можно предположить, что учащиеся системы начального профессионального образования, а также горожане, которые значительно чаще обращаются к сценам насилия на ТВ, имеют уже некоторый сложившийся «иммунитет» к подобным сценам.

Родители и дети редко вместе смотрят телепередачи. В ходе исследования зафиксирована незначительная роль родителей в обсуждении и осмыслении молодыми людьми предлагаемых телевидением программ и фильмов.

Небольшое исключение составляют семьи, где родители имеют высокий образовательный уровень и пытаются влиять на формирование картины мира у своих собственных детей. С педагогами учащиеся также не обсуждают заинтересовавшие их телепередачи. Все перечисленные выше обстоятельства ведут к появлению молодежной субкультуры, практически не связанной с жизненным опытом и ценностями старших поколений.

В третьем направлении исследования анализировался возможный выбор действий учащихся на основе просмотренных телепередач, образа своего будущего.

Для молодых людей, стоящих на пороге выхода из учебного заведения и готовящихся вступить в самостоятельную жизнь, важным является выбор будущей профессии. В связи с этим, респондентам был задан открытый вопрос: «Представителей каких профессий, на ваш взгляд, чаще всего можно увидеть по телевидению?»

Анализ представленности сфер деятельности и профессий показал, что, по мнению молодежи, телевизионный эфир, в основном, занимают представители профессий, связанных с публичной деятельностью: представители СМИ (телеведущие), сферы искусства (певцы и актеры), политики (депутаты). Все остальные профессии и сферы деятельности, в том числе связанные с интеллектуальной деятельностью, военной службой, а также рабочие специальности практически не выделяются молодежью. Некоторая часть учащихся выделила в качестве профессии сферы деятельности, связанные с криминальным миром. Данный факт свидетельствует о том, что криминальная сфера в глазах учащихся городских школ институализируется и воспринимается ими как профессиональная сфера.

Относительно любимых учащимися телепередач получены следующие данные. Анализ показал, что телевизионные предпочтения зависят от половой принадлежности респондентов. Так девушки отдают предпочтение следующим развлекательным программам: «Фабрика звезд», «Девичьи слезы», «Моя семья», «Бремя денег», «Большая стирка». Мальчики существенно меньше времени, чем девочки тратят на просмотр ТВ и, в основном, смотрят художественные фильмы и следующие развлекательные передачи: «Городок», «Дог-шоу», «Осторожно: модерн», «Пока все дома». Особо следует сказать про ток-шоу «Окна», которое пользуется популярностью как у юношей, так и у девушек.

Также учащиеся назвали фамилии любимых актеров и ведущих российского и зарубежного ТВ. Следует отметить, что среди российских актеров и ведущих, отмеченных учащимися, лидирует Д. Нагиев (34,5 % опрошенных), тогда как других — С. Безрукова, М. Галкина, А. Комолова, С. Бодрова, Ф. Бондарчука — назвали менее 6 % респондентов. Среди зарубежных актеров и ведущих учащиеся назвали, в основном, Джеки Чана (4,4 % опрошенных), Ж.-К. Ван-Дамма и А. Шварценеггера (по 2,7 % опрошенных). Следует отметить, что у большинства опрошенных нет любимого телевизионного героя, что свидетельствует о том, что телевидение не задает образец для подражания (героя), безусловно, принимаемый большинством молодежи.

В исследовании зафиксировано существенное противоречие в ценностных установках молодых людей: с одной стороны, на уровне сознания декларируется стремление к личной независимости, хорошим и стабильным межличностным отношениям, к созданию семьи и получению достойной работы; с другой стороны, по результатам факторного анализа просматривается

четкая ориентация на западные стандарты красивой жизни. Телевидение в данном контексте играет существенную роль в формировании ценностных установок молодых людей. Поскольку молодежь достаточно обособлена в культурном плане от старшего поколения, то телевидение, использующее в своих трансляциях западные передачи и фильмы, успешно продвигает западный образ жизни и восприятие мира.

На основе результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время телевизионная индустрия ориентирована на западные образцы и стандарты: значительная доля эфирного времени на всех исследуемых телеканалах уделяется показу зарубежных фильмов, музыке и развлекательным шоу-программам. Основными каналами, на которых транслируются фильмы отечественного производства, являются «ОРТ» и «Россия». Исследуемые региональные телеканалы, в основном, транслируют программы, представляющие западный тип культуры и образ жизни.

2. По сравнению с предыдущими годами изменились акценты молодежных предпочтений просмотра ТВ. Если ранее предпочтение молодыми людьми отдавалось передачам познавательного характера, то в настоящее время молодежь ориентируется на развлекательные передачи. Молодым людям особенно интересен канал MTV, специально выстроенный в соответствии с западной, подростковой субкультурой. Другим примером передачи, завладевшей вниманием молодежной аудитории, являются «Окна», базирующейся на использовании шокирующей и интригующей информации.

3. В структуре организации свободного времени учащихся просмотр фильмов и телепередач занимает ведущее место и является важнейшим институтом массовой культуры, выступает в роли творца картины мира, создателя мифологической реальности.

Родители и дети редко вместе смотрят телепередачи. Педагоги также не рассматриваются учащимися как референтные лица, с которыми они могли бы обсуждать заинтересовавшие их телепередачи.

Таким образом, результаты социологических исследований показывают, что в настоящее время складывается относительно обособленная молодежная субкультура, слабо связанная с жизненным опытом и ценностями старших поколений.

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

Я хотела бы поделиться некоторыми своими размышлениями последнего года. Они не вполне очевидны, тем более не бесспорны, но мне важно, чтобы к ним отнеслись. Я думаю, что задача Форума заключается не в том, чтобы произносить здесь какие-то истины, а в том, чтобы зафиксировать позиции, позволяющие раскрыть различные грани поколенческой проблематики, их столкнуть. И уже сейчас я хотела бы подумать, в каком формате мне был бы интересен этот Форум в дальнейшем.

В кулуарах мы обратили внимание на одно обстоятельство, которое, вероятно либо в силу специфики подготовки Форума, либо в силу специфики докладчиков, сложилось. Несмотря на то принципиальное обстоятельство, что разработчики Форума сформулировали темы сессий, выделив четыре фокуса поколенческой проблематики, участники дискуссий практически никак к ним не относились. Мне видится в этом большой недостаток Форума. Поэтому в своем докладе мне важно отнестись к тому фокусу, который обозначен в программе как «поколенческая ментальность», поскольку я считаю его одним из ключевых фокусов проблематизации поколенческой тематики сегодня.

В последнее время «ментальность» является довольно распространенной темой. Во-первых, таким образом мы ставим вопрос о том, что происходит в сфере социальной антропологии — то есть не на каких-то отдельных эксклюзивных площадках, а в массовом масштабе. Традиционно для анализа высших проявлений человеческого духа обращались к такой инстанции, как мышление. Но что касается сферы социальной антропологии, то для массовых процессов сознание — как фракция человеческой разумности — является, по-видимому, более определяющей вещью, нежели мышление.

Во-вторых, я разделяю уже прозвучавший здесь тезис о дефицитности понятия «молодежь» для постановки и обсуждения поколенческой проблематики. Молодежь как абсолютно социологическая категория оказывается непригодной в тот момент, когда мы пытаемся вписать представления о поколении и поколенности, например, в антропологический, родовой или историко-культурный контекст. Поэтому мне очень нравится тот гуманитарно-деятельностный, фактически институциональный, залог обсуждения поколенческой идеи наследства, который сложился на Форуме. Наследства — как наследования, как того, что еще требует процедур вступления в права наследования, получения мандата наследника и тому подобное.

Но! По-видимому, в сфере социальной антропологии есть наследство, которое может наследоваться либо не наследоваться (и в этом плане нужно обсуждать процедуры наследования, вступления в наследство). И есть такая естественная фракция поколенческого, как наследственность, как то, что не имеет специальных процедур наследования, а передается естественным — неинституциональным — образом.

Ментальность как раз и есть такая фракция поколенческого, которая воспроизводит самые естественные слои человеческого сознания. Ментальность имеет дело с предельными границами: она отвечает за то, что мы считаем очевидным, а что — нет; она в существенной степени определяет то, что для нас представляется возможным, а что — невозможным. От нее, в частности, зависит — различаем ли мы «за окном» то, что в книжках громко называется

современностью, постмодернизмом и постиндустриальной революцией, или нет. И дело при этом не в физическом возрасте. Когда, например, говорят, что в стране очень многое изменилось, что имеют в виду? Для кого изменилось? Судя по нашим наблюдениям, для многих 20-летних не изменилось ничего — для кого-то с 1973-го, для кого-то с 1937 года. Поэтому обсуждать специфику ментальных установок на уровне возрастной разницы, по большому счету, не принципиально.

Итак, я утверждаю, что в теме поколенческой ментальности интересно обсуждать как раз вот эту тему социальной наследственности, и именно она важна для поколенческих исследований и аналитики.

Сегодня мы оказались в ситуации ментальной расколотости страны. Например, нам все время говорят, что у нас в стране существует огромная проблема — проблема занятости; что рабочих мест с достойной оплатой труда не хватает. Это такой типичный СМИ-шный фокус, который заставляет нас думать, что такая действительно проблема есть. Но позвольте, — говорю я, — нет такой проблемы. Руководители весьма преуспевающих предприятий и компаний в один голос говорят о том, как трудно найти вменяемого сотрудника, практически невозможно — вменяемого руководителя среднего звена, но самая острая проблема — проблема «второго лица». Руководители научных школ, профессора испытывают серьезные трудности в поиске аспирантов, готовых заниматься наукой на российском и мировом уровнях. Два года назад на Форуме выступал ректор Сибирского медицинского университета и сетовал на то, что в течение ряда лет не может подобрать толкового студента, который продолжил бы его исследования в области медицины крови.

Поскольку я могу вести обсуждение только в зоне собственной компетенции — наша группа позиционируется в сфере образования и работает со старшеклассниками и студентами, — могу сказать, что ключевая проблема, с которой сталкиваются сегодня и работодатели, и управленцы разного уровня состоит в тотальной непродуктивной и неэффективной ментальности молодого населения.

На мой взгляд, главная задача массовых образовательных проектов, которая могла бы серьезно ставиться сегодня — это смена привычной советской (или имперской) ментальности, доставшейся нам в наследство. И, в частности, именно в этой рамке нужно обсуждать и продумывать следующий Форум. Меня сейчас не удивляет, что к последнему дню Форума в зале осталось мало молодых людей. На мой взгляд, ответ лежит в той же самой плоскости — люди социально-генетически отвыкли от внутренней активности, им непривычно и скучно там, где нельзя проявлять активизм внешний.

Вместе с тем, несмотря на непродуктивность советской ментальности, у нее сохраняется достаточно много апологетов. Из освоенного мной социально-практического контекста я вижу в качестве таковых, прежде всего, политиков местного и регионального масштаба, для которых до сих пор негласной ценностью является «ценз оседлости» и уверенность в том, что человек, родившийся на территории, ей же и принадлежит. Однако при отсутствии реальных программ развития, форм поддержки малого и среднего бизнеса, ротации управленческих кадров и пр., их тезисы о патриотизме и любви к своей Малой Родине направлены на заведомое понижение стартовых возможностей и жизненных шансов людей, проживающих на территории.

Также это те идеологи и практики социальной сферы, которые рассматривают ее лишь как сферу социальных обязательств государства — обра-

зования, молодежной политики, здравоохранения, социальной защиты, культуры, СМИ. Судя по документам, регламентирующим их деятельность, по используемому в них понятийному аппарату («народ», «работа с населением»), практики, реализуемые в этих сферах, являются практиками прямого сдерживания Человеческого потенциала. Когда уважаемый мною участник Форума говорит, что «мы избавились от многих словоформ», а после этого — «мы начинаем заниматься молодежью», — я понимаю, что ключевая словоформа советского менталитета — «заниматься населением», «заниматься молодежью» — по-прежнему является ведущей.

Еще один явный оппозиционер — рядовой среднестатистический россиянин, склонный к суждению о жизни из доступных ему СМИ и обладающий тотальным провинциальным сознанием. И, судя по официальным результатам последних выборов в Госдуму, сегодня в России таких — больше 90 %.

Мне совсем не кажется преувеличением тезис об антропологической катастрофе, произошедшей в XX веке в России. Речь идет о том, что в течение достаточно короткого времени в нашей стране были фактически уничтожены все социальные институты, традиционно отвечавшие в истории европейской культуры за воспроизводство человеческих структур и функций:

- институт Частной Собственности (вспомним раскулачивание и национализацию);
- институт Права (вспомним статус «врага народа» и «беспаспортного» крестьянина);
- институт Образования / Университет (вспомним известный «Корабль философов», высланный по приказу Ленина из страны в 1922 году, судьбу расстрелянного в Сибири Густава Шпета и других мыслителей);
- институт Семьи (вспомним показательные процессы отречения от своих близких и массовых «Павликов Морозовых»);
- институт Религии / Церковь (вспомним хотя бы судьбу Храма Христа Спасителя).

На мой взгляд, понимание этого обстоятельства является серьезным Вызовом для тех, кто самоопределяется сегодня в сфере молодежной и образовательной политики, кто призван отвечать за процессы взросления и поколенческой преемственности. Смогут ли они не просто «пропустить через себя» проживающее на «подведомственной» им территории молодое население, но и вырастить Новое Поколение, у которого есть потребность в больших горизонтах, культурных целях и высоком предназначении?

Воспитывают не организации и не институты сами по себе, а История и Культура, и если в них — в этих институтах — культурно-историческое содержание выхолощено, бессмысленно к ним апеллировать. Ни советские педагогические институты, ни Союзы советских писателей и художников, созданные взамен уничтоженных институций, эту функцию формирования продуктивной ментальности, освоения культурно-исторических способов мышления и деятельности, самоопределения в пространстве Истории и Культуры, выполнить, конечно, не могли.

— Вопрос к Вам, как к одному из инициаторов Форума. А Вам не кажется, что тот факт, что большинство людей к последнему дню из аудитории ушли, показывает, что вы что-то не так сделали?

И. Прокуровская: Для меня это вопрос о том, в каком формате проводить Форум и проводить ли вообще.

— Как можно обсуждать ментальность, игнорируя тот привычный язык, на котором люди обсуждают происходящее? Это нонсенс.

И. П.: Я согласна. Но дальше я говорю следующее: в той ментальности, которую я обозначила как «советская», аналитическая составляющая отсутствовала полностью. Поэтому для меня нет вопроса о том, какой возрастной категории должен быть интересен Форум — молодым, или не очень? Для меня этот вопрос звучит так: в каком формате он должен быть. Мы видим Форум как аналитическое мероприятие. И я понимаю, что пока это не тот формат, который мог бы массово привлечь молодых людей. К сожалению, большинство из них по-прежнему (правда, странно так говорить о молодых людях — «по-прежнему»(!)) привлекают советские активистские форматы.

При этом я не говорю, что так и нужно дальше действовать. Просто я фиксирую ситуацию — да, мероприятие замысливалось как аналитическое, и темы сессий замысливались как аналитические. Возможно, аналитическое пространство не есть место встречи поколений. Может быть, они встречаются в каком-то другом, более натуральном пространстве, например, средовом. Поэтому вообще возникает вопрос — встреча поколений происходит на массовом уровне или эксклюзивном?

— Если это молодежный Форум, тогда молодежи должно быть интересно, а активная молодежь «ножками проголосовала». В чем же тогда открытость?

И. П.: А никакой открытости. Я понимаю ситуацию следующим образом. Поскольку практически ни одну институцию, которая отвечала за массовое воспроизводство человеческих функций, мы просто-напросто не застали, то искать выход из ситуации можно только если обратиться, например, к опыту отечественных научных школ. То есть к тому, где еще что-то действительно воспроизводится, а не каждый раз начинается с нуля. Научная школа — это, пожалуй, единственная доступная сегодня молодым институция, где сохранился механизм трансляции культурной нормы. И, соответственно, антропологические структуры, которые можно наследовать — понимание, мышление, рефлексия, умная воля, наконец.

Я думаю, что только благодаря попаданию в какие-то социальные институции, которые являются институтами Человека, советская ментальность может меняться. В обычном же среднестатистическом высшем учебном заведении ментальность, скажем, бывшего сельского школьника измениться не может. В Томском педагогическом университете преподаватели устроили бойкот ректору, потребовавшему, чтобы каждый преподаватель опубликовал свой курс лекций. Хотя на Западе это является не только нормой, но и залогом интеллектуального успеха. Кстати, вы знаете, что очень многие тексты европейских мыслителей — как настоящего, так и прошлого, — являются такими курсами лекций? Поэтому я и говорю: научная школа.

И мой вам противотезис заключается в том, что если Комитет по молодежной политике что-то хочет сделать с непродуктивной ментальностью молодого населения Красноярского края, то следующий Форум нужно проводить не с привлечением юных «активистов» и «социсов», а, например, пригласить ребят, которые включены в серьезные научные и гуманитарные исследования и разработки.

— По поводу ментальности и ее смены. Как вы считаете — это эволюционный, революционный или смешанный процесс? Как он происходит? От чего к чему мы идем? Вы назвали прошлый тип ментальности «советским», а другому названия не дали.

И. П.: В том, что я назвала советской ментальностью, есть еще один серьезный изъян, а именно: в ней отсутствует ряд ключевых реальностей, которые сегодня презентуют современные возможности. Например, реальность рынка и здоровой конкуренции, реальность культуры и понятийной организации жизни, реальность индивидуальной свободы и самоопределения. Итак, есть ряд серьезных реальностных дефицитов, которые определяют все остальное. Это очень тонкая ткань. Мы проводили исследование среди 400 первокурсников Томского государственного педагогического университета, и выяснили, что молодое поколение приходит с такими же самыми установками, какие были у их родителей. Например, они продолжают быть уверены, что самое главное — это попасть на конъюнктурную специальность. Для меня это свидетельство непонимания того, что есть экспертный уровень профессионализма, и именно он, а не диплом о высшем образовании со специальностью «PR» или «национальная экономика» является залогом профессиональной, а значит и жизненной, и финансовой успешности.

Я говорю о тех вещах, которые являются вопиющими. И я понимаю: что бы эти студенты ни прочитали в учебниках про новую российскую экономику, про новое российское право, — до тех пор, пока на них будут воспроизводиться старые ментальные структуры, они все это будут на экзамене сдавать и благополучно забывать. И потом пополнять ряды безработных.

— Я правильно понял, что ваша задача — борьба с мифологемами массового сознания: сначала с советскими, потом — с российскими?

И. П.: Это не борьба, а размышление о задачах образовательной и молодежной политики, одна из которых формулируется мной как «открытие» для молодых людей реальностей, отсутствовавших в ментальности их родителей. Поскольку это является сегодня одним из ключевых сдерживающих факторов человеческого потенциала 16–18-летних людей. Это вопрос о массовом сознании, к сожалению, страшно провинциальном у большинства из молодого поколения россиян. Под провинциализмом я понимаю не место рождения, а отсутствие ощущения себя в пространстве и во времени, раскоординированность собственной жизни с региональными, страновыми, мировыми процессами.

— Современное образование — школа и вуз — это своеобразный социальный «лягушатник», социальное хранилище, они существуют для того, чтобы консервировать определенные установки сознания. Поэтому ваши удивления по поводу первокурсников наивны.

И. П.: Я не удивляюсь. У нас идет предпроектный разговор.

— У меня в этом смысле реплики и идут. За последние десять лет большинство жителей России изменили свое отношение к будущему от уверенного — к неуверенному, от гарантированного — к проблемному. Теперь мой вопрос: Ирина, вы докторскую случайно не по ментальности делаете?

И. П.: Мы со своими коллегами Александром Поповым и Анной Султановой написали учебник для старшей профильной школы, который был признан победителем Конкурса Национального фонда подготовки кадров. Называется «География человеческих перспектив», там есть глава «Ментальные модели». А в чем Ваш вопрос?

— С одной стороны, вы говорите, что тип ментальности может измениться при попадании в разные образовательные институты. А с другой стороны — что образовательные институты, существующие в этой стране, на 95 % таковы, что ментальность там не меняется.

И. П.: Я думаю, что в массовых образовательных проектах важна функция навигации как тонкий проектный намек. Навигации в культурно-исторических временах и пространствах. Важно правильно нащупать вектор. Это то, что мы называем сменой масштаба, или географией человеческих перспектив. Массовые образовательные проекты могут заключаться в масштабировании и перемасштабировании представлений молодых людей об их будущей жизни.

На самом деле та ментальная смена уверенности на неуверенность, о которой Вы упомянули, ни о чем не говорит, потому что люди — и в Российской, и в Советской Империи — также были не уверены. И поскольку они не были уверены, поскольку они не являлись хозяевами того, что имели (в том числе, своей жизни), постольку они делегировали ряд функций — как мыслительных, так и жизнедеятельностных — Большому Вождю, то есть Государству.

— Означает ли это, что предлагаемый вами проектный формат предполагает взятие инициативы и ответственности за результаты и последствия на себя?

И. П.: Нет, мне кажется, что разговор об этом преждевременен. Пока речь идет о способности жить в разных масштабах. Кстати, сначала вообще в каких-либо масштабах, хотя бы на каких-то картах. Потом — в масштабах Большого Времени и Большого Пространства, в том, что раньше активно в людях искоренялось. Что мы имеем на сегодня? Огромные малозаселенные пространства и абсолютно суженное пространство жизненных горизонтов.

— Я хочу понять, на какой вызов вы реагируете? Что вас волнует?

И. П.: Речь идет о поиске языка возможностей. Расширение пространственно-временных рамок одновременно обозначает и возможность увидеть что-то, что вблизи не видится. В масштабе мира есть бесконечно больше возможностей, чем в масштабе района, и это не вопрос патриотизма и любви к своей Малой Родине. Это вопрос антропологический, потому что все возможности, что называется, «в голове». Возможности — это умение двигаться в разных масштабах, жить на разных картах, быть мобильным — не только территориально, но и социокультурно. И я говорю, что образовательные проекты и проекты молодежной политики должны работать на это. А человек, выбравший себе масштаб и живущий в этом масштабе, никогда не будет тем, кем надо «заниматься» и с кем надо «работать».

— Вы ментальность как-то связываете с рамками? Если — да, то о каких рамках идет речь?

И. П.: Я могу говорить только в контексте наших программ со старшекласниками. У нас на мероприятиях всегда висит много карт — карта района, в котором они проживают, карта субъекта Федерации, карта Федерального Округа, карты страны и мира. Если вы живете в масштабе своего района — это одно, если вы живете в масштабе Сибири — это другое, если вы живете в масштабе мира — это третье. Речь не идет о прямой миграции, о переезде в другую страну. Речь о том, в каком масштабе себя мыслить — в масштабе ближайшего к дому вуза (или мешка картошки, который родители могут передать с автобусом), или в масштабе собственных жизненных шансов. Масштаб есть одно из ключевых оснований для жизненного выбора и самоопределения. Поэтому мой ответ вам: это рамка претензий, или амбиций.

Александр Попов: Я думаю, что надо пытаться отвечать не на языке рамок. Нас, например, интересует вопрос о современном антропологическом, о том, как возможна в новых геокоординатах человеческая свобода. Какие возможные пути есть у человеческой свободы. И если так отвечать, то рамочный язык предварителен.

— Один из моих проектов был «Нооген». Мы тоже занимались расширением в мышлении рамок и горизонтов, короче, — делали, работали, понимали. Я даже резче скажу: этот этап с расширениями рамок и горизонтов я уже проходил.

И. П.: Кстати: вот если бы ваш проект «Нооген» взял сейчас краевой Комитет по молодежной политике и стал бы поддерживать (а не только эти социальные молодежные инициативы под девизом «Что бы такого поделать!») — я была бы только рада.

— Вы отличаете движение от одной ментальности к другой?

И. П.: Когда обсуждаешь со старшеклассниками, как бы они хотели, чтобы их жизнь была устроена, — сталкиваешься с потрясающими (с точки зрения аналитики ментальности) вещами. Они, например, говорят: хотим, чтобы в Кординске был построен Диснейленд и аквапарк. Или: чтобы в Козульке (это тоже Красноярский край) был построен университет, и в нем можно было бы учиться. Вот такие пожелания. И, заметьте, по существу для них это является более реальным, чем представить себе, что они могут уехать из этих бесперспективных мест, поскольку великий советский проект индустриализации Сибири реализовался не полностью. Они думают, что на их ничтожно малых картах размером с двор (или, наоборот, как говорят географы, — на картах огромного масштаба) должен оказаться весь мир. Но для меня вопрос состоит в том, на чьих картах они смогут и захотят оказаться. То есть позиционироваться. Это и есть образовательная задача, которую мы перед ними ставим и решаем.